

Анна Левина

Брак по-эмигрантски,
или
Приходите свататься!

«Я не могу есть, я не могу
спать, я не могу жить.
Если ты меня не простишь,
я просто умру...»

Брак по-американски

Анна Левина

Трагикомические зловключения эмигрантки, пытающейся найти спутника жизни в современном Нью-Йорке.

Роман, который был удостоен «Золотого Остапа», высшей российской международной национальной премии в жанре юмора и сатиры в номинация «Безграничный юмор». Перед вами рассказ об отчаянной попытке эмигрантки из России сохранить себя в чужой стране и найти свою «половинку», в которой воплотился бы романтический идеал счастья и любви. С великолепным юмором Анна Левина описывает все перипетии взаимоотношений с потенциальными женихами, многочисленные неудачи героини и мучительные разочарования, подстерегающие ее на каждом шагу. Возжеланный брак с казалось бы «золотым» человеком заканчивается полнейшим крахом, а «несгибаемой», умной и ироничной женщине приходится столкнуться с безумием и ужасом бракоразводного процесса.

Летом 2003 года роман удостоен «Золотого Остапа», высшей российской международной национальной премии в жанре юмора и сатиры, номинация «Безграничный юмор».

В 2000 году по сценарию в основе которой лежит эта повесть начал сниматься сериал «П.М.Ж.», повествующий о жизни русской эмиграции в США. В съемках приняли участие многие непрофессиональные исполнители и бывшие советские актеры-эмигранты. Планировалось 16 серий, но снято всего 2. Премьера пилотных серий состоялась в ноябре 2001 года на телеканале ОРТ.

Анна Левина

БРАК ПО-ЭМИГРАНТСКИ

Слова признательности от автора:

Посвящается маме и дочке от дочки и мамы

Много людей внесли свой вклад в создание этой книги. Я благодарна моему мужу Саше, который очень помогал и поддерживал меня во всем. Он никогда не жаловался, если дома не было обеда, или когда я так погружалась в свое прошлое, которое описывала, что забывала о настоящем. Его любовь защищает меня от всех бед. Моей маме, Лие Свердловой, терпеливо сносившей все мои любовные перипетии, замужества и разводы. Моей дочке Яне — за ее чувство юмора, за любовь и веру в меня. Моему первому редактору газеты «Новое Русское Слово» Людмиле Шаковой, которая дала мне путевку в жизнь и самая первая опубликовала роман «Брак по-эмигрантски» на страницах газеты. Моему первому и единственному в Америке издателю Игорю Ефимову, — за то, что он воплотил в жизнь мою мечту, и мои книги увидели свет. Издательству «Фолио», позволившему читателю по другую сторону океана узнать, как мы, эмигранты, живем вдали от Родины. Моим друзьям в России и Америке, которые щедро дарили мне свою любовь. Без вашей помощи, дорогие мои, выход в свет этой книги вряд ли был бы возможен.

Все имена и фамилии в этой книге вымышлены. Описанные события никогда не происходили в действительности. Любое сходство с реальными людьми и обстоятельствами — всего лишь мистическое совпадение.

КНИГА ПЕРВАЯ ПРИХОДИТЕ СВАТАТЬСЯ!

повесть в рассказах

ВСТУПЛЕНИЕ

Знакомиться можно по-разному.

Можно написать в газету, можно позвонить по объявлению, можно обратиться к свахе или терпеливо ждать, пока кто-то из родных и знакомых даст твой номер телефона очередному неженатому «жениху». Рокфеллера как-то спросили, как он стал «Рокфеллером». Он ответил: «Я всегда использовал сто шансов их ста». Это и мой девиз. Поэтому я встречаюсь со всеми.

Все нью-йоркские женихи делятся на две категории: воспитанные и невоспитанные.

Невоспитанный жених сразу после «здрасьте» спрашивает адрес и хочет придти в гости. Моя подруга Софа называет это «снять комиссионный сбор». Придя в дом, невоспитанный жених ведет себя так, как будто пришёл по обмену. «Можно посмотреть вашу квартиру? Интересная планировка, ливинг у вас большой, а окна куда? Можно заглянуть в спальню? Чудесная комната!» и так далее. Потом он садится прямо к столу и ждёт, чтоб его угощали, иногда подначивая: «Ну, сейчас посмотрим, какая вы хозяйка!» Некоторые не ждут приглашения, а со словами: «Страшно как пить хочется!» — сами открывают холодильник и ни в чём себе не отказывают.

Я этого не люблю. И не потому, что мне жалко стакана чаю. Просто, когда человек уже вошёл в дом, расстаться с ним не так-то легко, а иногда очень хочется, и желательно побыстрее. Кроме того, пустая квартира и уютная спальня располагают и воодушевляют на подвиги.

Соппротивление воспринимается как личное оскорбление, и дальше становится небезопасно. Казалось бы, как всё просто: не нравится — не зови. Но не тут-то было. Как бы ты ни старалась и ни изворачивалась, если мужчина поставил себе цель придти в гости, он сделает так, как хочет. Не верите? Читайте дальше, убедитесь сами!

Воспитанные женихи бывают скупые и очень скупые. Очень скупой, но воспитанный жених будет мотать тебя по улицам в любую погоду, якобы гулять, до тех пор, пока, замёршая и усталая, ты не позовёшь его в гости, а дальше всё будет так, как я только что описала.

Воспитанный и просто скупой жених ведет в «Эль Греко», на Шипсхед Бей, в зеркальную стекляшку, похожую на санаторную столовку. Столики напоминают купе, а вокзальная обстановка вокруг начисто отбивает аппетит, поэтому риск потратить больше, чем пять-шесть долларов,

невелик. Сопротивляться бесполезно. Я пробовала:

— Куда мы едем?

— На Шипсхед Бей.

— В «Эль Греко»?

— Да.

— Я не люблю это место.

— Вас что, там знают?

— Нет, просто я его не люблю.

— А что вы любите, Брайтон?

Кинуть камень в Брайтон — признак хорошего тона среди бывших ленинградцев и москвичей:

— Ненавижу Брайтон, там эти русские всё заполонили!

— А что, чёрные лучше?

— Вы из Одессы?

— Нет, я из Ленинграда.

— Как это можно быть из Ленинграда и любить Брайтон!

— Очень просто, мне всё там нравится!

С оскорблённым лицом «жених» разворачивается, мы едем на Брайтон, проезжаем из одного конца Брайтон Авеню в другой, опять разворачиваемся, «жених» восклицает: «Парковки нет!» — и мы возвращаемся на Шипсхед Бей, в «Эль Греко».

Скупой жених с претензией на тонкий вкус везёт в Гринвидж виллидж и ведёт куда-то вниз, в подвал, в какие-то скамейки, где люди непонятного пола и происхождения ни с того ни с сего громко смеются, вокруг какофония, якобы музыка, все ходят, выходят, дико накурено и вообще непонятно, что происходит. Потолкавшись там с видом знатока часа полтора-два и выкурив пачку самых дешёвых слабеньких сигарет «Carlton», «жених» отвозит тебя домой с таким видом, будто только теперь ты узнала, что такое настоящая Америка, и только благодаря ему.

Иногда знакомство начинается с фразы: «Сегодня после обеда у мамы я сел на диету. Решил три дня ничего не кушать. Куда пойдём?» «В Сипорт», в таких случаях отвечаю я, и мы весь вечер любимся на кораблики.

У меня своя диета — я после двух часов дня не ем. стакан чаю, яблоко, кусок арбуза — вот всё, что я могу себе позволить. Но это моя тайна, собственно, о ней меня никто и не спрашивает, а так, на всякий случай, вдруг у меня волчий аппетит к вечеру, сразу же дают понять, что наши женские фокусы «поесть на халяву» давно известны и дураков нет.

У меня был один приятель, который очень хотел встретить ту, о которой давно мечтал, поэтому встречался часто и со многими. «Слушай, —

говорил он мне, — ты как друг можешь объяснить, почему они все приходят на свидание голодными? Ведь мы ещё не знакомы, а я уже должен её кормить!»

Я знаю, о чём вы сейчас подумали: «Интересно, а что ей надо?» Но тут я даю возможность полёту вашей фантазии. Давать рецепты, как жить, я не могу. И, наверное, никто не может, поскольку «что такое счастье — это каждый понимает по-своему», — как сказал Аркадий Гайдар, и это своё каждый должен найти сам. Итак, что мне НЕ надо...

Из разговоров...

— *Знаете, я парикмахер, а где вы стрижетесь?*

— *У меня есть свой мастер около дома.*

— *И сколько же он с вас берёт, этот ваш мастер?*

— *Двадцать один доллар.*

— *Господи, да что тут у вас на голове стричь за двадцать один доллар? У вас волос-то почти что нет! Приходите ко мне, и я вам, как близкой знакомой, сделаю всё то же самое за десять долларов!*

— *Спасибо, не приду.*

ЭМИК

Мой ровесник, в Америке шестнадцать лет, программист. Я тоже программист, и к моменту знакомства жила в Нью-Йорке полтора года, из которых на своей первой работе успела отработать только полгода. Как у большинства вновь прибывших, вся мебель в квартире была со свалки. Разница от прожиточного велферного уровня жизни, к которому мы с дочкой за первый год в Америке так привыкли до программистской зарплаты, ушла на кондиционер и скромный недельный отдых во Флориде. Утром, по дороге в Манхэттен, я, ликуя от счастья, незаметно щипала себя за руку и спрашивала: «Господи, неужели это я, программист, иду на работу?» А вечером, с головной болью до тошноты, засыпая в метро, только опустившись на сидение, просыпаясь в холодном поту от ужаса, что я проехала свою остановку: «Господи, — скулила я внутренним голосом, — неужели у всех программистов так болит голова? Через глаза, обручем в виски, а оттуда в затылок и шею!» И хочется только спать, спать, и вдруг так ясно, как молния: «Я знаю, где ошибка! Моя программа работать не будет!» И сна как не бывало, и только скорей бы завтра, чтоб всё исправить! «О Господи, как же это я раньше не заметила!» а в голове крутится: «Если это так, то будет так, а если не так, то...», и вдруг замечаешь, что смотришь на кого-то в упор, и человек уже нервничает. «А где это я? Ну вот, опять проехала...»

Итак, жених. С ним много общего, он тоже программист.

— Аллё, здравствуйте, меня зовут Эмик, я от Евы.

— Здравствуйте, меня предупредили.

— Давайте встретимся.

— С удовольствием, где и когда?

— Называйте адрес, я к вам приеду.

Пауза. Я уныло молчу.

— Аллё?

— Я слушаю.

— Называйте адрес, я к вам приеду.

— Может быть, встретимся, так сказать, на нейтральной территории?

— И что будем делать?

— Давайте сходим в кино.

Пауза. Теперь уже загрустил Эмик.

— Аллё?

— В кино?

— В кино.

Пауза.

— Аллё?

— Называйте адрес, я за вами зайду.

— И мы сразу же уйдем, ладно?

— Конечно, уйдем, называйте адрес!

— Вы меня извините, но право же, так лучше в первый раз.

— Называйте адрес, мы договорились!

С досадой выдавливаю из себя адрес, бросаю трубку, одеваюсь быстро, как на пожар, хватаю полушубок в руки, стою у порога. Звонок. Открываю дверь. Со словами: «Ну, у вас и топят!» — Эмик заходит в квартиру, молниеносно снимает пальто, проходит в комнату и садится прямо за стол. Я остаюсь у порога с полушубком в руках.

— Ну что вы стоите? — говорит он мне. — Проходите, садитесь, давайте поговорим. Да повесьте свой полушубок, что вы его держите?

— А кино? — безнадежно спрашиваю я.

— Успеем в кино! Сначала чаю, потом кино. Чай будем пить?

— Будем, — киваю я, вешаю полушубок и покорно иду на кухню ставить чайник.

Пока пили чай, я подробно отвечаю на все вопросы, которых было, наверное, сто или больше: за чаем Эмик просидел часа два. Выспросив у меня всё, что можно, Эмик посмотрел на часы и протянул:

— Да-а, в кино уже поздно.

Помолчали минуты две, и я решила заполнить паузу:

— Простите, Эмик, а откуда вы приехали? — спросила я, хотя мне это совершенно безразлично, ну просто надо было о чём-то говорить.

Эмик выскочил из-за стола и вылетел на середину комнаты. Гордо глядя на меня, весь как-то вытянувшись, он произнес:

— Это вы — приехали, а я уже из Нью-Йорка!

Я пожалела, что спросила то, что меня совершенно не волновало.

— Простите ради Бога, я просто так спросила, для завязки разговора, не хотите — не отвечайте!

— Нет уж, я врать не люблю и могу ответить. Я сам из Черновцов, но дружу только с Ленинградом и Москвой. А у вас какой круг? — спросил он, строго глядя на меня.

— Замкнутый, — мрачно отрезала я, чувствуя, что начинаю закипать, и, как говорит моя мама, зловеще замолчала.

Эмик круто развернулся на каблуках и начал гулять по полупустой квартире, рассматривая всё вокруг с таким вниманием, будто он в

краеведческом музее.

— А кто это играет? — услышала я из спальни.

— Это дочка, — ответила я, вспомнив, что там стояла на письменном столе маленькая органочка.

Эмик мгновенно прибежал обратно в гостиную. Я так и сидела за столом.

— Слушайте, — лихорадочно заблестел глазами Эмик, — у меня есть грандиозная идея. Ведь я только здесь, в Америке, программист, на самом деле я музыкант, и не просто музыкант, а очень хороший, настоящий. У меня, знаете, дома есть прекрасный кабинетный рояль, чудесный инструмент. А недавно я увидел в магазине другой, тоже кабинетный рояль, ну просто прелесть, не удержался, купил, и теперь у меня два кабинетных рояля. Ну зачем мне два? Давайте я продам вам один рояль за три тысячи, а?

— Ну что вы, Эмик, — удивилась я, — у меня нет таких денег!

— Не страшно, дадите сейчас полторы тысячи, а полторы потом, ведь вы из Ленинграда, ленинградцам я верю!

— У меня и полутора тысяч нет, — отмахнулась я, и это была истинная правда.

— Послушайте, — не сдавался Эмик, — вы не понимаете, от чего вы отказываетесь! Этот инструмент стоит шесть тысяч, а я отдаю его вам всего за три!

— Но, Эмик, — взмолилась я, — честное слово, у меня сейчас нет таких денег, и потом я хочу купить что-то из мебели.

— Нет, — стоял на своём Эмик, — вы просто не понимаете, от чего вы отказываетесь! Давайте сейчас поедem ко мне, и вы сами посмотрите рояль.

— Не поеду, — покачала головой я, — и рояль мне не нужен!

— Как же не нужен? — вскричал Эмик. — У вас же дочка играет!

— Играет, — устало повторила я, — но рояль мне не нужен.

— Послушайте, мой рояль просто создан для вашей квартиры, он прекрасно встанет вот здесь, — и Эмик стал отодвигать тяжёлый диван, который я не могла даже сдвинуть с места.

— Эмик, перестаньте, пожалуйста! — закричала я, испугавшись, что двигать обратно будет некому, и диван останется стоять посредине комнаты.

Оторопев от моего неожиданного крика, Эмик перестал толкать диван, вернулся ко мне и начал всё сначала:

— Вы думаете, я много прошу? Да если бы вы увидели этот рояль, вы бы уже не могли с ним расстаться, я сам бы с ним никогда не расстался, но

я же купил другой, и мне не надо два рояля, неужели вы не понимаете?

Эмик уговаривал меня больше часа. Он произносил пламенные речи, а я только тупо твердила: «Мне не нужен рояль, у меня нет денег».

Внезапно меня осенило — человек находится у меня в доме больше трёх часов. А зачем? Ведь я совсем ему не нравлюсь, иначе, зачем бы он стал продавать мне рояль? Эта мысль так неприятно меня резанула, что мне вдруг страшно всё надоело и стало совершенно безразлично.

— Слушай, парень, — сказала я деловым тоном, — ты зачем сюда пришёл? Жениться? Так женись, но в таком случае, зачем нам опять два рояля в одной семье, а? Или ты хочешь отобрать у меня все мои деньги и остаться при своих роялях? Значит так: пришёл жениться — женись, а рояль продай, но не мне. Моя дочь на твоём рояле играть будет. Понятно?

— Понятно, — сказал Эмик, схватил пальто и через минуту уже был в лифте.

«Слава Богу, — подумала я, — а может, и правда для дочки рояль купить?»

Из разговоров...

— Вы когда-нибудь катались на вертолёте над Нью-Йорком?

— Нет.

— Тридцать пять долларов!

— А вы где отдыхали в этом году?

— В Карловых Варах.

— Расскажите, пожалуйста, там хорошо?

— Ну, во-первых, я нашёл такого агента, что пятьдесят долларов сэкономил сразу на билетах.

— А как там лечение?

— Лечение хорошее. Врачу дал сразу пятьдесят долларов. Я знаю, наши обычно дают двадцать, а я дал пятьдесят, пускай меня на руках носит и всё лучшее даёт!

— А процедуры как?

— Процедуры что надо! Массаж — пять долларов, ванна — три доллара, душ — два с полтиной.

— А как там питание?

— Нет проблем! Официантке чаевые — один доллар в день. Нас за столиком было двое, мы по пятьдесят центов скидывались, и она нас обслуживала, как царей!

АРКАДИЙ

Мир не без добрых людей. Кто-то из моих близких попросил сваху позаботиться о моей судьбе. Сваха позвонила как-то вечером, выспросила обо мне от и до, осталась довольна и обещала прислать того, кто, по её мнению, подходил мне безоговорочно. И он позвонил. Аркадий. В Америке пятнадцать лет. Программист. Бывший москвич.

Аркадий приехал за мной на красивой машине. В марках я не разбираюсь, но люблю машины чистые и с хорошим запахом. В этой машине пахло не только чистотой, но и деньгами. Хозяин важно сидел за рулём, на его мизинце сверкал сапфир, величиной с хорошую горошину, ехали молча. После очередного поворота стало ясно, что едем на Шипсхед Бей. Кафе-стекляшка называлось «Капучино», то же обилие зеркал, но обстановка поуютнее, чем в «Эль Греко».

Подошла официантка с меню, мой спутник заметно напрягся и посмотрел на меня глазами экзаменатора.

— Чай с молоком, — попросила я.

— И всё? — спросил Аркадий.

— Всё, — сказала я.

Вздых облегчения, похахатывание, вдруг сразу потеплело.

— Ну, что ж так скромно, — пожурил Аркадий и широким жестом заказал один кусочек торта — один кусочек и две ложечки. Потом довольным жестом захлопнул меню, отдал его официантке и внимательно посмотрел на меня.

— Значит, вы программист.

— Программист.

— И давно?

— Два года.

— А я давно.

Помолчали.

— Вот кстати, — вдруг встрепенулся Аркадий, — у меня тут некоторая проблема на работе, может, поможете?

— Попробую, — согласилась я, — а в чём дело?

Аркадий изложил суть, я взяла ручку и написала, что я думаю по этому поводу.

— Правильно! — почему-то удивился Аркадий. — Ну да ладно, неважно, это я просто хотел узнать, вправду ли вы программист, забудем об

этом, — он скомкал исписанную салфетку и выбросил её в пепельницу. Потом взял меня за руку:

— Женщин у меня было много, но вы, похоже, последняя, произнёс Аркадий так трепетно и проникновенно, что у меня внутри всё сжалось. Поглаживая мою руку, он рассказал, как жил в Москве с одной женщиной много лет, а потом она ушла и всё забрала, а было всего очень много. Оставшись гол, как сокол, Аркадий плюнул на всё и уехал с мамой в Америку. Тяжело учился, работал кем придётся, потом искал работу по программированию, в общем, намыкался, но нашёл. Познакомился с женщиной, жил с ней лет пять, а потом она ушла и опять всё забрала. Теперь он живёт с мамой.

Я допила свой чай, и Аркадий отвёз меня домой. Обещал позвонить и на следующий день и сдержал обещание. Была поздняя осень, но погода ещё такая, что хотелось гулять, и мы поехали на Манхэттен Бич.

Шумел океан и деревья, хотелось поговорить о чём-то, берущем за душу.

— Вы любите стихи? — спросил Аркадий.

— Очень! — ответила я.

— Кто ваш любимый поэт?

— Евтушенко.

— А вы знаете его стихотворение «Любимая, спи...»?

— Знаю, — сказала я и прикусила язык. В Ленинграде у меня была подруга Ира, которая говорила, что моя самая большая проблема в том, что я слишком много знаю, да ещё этого и не скрываю! «Кому нужны твои знания, ты только ими отпугиваешь, — кричала на меня Ирка, — женщина должна смотреть вниз, потом медленно поднять глаза и сказать со вздохом: «Совершенно не знаю, как жить дальше». Поняла? А ты? У тебя поперёк лба написано, что ты всё знаешь сама! А кому это надо? Хочешь, чтоб тебя любили, забудь всё, что знаешь!» И вот теперь я опять ляпнула это проклятое «знаю»! Я вся сжалась и дала себе слово как можно больше молчать.

— А я люблю Рождественского, — продолжал Аркадий, — прекрасный поэт, не то, что этот горлопан Вознесенский.

— Вы не любите Вознесенского? — робко поинтересовалась я. — За что?

— А за что его любить? У него же чушь одна вместо стихов!

Мне стало так жалко бедного Вознесенского, что я об осторожности.

— Ну что вы! — возразила я, — вам нравится песня «Миллион алых роз»?

— Нравится, — кивнул Аркадий, — а причём тут Вознесенский, её Алла Пугачёва поёт!

— Ну да, — согласилась я, — поёт Пугачёва, а слова Вознесенского, или вот недавно Марк Захаров привозил «Юнону и Авось», там все песни на стихи Вознесенского, и, например, есть такие строчки:

Для любви не названа цена,
Всего лишь жизнь,
жизнь одна,
жизнь одна...

Правда, замечательные слова?

Аркадий ничего не ответил. Некоторое время мы шли молча.

— Я тоже знаю стишок, — вдруг сказал он, — хотите, прочитаю?

— Почитайте, — попросила я, удивившись слову «стишок».

— Кто на лавочке сидел, кто в окошечко глядел... — начал Аркадий. Я дивилась ещё больше, а он продолжал, забывал, путался, я его поправляла, так как стишки знакомые с детства, кто ж их не знает! С грехом пополам добрались до «А у нас огонь погас — это раз, грузовик привёз дрова — это два».

— Тётю Полю заебли — это три, — радостно воспрял Аркадий, — а вчетвёртых, наша мама отправляется в полёт, потому что нашу маму папа больше не...

— Спасибо, дальше не надо, — взмолилась я.

— Ну почему же? — упрямо возразил Аркадий и победным голосом закончил фразу...

Минут десять шли молча. Я — понуро опустив голову, он — с видом «будешь знать, как умничать!»

— Я хочу домой, — тихо сказала я.

Сели в машину, какое-то время ехали в полной тишине.

— Хотя ты и провинилась, — нарушил молчание Аркадий, — я тебя уже не отпускаю, едем ко мне.

— Это что, предложение? — спросила я.

— В некотором роде, — усмехнулся Аркадий.

— Ну, если это предложение, где кольцо? — спросила я, вспомнив героиню, которую играла знаменитая актриса Шер, в моём любимом фильме «Мунстрек».

— Кольца нет, — растерянно произнёс Аркадий.

— Отдай своё, — повторила я фразу из фильма, чувствуя себя при этом если не самой Шер, то кем-то в этом роде. Самое смешное было то, что не

имея об этом ни малейшего понятия, Аркадий ответил точно так же, как герой моего любимого фильма в аналогичной ситуации.

— Это моё кольцо, я к нему привык, оно очень дорогое!

— Ну что ж, — пожала плечами я, — нет кольца, нет предложения, отвезите меня, пожалуйста, домой.

Доехали быстро и молча. Аркадий больше не позвонил. Как мне передали, свахе он сказал: «Женщина хорошая, но мне не подходит. Меня уже две женщины обобрали, я чувствую, что и эта сделает то же самое. На моё кольцо с сапфиром она уже покушалась». И до сих пор живёт с мамой.

Из разговоров...

Лето. Вечером на Брайтоновском бордвоке. Первая встреча. Он: «Не представляю, как все эти люди могут так поздно есть шашлык. Я лично вечером ем только фрукты и овощи, и только мочегонные. У меня, видите ли, почки не в порядке, поэтому я могу есть только то, что гонит мочу. Если я гоню мочу, то лучше себя чувствую. Когда почки не в порядке, самое главное всё время гнать мочу, поэтому я ем только мочегонное...»

STIVEN

Сваху звали Жанна. Совершенно очаровательная женщина лет от сорока до пятидесяти, безукоризненно одетая, вызывающая симпатию с первого взгляда. Между прочим, жена настоящего профессора, сваха — это хобби. Она позвонила мне по телефону по просьбе моей приятельницы, жаждущей устроить мою личную жизнь, и сразу же сказала: «Хочу к вам приехать, я должна на вас посмотреть». Поскольку меня заранее предупредили, что отбор клиентов очень строгий и сватают только интеллектуалов, меня разобрало обычное женское любопытство и спортивный азарт.

Жанне я понравилась, и она обещала мне самое лучшее из своей коллекции женихов. «Хватит мучиться с русскими, мы живём в Америке, надо встречаться с американцами», — сказала Жанна, а я не стала с ней спорить. Что значит встречаться с американцами? Прежде всего — это говорить по-английски, а ради этого я готова на всё или почти на всё!

Американец по имени Стивен, а по профессии врач-психиатр, говорил по-английски так хорошо, а главное понятно, что первые беседы по телефону доставляли мне безграничное удовольствие, мне даже удалось пару раз пошутить, и, к моему восторгу, мою шутку не только поняли, но и оценили, и я с нетерпением и замиранием сердца ждала встречи.

Встретиться решили в Манхэттене, и Стивен заранее предупредил, что будет ланч, а потом театр. От подобного расписания я пришла ещё в больший восторг и от нетерпения прибежала на место встречи почти за полчаса до назначенного времени. Я стояла на углу и вопросительно смотрела на всех проходящих мимо мужчин, внешне напоминающих мне Керри Гранта. Керри Гранты шли мимо, не обращая на меня ни малейшего внимания. Взгляд мой из ищущего становился всё более рассеянным, и я уже смотрела на толпу вокруг, скорее по инерции, нежели в ожидании чуда. От нечего делать внимание моё привлёк смешной человечек, похожий на колобка. Колобок ел на ходу булочку и весь обсыпался крошками. Особенно смешно крошки запутались в его всклокоченной бороде и усах, торчащих как-то вперёд. Колобок уверенно приближался ко мне. Сердце моё упало. «Неужели это он?» — не успела подумать я, а Колобок уже стоял напротив меня, жевал и лучезарно улыбался всем усыпанным крошками лицом.

— А вот и я, — сказал он.

— Вы голодны? — спросила я.

— Ужасно! А ты хочешь кусочек? — и Колобок сунул мне в лицо остаток булочки.

— Нет, нет, что вы, — пролепетала я, простившись в душе с образом Керри Гранта.

Мы немножко прошли по сверкающим на зимнем солнце улицам Манхэттена, оставляя за собой дорожку из крошек, как Мальчик-с-пальчик по дороге к Людоеду. Потом мы зашли в маленький уютный ресторанчик и заказали ланч. Есть совсем не хотелось. Колобок сел напротив и вдруг как-то резко и внезапно посмотрел прямо на меня. Глаза у него были как два дула ружья: маленькие, черные и очень цепкие.

— Ну, — сказал он, — расскажите о себе поподробнее.

Особенно рассказывать было нечего. Дочка, приезд в Америку, всё это я уже говорила по телефону.

— Лучше вы расскажите о себе, — попросила я.

— Я вдовец, — начал он, — моя жена покончила жизнь самоубийством в прошлом году.

«Неплохое начало, — подумала я, — почти Синяя борода».

— У меня есть дочь двенадцати лет, — продолжал он, — мы с ней не ладим.

— Почему? — спросила я.

— Девочка неконтактная, запирается в своей комнате и ни с кем не разговаривает.

— А вы пробовали поговорить с учителями? — робко поинтересовалась я. — Как у неё дела в школе?

— Говорил. Меня недавно вызывала учительница. Моя дочь написала самое смешное сочинение в классе. О смерти мамы.

«Ничего себе семейка, — промелькнуло у меня в голове, — ну я и влипла!»

— Что-то вы побледнели, — профессиональным тоном заметил Колобок, — вы хорошо себя чувствуете?

— Да, да, — поспешно заверила его я, — пойдёмте на воздух.

— Теперь — в театр! — заявил Колобок. — Я покажу вам мою любимую пьесу, вы ещё такого не видели.

Пьеса называлась не помню точно как, по имени главного героя, и в ней много пели. Суть заключалась в том, что молодой человек вместе со своей женой на первом этаже дома держали кафе, а на втором парикмахерскую. Молодой человек, парикмахер, в своём кресле убивал клиентов, а потом в кафе из мяса убитых готовили начинку для пирожков, которыми кормили посетителей. Иногда в пирожках попадались ногти мертвецов, и, судя по

реакции зала, это было особенно смешно. Колобок просто умирал со смеху и нежно обнимал меня за плечи, а я сидела, сжавшись в комок, потому что меня дико тошнило и от того, что показывали на сцене, и от того, что он меня всё время обнимал.

После театра Колобок предложил пойти погулять, но я, на ходу сочинив какие-то невероятные обстоятельства, хотела только домой. На прощанье Колобок сказал, глядя мне прямо в глаза, не мигая:

— Если у вас какие-то душевные проблемы, я могу вам помочь, договорились?

На метро я бежала как от погони. Мне всё время казалось, что меня сейчас схватят и сделают из меня пирожок с мясом.

Стивен звонил каждый вечер в течение месяца. Я боялась подходить к телефону, за меня врала моя дочь, очень контактная девочка.

Потом позвонила Жанна. Она сердилась. Жанна сказала, что я испортила ей самого лучшего клиента, он влюбился и кроме меня ни с кем другим встречаться не желает. Я отказалась наотрез, и Жанна меня больше не сватала.

Из разговоров...

— Куда поедем?

— Вы не хотите на Брайтон?

— Почему я не хочу? Если бы я не хотел, я бы с вами не встречался! Вы симпатичная женщина! Я хочу делать всё, что вам нравится, почему же я не хочу ехать на Брайтон? Мы поедem туда, куда вы скажете! Нет, главное, я не хочу! Что я идиот? Еду встречаться с женщиной и не хочу ехать туда, куда она хочет! Вы хотите ехать на Брайтон — мы поедem на Брайтон! Вы хотите ехать в другое место — мы поедem в другое место! При чём тут я хочу, я не хочу? Так куда поедem?

ВИТЯ

Витя приехал из Харькова год назад. Когда-то он, наверное, был интересным мужчиной, но теперь, под гнётом жизни, весь как-то усох, выцвел, сморщился, короче — состарился. Голос у него был глухой и сиплый. Вместо шипящих Витя мягко фыкал, и вся его речь поэтому казалась по-детски незащищённой. Всю свою жизнь он был заядлый походник, и это так въелось в него, что даже теперь, когда походы остались в далёком прошлом, в Вите всё еще оставалось что-то от «мальчика у костра». Мой телефон ему дала подруга моей подруги. Я о Вите знала только, что он давно разведён, живёт с мамой и пишет стихи. Последнее обстоятельство оказалось решающим, и я согласилась познакомиться. Встретиться с Витей договорились на улице.

— А как же мы найдём друг друга? — забеспокоился Витя. — А вот как, — сразу нашёлся он, — я буду стоять и держать в руках автомобильную шину!

— Ну, зачем такие сложности, — отшутилась я, — можно просто взять в руки букет цветов, и я вас сразу узнаю!

По внезапной паузе я заподозрила, что шутка моя не удалась, однако на место встречи Витя пришёл с букетиком, с опозданием и со стихами.

— Никак не мог найти эти проклятые цветы, первое, что произнёс Витя. — Зато пока я их искал, сочинил стихи, — гордо добавил он, — я их вам сейчас прочитаю.

Стихи были о том, что все женщины — эгоистки, да-да, так прямо было и сказано, эгоистки, нахально требуют цветы, а цветы очень дорогие, и вдобавок их трудно найти.

— Это вы мне посвятили? — спросила я, не зная точно, как реагировать.

— Ну, фто вы, это футка! — извиняющимся тоном профыкал Витя так, что сердиться было просто невозможно.

Августовский тёплый вечер звал гулять. С океана дул лёгкий ветерок, разгоняя накопившуюся за день жару. Мы вышли на берег и сели на лавочку.

— Ты мне нравишься, — вдруг перешёл на «ты» Витя и тихо добавил, — я хочу рассказать тебе свою жизнь. Женился я очень рано, сразу после армии. Девочка была очень симпатичная, а жила от меня страшно далеко. Я устал гоняться к ней через весь город, и мы поженились. Родился сын. Как я уже говорил, жена моя была очень симпатичная,

чистюля, хорошая хозяйка, но домоседка, в походы со мной ходить не хотела и очень мало читала, а шуток не понимала совсем.

— Какие походы, Витя? — укоризненно спросила я. — Сын же только родился!

— Ну да, и сын тоже, конечно, связывал, короче, дома мне было всё скучнее и скучнее. А тут к нам в лабораторию пришла работать молодая женщина-конструктор, Танька. Танька писала стихи, читала всё на свете и в походах стала просто незаменимым человеком. И началась моя двойная жизнь. Я обманывал с утра до вечера. Придумывал сверхурочные, какие-то курсы, обстоятельства, а сам пропадал у Таньки.

— Ну, раз такая любовь, отчего ж не развёлся и не женился на Таньке по честному? — перебила я Витю.

— Хотел, — с готовностью подхватил Витя, — честно, хотел, но, понимаешь, Танька была совсем не такая, как моя жена. Я привык к идеальной чистоте, к домашнему обеду, а у Таньки вечная гора немытой посуды, всё разбросано, грязь и есть нечего. Я, бывало, говорю, Таня, что ж ты посуду-то не моешь, а она отвечает, что я, мол, лучше книжку почитаю, а тебя если раздражает, то сам возьми и помой! Так и жил, весь в обмане. А тут у нас с женой ещё и дочка родилась, Наташка. Крутился я, крутился и решил попробовать наладить семейную жизнь. Уговорил жену взять дочку и поехать со мной в поход, к морю, жить в палатке, есть у костра, короче, романтика! Ну что ты! Жене всё не нравилось! Ей удобств не хватало и казалось, что дочка вот-вот заболит, то насморк у неё, то кашель! В общем, не выдержал я, написал Таньке, она сразу же приехала и поселилась недалеко от нас, в соседней деревне. И опять начались мои обманы! Я просто измотался! Придумаю, бывало, что за хлебом надо или за продуктами, а сам — к Таньке. Устал за этот отпуск так, что не передать. Приехали мы с женой обратно, и сам не знаю, как могло случиться, но жена нашла у меня в кармане Танькино письмо. Тут всё, конечно, открылось, и начался страшный скандал. Жена требовала только развод и больше ни на что не соглашалась. В общем, с женой я развёлся, а на Таньке не женился. Не захотел. Жить с ней жил, так сказать, приходил-уходил, но жениться не хотел ни за что. А Танька тоже изменилась — постарела, растолстела, и в один прекрасный день мне заявила: «Знаешь, Витя, ты жениться на мне не хочешь — не надо, но я хочу ребёнка, имею право за столько лет!» Появилась у нас дочка — Людочка. И так мне что-то всё надоело, прямо белый свет не мил, и хотя я и не муж, и свободный человек, а к Таньке ходил по принудилровке, как на работу, без всякого удовольствия. К тому времени инженерную работу я бросил и переквалифицировался в

фотографы. Стал ездить по всей стране, фотографировал школы, ясли, детские сады, что придётся, и, между прочим, очень неплохо стал зарабатывать, тем более что при такой работе алименты платил столько, сколько сам считал нужным! Полностью был свободным человеком! И вот однажды, в городе Грозном, в детском саду, где я фотографировал, встретил такую красавицу, что я как её увидел, так прямо и остолбенел. Была она на двадцать пять лет меня моложе и по национальности — ингушка. Тихая, безответная, для восточных женщин ведь мужчина — владыка! Я рядом с ней чувствовал себя, как Бог и царь! И тут началась у нас с ней такая любовь, как бывает только в романах. Я мотался в Грозный каждую свободную минуту. Обманивал Таньку, жалел её, а всё равно обманивал, ничего с собой поделать не мог! И решил я жениться. Привёз свою невесту в Харьков, подали заявление в ЗАГС, а срок нам дали ждать два месяца. Квартирка у меня была маленькая, двухкомнатная, в одной комнате мы, в другой — моя мама. Моя еврейская мама, которая всю жизнь обожала мою жену и до сих пор с ней дружит, как увидела мою чечено-ингушку, как упала в истерику, так и пролежала в ней до тех пор, пока невеста моя не уехала к себе в Грозный, ждать, когда срок свадьбы подойдёт. Уехала она, а я сел и задумался. Как представил себе, что меня ждёт: жить негде, мама в истерике, сел и уехал в Америку.

— А как же невеста? — удивилась я.

— Ну что ж, написал ей письмо, прости, так, мол, и так. Поплакала она, конечно, а потом вышла замуж. Я узнавал, живёт хорошо.

— А где же все твои дети, Витя? — спросила я.

— Дети со мной. Жену и детей я сразу же сюда забрал, так что они — здесь. Отношения, правда, так себе, дети всё как-то больше к матери тянутся, но ничего, видимся иногда. А Танька с Людочкой в Харькове, я им деньги посылаю, посылки. Они сюда просят, но я не хочу. Таньке уже полтинник, больная вся. Что ей тут делать? На шее у меня сидеть? Я и сам-то еле-еле концы с концами свожу. А Людочке ещё учиться долго. Нет уж, пусть они лучше там остаются, а я им отсюда помогу. Живу я с мамой. Это совершенно ненормально, когда взрослый мужчина, которому за пятьдесят, живет с мамой. Просто домой идти не хочется. Дома должен быть уют, порядок, обед и родной человек, с которым просто хорошо. А тут придешь с работы, мама у меня больная, парализованная, есть нечего, всё кругом набросано! Просто кошмар!

Я сидела и слушала Витину исповедь, низко опустив голову. Витя взял меня за руку и посмотрел мне в глаза снизу вверх.

— Ты мне очень нравишься, — тихо повторил он.

— А ты мне нет, — так же тихо ответил я, вынула руку, встала и ушла домой. Одна.

Из разговоров...

Моей соседке позвонила сваха. Вызнав у неё всё, что положено знать, под конец сваха спросила:

— Вы симпатичная?

— Не знаю, — скромно ответила моя соседка, приятная блондинка лет шестидесяти, бывший адвокат из Киева.

— Ну, если вы прожили столько лет и до сих пор не знаете, симпатичная вы или нет, значит, вы не симпатичная, и я вас сватать не буду! — отрезала сваха и бросила трубку.

MARTIN

По мнению моей подружки Софы, рассчитывать на брачное объявление в дешёвой газете — полная безнадёга. «Ну, подумай сама, — говорила Софка, — какой приличный человек даст объявление за пять долларов или бесплатно?» Я не соглашалась, ссылаясь на зигзаги судьбы, моя романтическая натура брала вверх, и я наивно верила в счастливую случайность.

Однажды в субботу мы с Софкой заспорили так, что решили проверить, кто из нас прав, так сказать, на деле. Часть телефонов из последней русской газеты, что выходит по четвергам, взяла Софа, часть взяла я, и мы начали обзвон.

Первая набрала номер Софа.

— Можно Виктора?

Мужской голос ответил, что его нет дома, но Софку просто так не проведёшь.

— А кто вы? — поинтересовалась она.

— Я его сосед, — ответил мужчина.

— У вас что, one-bedroom? — не унималась Софка.

— Нет, у нас студия, — уточнил мужчина.

— Скажите честно, — проникновенно продолжала Софа, — ваш сосед, он нищий или такой скупой, что не может снять квартиру сам?

— И то, и то другое, — честно признался сосед Виктора.

— Большое вам спасибо, — душевно произнесла Софка и повесила трубку. — Ну, убедилась? — спросила она меня. — Я приехала в Америку одна с ребёнком, без копейки денег, и как-то всё-таки смогла и квартиру снять one-bedroom, и ребенка поднять, а эти... Ты как хочешь, а я звонить больше не буду, меня этот контингент не интересует. Нахлебники, лентяи и бездельники.

Мне попались три очень интересных брачных объявления. В одном человек сообщал, что прекрасно танцует, а танцевать — моя слабость. В другом — звал поехать в отпуск безо всяких обязательств. Третье объявление было на английском языке и сообщало, что очень привлекательный американский бизнесмен ищет знакомства только с русскоговорящей женщиной.

Сначала я позвонила танцору. Ответил приятный женский голос. Меня это несколько озадачило, но я решила довести дело до конца.

— Можно Михаила? — робко спросила я.

— А его ещё нет с работы, — весело ответил приятный женский голос, — я его как раз жду ужинать!

Время было 9.30 вечера.

— Вы познакомились по объявлению? — не унималась я.

— Да, — со смешком ответила женщина.

— По объявлению в этот четверг? — удивлённо уточнила я.

— В этот четверг, — ничуть не смущаясь, ответила везучая незнакомка.

— И уже ждёте его к ужину у него дома, — скорее сама себе пробормотала я, не веря своим ушам.

— Уже жду, — со счастливым смехом согласилась женщина.

— Ну что ж, ребята, — вздохнула я, — желаю вам счастья!

— Спасибо, — отозвалась женщина.

— Послушайте, — взмолилась я, — простите, можно один нескромный вопрос, последний!

— Пожалуйста, — охотно согласилась моя счастливая собеседница.

— Скажите, как он танцует?

— Превосходно! — воскликнула женщина. — Он всё делает превосходно!

— Всего вам доброго, — попрощалась я, повесила трубку и вопросительно посмотрела на Софку.

— Один случай ничего не значит, — фыркнула Софка, — звони дальше, увидим.

По второму номеру телефона, где звали в отпуск, ответил мужчина.

— Владимира нет, он уехал в отпуск.

— Как, уже? — растерялась я.

— Уже, — уверенно подтвердил мужчина, — сегодня утром уехал.

— Один? — я тайной надеждой спросила я.

— Ну почему один? Нет, конечно, нашёл по объявлению спутницу жизни.

— А вы кто? — решила повторить я Софкин приём.

— А я его сосед! — радостно сообщил мужчина.

— Спасибо! — поблагодарила я и повесила трубку под победным взглядом Софки. И всё-таки я решила позвонить по третьему телефону, так как если очень привлекательный, да ещё и американец, то поговорить по-английски, так сказать, потренироваться в разговорной речи — одно удовольствие. Голос у моего собеседника оказался приятным, с лёгким израильским акцентом. Мы с ним поболтали минут двадцать и решили встретиться на следующий день.

Мартин, так звали очень привлекательного, судя по объявлению,

американца, приехал за мной к моему дому. Когда он вышел из машины и приветливо помахал мне рукой, я не могла поверить своим глазам. Наружность его была, мягко говоря, не очень привлекательная, а грубо говоря, просто отталкивающая. Маленький, толстый, весь какой-то неопрятный, с глазами навывкате под толстыми стёклами очков, в дурацком картузе, из-под которого в разные стороны торчали рыжевато-бесцветные волосы. Такая же белёсая щетина танцевала хоровод вокруг огромного рта с грязно-жёлтыми зубами. Живот грустно висел над брюками, которые безнадёжно скомкались над стоптанными вкось каблуками.

Сразу же захотелось вернуться домой, но Мартин так улыбался и махал рукой, что мне стало неудобно. «Эх, была не была!» — подумала я и нырнула в машину. В нос ударил запах кислых щей и псины. Весь пол был в шелухе от семечек и пустых банках из-под кока-колы. Я обречённо уставилась в окно и через некоторое время так же обречённо осознала, что едем мы, конечно, на Шипсхед Бей, в «Эль Греко». «Что и требовалось доказать», уныло подумала я, уже ничему не удивляясь.

В «Эль Греко» Мартин резко захлопнул меню перед носом у официантки и быстро сказал, не дав ей открыть рот: «Мы не голодны. Пожалуйста, даме — стакан чаю, а мне кофе со взбитыми сливками».

— С молоком, — тихо, но достаточно твёрдо добавила я.

— Что, что? — всполошился Мартин.

— Чай с молоком, — пояснила я.

— А, с молоком, ну, конечно, с молоком! — радостно кивнул Мартин, царским жестом отдавая меню оторопевшей официантке и любуясь своей добротой и сговорчивостью.

— Ну вот, а теперь давайте поговорим, — повернулся он ко мне.

— Давайте, — безнадёжно согласилась я, радуясь в душе, что весь этот бред будет, по крайней мере, на чистейшем английском языке. «У тебя сегодня урок английского», — сказала я сама себе, и на душе стало как-то легче.

— Хотите меня о чём-нибудь спросить? — великодушно поинтересовался Мартин.

А что мне терять?

— Хочу!

— Спрашивайте!

— Скажите, пожалуйста, — осторожно начала я, — а как вам пришло в голову написать в объявлении, что вы очень привлекательный мужчина?

Спросила и сама испугалась того, что наделала.

Но Мартин ничуть не обиделся.

— Очень просто, я пришёл и сказал парню, который принимал объявления: напиши что хочешь, ну вот он и написал.

— Понятно, — кивнула я, — у меня пока больше вопросов нет.

— Ну, тогда я вас спрошу, о'кей?

— О'кей, — согласилась я и мысленно приготовилась к обычному ритуалу: с кем, когда, откуда и так далее.

— Скажите, пожалуйста, по каким дням вы делаете у себя дома уборку? — задал Мартин свой первый вопрос.

От неожиданности я потеряла дар речи.

— Вы вообще дома убираете? — неправильно истолковал моё молчание Мартин.

— Конечно, убираю!

— По каким дням?

— Когда как, чаще по субботам, но иногда по воскресеньям.

— А чем вы убираете?

Я перечислила все моющие средства, которые знала по-английски.

— А по каким дням вы стираете? — задал Мартин следующий вопрос.

Дело начинало принимать неожиданный оборот, но именно потому, что оборот был неожиданный, я вошла в азарт и даже повеселела. Обсудив стирку белья в мельчайших подробностях, например, отделяю ли я белое от цветного, и тому подобное, мы перешли к готовке. Мартина интересовало буквально всё — солю или не солю, кладу ли я томат, на чём жарю, пользуюсь ли специями, и если да, то какими. После часа такого тщательного опроса я созрела для своего второго вопроса:

— Простите, а почему вы, Мартин, хотели познакомиться именно с русскоговорящей женщиной?

— Очень просто, — ответил Мартин, как видно, у него всё было очень просто, — жена ушла от меня, оставив троих детей. Я работаю агентом по продаже недвижимости, и в основном мои клиенты русские. Мне хотелось бы, чтобы помимо нашей личной жизни («Интересно, — подумала я, — что он имеет в виду под личной жизнью? Готовить? Стирать? Убирать?») вы бы научили меня правильному русскому языку.

— Да-а, — протянула я, — вот тут у нас с вами осечка, вот это я не могу.

— Почему? — разочарованно захлопал глазами под толстыми стёклами очков Мартин. — У вас плохой русский?

— Ну что вы, — возразила я, — у меня блестящий русский!

— Так в чём же дело? — воскликнул Мартин.

— А дело в том, — победоносно ухмыльнулась я, — что, имея

прекрасный русский, я ищу себе учителя английского языка, у меня с английским проблемы, и говорить по-русски мне совсем не интересно! Спасибо за сегодняшнюю практику, наша беседа была для меня очень полезна! Пожалуйста, отвезите меня домой! — закончила я на одном дыхании.

Мы сели в вонючую машину и поехали. Мартин включил магнитофон, и цыгане кричали на нас всю дорогу своими песнями на цыганском языке. Я не понимала ни одного слова из того, что они пели, а Мартин явно блаженствовал. Наверное, он думал, что поют по-русски, и учил слова.

Из разговоров...

Мне позвонила сваха. После ста вопросов обо мне она осталась довольна ответами и даже пообещала не брать денег с меня, а взять их с мужчины, для которого знакомство со мной — большая удача.

— Ну, хорошо, — в конце сказала сваха, — какие у тебя требования?

— У меня только одно, я не люблю секс в первый же вечер.

— А на сухую с тобой встречаться никто не будет! Подумаешь, королева нашлась! — огрызнулась сваха и шмякнула телефонную трубку.

ГРИША

Со своим приятелем я случайно встретила на улице. Первый вопрос, который мне обычно задают, — «Ну, что в личной жизни?» Такое впечатление, будто моя личная жизнь — главный вопрос человечества. «Всё так же», — отвечаю я, и все сразу успокаиваются, так как в действительности, если не свадьба или развод, моя личная жизнь никого особенно не волнует. Мне этот ритуал давно действует на нервы, поэтому я развлекаю себя сама тем, что стараюсь отвечать нестандартно, озадачить спрашивающего таким образом, чтобы впредь у него или у неё отпало желание задавать подобные вопросы из праздного любопытства. Например, на вопрос можно ответить вопросом: «А что, можешь чем-то помочь?» или «Хочешь с кем-то познакомиться?» И так далее. Главное, переложить ответственность за свою судьбу на чужие плечи и наблюдать за реакцией. Если человек отвечает отрицательно, можно поинтересоваться: «А зачем тогда спрашиваешь?» При этом надо внимательно посмотреть в глаза собеседнику, и можете быть уверены, больше вас ни о чём не спросят. Если вы торопитесь и у вас нет времени на психологические опыты, отвечайте коротким, бессмысленным вопросом «А что?» Далее эта тема будет исчерпана, и можно поговорить о чём-то действительно интересном.

Так было и на этот раз, когда я встретила приятеля. Но неожиданно для себя я услышала в ответ: «Могу познакомиться». — «Давай!» — согласилась я без особого энтузиазма, мало веря во что-то серьёзное. Однако приятель мой оказался человеком очень ответственным. Он не только дал номер моего телефона своему сотруднику, но и позвонил вместе с ним и представил нас друг другу по всем правилам. Такое бывает редко, почти никогда.

Нового знакомого звали Гриша. Инженер из Риги, он разговаривал со мной одними цитатами из всяких умных книжек, которые мы запоем читали в молодости. Я тоже пару раз продемонстрировала свою хорошую память, но вовремя остановилась, стараясь не затмить собеседника, а лишь дать ему почувствовать, что его эрудиция попала на благодатную почву и будет оценена. Приём сработал. Гриша воспрял духом, звонил каждый день и читал мне стихи, куски из прозы и мудрые изречения. Я изредка подавала голос, стараясь не спугнуть и не поранить мужское самолюбие незнакомой ответной цитатой или стихотворением.

Всё было хорошо. Приближалась пятница, и Гриша предложил встретиться меня с работы, в Манхэттене.

— Я хочу пригласить вас на шабес в прекрасную синагогу, — сказал он.

Я, несмотря на то, что когда-то мой дед был рабай, благодаря пионерско-комсомольскому прошлому, о своей еврейской религии мало что знала. Поначалу, приехав в Америку, в Йом Киппур, я, как и все вновь прибывшие из России, приходила в синагогу попросить у Бога записать меня в Книгу Жизни. Но однажды во время йомкиппурской проповеди рабай, видя в зале множество новых лиц, упрекнул собравшихся в том, что нехорошо лишь просить у Бога, надо соблюдать традиции постоянно, тем самым, отдавая что-то взамен. Мне не хотелось чувствовать себя неблагодарной попрошайкой, и с тех пор я бывала в синагоге от случая к случаю, чаще всего за компанию с мамой.

Посетить синагогу в шабес — святое дело. Конечно, я не могла устоять и согласилась. Гриша подъехал на красивой большой машине, не знаю, какой марки, мне всё равно, лишь бы она ехала. Красивая в моём понимании значит чистая и не побитая.

Мой новый знакомый был похож на птичку, точнее, на скворца. Он даже смотрел на меня как-то сбоку, наклоняя голову к плечу, как птичка. Я села в машину, и мы поехали в сторону верхнего Манхэттена. По дороге мы разговаривали. Вернее, говорил Гриша, а я, в основном, старалась к месту вставить «да» или «нет». Печальный опыт предыдущих встреч научил меня не проявлять инициативы в заумных беседах. Никогда не знаешь, как среагирует мужчина на поток женской эрудиции, поэтому лучше не рисковать. Недаром тихая улыбка Джоконды покорила весь мир. Я тоже улыбалась и чувствовала себя раскованно и спокойно.

Манхэттен кончился, а мы всё ехали и ехали.

— Простите, а куда мы едем? — не выдержала я.

— Ну, я же обещал, в синагогу, — ответил Гриша.

Беседа продолжалась, дорога тоже. Минут через тридцать, когда вид из окна потерял знакомые очертания, я заметно забеспокоилась:

— Где же ваша синагога?

— Осталось немножко, — успокоил меня Гриша.

Прошло еще полчаса быстрой езды, и я не на шутку встревожилась.

— Да где же мы? — уже с раздражением воскликнула я.

Вместо ответа Гриша где-то повернул, проехал, опять повернул, ещё проехал и, наконец, резко остановился. Я вышла из машины. Вокруг постиралась какая-то деревня. Синагоги не было и в помине. Мы стояли во дворе маленького деревянного домика.

— Здесь я живу, — объявил Гриша, — милости прошу!

Я вопросительно на него посмотрела, не двигаясь с места. Видимо,

выражение моего лица было достаточно красноречиво.

— В синагогу ещё рано, — голосом взрослого, разговаривающего с ребёнком, пояснил Гриша. — Мы сейчас перекусим и пойдём. Вы ведь с работы? Я тоже. Надо перекусить.

Он открыл дверь в дом, и мы вошли. Дом внутри совершенно не соответствовал образу хозяина. От неожиданности я даже забыла, что хотела сердиться. Я не люблю начинать знакомства в квартире, а тем более не в своей, но этот дом был просто как из сказки о Красной Шапочке. Клетчатые занавесочки, собранные в пышные фестончики, весело окружали окошки. Всюду лежали кружевные салфеточки, на них стояли нарядные маленькие вазочки с цветочками. Подушечки с бантиками были разбросаны по дивану и лежали на сидении каждого стула. На полочках красовались статуэточки, тоже с бантиками и цветочками. Для полноты картины не хватало только ангорской кошки.

Пока я оглядывалась, Гриша надел настоящую черную кипу и накрыл стол. Кошерное вино, хала, всё как положено в шабес. Я села за стол. Гриша зажёл свечи, закрыл глаза и произнёс специальную молитву, броху, над вином и хлебом. Я молча участвовала в этом странном спектакле, к которому оказалась совершенно не готова.

После еды Гриша посмотрел на часы и сказал:

— Простите, но возникло небольшое осложнение. Я живу в кооперативе, весь наш посёлок — это большой кооператив, и у нас сегодня очень важное собрание. Явка обязательна. Я сейчас только на минутку туда заскочу, так сказать, отмечусь, и мы сразу же идём в синагогу. Хорошо? — и с этими словами он пулей выскочил из дома. Я услышала шум отъезжающей машины, а потом наступила тишина.

Живя в большом городе, мы даже не замечаем, как вокруг нас постоянно что-то шумит. А тут была настоящая тишина, я даже вдруг услышала себя, как я двигаюсь, дышу, это было странно и неправдоподобно. Чувствовать себя одной в чужом доме было очень неловко. От нечего делать я гуляла из комнаты в комнату и всё рассматривала. На полках стояли книжки, а между ними витиеватые статуэточки. Не зная, кто хозяин, можно было представить себе очаровательную блондинку, у которой в голове одни воланчики, рюшечки и бантики. На журнальном столике в красивом беспорядке, веером были разложены последние журналы мод и всевозможные каталоги. Я села и стала смотреть картинки.

Незаметно прошло больше часа, а хозяин не появлялся. Было скучно. Я вышла на крылечко. Тихо. Начало темнеть. Вокруг ни души. Я вернулась в

дом. Нашла какую-то книжку, почитала. Посмотрела на часы. С момента ухода Гриши прошло два с половиной часа. «Интересно, — подумала я, — как это он не боится оставить совершенно незнакомую женщину одну в доме? А если я что-нибудь украду и убегу?» Эта мысль так позабавила меня, что я даже рассмеялась, но, услышав в тишине свой собственный смех, вдруг поняла, что смешного ничего нет, так как убежать я не могу при всём желании. Во-первых, не на чем, во-вторых, я не только не знаю, куда бежать, я даже не знаю, где я.

На улице стало совсем темно. Гриша не возвращался. Я не на шутку занервничала. Время приближалось к 10 часам вечера. От сознания своей полной беспомощности я уже собралась заплакать, как вдруг, о чудо, прозвучал такой знакомый и даже родной звонок телефона. Я не имею привычки в чужих домах отвечать по телефону, но тут я схватила трубку как спасательный круг. «А вдруг это Гриша», — подумала я. Звонил не Гриша, а Гришин папа, по голосу совсем древний и очень интеллигентный старичок. Сначала я хотела пожаловаться, а потом решила не расстраивать и не пугать такого пожилого и, наверное, не очень здорового человека. Поэтому разговаривала я с ним весело, стараясь обратить в шутку моё странное присутствие в доме его сына.

— Скажите пожалуйста, — спросила я как бы между прочим, — вы мне не подскажете случайно, где я?

— Нет, — грустно вздохнул старичок, — дом новый, я в нём ещё не был.

— Ну, тогда, пожалуйста, назовите хотя бы номер телефона, — взмолилась я.

— Это я могу, — согласился старичок и назвал номер, который начинался на код, совершенно мне незнакомый.

— Спасибо, — горячо поблагодарила я Гришиного папу, и мне стало немного легче.

Было 10 часов 30 минут вечера. «Наверное, сейчас придёт, — успокаивала я сама себя, — подожду ещё полчаса».

Я надела курточку, вышла на улицу и села на крылечко. Никто не шёл. Стало уже совсем темно. Вокруг тревожно шумели деревья. Хотелось плакать. Я вернулась в дом и решительно направилась к телефону. Сначала я позвонила своей подруге. Описала ей необычную ситуацию, в которую я попала.

— А ты вообще уверена, что это его дом? — спросила моя подружка, и мне стало совсем плохо, ведь дом был абсолютно не похож на хозяина.

— Звони в полицию! — приказала она мне.

— А что я им скажу? Меня никто не похищал, я приехала добровольно. К кому? Я даже фамилии его не знаю. Куда? Адрес я тоже не знаю.

— Слушай, — сообразила подруга, — иди и поищи какие-нибудь счета, там должен быть адрес и фамилия.

Рыться в чужих вещах мне совершенно не хотелось, но выхода не было, время близилось к 12 часам ночи. Я побрела к письменному столу и в первом же ящике нашла телефонный счёт с фамилией, номером телефона и адресом. Продиктовав всё это моей подруге, я решила ровно в час ночи звонить в полицию.

Хозяин не приходил. «Боже мой, — вдруг вспомнила я, — у меня же мама дома, наверное, с ума сходит, где я!» Мама как раз приехала накануне ко мне погостить, и я об этом совершенно забыла. Дрожащими руками я набрала свой номер телефона и, услышав такой родной, домашний мамин голос, не выдержала и расплакалась.

— Что случилось? — закричала мама. — Где ты? Почему ты плачешь?

— Мама, я не знаю, где я, меня пригласили на свидание, привезли куда-то в глушь, оставили, и теперь никто не идёт! — рыдала я.

— Не вешай трубку! — скомандовала мама. — Я должна всё время тебя слышать, а то я умру!

Трубку взяла моя взрослая дочь.

— Мама, не паникуй и не плачь, — спокойно сказала она, — я сейчас кое-кому позвоню и мы за тобой приедем, а ты ему пока разгроми весь его уют, чтобы знал, как издеваться!

— Доченька! — кричала мама, — только не вешай трубку!

— Мама, но это же, судя по всему, междугородняя, ты представляешь, какой будет счёт! — растерянно всхлипнула я.

— Ты что, деньги ему будешь экономить? — кричала мама. — Он подлец!

— Мама, неудобно, — настаивала я, чувствуя себя как в космосе на сеансе связи. — Я тебе оставлю номер телефона, и звоните каждые десять минут. Если я не сниму трубку, вызывайте полицию, вот адрес.

На этом мы договорились. Как только я повесила трубку, раздался звонок. Звонила подруга.

— Ну что? — встревожено спросила она. — Я спать не ложусь, ты так и знай, так что не волнуйся, придумаем что-нибудь!

Я безнадежно посмотрела на часы. Была половина второго ночи. Телефон зазвонил опять. «Наверное, мама», — не успела подумать я, как с криком «Я сам, я сам!» в дом влетел Гриша и схватил трубку. По тому, как менялось выражение его лица, я поняла, что звонила действительно моя

мама.

— Позвольте мне оправдаться! — наконец вставил слово Гриша. — Понимаете, я пошёл на собрание нашего кооператива. Думал, на минутку, но собрание было таким интересным, что я просто не мог уйти. Мы встретимся, познакомимся, я вам расскажу про это замечательное собрание, и мы вместе посмеёмся!

Судя по всему, моя мама не собиралась знакомиться, а тем более вместе смеяться. Гриша положил трубку и мрачно сказал: «Поехали». Я дрожащими руками стала собирать свою сумку и курточку.

— Быстрее! — рявкнул Гриша. — Сейчас полиция приедет!

— Какая полиция, кто вызывал? — растерянно спросила я.

— «Кто, кто...» Не знаешь, кто? Мама твоя с дочкой — вот кто! Поехали!

Мы сели в машину и понеслись. Вокруг была кромешная тьма.

— Что, до утра нельзя было подождать? — зло ворчал Гриша.

— Ах, до утра, — осмелела я, — вот в чём, оказывается, дело. Выходит, ты собирався ждать до утра.

— А что тут такого? — заикнулся Гриша.

— Молчи и смотри на дорогу, — отрезала я, — и без фокусов, а то узнаешь, что такое романтика преступного мира.

Гриша понял мой намёк, и мы молча неслись в темноту. Домой приехали около трёх часов ночи.

— Может быть, мне подняться? — спросил Гриша. — Я обещал твоей маме с ней познакомиться.

— И рассказать про собрание, — добавила я. — Поскольку уже почти утро и все ночь не спали, то сейчас знакомиться с моей мамой я тебе не советую. — Я повернулась и вошла в подъезд.

— Если бы ты знала, какое это было замечательное собрание, — с сожалением произнёс Гриша мне вслед.

Из разговоров...

Объявление в русской газете:

«Сватаю только высоко эрудированных и интеллигентных людей, хорошо устроенных. Строгий отбор».

Звоню больше из любопытства проверить уровень своего интеллекта. Отвечаю на вопросы: откуда, сколько лет в Америке, кем работаю, какая зарплата и сколько мне лет. В конце сваха говорит:

— Вы меня простите, но я вас сватать не буду. У вас всё как у меня, и тот, кто подходит вам, подходит и мне, а я весь этот бизнес

устроила ради того, чтобы найти себе того, кого я хочу. Знаете что, вы так мне нравитесь, давайте поедem вместе в отпуск, на чёрта нам нужны эти поганые мужики, разве с ними отдохнёшь?

АННА

В русской газете объявление было заманчиво написано по-английски: «Party for singles». Цена пятнадцать долларов за вход, бокал сухого вина, танцы. Ну что ещё нужно одинокому человеку в субботу? Как было написано в объявлении, устраивала всё это удовольствие некая Анна. Телефон был указан. Я позвонила. По голосу Анна напостила комиссара из «Оптимистической трагедии». Сразу на «ты». «Приходи, принеси деньги, поговорим», — скомандовала Анна, и я пришла, благо жила она недалеко от моего дома. При встрече Анна, ростом выше среднего, с причёской а la Марика Рокк из «Девушки моей мечты», была похожа не то на огромную буфетчицу, не то на громилу-бандершу, или на то и другое.

— Значит, так, — заявила Анна без предисловий, — я сватаю за сто долларов, пока не выйдешь замуж, хоть всю жизнь, но если после свадьбы разведешься, плати опять. А пока посмотри альбом. — И с этими словами Анна вытащила толстенный, тяжеленный альбомище с фотографиями всех женихов, которые уже заплатили сто долларов.

Я открыла первую страницу. С фотографий улыбались мужчины всех возрастов, многие были с детьми, а некоторые, как ни странно, со своими бывшими жёнами. «Ничего удивительного, — пояснила сама себе я, — надо было дать фотографию, на которой хорошо смотришься, а лучше всего многие мужчины выглядят рядом со своими жёнами, сами того не сознавая». Чем больше я листала альбом, тем тоскливее становилось на душе. То тут, то там попадались знакомые лица, и я уже знала, что таится за их очаровательными улыбками. «Нет, — решила я, — не хочу, чтобы меня листали за сто долларов, уж лучше я как-нибудь сама». Я заплатила пятнадцать долларов и получила билет на ближайшую субботу.

Вечер для одиноких начинался в 5 часов, и, когда я шла, было ещё светло и солнечно. Чувствовала я себя тревожно и приподнято, хотелось танцевать. Вечер проводился в маленьком ресторанчике, где столиков оказалось мало, а народу много.

Анна, в красном бархатном платье, ещё больше делающем её похожей на бандершу, встречала всех у входа. Её пышная желто вытравленная причёска возвышалась над толпой. Меня посадили за столик, где уже сидело пять человек: трое мужчин и две женщины. Компания подобралась на редкость симпатичная. Мы сразу же все перезнакомились, открыли обещанную бутылку вина. Женщины, уверенные в себе, держались дружелюбно и непринуждённо и не смотрели на окружающих мужчин как

пантеры на добычу. Мы шутили, болтали, смеялись и чувствовали себя просто превосходно.

Заиграла музыка, и наши галантные кавалеры пригласили нас всех на первый танец. Как только мы начали танцевать, за наш освободившийся столик сели четыре непонятно откуда взявшиеся тётки, с золотыми зубами, в цветастых платьях и блестящих шaliaх. Тётки были такого размера, что весь стол исчез под их могучими грудями и локтями, а сидеть они могли только широко расставив ноги, а потому вчетвером заняли всё пространство, которое мы занимали вшестером.

Танец кончился, и мы подошли, вернее, протиснулись, к нашему столику. «Ничего не знаем, — громко забазарили толстухи, сверкая зубами, — хозяйка деньги брала, хозяйка посадила!» — «Но поймите, — пытались возразить мы, — это наш стол, мы тоже платили, вот наше вино!» — «Ничего не знаем! — с резким восточным акцентом галдели нахальные тётки, — хозяйка деньги брала, хозяйка посадила!» Мы растерянно оглядывались, но знакомые желтые кудлы хозяйки бесследно исчезли. Вокруг кишела толпа. Вдруг барабанщик ударил в медные тарелки, и незнакомый мужской голос объявил: «Одиночки, покупайте ужин или уходите!» Толпа заметно заволновалась. Считать себя «одиночкой» было неприятно. Ужинать никто не собирался, тем более в такой дыре. «Повторяю, — продолжал угрожать тот же бас, — одиночки, покупайте ужин или уходите!»

Я почувствовала себя щепкой в море. Толпу будоражило. Мест за столом не было. Мужчины на скорую руку выхватывали из толпы женщин, предлагая им поужинать. Потные, покрасневшие избранницы продирались сквозь толпу, нещадно круша свои тщательно подобранные туалеты. Боясь воров, они на вытянутых вверх руках держали свои сумки, то и дело, задевая ими по лицам и причёскам окружающих. Слышались отборная брань и счастливое хихиканье. Мой кавалер куда-то исчез. Женщины, такие как я, которых никто не выхватил, растерянно озирались по сторонам, не зная, куда приткнуться. Меньше всего хотелось ужинать. «Объявляю в последний раз, — прозвучал всё тот же грозный голос, — одиночки, заказывайте ужин или покиньте зал, больше предупреждать не буду!» По интонации я поняла, что угрожающий бас не шутит.

С трудом протиснувшись сквозь толпу, я устремилась к выходу, не видя и не слыша ничего вокруг, с одной только мыслью — скорей отсюда! Вся истерзанная, помятая, всклокоченная, я вылетела на улицу, на ходу подобрав свою сумку и курточку. Я так разволновалась, что даже не могла сообразить, где я и в какую сторону надо идти домой.

— Какой ужас, — услышала я знакомый голос и узнала свою симпатичную соседку по столику. — И самое неприятное, — продолжала она, — что так можно совершенно потерять уверенность в себе!

— По-моему, я уже потеряла, — призналась я сквозь слёзы.

— Да что вы! — возмутилась симпатичная соседка. — Ни в коем случае! Дело совсем не в вас! Вы что, не видите, куда вы попали?

— Не попала, — поправила я её, — а попалась, но больше не попадусь!

И с тех пор на «Party for singles» никогда не хожу.

Из разговоров...

— Ну, пожалуйста, выпейте со мной рюмочку!

— Извините, не могу, у меня от этого давление скачет.

— Ну, надо же, как мне не везёт! Только что похоронил жену, которая умерла от гипертонии, и нате вам опять!

ПРОФЕССОР

Профессора прислала сваха. Он ей поручил найти достойную его званию женщину, и она нашла меня по неизвестным каналам. Профессор один раз сказал мне, как его зовут, и на каждом шагу повторял, что он — профессор, поэтому имя я забыла, а то, что он был профессор, помню до сих пор.

Жил учёный «жених» за городом, но, по его словам, очень близко от Нью-Йорка, в роскошном комплексе, где имелось всё: от кинотеатра до спортивного клуба.

В ближайшую субботу у меня были какие-то дела в Манхэттене, и профессор предложил заехать за мной, чтобы познакомиться лично. Мы встретились на ступеньках Публичной библиотеки, и он повёз меня к себе в комплекс. Там было очень красиво. Все здания стояли в парке, приятно пахло чистотой и цветами.

Мы гуляли по парковым аллеям, и профессор рассказывал мне свою историю. Приехал он десять лет назад с женой, учительницей музыки, но учеников здесь, в Америке, найти не удалось, и она решила стать программисткой. Окончила курсы и даже на работу устроилась, а программировать не смогла. Наняли дублёра, который за неё делал задания, подсказывал, учил, но всё без толку. Работать самостоятельно никак не получалось. Профессорская жена плакала и говорила, что жизнь её в Америке не удалась, потому что профессионально она не состоялась.

— Я утешал её, — рассказывал профессор, — зачем тебе это программирование? Ты — моя жена, я профессор, чего тебе не хватает? Сиська и писька есть, что ещё нужно?

«Интересная постановка вопроса в профессорских устах», — подумала я.

— Так и жили, — продолжал профессор, — вернее, не жили, а мучились. Слезы, истерики, головные боли... Надоело мне всё это, плюнул и ушёл. Теперь вот живу один, но скучно, хочу иметь рядом близкого человека. А теперь вы о себе расскажите. Вы ведь программист, как работаете?

— Понимаю ваше беспокойство, — усмехнулась я, — ничего, обхожусь без дублёра, и если плачу, то по другому поводу. А вы, простите, в какой области профессор?

— В программировании, — ответил профессор.

«Вот так совпадение!» — отметила про себя я, а вслух спросила:

— Что же вы не могли помочь своей жене? Научили бы её, как своих студентов, она бы не плакала!

— Она сумасшедшая, ну её, никто ей не поможет, — отмахнулся профессор. — Пойдёмте дальше гулять!

Мы вышли из парка и пошли по чистеньким аккуратным улочкам городка. Откуда-то очень вкусно пахло, и я вспомнила, что не ела с утра. Мы шли мимо пиццерии. Я замедлила шаг и вопросительно посмотрела на профессора.

— Я совершенно не голодный, — угадал он моё желание.

— Позвольте, я куплю себе пиццу, — сказала я.

— Пожалуйста, — с готовностью согласился профессор.

Пока я ела, профессор читал мне лекцию о моральном облике женщины в его понятии.

— Если женщину на свидание привезти, потом увезти, да ещё и кормить обедом в ресторане, то получается, что она кто? Проститутка! Женщина должна на свидание приехать сама, потом уехать сама и любить бескорыстно, а не за обед!

«Хочу быть проституткой! — подумала я, уплетая пиццу. — Мне совсем не улыбается мотаться полтора часа в один конец на метро и автобусе, тратить четырнадцать долларов на проезд да ещё бескорыстно любить какого-то зануду на голодный желудок!»

— В таком случае, увы, мне сейчас же придётся уехать! — вздохнула я, сделав невинной лицо.

— Почему? — удивился профессор.

— Потому что скоро стемнеет, а ехать в темноте на общественном транспорте я боюсь!

— Я довезу вас до метро в Манхэттене, — великодушно согласился профессор. — Побудьте ещё немножко!

— Хорошо, — милостиво кивнула я, а про себя подумала: «Через полчаса — домой!»

Погуляли, посмотрели все спортивные сооружения, поплавали в бассейне. Всё чинно, благородно и очень скучно. Хотелось домой. Профессор повёз меня сам, как обещал. Подъехав к метро, он остановил машину и повернулся ко мне:

— Вы мне подходите. Всё-таки я — профессор и встречаться с какой-нибудь маникюршей из Бобруйска мне не годится!

— Почему? — наивно улыбнулась я. — Сиська и писька у неё, может быть, даже лучше, чем у программистки из Ленинграда, а что вам ещё нужно?

— Ты воображаешь себя очень остроумной, — почему-то перешёл на «ты» профессор, — а на самом деле просто вульгарна!

— С обратным приветом! — съехидничала я, хлопнула дверцей машины и пошла в метро.

Из разговоров...

— *Давайте встретимся в выходной день.*

— *Давайте, а что будем делать?*

— *Лежать.*

— *Как лежать? Сразу лежать?*

— *Да вы не бойтесь! Я вас не трону! Просто я очень люблю лежать. У меня свой винный магазин. Покупателей мало. Так я сзади поставил кресло-кровать и телевизор и весь день лежу, с восьми утра до десяти вечера. Так, знаете, устаю, что в свой единственный выходной хочу только лежать. Приходите, а?*

ВОЛОДЯ

Володя из Киева для души играл на скрипке в симфоническом оркестре, а для всего остального работал шофёром. По его речи и внешнему виду догадаться, что в его заскорузлых руках может петь скрипка, было просто невозможно.

Первый раз мы встретились приятным нежарким летним днём у моего дома и решили пойти погулять, просто так, куда глаза глядят, поэтому шли, болтая о том, о сём. «Направо, теперь налево», — время от времени направлял меня Володя. Я молча повиновалась, удивляясь, ведь договорились идти в никуда! «Мужчина даже на бесцельной прогулке не может, чтобы не руководить! — подумала я. — Ну ладно, пусть поиграется, какая разница, куда идти?»

— Стоп, — внезапно скомандовал Володя, — а вот и мой дом, зайдём на минутку?

«Доигрались!» — с досадой отметила я в душе, только теперь осознав всю меру своей наивности в недооценке противника.

Мы молча стояли у подъезда, глядя друг на друга, как два шахматиста перед матчем. «Сначала зайти на минутку, потом сядь на минутку в кресло, а потом это кресло окажется кресло-кровать», — с ненавистью подумала я и с самой очаровательной улыбкой спросила:

— Зачем? Погода отличная, пойдём гулять дальше.

— Вы понимаете, — проникновенно произнёс Володя, — моя мама в госпитале, и мы договорились с ней, что я позвоню в это время, зайдём только на минутку, а?

Трогательная забота о больной маме окончательно усыпила мою бдительность, и мне даже стало как-то неудобно за свои агрессивные мысли.

Мы поднялись в квартиру. В комнате, кроме кровати и телефона, который стоял на полу, не было абсолютно ничего. Володя действительно опустился на корточки перед телефоном, а мне галантным жестом указал на кровать, мол, садитесь, пожалуйста. Садиться в кровать не хотелось, и я растерянно стояла посредине пустой комнаты. Володя потыкал пальцем по кнопкам, внимательно послушал, повесил трубку, снял её, опять потыкал по кнопкам, послушал и с безнадёжным видом опустил трубку на рычаг.

— Странно, — пробормотал он, — госпиталь не отвечает, наверное, я номер перепутал!

— А мама? Она ведь ждёт звонка, волнуется!

— Да ладно, её сестра навестит, мы так договорились, — как-то подозрительно беспечно ответил Володя и пошёл на меня.

Я, как бы заинтересовавшись видом из окна, сделала шаг в противоположную от Володи сторону. Володя поменял направление и двинулся наперерез. С невинно-застывшими лицами мы кружили по комнате, как два бойца каратэ. Неожиданно спиной я почувствовала стену, дальше отступать было некуда, и Володя сграбастал меня сильными ручищами шофёра. «Вот так нежные руки скрипача!» — почему-то молниеносно пронеслось у меня в голове. Мы молча боролись.

— Ну, чего ты целкой-то прикидываешься, — тяжело дыша, процедил Володя, — сама, небось, рада, а толкаешься!

Я вырывалась с такой силой, что не могла даже отвечать. Внезапно Володя перехватил мой взгляд и неожиданно меня отпустил.

— Ну и глаза, — выдохнул он, — какие-то татарские!

Я знаю, у меня в лице это есть. Когда сержусь, как говорит моя дочка, у меня в каждом глазу по самураю. В данную минуту, я думаю, в моих глазах было по самураю с нагайкой.

— Сядь, — скомандовал Володя.

— Убью! — процедила я сквозь зубы.

— Сядь, не трону. Ну, сказал, не трону, значит, не трону. Сядь! — повторил он, отдуваясь.

Я прислонилась к тому, что мы привыкли считать подоконником, сделала вид, что села. Володя опустил на кровать и потёр себя по груди.

— Помрёшь тут с тобой! — проворчал он сквозь одышку.

— А ты не лезь, здоровее будешь! — зло огрызнулась я, — Давай, отдышись и веди меня домой, Сусанин, а то прыгну сейчас в окно, а тебе потом отвечать!

— Ты с ума сошла? — не на шутку испугался Володя. — Отойди от окна, ненормальная, сказал же, не трону, поговорить надо!

— Не о чём мне с тобой разговаривать, — отрезала я, — веди домой!

— Да погоди ты, я серьёзно. Слушай меня внимательно. Баба ты неплохая, я вижу, и порядочная. Значит, так. Видишь, у меня нет ничего. Я сейчас должен новую квартиру получить, государственную, ну, знаешь, платить от дохода. Так вот: одному мне что дадут? Еле-еле с одной спальней, а то и в студию могут засунуть. А если поженимся, да у тебя еще дочка, то спокойно можем взять две-три спальни. Платить будем с твоей зарплаты, значит, немного, а я буду работать только за наличные, соображаешь? Страховку на медицину ты мне обеспечишь, и проживём как боги! Теперь смотри: ты умрёшь — всё мне останется, я умру — всё тебе, а

поскольку у меня уже было два инфаркта, ждать тебе долго не придётся. Договорились?

— Нет, — покачала головой я.

— Почему? — оторопел Володя.

— Замуж я за тебя не хочу, вот почему!

— Ты что, дура? — взорвался Володя. — Я тебе дело говорю, дело, а ты мне «замуж не хочу»! Ты только подумай, что я тебе предлагаю!

— Ну, хватит, домой хочу! — и я решительно направилась к двери.

Всю дорогу домой Володя орал «дура» на всю улицу. Я шла с каменным лицом, как будто это относилось не ко мне. Около моего дома Володя встал в дверях:

Слушай, опомнись, сколько тебе лет?! Неужели ещё не надоело одной мыкаться и всё на себе тянуть? Ты, можно сказать, в лотерею выиграла, что меня встретила, а ведёшь себя как дура малолетняя!

— Значит, ты мне предложение делаешь? — насмешливо уточнила я.

— Делаю, — в тон мне язвительно осклабился Володя.

— В таких случаях хотя бы цветы покупают, а не душой обзывают! — отрезала я, хлопнула дверью и ушла домой.

Минут через двадцать раздался входной звонок. Ничего не подозревая, думая, что вернулась моя дочь, я открыла дверь, и в лицо мне полетел огромный букет цветов. Такого со мной ещё не было.

— Дура романтическая! — услышала я из лифта. Рассыпанные цветы валялись по всей прихожей.

Вечером позвонила моя тётя. Мы её называем «картошечка-морковочка», потому что она говорит так: «Возьми ложечку, сядь за столик, я тебе сейчас супику налью в тарелочку. Супик вкусный, с картошечкой, с морковочкой!»

Я рассказала «картошечке-морковочке» про самое оригинальное предложение, которое я когда-либо получала. «Господи! — вздохнула «картошечка-морковочка». — Нам ещё только трупика не хватало!»

«Трупик», как с лёгкой руки тёти мы с дочкой прозвали Володю, позвонил на следующий день и орал мне «дура» до тех пор, пока я не повесила трубку. На этом всё кончилось. Как мне потом рассказали, Володя получил студию, а я до сих пор живу как дура.

Из разговоров...

— Ну, пожалуйста, дорогая, так хочется провести с вами часа полтора в интимной обстановке. Приезжайте ко мне, очень вас прошу. Только, пожалуйста, покушайте дома, а то мне вас кормить

нечем, и я не хочу, чтобы вы от голода грызли свои перчатки!

МИШИ

Мишей было два.

Миша первый был вдовец. Его прислала подруга моей мамы, с которой он вместе преподавал в Нью-йоркском университете. Ростом он был примерно метра полтора, худенький, с красивым нервным лицом и при ходьбе чуть прихрамывал. Разговаривал Миша очень строго. «Имейте в виду, — предупредил он меня ещё по телефону, — я не люблю толстых». — «По-моему, я не толстая», — возразила я. — «По-вашему не толстая или не толстая?» — настаивал Миша. «Не толстая!» — уверенно заявила я и, на всякий случай, уже ничего не ела до конца дня.

Назавтра Миша пришёл в гости.

— Здравствуйте, а вы не толстая! — заметил он, входя в квартиру.

— Я же вам обещала! — гордо сказала я со вздохом облегчения, глядя на Мишу сверху вниз.

Пока Миша гулял по квартире, я незаметно переодела туфли и стала пониже сантиметров на пять, но всё равно на полголовы выше, чем Миша.

— Давно одна? — спросил Миша.

— Давно. А вы?

— Недавно, — мрачно ответил Миша. — Мы с женой жили с моей мамой в одном подъезде. Она на четвёртом этаже, мы на третьем. Уехал в командировку на неделю. Приезжаю — дома никого нет. Звоню маме, спрашиваю: где Рита? А Рита умерла, говорит, ещё в четверг похоронили.

От неожиданности я села и уставилась на Мишу.

— Так не бывает!

— Бывает, — пробурчал Миша, — они всегда не ладили, а у Риты было плохое сердце.

«Так, — подумала я, — маму я уже не хочу».

— Вы живёте одна? — как бы между прочим поинтересовался Миша.

— Нет, — удивилась я, — разве вам не сказали, что у меня дочь четырнадцати лет.

— Ну что ж, — усмехнулся Миша, — ещё год-два, и вы от неё избавитесь.

— Как избавлюсь? — воскликнула я. — Я совсем не хочу от неё избавляться, и потом она ещё маленькая.

— Маленькая! — насмешливо повторил Миша. — Джульетте было четырнадцать, между прочим!

— Пример неудачный, — съязвила я.

— Почему? — вскипел Миша. Его явно раздражало моё нежелание избавиться от дочки.

— А потому, — назидательно ответила я, — что, как известно, Джульетта плохо кончила, «нет повести печальнее на свете», — помните? А послушай она маму, жила бы долго и счастливо.

— Оригинальная трактовка! — буркнул Миша. Настроение у нас обоих было испорчено, беседа не клеилась, мы быстро распрощались, и Миша ушёл.

Маминой подруге он сказал так: «Женщина симпатичная, но её нездоровая привязанность к дочке меня не устраивает».

Миша второй был настоящий богатырь, широкоплечий, румяный и кудрявый. Миша приехал из Ташкента пять лет назад. Как только мы встретились, он сразу же стал мне рассказывать, какой замечательный плов готовят в Ташкенте, и просто был одержим желанием приготовить его прямо сейчас, специально для меня. Миша так горячо меня уговаривал, что я согласилась.

За продуктами для плова поехали на Брайтон.

— Вы какие фрукты любите? — спросил Миша перед входом в магазин.

— Бананы и яблоки.

— А что вы пьёте?

— Всё равно, лишь бы диетическое, — кокетливо ответила я, польщённая таким вниманием, и Миша ушёл в магазин.

Через пятнадцать минут он вышел с пакетами, явно недовольный.

— Послушайте, — раздражённо начал он, садясь в машину, — почему у вас на Брайтоне все Сёмы? Куда не придёшь, только и слышишь: «Сёма, Сёма!» Что, имени другого нет, что ли? Да, кстати, я купил коку и сливы, они сегодня со скидкой, а всё, что попросили вы, — нет!

Последнее замечание показалось мне совсем некстати, но «дарёному коню в зубы не смотрят», и я промолчала.

Ехать оказалось не близко, и по дороге Миша рассказал мне свою историю. В последний год перед отъездом он влюбился в жену своего лучшего друга. Любовь оказалась взаимной, и, бросив всё, забрав двоих детей, они уехали в Америку. Любить жену друга издали и быть её мужем оказалось две разные вещи. Особенно мешали дети. Девочка, четырнадцати лет, хотела ходить на танцы. Танцы кончались поздно. Мама, то есть Мишина жена, не спала, нервничала, переживала, наконец, взбунтовалась и положила этому конец. Девочка плакала, жаловалась Мише. Миша считал, что если хочет танцевать, пусть танцует. Жена возражала и кричала, что Миша мешает ей воспитывать дочь. Это Мише казалось обидным. С

мальчиком было ещё труднее. Он любил покушать и с удовольствием готовил себе сам. «Бывало, за стол не сядет, чтобы салатик себе не порезать, и не просто порезать, а как-то по-особенному, тщательно так, ничего не забудет, накроет себе, как в ресторане, и ест как-то с особенным аппетитом!» — возмущенно рассказывал Миша. Когда мальчишке исполнилось восемнадцать лет, встал вопрос, кем быть.

— И тут, — продолжал свой рассказ Миша, — я ударил кулаком по столу. Раз так любит жрать, дорога одна — в повара, там и нажрётся, и заработает. Нет, сволочь, не хотел! В колледж, говорит, пойду, учиться. Жрать любил и учиться хотел! Ну, конечно, скандал, жена в слёзы, орала, орала, но я на своём стоял крепко. Надоело всё, к чёртовой матери, особенно эти дармоеды!

— Вы имеете в виду детей? — уточнила я.

— Да все они были дармоеды! Кроме меня, в семье работать не мог никто, а мнение своё имели. А я так считаю: кто телегу везёт, тот и дорогу выбирает, а не хотите — убирайтесь, откуда пришли. Вот они и уехали.

— Как уехали? — не поняла я.

— Обратно, в Союз, к папочке своему, пусть он их кормит!

— А жена? — удивилась я.

— И жена к своему муженьку поехала, не захотела с этими вырожденками расставаться. Туда им и дорога, мне здесь и одному хорошо, верно? — Миша крепко взял меня за руку и не отпускал до самого дома. Рука устала, было неудобно, я тихонечко пробовала освободиться, но не тут-то было. Миша сжал руку ещё крепче и так держал всю дорогу.

Жил Миша на 14-м этаже, возле океана. Квартира была огромная, в каждой комнате стоял большой телевизор.

— Можно включить? — спросила я.

— Дома посмотришь, — сказал Миша. Он взял громоздкое кресло и поставил его на пороге кухни. — Будешь сидеть и смотреть, как я готовлю.

Готовил он мастерски, быстро и очень ловко, но плов — дело долгое, мне надоело сидеть, и я встала.

— Куда? — услышала я.

— Хочу позвонить дочке.

— Сядь, — приказал Миша.

— Но я не хочу больше сидеть, — упорствовала я.

Миша положил ложку, молча подошёл ко мне и резким движением посадил меня обратно. Я почувствовала себя в клетке.

— Я твой плов не хочу, — надулась я.

— Ну ладно, встань, — разрешил Миша.

Я вышла на балкон. Внизу бушевал океан. Ветер трепал волосы и рвал одежду. «Улететь бы сейчас!» — внезапно подумала я, но с 14-го этажа улететь было не так-то просто.

— К столу! — скомандовал Миша.

«К ноге!» — послышалось мне.

На столе дымился плов, стояла кока-кола, которую я не пью, на тарелке синели сливы, которые я не люблю.

— Можно простой воды? — попросила я.

— Ешь и не придуривайся, — ответил «добрый» Миша и достал бутылку водки.

— Миша! — встревожилась я. — Зачем нам водка, вы ведь за рулём!

— За каким рулём? — удивился Миша. — Я дома и раньше, чем завтра вечером, за руль не сяду. Спать будем здесь!

Внутри у меня всё сжалось и похолодело, мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать. К счастью, природа взяла своё, Миша встал и пошёл в ванную. Я мгновенно схватила сумочку, вылетела за дверь, прыгнула в лифт, выскочила на улицу и побежала. Минут через пять я остановилась. Вокруг не было ни души. Я беспомощно оглянулась. На пороге дома, недалеко от меня, стоял человек.

— Скажите, пожалуйста, как пройти к метро? — спросила я.

— Вы что, одна? — удивлённо спросил мужчина.

— Одна, — жалобно ответила я, почуяв недоброе, — а где я?

— Вы в Фаракавей, — покачал головой мужчина, — у нас здесь в одиночку к метро не ходят, опасно, подождите, я вас подвезу.

...Домой я добралась к вечеру. Усталая, голодная и очень счастливая. Я включила свой телевизор, ела банан, запивала его диетическим пепси и пела весёлую песенку из кинофильма «Дети капитана Гранта»:

Кто весел, тот смеётся,
Кто хочет, тот добьётся,
Кто ищет, тот всегда найдёт!

Из разговоров...

— Я очень люблю путешествовать. Недавно был в Рио-де-Жанейро. Там такие креветки — пальчики оближешь! В Мадриде мне не понравилось — всё какое-то невкусное, вспомнить нечего! Но зато такой пиццы, как я ел в Вероне, около балкона Джульетты, — нет во всём мире!

ЯША или А ВЫ ПОЧЁМ?

Вы знаете себе цену? Нет, вы меня не так поняли, конечно, цену себе знают все, но я имею в виду в долларах. Да-да, в долларах, вы не ослышались. Разумеется, я знаю, что в долларах могут себе назвать цену только проститутки, но признайтесь, даже очень порядочные женщины не отказались бы узнать, сколько они стоят наличными. Боже сохрани эти деньги взять, а тем более отрабатывать, но узнать, сколько ты стоишь безо всяких скидок и оговорок, интересно каждому. Я тоже никогда об этом не думала, поскольку у меня другая профессия и образ жизни, но так получилось, что цену себе я узнала при совершенно неожиданных обстоятельствах.

До того, как я въехала в свою квартиру, её обворовывали одиннадцать раз. И всегда через окно. Предыдущий жилец не поленился специально прийти ко мне и предупредить:

— Поставьте решётки на окна, иначе может случиться любая беда!

Окна у меня в квартире всегда открыты, поэтому я занервничала, с первой же зарплаты нашла в газете телефон и вызвала мастера.

Решёточника звали Яша.

— Добрый вечер! — голосом бывалого конферансье поздоровался с порога Яша. — Здравствуйте, бабулька! — это уже моей маме персонально.

— Бабулька, между прочим, колледж в Америке окончила и по-английски говорит свободно, — оскорбилась мама, поправляя причёску, — внучёк нашёлся!

— Извиняюсь, извиняюсь, вы ещё очень интересная женщина, — ничуть не смутился Яша. — А где же папочка, где ваш муж? — это уже ко мне.

— А вам не кажется, что я вас позвала поставить решётки на окна, а не биографию мою слушать? Давайте ближе к делу, а?

— О'кей, о'кей!

И Яша озабоченно стал мерить и разглядывать наши окна. Через пять минут мы знали о нём всё — что он из Одессы, кем он был раньше, и кто его папа, и про жену, и про дочек, и про друзей, которых у Яши было видимо-невидимо, и он их всех называл «товарищами».

Сделав все необходимые замеры, Яша ушёл, пообещав прийти на следующий день уже с решётками. Назавтра он пришёл вечером. Я была дома одна. Недолго думая, Яша тут же ловко меня схватил и смачно поцеловал.

— Полицию вызывать или будем делать окна? — рассердилась я.

— Тише, тише, я ничего насильно не делаю. Не хочешь — не надо, желающих вагон, я не голодный, — успокоил меня Яша и действительно взялся за решётки. — Я порядочных женщин очень уважаю!

— Оригинальная проверка, — пробурчала я, на всякий случай держась подальше.

Часа через два всё было сделано. Прощаясь, Яша сказал:

— Не может быть, чтоб такая женщина пропадала зазря. Я о тебе позабочусь, у меня лёгкая рука.

— Спасибо, до свиданья, — попрощалась я и через минуту забыла и о Яше, и о его обещании.

Однако через пару недель раздался звонок по телефону.

— Привет, это я, Яшка-решёточник, своё обещание помню. Есть один товарищ, очень достойный мужчина, устроенный, я ему дал твой телефон, скажет от меня.

— Зачем? — ошарашено спросила я.

— Что значит зачем? Такая женщина — одна! Слушай, ты ничем не рискуешь, да — да, нет — нет, а посмотреть можно. Всё. Тебе позвонят. Бай. — И Яшка повесил трубку.

В тот же вечер мне позвонили. Достойный, по словам Яшки, устроенный мужчина. Первым делом он предложил мне поехать на три дня отдыхать и, не обидевшись на мой удивлённый отказ, почти час рассказывал мне анекдоты. Вдруг посередине фразы мой собеседник как-то очень по школьному выпалил: «Ой, милиционер идёт!» — и повесил трубку.

Через пару дней он позвонил опять.

— Вы что, из автомата? — наивно удивилась я.

— Почему, я из дома.

— А что за милиционеры у вас там ходят, и почему вы их боитесь?

— А, это у меня шутка такая. Ой, я вам потом позвоню, — вдруг скороговоркой проговорил мужчина и бросил трубку.

«Да что за чертовщина», — подумала я, только теперь сообразив, что не знаю собеседника даже по имени.

Когда он позвонил в следующий раз, первое, что я спросила, — это имя.

— Лёня, — ответил мой новый знакомый.

— Простите, Лёня, что у вас за странная манера ойкать и бросать трубку, кого вы боитесь? — И вдруг меня осенило, — Уж не жена ли входит в комнату, когда вы разговариваете?

— Ну, а кого ещё дома можно называть милиционером?

— Так какого чёрта вы вообще мне звоните? — рассердилась я.

— Да мы с ней не ладим, вот я и приглядываюсь, — ответил сообразительный Лёня.

— До свидания. Здесь вам приглядывать уже нечего, — отрезала я и наконец-то первая швырнула трубку.

На следующий день позвонил Яшка.

— Ну, как? — спросил он.

— Что как, посылаешь каких-то женатых придурков и еще спрашиваешь!

— Фу ты, чёрт, я и не знал, что он женатый, — оправдывался Яшка. — Мне он сказал, что холостой, что ищет с кем бы познакомиться, вот я и хотел тебя пристроить.

— Не надо меня пристраивать! Мне и так хорошо! — возмущалась я.

— Как не надо? Обязательно надо. Жди.

Ждать пришлось недолго. Яшка позвонил, ликуя от восторга.

— Ну, всё, наконец-то будешь устроена, как королева. Нашёл тебе миллионера. Зовут Борис, скажет от меня. — Не успела я открыть рот, как в трубке раздались короткие гудки.

Борис позвонил в субботу вечером.

— Я от Яши. Приглашаю вас ужинать, жду внизу в машине.

— В какой машине?

— Вы, главное, выходите. Такая машина, как у меня, у ваших дверей ещё не стояла.

Я вышла. У парадной стоял огромный белый «мерседес». Я неуверенно оглянулась. Дверца открылась.

— Садитесь. Я — Борис.

Борис был похож на крёстного отца. Огромный, грузный, с сердито-недовольным лицом.

Когда мы вошли в ресторан, он осмотрел меня сверху донизу и разочарованно произнёс:

— Ну что ты оделась, как учительница...

Действительно, на фоне полуголых бриллиантовых дам мои брючки и кофточка, которые дома мне показались красивыми, совсем померкли.

Борис заказал всё, что можно было заказать. Сам не ел ничего, а только угощал.

— Вы что, на диете? — спросила я.

— У меня язва. Обострение. В рот взять не могу ничего, — зло ответил он.

Я и до того была не очень голодная, а в такой ситуации аппетит пропал

вообще.

— Давайте потанцуем, — предложила я.

С тяжёлым вздохом, будто выполняя тяжкую повинность, Борис пошёл танцевать. Танец был не быстрый, мы тихонько топтались, стараясь попасть в такт музыке. Рядом танцевала пара. Она, вытянув губы трубочкой, громко чмокала ими в районе носа своего партнёра. «Какой ужас!» — подумала я.

— А ты мне так почему не делаешь? — вдруг услышала я над ухом.

— Не чувствую пока сближения, — мрачно пыталась сострить я.

— Ну, это всегда пожалуйста, — неправильно истолковал мой юмор Борис и зажал меня так, что дышать стало невозможно.

— Да ну его к чёрту, этот ресторан! — вдруг рявкнул Борис. — Пойдём лучше в кино.

Он рассовал по карманам услужливо завёрнутую официантом в фольгу еду, мы сели в машину и поехали в кино.

Фильм был прекрасный. Любимые актёры, интересный сюжет, чудесная музыка.

Минут через сорок после начала Борис вынул из кармана пакеты и, громко шурша фольгой, стал их разворачивать. Вкусно и смачно запахло чесночно-мясным с луком. Фольга гремела громче, чем актёры на экране, и зрители, сидевшие вокруг нас, недовольно заворчали.

— Заткнитесь! — громко и сердито во весь голос огрызнулся по-английски Борис, и уже по-русски мне:

— У меня язва, я должен покушать.

Люди вокруг всё больше волновались. Борис по-хозяйски в полный голос отбrehивался на все сказанные в его адрес замечания, успевая при этом с аппетитом уплетать взятую из ресторана еду.

От стыда я уже не видела и не понимала, что я смотрю.

Еды хватило до конца фильма. По дороге домой Борис заявил:

— Значит, так. Твоя зарплата меня не интересует, это тебе на булавки. Всё, что мне надо, — это диетический завтрак, обед и ужин, а главное, твоя медицинская страховка, мне предстоит лечиться и лечиться. Дом у меня — дворец, убирать не надо, есть полячка. Работай и готовь, больше от тебя ничего не требуется. Думай, завтра позвоню.

Мы подъехали к моему дому.

— Я уже подумала, — выходя, сказала я, — замуж за вас я не хочу. Спасибо. До свиданья.

Борис молча глядел вперёд, не меняя угрюмого выражения лица.

«Легко отделалась!» — с облегчением отметила я и побежала домой.

Яшка пропал на месяц, потом раздался звонок.

— Здравствуйте, — голосом Пьеро печально произнёс мужчина, — я от Яши, меня зовут дядя Володя.

Это прозвучало так по-детски, что я не выдержала и рассмеялась.

— Здравствуйте, дядя Володя, а вы уверены, что вам нужна именно я?

— Ой, Федя-блин-где-ж-мои-лапти, куда я попал? — растерялся дядя Володя.

— Вы что, не знаете, куда звоните?

— Почему? Знаю.

— Так что ж вы спрашиваете, куда попали?

— Да это, блин, шутка такая! Я шутить люблю. А вы что сейчас делаете?

— Да вот, через десять минут начнётся русский фильм, буду смотреть.

— Ой, Федя-блин, как же я давно русские фильмы-то не видел, соскучился!

Мне стало жалко бедного Пьеро-дядю Володю, и я предложила:

— Приезжайте, посмотрите фильм.

— Приеду, — быстро согласился дядя Володя и через десять минут вошёл в квартиру с тортом.

Дядя Володя полностью соответствовал своему голосу, небольшого роста, с огромными грустными карими глазами, рот, с железной фиксой на переднем зубе, — подковкой вниз, вся голова в седых кудельках. За чаем мы разговорились.

— Откуда вы Яшу знаете? — спросила я.

— Да я его и не знаю почти, так, один раз виделись. Он, блин, как узнал, что я одинокий, предложил познакомиться.

— Надо же, какой добрый человек этот Яшка, — вдруг растрогалась я, — двое детей, жена, работа, а у него ещё есть время и желание устраивать чужие судьбы!

— Ну да, — грустно согласился дядя Володя, — жить-то надо, блин, вот он и крутится!

— Как крутится? — не поняла я.

— Ну, деньги-то нужны, вот он, блин, и старается.

— Какие деньги?

— Как какие? Триста долларов, блин, разве не деньги?

— При чём тут триста долларов? Ничего не понимаю, объясните толком!

— Да что тут объяснять, блин? Если что у нас получится, я ему триста долларов заплачу.

— За что? За кого? За меня? Триста долларов? — не веря своим ушам, переспросила я.

— А что? Ты женщина ладная, симпатичная, я бы лично заплатил, — спокойно, по-деловому, ответил дядя Володя.

— Ну ладно, — взъерилась я, — триста долларов я вам сэкономлю. Ничего у нас не получится!

— Да чего ты, блин, расстроилась-то, — утешал меня дядя Володя, — ничего такого нет, во всех брачных конторах платят.

...Когда Яшка позвонил в очередной раз, я орала как сумасшедшая.

— Напрасно ты сердишься, — спокойно отреагировал на мой ор Яшка. — Такая женщина! Что я, на тебе пару копеек не могу заработать? Любой бы заплатил!

— Отстань, ничего ты на мне не заработаешь! Понял? Отстань, забудь мой номер телефона!

— Да ты только послушай! — не сдавался Яшка. — Горе у меня, тётка любимая умерла, вчера хоронили. Так я на кладбище, во время похорон, очень хорошего товарища для тебя присмотрел, хочу дать твой телефон.

— Надеюсь, он ещё жив, товарищ твой? — съязвила я.

— Жив, конечно, ты что! Очень даже симпатичный!

— Яша, умоляю тебя, оставь ты меня в покое, мне твои симпатичные уже в печёнках!

Я в сердцах шмякнула трубку, перевела дух и вдруг расхохоталась. Ну, надо же! Целых триста долларов!

Ну, а вы знаете себе цену? Я теперь знаю. И, учитывая мой возраст и не очень крепкое здоровье, я ещё, оказывается, ого-го, чего и вам желаю!

Из разговоров...

Объявление в русской газете:

«Девушки! Осталось меньше года! Это тот срок, за который я должен решить свою судьбу! Спешите! Могу и передумать! Вадим»

— Здравствуйте, я звоню по вашему брачному объявлению. Хочу познакомиться.

— А какой у тебя размер члена?

— Не знаю, не мерил...

— Так ты сначала вынь да померь, а потом звони порядочным женщинам!

ЭПИЛОГ

Дорогие женщины! Берегите своих мужей! Самый плохой из них, если только не дерётся, лучше тех, которые придут к вам свататься!

Дорогие мужчины! Берегите своих жён! Они вас терпят, а попадётеcsь другой женщине, она от ваших фокусов устанет и уйдёт, да ещё и юмористический рассказ про вас напишет. И будет весь мир над вами смеяться!

Люди, любите друг друга!

КНИГА ВТОРАЯ БРАК ПО- ЭМИГРАНТСКИ

ПРОЛОГ

Маленькая девочка лет пяти гуляла с мамой напротив Дворца Бракосочетаний. Большие красивые машины, одна за другой, отъезжали от подъезда, увозя с собой новоиспечённых молодожёнов.

Каждая машина была наполнена белым воздушным облаком невесты и женихом, похожим на чёрную лакированную палочку, бережно придерживающую облако, чтобы оно случайно не улетело.

— Мама, куда их всех везут? — спросила девочка.

— В новую жизнь, — улыбнувшись, ответила мама.

— Когда я вырасту большая, я тоже хочу быть тётей-невестой и в красивом белом платье уехать в новую жизнь! — мечтательно вздохнула девочка...

Почти все когда-то, молодые и счастливые, уезжали в эту неизвестную, но полную надежд и очарования новую жизнь. Многие, увы, вернулись обратно, усталые, больные и раздражённые. По усам, как говорить, текло, а в рот не попало.

«Как же так? — спрашиваем себя мы. — И почему именно со мной произошёл весь этот ужас?»

Часть I. ОНА И ОН

Чтобы достигнуть настоящей мудрости, сначала нужно побывать в ослиной шкуре.

Апулей. Золотой осёл.

МАМА

Когда мне было пять лет, я пришла из детского сада и выпалила с порога:

— Папа, а ты знаешь, евреи не за нас!

— С чего это ты взяла? — удивился папа.

— Сегодня наша воспитательница Галина Николаевна говорила. А ты не знаешь, так не смейся! — назидательно сказала я голосом Галины Николаевны.

— Между прочим, — тем же тоном передразнил меня папа, — я — еврей, и мама наша тоже еврейка, так же, как твои бабушки, дедушки, дяди и тётки, а, самое главное, ты сама — еврейка!

— Я — шатенка, а еврейкой быть не хочу! Все говорят, они плохие, не за нас! — упрямо стояла на своём я.

— А Чарли Чаплин? Эйнштейн? Карл Маркс?

— И Карл Маркс тоже? — изумилась я.

— Конечно! И все наши друзья, которых ты так любишь, дядя Абраша, тётя Дифа. Мы все — евреи. Ничего плохого в нас нет, и, тем более, мы не можем быть не за нас!

— Я в растерянности отошла от папы и села на диван. Чувствовать себя еврейкой было очень странно и обидно. Вдруг оказалось, что я не такая как все в нашей группе, Люда Петрова, Таня Серебрякова, мои любимые подружки. Но быть как Карл Маркс — очень здорово! Он после Ленина и Сталина — самый главный! Хоть тут повезло!

Я пошла на кухню. Соседка Таисия Ивановна с головой залезла в духовку, засовывая туда что-то необыкновенно вкусно пахнущее.

— Таисия Ивановна, — загадочно произнесла я, — вы знаете, какое счастье?

— Ну? — не вылезая из духовки, пробурчала Таисия Ивановна.

— Карл Маркс — еврей! — с торжеством выдохнула я. — Мне папа сказал!

— Ещё бы! — странно фыркнула Таисия Ивановна, вылезла из духовки и ушла из кухни с таким видом, будто Карл Маркс был не такой, как мы, а такой, как она!

На следующий день в детском саду я подбегала ко всем и гордо объявляла:

— Карл Маркс — еврей, и я тоже!

Никто почему-то не радовался, а Люда Петрова и Таня Серебрякова перестали со мной играть.

За обедом ко мне подошла воспитательница Галина Николаевна.

— Это ты всем рассказываешь про Карла Маркса? — строго спросила она.

— Он — еврей, — уже не так уверенно повторила я и сосем тихо добавила, — и я тоже.

— За столом не болтают! — отрезала Галина Николаевна и больно ущипнула меня за руку.

Вечером, когда я ложилась спать, папа подошёл ко мне, как всегда, сказать «Спокойной ночи!»

— Что это? — нахмурился он, увидев около моего плеча два огромных синяка.

— Это меня Галина Николаевна ущипнула за нашего Карла Маркса. Папа, ты точно знаешь, что он — еврей?

— Точно знаю. Спи, не волнуйся! Спокойной ночи!

Обычно утром мы с папой вместе выходили из дома, переходили через дорогу и шли в разные стороны. Я — в детский сад, папа — на работу. В этот день папа неожиданно пошёл вместе со мной.

Войдя в раздевалку, он подвёл меня к Галине Николаевне и задрал рукав моей кофточки.

— Здравствуйте, — сказал папа, — Карл Маркс — еврей, а я — судебно-медицинский эксперт, и видеть кровоподтёки на теле моей дочери больше не хочу. Договорились?

Лицо у Галины Николаевны покрылось красными пятнами.

— Договорились, — прошептала она и глазами ущипнула меня ещё раз. Так я впервые почувствовала себя еврейкой...

Когда моему младшему брату было пять лет, он катался на своём трёхколёсном велосипеде и наехал на прохожего. Брат слез с велосипеда и сказал:

— Дядя, простите меня, я нечаянно!

— Ух, ты, еврей паршивый! — ответил прохожий.

Расстроенный брат пришёл домой, рассказал всё, как было, и спросил:

— Папа, а как он узнал?...

... А трудно быть папой, верно?...

... Когда моей дочке было пять лет, я обронила при ней фразу «Моё еврейское счастье!»

— Мама, какое у тебя счастье? — переспросила дочка.

— Ты о чём? — не сразу поняла я.

— Ну, ты только что сказала, что оно у тебя какое-то не такое.

— Ах, да, — спохватилась я, — я сказала «еврейское».

— А что это «еврейское»?

— Это значит, что я — еврейка, поэтому счастье у меня еврейское.

— А я? — недоверчиво посмотрела на меня дочка.

— Ты тоже еврейка, мы все — евреи.

Дочка на минуту задумалась и тут же нашлась.

— Вы, может быть, евреи, а я — ленинградка!

Я вспомнила, как когда-то спорила с папой и хотела быть шатенкой, обняла дочку и вздохнула.

... Да, папой быть трудно, но и мамой не легче!

ДОЧКА

Папы у меня никогда не было. То есть вообще-то он был, но ушёл от нас очень давно. Судя по рассказам тех, кто его знал, детей он не хотел и со всех своих жён брал обещание не рожать. Однако ни одна из них слова не сдержала, поэтому у моего папы было много жён и ещё больше детей.

Насколько мне известно, мама, выходя замуж, тоже детей иметь не собиралась, но, когда вопрос стал ребром, делать аборт категорически отказалась. Но папин ультиматум или он или дети — мама выбрала меня. Когда мне исполнился год, папа ушёл со словами: «Я тебя предупреждал» и больше никогда не приходил.

В детском саду, а потом в школе, я очень хотела иметь папу, чтобы он меня качал на качелях и играл со мной в «морской бой». Но в третьем классе, когда Танька Коновалова пришла вся в синяках и рассказала про своего пьяного папку всякие ужасы, я очень обрадовалась, что живу только с мамой.

Мама говорит, что папа был очень красивый, как Ален Делон. От Делона меня лично тошнит, у него мёд с лица капает, но маме когда-то он очень нравился. Те, кто знают моего папу, до сих пор утверждают, что я — это вылитый он.

Своего папу я увидела только раз, когда мне было двенадцать лет, и мы собрались уезжать в Америку. Мама привела меня в парк, и я побежала на качели, а мама остановилась с каким-то мужчиной, и они стали разговаривать. Я подошла к ним, чтобы позвать маму меня покачать. Мужчина меня не видел, он говорил маме:

— Дашь кусок — отпущу, уедешь. Скажи спасибо, что не пять.

— Мам, кусок чего? Хлеба или мяса? — спросила я. — Вы голодный? Хотите конфетку?

— Это твой папа, — сказала мама.

Я отдернула руку с протянутой конфеткой и недоверчиво посмотрела на мужчину.

— И ничего я на него не похожа, — пробурчала я.

Мужчина, то есть папа, позеленел.

— За эту сцену ещё тысячу заплатишь, — мстительно произнёс он, не глядя на меня, повернулся и ушёл.

«Почему мама считает его красивым, — подумала я, — барсук какой-

то!»

Больше я никогда своего папу не видела. Мы уехали в Америку и жили с мамой так весело и интересно, что мне никто другой не был нужен.

В Америке я после окончания школы поступила в колледж, нашла себе небольшую вечернюю подработку и так закрутилась, что дома меня почти не было. По будням мама уходила на работу на цыпочках, стараясь меня не разбудить, а вечером я приходила домой, затаив дыхание, потому что мама уже спала. Виделись мы, в основном, по выходным.

МАМА

Уезжать из страны, где прожито сорок лет, очень страшно. Впереди — абсолютная неизвестность. Всё, что знала раньше, казалось смешным и ненужным. Мне было жалко бросать нашу пусть маленькую, но очень славную и уютную квартиру в центре, до слёз горько, может быть навсегда, расставаться с друзьями, как в пропасть делать шаг во всё новое — язык, профессию, быт. Но в то же время именно это предвкушение новизны манило и зазывало, как голос сказочной сирены в океане.

Что я оставляла за спиной, кроме друзей, работы и квартиры? Развод, унижения, слёзы и жуткое ощущение безысходности.

Новая жизнь в Америке представлялась мне чистой тетрадкой из детства, открывая которую, думаешь, что всё теперь будет по-другому — правильно и красиво...

Незаметно, в хлопотах и заботах прошли первые два года жизни в Нью-Йорке. В нашем районе по-английски почти никто не разговаривал. Я, правда, поначалу, пробовала использовать свои знания хотя бы в магазинах. Но как-то раз мне было сказано:

— Женщина, не морочьте голову, не прикидывайтесь, говорите по-русски!

С тех пор в своём родном районе я говорю только на родном русском языке. На нашей улице нас с дочкой все знают.

Главное в Америке — улыбаться.

— Здравствуйте! — улыбка.

— До свидания! — улыбка.

— Вы приняты на работу! — улыбка.

— Вы уволены! — улыбка.

Как бы ни сложились обстоятельства, в Америке мы все должны улыбаться широко, беспечно и, желательно, белозубо.

Когда после окончания курсов по программированию я первый раз пришла устраиваться на работу, от одного слова «интервью» сжималось сердце. Заполнив бесчисленное множество анкет и тысячу раз обменявшись обязательной улыбкой то с одной, то с другой секретаршей, каждая из которых встречала меня как родную, я наконец-то вошла в кабинет. Из-за стола поднялся мне навстречу маленький бородач.

— Хай! — приветливо улыбнулся он.

— Хай! — поздоровалась я, храбро улыбаясь и умирая от страха.

Бородач задал первый вопрос. Я хотела что-то сказать, но с ужасом поняла, что проклятая улыбка судорогой свела скулы, будто приклеившись к губам. Вместо ответа я по-идиотски улыбалась.

Бородач улыбнулся ещё шире, приветливей и похлопал меня по руке.

— Не надо так волноваться! Приходите в другой раз.

Я попятилась к двери, храня примёрзшую улыбку, которая оттаяла только на улице. После двух-трёх попыток пройти интервью испуг прошёл, и, бойко отвечая на вопросы, моя улыбка означала: «Ну, спроси меня что-нибудь ещё!»

Когда, наконец, я, к великой радости, нашла работу и вместо фудстемпов — продуктовых талонов, которые выдают безработным в качестве пособия, начала расплачиваться деньгами, вся наша русская улица искренне оплакивала мою глупость и непрактичность:

— Женщина, что вы наделали! У вас же девочка растёт! Так хорошо была устроена на пособии! Зачем вы это над собой сделали?

— Спасибо за сочувствие! — улыбалась я, не вдаваясь в объяснения о том, что самое большое счастье в Америке — это жить и работать по-человечески, то есть честно получать свою зарплату не бояться проверки со стороны налоговой службы.

Итак, я пришла на первую работу и поток английского, приправленного специальными терминами, завертел меня, закружил, и я с разбегу, порой, влетала в разговорный тупик, переставая разбирать, о чём шла речь. Обычно первая стадия в преодолении языкового барьера — когда уже можешь сказать, но не очень понимаешь что говорят тебе. В таких случаях на помощь приходила спасительная американская улыбка и лёгкое покачивание головой в знак согласия. «В любом случае, — утешалась я, — если с человеком соглашаешься, ему уже приятно, а дальше будет видно, разберусь!»

Мой непосредственный начальник, как принято говорить в Америке — супервайзер, огромный толстый негр Майкл, разговаривал с жутким специфическим акцентом, по которому чёрного можно опознать даже по телефону, ловко перебрасывая языком зубочистку из одного угла рта в другой, и через слово вставлял: «Вы понимаете, о чём я говорю...» то вопросительно, то утвердительно. Кроме этой фразы я ничего не понимала, но кивала и улыбалась как можно обворожительней.

Иногда я попадала впросак. Ко мне подошла директриса, важная дама, от невыносимо сварливого нрава которой страдали все вокруг. Пробормотав себе под нос что-то нечленораздельное, она вопросительно на

меня посмотрела. Согласно своей излюбленной тактике, я кивнула и лучезарно улыбнулась.

— Вы не должны улыбаться и кивать! Это просто неприлично! — взвизгнула директриса. — Я завтра уйду в отпуск и с иронией спросила вас, чувствуете ли вы облегчение от этого! Вы понимаете, что такое «с иронией»?

Я кивала, как заводная, и жалко лепетала:

— Да, конечно! Понимаю! Это ужасно! Мы с нетерпением будем ждать вас обратно! — и ещё какую-то чушь из того, что первым пришло в голову.

Подобные неувязки случались крайне редко, и я была абсолютно убеждена, что мой трюк с улыбкой работает безотказно.

К слову сказать, и сами американцы не всегда понимали друг друга и пользовались той же практикой.

Майклу по роду службы часто приходилось обсуждать технические проблемы с американцем Лу, высоким, тощим и таким бледным, как будто из него выжали все соки. Лу отличался тем, что прочёл все книги на свете и объяснялся витиевато-затейливой глубоко литературной речью, которую хорошо понимают в высоких лондонских кругах и совсем не понимают в со-всего-света-эмигрантской Америке. В переводе на русский она по-маршаковски звучала примерно так: «Глубокоуважаемый вагоноуважатель...»

Майкл и Лу — диаметрально разные социально и психологически, тайно презирали и ненавидели друг друга, а потому вечно спорили, но вежливо, тактично — чисто по-американски, то есть сладко улыбаясь после каждого предложения.

— Вы хотите сказать, Лу... — и дальше мой супервайзер в привычной для него разговорной манере, перекачивая зубочистку, пытался изложить то, что ему удалось уловить из пространных объяснений тощего Лу, не забывая при этом добросовестно растягивать в дежурной улыбке свои похожие на хорошо надутую автомобильную шину лилово-чёрные губы.

— К моему величайшему сожалению, Майкл, — снисходительно улыбался Лу тонко-бескровной щёлочкой рта, — я позволю себе представить вышеизложенное несколько по-иному. С вашего разрешения, то, что я имел в виду удостоить вашему вниманию, звучит приблизительно следующим образом...

Одна и та же фраза футбольным мячом перебрасывалась от Майкла к Лу и обратно в течение нескольких часов. Проговорив полдня ни о чём, так и не поняв друг друга, они расходились по своим кабинетам, на ходу улыбаясь всем встречным, а проблема оставалась неразрешённой.

Шло время... Однажды ко мне подошёл Лу.

— Я хочу сказать вам нечто, надеюсь, для вас небезразличное и приятное. Смею утверждать, что ваш английский язык заметно улучшился. Вы достигли в нём необыкновенных успехов!

— Лу! — удивилась я. — Но вы так редко разговариваете со мной!

— Увы, мы действительно общаемся не так часто, как хотелось бы, — согласился Лу, — но зато теперь вы понимаете всё, что вам говорят.

— Откуда вы знаете? — изумлённо спросила я.

— Во время беседы вы стали реже улыбаться! — поклонился мне Лу и улыбнулся. А я поймала себя на мысли, что давно перестала вздрагивать от телефонного звонка, и уже не напрягаюсь, когда ко мне обращаются мои коллеги-американцы, смеюсь над их шутками и даже шучу сама. Английский бесцеремонно потеснил русский и по-хозяйски обосновался на кончике языка. Началась обычная американская жизнь.

С работой и английским у меня был порядок, а с личной жизнью — проблема.

Сначала, после развода, когда я осталась с маленькой дочкой, было не до того. Потом долго и мучительно эмигрировали, пройдя все круги ада, пытаюсь получить разрешение на выезд. Приехав в Америку, училась, искала работу. И теперь, вырастив дочку, с облегчением вздохнула, посмотрела вокруг и поняла, что осталась абсолютно одна. Иногда меня знакомили, но всё было не то. Хотелось радости, счастливого ожидания, нетерпения встреч, короче, хотелось влюбиться!..

Брат позвонил мне на работу.

— Слушай, один из моих приятелей, дантист, предложил познакомить тебя со своим коллегой. Если хочешь, я дам твой телефон.

— Дай, — согласилась я, и на этом всё закончилось.

Прошло полгода. Однажды вечером раздался телефонный звонок. Незнакомый мужчина, по имени Гарик, пытался объяснить мне, кто он и откуда, а я никак не могла понять, о чём речь и при чём тут мой брат. Неожиданно я вспомнила разговор шестимесячной давности. Мы договорились встретиться в ближайшую субботу.

Гарик пришёл без опоздания и с цветами. Когда он вошёл, высокий, подтянутый, у меня пронеслась только одна мысль: «Наконец-то!»

Кожа на лице Гарика была гладкая и смугло-розовая, как у новорождённого. Я сразу заметила красиво очерченный пухлый рот, блестящие стёкла очков в тонкой оправе и подпирающую нижнюю губу глубокую капризную складку на подбородке. Он был похож на седого мальчика, держался нарочито строго, по-моему, смущался и от этого

хмурился и вдруг светлел широкой, доброй и очень располагающей улыбкой.

Чем больше мы рассказывали друг другу о том, как жили раньше, тем больше поражались невероятному количеству переплетений наших судеб. Мало того, что мы оба были из Ленинграда, три поколения наших родных и близких так или иначе сталкивались, общались, дружили, любили, некоторые даже породнились. И вот теперь, на другом конце света, совершенно случайно мы с Гариком наконец-то встретились.

«Как такое могло произойти? Нет, это судьба!» — думала я.

ДОЧКА

Мама у меня замечательная. Во-первых, она совсем не похожа на тётку. В ней есть что-то мальчишеское. Внешне мы с мамой разные, но все, кто никогда не видел моего отца, говорят, что мы похожи. Во-вторых, она очень смешная. Мы с мамой придумываем шутки, передразниваем друг друга, сочиняем дурацкие стишки и хохочем до упаду.

Мама знает самые интересные книжки на свете. Когда она подсовывает мне что-то почитать, то потом не оторваться. В общем, она своя в доску, и, наверное, поэтому у меня никогда не было закадычных подружек, лучше всех было с мамой.

Но кое в чём мы совершенно не сходимся. Как назло, все в нашей семье круглые отличники. А я — в папу. Говорят, он был отпетым двоечником, и теперь я мучаюсь с его проклятыми генами. Не то чтобы я не хотела учиться. Совсем наоборот. Учиться хочу, но всегда находится что-то поважнее. А этого моя мама понять не может, потому что для неё самое главное — это учиться, и не просто, а лучше всех. Как она сама умеет это делать, я убедилась, приехав в Америку. Мама училась с утра до ночи с таким упорством и терпением, что я только тихо завидовала. Вечером она дочитывала учебник до конца, а утром он опять был открыт на первой странице, и мама опять что-то читала, писала и тихо сама себе пересказывала. Сначала я восхищалась, потом меня это стало раздражать. Мамина голова, уткнутая в книгу, была вечным укором моему легкомыслию. Я пыталась об этом не думать и старалась улизнуть из дома под любым предлогом, а их было предостаточно.

Вторым камнем преткновения в наших с мамой отношениях была её любовь к порядку.

— Застели постель! Убери свои вещи! Сделай порядок на столе! Что у тебя в шкафу?..

Из милой подружки мама превращалась в занудную надзирательницу. Это жутко действовало мне на нервы.

«Неужели больше не о чём думать?» — удивлялась я. Но мамы хватало на всё. А уж если ей чего-то хотелось, то противиться было совершенно невозможно. «Завела бы она себе кого-нибудь, — часто мечтала я, — меньше бы дома сидела и не давила бы мне на шею!»

МАМА

Гарик был чрезвычайно предупредителен. Любое пустяковое желание, не успевая слететь с моего языка, уже воплощалось в реальность, удивляя меня своей неожиданностью.

Мои любимые гвоздики ждали меня в машине, когда бы мы ни встретились.

Я потеряла записную книжку и тут же получила в подарок другую, электронную.

Делая маникюр, я впопыхах размазала лак на ногтях, и Гарик на следующий день принёс мне специальный опрыскиватель, чтобы лак высыхал быстрее. Эти мелочи трогали меня до глубины души.

Так вышло, что женат Гарик никогда не был. Хотя очень давно, ещё в Ленинграде, он жил пару лет с одной женщиной, Милой. Она была моложе Гарика, умная, образованная, симпатичная. У неё были мама, папа, член-корреспондент Академии Наук и огромная квартира в самом центре города. Но папа-академик внезапно умер, и Гарик вскоре переехал к Миле и её маме и жил, как член семьи, но без определённого статуса. Это непонятное положение, ни муж — ни жених, очень тяготило Гарика, и он неоднократно предлагал Миле оформить отношения. Но Мила тянула. Не говоря категорического «нет», соглашаться не торопилась, приводя туманные доводы, смысл которых сводился к тому, что надо подождать.

На людях Мила была спокойной и уравновешенной, на первый взгляд даже флегматичной, но в постели превращалась в ненасытную пантеру. Спала она только тогда, когда доходила до полного изнеможения, поэтому днём ходила сонная и медлительная, а Гарик на работе клевал носом и засыпал на ходу. Выспаться в выходные не удавалось, поскольку выходные тоже проходили в спальне и поспать можно было урывками между страстями. Постепенно разговоры о женитьбе заглохли сами собой.

Дни шли за днями, месяцы — за месяцами. Потом начались недоразумения. Мила постоянно задерживалась непонятно где и приходила домой всё позже, не давая себе труда придумать правдоподобную причину, и, наконец, без предупреждения пропала на двое суток.

Гарик терялся в догадках, умирал от ревности и со страхом понимал, что происходит что-то от него никак не зависящее. Когда после двухдневного отсутствия Мила всё-таки появилась, как всегда сонная и невозмутимая, Гарик устроил скандал и предъявил ультиматум — или

разрыв, или оформление отношений. Неожиданно Мила согласилась на замужество, но с условием сделать всё тихо, без свадьбы и гостей. Благодаря своим связям она устроила всё так, что регистрироваться договорились в день, когда в загсе был выходной. Сотрудница, Милина подруга, должна была придти только ради того, чтобы оформить брак Милы и Гарика официально.

Жених и невеста встретились в назначенное время на улице, у дверей загса. Посмотрев на Гарика, который пришёл без цветов и без кольца, Мила молча повернулась и ушла. Регистрация не состоялась. Гарику пришлось вернуться к себе домой, где жили папа, мама, бабушка, младший брат со скрипкой, женой и новорожденным сыном и старший брат, без жены, но с виолончелью.

— Гарька, — сказала я после того, как мне была рассказана эта печальная история, — я не могу поверить, чтобы ты пришёл в загс без цветов и кольца. Это совсем на тебя не похоже!

— Во-первых, у меня не было денег, я был молодой врач, получал копейки, а во-вторых, я был дурак!

— А что стало с Милой?

— Через полгода вышла замуж, родила, потом развелась. Она ведь нимфоманка ненасытная! Я слышал, муж бил её смертным боем, гуляла, наверное. Мне это соседка Цилия рассказывала, она её знает, до сих пор переписываются. А я уехал в Америку. Через три года получил от Милы письмо. Она писала, что собирается приехать к жениху, куда-то в Калифорнию, но если я хочу, то она лучше за меня выйдет замуж. Как тебе нравится это «лучше»?

— Мне, Гарька, вообще мало что нравится. Я, например, не понимаю, зачем жениться на женщине, которая где-то бежит и пропадает, а ты хотел!

— Я же говорю, дурак был.

— Ну и что же ты ей ответил?

— Ничего. Слышал, что она всё-таки приехала и замуж вышла. Живёт теперь в Калифорнии.

Гарик закурил и отвернулся. Я поняла, что тема исчерпана.

«Несчастный! — вздохнула я. — Бедный, несчастный человек!»

По признанию Гарика, всех своих знакомых дам он проверял по реакции на его машину. Маленькая, допотопная, казалось, она собрана вручную. Потолок и дверцы были закреплены канцелярскими скрепками. Гарик много курил, поэтому всё внутри было черно-желто-зеленым.

По словам Гарика, женщины, с которыми он знакомился, нередко, дойдя до машины, с ужасом восклицали:

— Вы, дантист, ездите на такой машине? — и тут же поворачивались и уходили.

Я помню в первый раз, когда увидела эту развалюху, тоже была, мягко говоря, шокирована и только поинтересовалась:

— Она едет?

Услышав твёрдое «да», смело села в машину, которая, к моему удивлению, действительно поехала, и не куда-нибудь, а в лучший ресторан.

ДОЧКА

Завести себе друга моей умной и замечательной маме было не так-то легко. К нам в дом время от времени приходили какие-то странные личности. Я их просто называла «козлы». Когда они начинали разглагольствовать с умным видом о какой-нибудь ерунде, мы с мамой только переглядывались, а когда эти придурки уходили, вспоминали их «мудрые» изречения и хохотали, как ненормальные. Чаще всего они рассказывали, какими важными людьми были раньше, и до хрипоты ругали своих бывших жён.

Иногда я ловила на себе какие-то мерзкие липучие взгляды. Порой прищелец уже с порога произносил с замиранием:

— Ой, какая у вас дочка красивая! — и так и сидел с открытым ртом, не спуская с меня глаз.

Хотелось дать по морде, я злилась и старалась куснуть его побольнее каким-нибудь, якобы невинным, вопросом или замечанием.

Несмотря на мамину самостоятельность и независимость, я знала, что ей жутко надоело быть одной. Но бабушка, мамина мама, постоянно твердила, что встречаться просто так неприлично, поскольку это плохой пример для дочери, то есть для меня. Мне, честно говоря, было до лампочки — будет у мамы друг или муж, но для мамы бабушкино мнение всегда имело значение, поэтому я догадывалась, что на самом деле маме очень хотелось замуж.

МАМА

Воскресенье Гарик повёз меня за город, на день рождения своей двоюродной сестры Нины. Гостей было немного. Я знала только Цилю, соседку Гарика по дому, особу малосимпатичную, маленького роста, с толстым длинным носом и пронирыливым выражением лица. На Гарика она смотрела по-хозяйски, а на меня как на пустое место, и всё время улыбалась. Я не люблю людей, с постоянной улыбкой на лице. Я им не верю и стараюсь держаться от них подальше. К счастью, Циля, судя по её поведению, дружить со мной не собиралась.

Нина, большая, дебелая и когда-то, видимо, красивая, а теперь никакая, командирским тоном, громко и визгливо, отдавала приказания мужу и дочке, которые накрывали на стол.

Как следует выпив и закусив, компания, знакомая много лет, ударилась в воспоминания о прежней жизни. Всех гостей объединяло торгововоровское прошлое, тема мне совершенно чуждая и неинтересная. Гарик не принимал участие в «охотничьих рассказах» сидящих за столом, но слушал внимательно, с интересом внимая то одному рассказчику, то другому.

«Что у него общего с этим ворьём?» — ёрзая от скуки, недоумевала я.

Устав слушать, как дурили покупателей, ОБХСС и милицию, я тихо вышла из-за стола, взяла на кухне ведро, щётку и мыло, вышла на задний двор и, засучив рукава, принялась за нашу «золушку», как я мысленно окрестила то, что Гарик с гордостью называл «моя красавица».

Я так увлеклась, что очнулась лишь тогда, когда, повернувшись, увидела всех гостей, во главе с хозяйкой дома и Гариком. Все в молчаливом изумлении стояли вокруг меня и машины.

— Извините, — упавшим голосом сказала я, — мне захотелось размяться, — и виновато вопросительно посмотрела на Гарика.

— А я и не знала, Гарик, что твоя машина светло-серая! — с нескрываемой иронией съязвила хозяйка.

— Я тоже, — сухо ответил Гарик, молча вынул из моих рук щётку и тряпку, закрыл машину и повёл меня обратно в дом. За нашей спиной кто-то тихо прыснул, и вдруг, не стесняясь, толпа оглушительно заржала.

Мы с Гариком о машине не сказали ни слова после злополучного дня рождения. Три дня Гарик не звонил, и я совсем было загрустила, но он неожиданно появился на пороге и попросил меня выйти на улицу. Я спустилась вниз. У подъезда, поплёскивая окнами, стоял новенький «форд»

серебристо-сизого цвета. Гарик распахнул дверцу.

— Садись!

— Твоя? — воскликнула я.

— Наша, — гордо сказал Гарик, — садись, поехали.

— А старая где?

— Продал!

— Как продал? Кто ж купил? — не унималась я.

— Купил один чудака за 200 долларов, — усмехнулся Гарик, — правда, вчера звонил, что она сломалась, но мне уже всё равно.

Новая машина не ехала, а плыла. Гарик держал меня за руку, и я была на десятом небе от счастья!

Когда-то у Гарика была большая семья: папа, мама, бабушка и два брата, старший и младший. Потом папа и бабушка умерли, братья разъехались, а Гарик и его мама жили в одном доме, но в разных квартирах. Оба брата Гарика были профессиональными музыкантами. Папа и мама с детства таскали их по специальным школам, концертам, учителям, заставляли заниматься, наказывали и снова заставляли. Зато теперь мама Гарика с гордостью показывала всем афиши со своей фамилией.

— На мне родители отдохнули! — часто шутил Гарик, но в голосе его звучала обида. Всякий раз, когда я слышала эту шутку, мне было его жалко и хотелось обнять.

Все дальнейшие события неслись в вихре вальса. Гарик потрясающе танцевал, и мы проплясали на одном дыхании три месяца.

ДОЧКА

Наконец-то мама нашла того, кто ей был нужен. Новый знакомый, Гарик, соответствовал всем маминым идеалам. Мама и Гарик часто встречались, а я получила долгожданную свободу. Наша квартира была в цветах, которые регулярно приносил Гарик. Мама порхала, прихорашивалась, мало бывала дома. Жизнь наша круто изменилась.

Однажды мама взяла меня с собой в гости к Гарику. Ехать надо было далеко. Гарик жил на 13-м этаже дома, из окна которого был виден берег океана и чайки.

Квартира Гарика меня поразила. С одной стороны, чистота была, как в операционной, с другой — в квартире пахло затхлостью и старьём.

Вся обстановка была со свалок. Справа в гостиной стоял продавленный диван. Перед ним — журнальный столик, когда-то мраморный, а теперь больше похожий на могильную плиту, с пепельницей в виде железного башмака. Около дивана возвышалась лампа, позеленевшая от старости, с абажуром неопределённого цвета.

Угол противоположной стены занимал стол, покрытый подобием скатерти, со стульями, обитыми серой тряпкой.

Грубо сколоченные полки, забитые книгами, отделяли кухню от подобия кабинета с большим письменным столом прошлого века.

Такие же доморощенные полки были в спальне. Между ними тускло поблескивало большое трюмо из будуара чьей-то умершей бабушки. Почти всю комнату занимала кровать, которую Гарик сам сколотил из досок, найденных на улице. Во всех углах квартиры торчали старые поникшие вентиляторы, похожие на висельников, не вынутых из петли.

Старый обшарпанный телевизор, стоявший посреди гостиной, смотреть было просто невозможно. Изображение дёргалось, и как будто всё время шёл снег, поэтому на экране царила вечная зима. Вместо того чтобы смотреть фильм, мы по очереди крутили антенну, потом плюнули и выключили телевизор.

Мама подошла к Гарику и обняла его.

— Ты же одинокий человек, Гарька, как ты коротаешь вечера без телевизора?

— С тех пор, как у меня есть ты, я его вообще не смотрю, — ответил Гарик и поцеловал маму в нос.

Мне было скучно. Пялиться на маму с Гариком было неудобно, а

смотреть телевизор — нельзя. «Вот попалась!» — подумала я и пошла взять чего-нибудь почитать. Книг было огромное количество, все большие, толстые и, как оказалось, неинтересные, в основном о том, как правильно вкладывать деньги. Судя по этой квартире, вкладывать тут нечего. Правда, Гарик в Америке больше десяти лет и работает дантистом, эта нищета кажется очень странной.

Каково же было моё удивление, когда через неделю Гарик пригласил нас к себе снова. У стены стоял новый, самый лучший на свете огромный телевизор. Гарик смотрел на нас и гордо улыбался. Но на фоне этой роскоши остальная обстановка в квартире казалась ещё беднее.

Дико неудобно. А впрочем, наплевать, не моё дело!

МАМА

Все свои отпуска я всегда проводила с дочкой. Мы заранее планировали наш отдых, с удовольствием готовились и очень ждали заветного времени. Ещё зимой мы купили путёвку на июль, чтобы поехать на Бермудские острова.

Накануне нашего отъезда к Гарику приехал погостить его племянник. В этот день Гарик пригласил нас с дочкой к себе. Племянник оказался долговязым бледным очкариком с длинным хвостом волос и серьгой в ухе. Он был чуть старше моей дочки, учился музыке и привёз с собой кучу всякой аппаратуры: гитару, усилительные колонки, магнитофон, микрофоны и что-то ещё тяжёлое, неподъёмное.

Неожиданно я увидела Гарика совсем другим. Обычно он был неторопливым, уверенным, спокойным и снисходительным. При виде горячо любимого племянника Гарик весь съёжился, суетился и заглядывал ему в лицо с заискивающей улыбкой, не зная как и чем угодить. Здоровенный парень, на голову выше дяди, держал дверь, а согнутый, худенький и сразу резко постаревший Гарик таскал его чемоданы и тюки с инструментами короткими перебежками от машины — к двери, от двери — к лифту, от лифта — в квартиру.

Наконец с вещами было покончено, и мы сели за стол. Племянник спокойно осмотрел угощение и так же спокойно забрал с тарелки Гарика куски, которые ему показались лучше.

После обеда племянник вынул гитару и предложил спеть для нас песню собственного сочинения. Он ударил по струнам.

— Хочу тебя, ой, как хочу тебя, хочу тебя всю! — дурным голосом по-английски орал племянник.

Еле сдерживая смех, я посмотрела на дочку. Она закусила щёки изнутри, изо всех сил стараясь сохранить на лице серьёзное выражение. Диван, на котором мы сидели, от нашего сдавленного хихиканья затрясся сначала тихо, а потом начал поскрипывать. Тут мы не выдержали и совершенно неприлично захохотали, одновременно приходя в ужас от того, что мы делаем, и не имея сил остановиться.

Багровый от злости Гарик смотрел на нас ненавидящими глазами, а мы катались по дивану, задыхаясь от хохота. Племянник замолчал и, совсем не обидевшись, посмотрел на нас с явным сожалением:

— Вы совершенно не подготовлены к современной музыке, — спокойно

заметил он.

— Да, это правда, — с готовностью подхватила я, чтобы хоть как-то оправдать нашу неприличную реакцию.

— Ну, ладно, пойдём в другую комнату, я буду репетировать, а ты послушаешь, — предложил дочке племянник.

— Давай, — согласилась она и встала.

И тут вдруг произошло что-то непонятное. Багровый, взъерошенный Гарик вскочил и рявкнул:

— Нет! Никуда она с тобой не пойдёт! Ты марш в одну комнату, она — в другую! Всё! Не желаю ничего слушать! Делай, как я говорю!

Все замолчали и застыли, в недоумении глядя на хозяина дома. Первой очнулась моя дочка, резко повернулась и ушла в другую комнату. Племянник покорно поплёлся репетировать один. Я осталась с Гариком.

— Ты чем-то недоволен? — с недоумением спросила я.

Вместо ответа Гарик включил телевизор и уставился в одну точку на экране.

Я молча убрала со стола и пошла мыть посуду. Когда я вернулась, Гарик стоял у окна и курил.

— Когда я приехал в Америку, — вдруг произнёс он, не оборачиваясь, — то впервые в жизни получил собственную квартиру, в которой был один. Ко мне приходили, ели, спали, иногда жили какое-то время. Однажды я загадал, что женюсь на первой, которая вымоет чашку хотя бы за собой, будь это даже последняя проститутка. Как видишь, я до сих пор не женат.

— Спасибо за сомнительный комплимент, — съязвила я и пошла в комнату к дочке. Глаза её были мокрыми. Я обняла её.

— Хочешь, сейчас же уедем домой?

— Не надо. Ничего. Я в порядке, — всхлипнула она.

— погоди, я ему кое-что объясню. — Я взяла с тумбочки бумагу и ручку, быстро написала записку и сунула её Гарику под подушку. — Потом почитает и подумает над своим поведением. Пошли, нечего здесь сидеть в одиночку!

Мы вышли на середину гостиной, и я объявила:

— Пойдём гулять! Собирайтесь!

Все молча повиновались. Мы вышли на океан. Гарик подошёл к племяннику, отвёл его в сторону и что-то быстро зашептал ему на ухо. Племянник выслушал, ничего не ответил, подошёл к моей дочке, взял её за руку и пошёл по берегу, не оглядываясь. Мы с Гариком повернули в другую сторону. Разговаривать не хотелось. Я смотрела на волны, на чаек. Гарик

курил. Так прошло минут двадцать. Потом вернулись обратно, дошли до места, откуда разбрелись. Детей не было.

— Ты побудь здесь, я сбегая домой, посмотрю, может, они уже вернулись, — забеспокоился Гарик и побежал.

Я пожала плечами и осталась стоять на берегу. Через две минуты, оживлённо болтая, подошли племянник с дочкой, оба смеялись, настроение у них явно поправилось.

— Где дядя? — поинтересовался племянник.

— Побежал вас искать, — усмехнулась я. Племянник молча покрутил пальцем у виска и переглянулся с дочкой.

Мы медленно пошли к дому. Навстречу бежал запыхавшийся Гарик. Увидев племянника, он облегчённо вздохнул и пошёл рядом.

На следующий день мы с дочкой уехали на Бермуды.

ДОЧКА

Мы с мамой собирались в отпуск на шикарном теплоходе. Накупили шмоток. Собрали чемоданы. На отвальную поехали к Гарику. Вместе с нами к нему приехал его племянник. Маменькин сынок из вундеркиндов. Гарик нянчился с ним, и это было очень смешно!

Племянник поначалу пробовал со мной свысока разговаривать родительским тоном, но быстро понял, что это бесполезно, и стал говорить как нормальный человек.

После обеда Гарик попросил племянника спеть. Начался концерт художественной самодеятельности. Племянник, будто в огромном концертном зале, во весь голос выл по-английски какую-то сексуальную бредятину, и мы с мамой чуть не лопнули со смеха, а Гарик из-за нашего ржания разозлился так, что я думала, кинется на нас с кулаками. В отместку за то, что мы недооценили юное дарование, Гарик по-идиотски вызверился на меня. Это было несправедливо и обидно. Я не выдержала и заревела. А потом решила, чёрт с ним, лишь бы маме не сломать кайф, стерплю. Я и так видела, что мама страшно расстроилась.

На прогулке племянник меня удивил ещё больше.

— Не обращай внимания на дядю! Он тут мне нашептал, что ты из плохой компании, но я ему не верю, все знают, какой он ненормальный. Мы всей семьёй приехали к нему, в Америку, так через два месяца он придрался к какому-то пустяку и просто выгнал нас на улицу. Мой папа три года с ним не общался и говорил, что дядя — параноик.

«Ничего удивительного, — пронеслось у меня в голове, — человеку под полтинник, живёт как сыч, один, и женат никогда не был. Станешь ненормальным!»

— Да ладно, — сказала я вслух, — не обращай внимания, давай я тебе лучше анекдот расскажу!

Маме решила ничего не говорить. Ей сейчас хорошо, и незачем её расстраивать, а там видно будет!

МАМА

Первый раз в жизни мы путешествовали на огромном и красивом теплоходе. Среди всего этого непривычного великолепия я себя чувствовала не в своей тарелке. Старая советская привычка робеть перед швейцаром брала своё.

Официанты-малайцы по-английски понимали с трудом, но кланялись при каждом слове и всё записывали, а потом или не приносили ничего, или не то, что заказано. Вокруг было столько вкусностей, что рот был постоянно забит едой, как кляпом.

Главное занятие на теплоходе — ничего не делать, а это надо уметь! Любая одежда, поза, всё — как хочется! Я даже отважилась надеть новую специально купленную шляпу от солнца, в которой чувствовала себя великолепно, а выглядела смешно и нелепо, но мне было в первый раз в жизни безразлично.

Американцы овладели наукой «ничегонеделания» в совершенстве. Спокойно, с книжкой или просто глядя на воду, наслаждались природой. Те, кто устал сидеть, в спортивной одежде ходили по палубе и считали круги, как на тренировке. Семейные пары лежали на шезлонгах, изредка улыбаясь друг другу. Вот этот душевный комфорт я называю взаимопониманием.

Конечно, можно сказать по-другому. Я буду терпеть твои выходки, а ты — терпи мои. Вынести подобные отношения невозможно, но, видимо, у нас это в крови. Всю жизнь мы прожили под давлением со стороны государства, школы, начальников, родителей и общественного мнения. Теперь сами тоже давим и только ищем пути, как давить «правильно». Нет внутренней свободы, поэтому не даём быть свободными близким. Самое трудное — не давить на детей. Сто раз говорила себе: «Я как моя мама делать не буду», и столько же раз слышала от дочки: «Ты — точно как бабушка!» У американцев, по-видимому, такой проблемы нет, и они даже не подозревают, какое это счастье. Просто живут и всё.

Одиноких женщин на теплоходе было много, одна другой красивее, а одиноких мужчин — трое, и все странные. Один сам с собой беседовал, другой с восторженным видом прыгал по палубам и невпопад смеялся, а третий не разговаривал ни с кем и смотрел волком. Видимо, женщина свободное время тратит на то, чтобы за собой ухаживать, а одинокий мужчина просто не знает, что с собой делать, и от незаметного чуждачества

доходит до заметного идиотизма.

О Гарике вспоминать не хотелось. Последний вечер оставил неприятное послевкусие, и я со страхом думала о том, что будет, когда мы вернёмся. Скорее всего, ничего. Зато я не скучала по нему и наслаждалась морским воздухом и необычной атмосферой постоянного праздника.

На третий день путешествия — Бермуды. Самое страшное место на земле, где случаются фантастические трагедии, открылось нам бело-розовой декорацией из детской старинной сказки.

Мы вышли на пляж, в виде огромной лошадиной подковы, пустынный, сине-розово-коричневый, в сочетании воды, песка и скал. Вокруг покой и отрешённость. «Теперь понятно, почему здесь пропадают люди, — подумала я, — кому охота от такого великолепия обратно в бедлам и суету? Я бы тут тоже с удовольствием пропала!»

Вечером с трудом заставили себя вернуться на судно. К моему удивлению, меня искали! Гарик одиннадцать раз звонил из Нью-Йорка, вся обслуга уже знала моё имя, и каждый встречный умолял меня не выходить из каюты, ждать звонка! Это было так неожиданно! Я села около телефона. Через полчаса раздался звонок.

— Дорогая! Как ты там? Я скучаю, буду вас встречать! Я устал тебя искать!

Голос Гарика был такой тёплый, нежный, что я чуть не заплакала. Все обиды были забыты. Я сразу дико соскучилась и захотела домой.

Остаток путешествия я подгоняла часы и минуты и не могла дожидаться, когда мы наконец-то вернёмся!

ДОЧКА

Корабль — восторг и упоенье,
Старухам всем на удивленье!

По-моему, это не корабль, а дом престарелых! Средний возраст — семьдесят. Для начала нас всех построили, как на пионерской линейке, одели в оранжевые спасательные жилеты, как у тех, кто работает на дорогах, и объяснили, что делать, когда начнём гореть или тонуть. В результате стало понятно, что поскольку мы с мамой самые молодые, нас будут спасать последними. Неплохое начало!

Зато вкуснячкой еды — навалом! Один шутник во время ужина предположил, что корабельную команду наверняка кормят как нас, так как мы оставляем, а они доедают. И вправду, съесть всё — просто не в человеческих силах!

Вечером пошли с мамой на диско-бал. На трёх холостых, с трудом найденных на корабле ущербных мужиков — пятьдесят, а то и больше одиноких страдалец. Корабельный массовик-затейник отморозков поставил в середину, из трёх человек кружок ещё тот, а вокруг них собрал бабский хоровод. Мы с мамой тоже встали. Я умирала от смеха, мама на меня смотрела умоляющими глазами, чтобы я «вела себя прилично» — любимое выражение нашей бабушки! Заиграла музыка. Три придурка шли влево, а мы все — вправо. Как только музыка прекращалась, надо было схватить мужчину. Мама тут же проиграла. Судя по её лицу, хватать никого из этих недоделков ей не хотелось. Я победила всех и получила приз — дурацкую закладку для книг! Кто бы меня видел из моих друзей, живот бы надорвал от смеха!

На всех палубах — круглосуточная жрачка, поэтому, когда приходили в ресторан на положенные завтрак, обед и ужин, я экспериментировала и, не рискуя остаться голодной, заказывала что-нибудь экзотическое. В ужин, польстившись на красивое название, попросила сама не знаю что и получила хорошо наперченный сырой мясной фарш в виде котлеты и к нему одну редиску, которую я и съела. Потом закусила куском австрийского торта и мороженым со свежей вишней, залитым горячим ликёром. В общем, полный разврат и праздник живота!

По теплоходу ходил всё тот же массовик-затейник и всем задавал загадки, типа сколько яиц можно съесть натощак, которые разгадать не мог никто, кроме мамы. В конце концов, она сама ему подбросила пару загадок,

и затейник от нас надолго отстал, потому что ответить не смог. Например, что находится в середине земли? Все почему-то начинают с дурацкого ядра, а на самом деле — буква «М». Очень просто, а отгадать никто не может. Мама подобных заморочек знает кучу. А наш смысленый затейник пошёл в другой конец корабля, загадал мамины загадки, а за ответ, не в пример моей простодушной маме, брал деньги. Деловой!

Бермудские улочки — это свадебный торт с зефиром. Бело-розовые и воздушные. Все ездят на мопедах, а мужчины одеты в строгие тёмные пиджаки, рубашки с галстуками и розовые шорты. Впечатление дикое. Будто мужик в розовых семейных трусах забыл надеть штаны и выперся на улицу.

На судне нам объявили, что на берегу есть специальный магазин футболок, где нас ждёт выигрыш по номеру каюты. Причалив к берегу, мы с мамой первым делом ринулись за выигрышем. Увы! По иронии судьбы счастливый номер оказался соседней с нами каюты. Чтобы не расстраиваться, мы купили футболку себе и для подарков. Каково же было наше удивление, когда, вернувшись на корабль, мы обнаружили, что у соседних с нами кают именно этот номер пропущен! Его не оказалось на всём судне, которое мы добросовестно облазали просто из принципа. Наколка! В магазин нас заманили, футболки мы накупили, а что ещё надо тем, кто хотел их продать? Всё схвачено и на корабле, и на суше!

Бермудские чёрные дети, в отличие от наших нью-йоркских, принцы и принцессы. Необычайно хорошо воспитаны. По дороге на пляж в наш автобус сели человек двадцать маленьких школьников с одной учительницей. В Нью-Йорке всем пассажирам просто пришлось бы ноги уносить! У нас десять негритят обычно пасут два-три учителя, и при этом — сумасшедший дом с воплями и толкотнёй. А тут мальчики уступали место девочкам, тишина и порядок. Чудеса! Бывают же такие чёрные!

На пляже — благодать! Солнышко, ветерок, вокруг — скалы. Однако мама нещадно пихала меня в тень, и мы торчали в этих замечательных скалах, как доисторические люди в каменных пещерах, а пассажиры с нашего корабля, к моей зависти, нежились у самой воды, на песке! Мы досидели у моря до вечера, пока не пришёл служитель с собакой и объявил, что пляж закрывается.

А на ужин большинство наших пассажиров пришли багровые, в пузырях, как после ядерного взрыва. Некоторые тихо поскуливали, боясь дотронуться друг до друга. Мы с мамой сидели как две шоколадки, и мама гордо смотрела на меня глазами победительницы!

Пока мы блаженствовали на пляже, Гарик устроил на судне суматоху и

разыскивал маму по всем корабельным телефонам. С чего это его так разобрало?! После разговора с ним мама вся засветилась и пребывала в приподнятом состоянии до конца поездки. Прямо Ромео и Джульетта! Ну, мама ещё на Джульетту кое-как тянет, на судне никто не верил, что мы — мама и дочка, все думали, сёстры или подружки! Мы и есть подружки, но как можно влюбиться в старого, лысоватого, занудливого «Ромео», я просто не догоняю!

МАМА

Мы возвращались в Нью-Йорк в необычный для июля холод и дождь. Из-за плохой погоды наш корабль опоздал часа на три. Несмотря на это, Гарик, с огромным букетом красных гвоздик, ждал нас в порту с пяти часов утра. Встретились мы как родные! Обнимались, целовались, пытались друг другу что-то рассказать и вместо этого опять обнимались и целовались! Потом поехали домой и устроили праздничный завтрак, переходящий в обед и так же незаметно в ужин.

Мы с дочкой взахлёб рассказывали о нашем путешествии, в лицах изображая всех, кто нас там окружал.

Вечером Гарик распорядился:

— А теперь одевайся, мы идём танцевать!

Мы отправились в русский ресторан, заказали вино и фрукты и танцевали, танцевали, танцевали...

ДОЧКА

Вот непруха! Раз в жизни я красиво загорела, так в Нью-Йорке стоял собачий холод, и пришлось закутаться до бровей!

В порту нас ждал Гарик, замёрзший и промокший. Он с таким восхищением и виноватой улыбкой посмотрел на маму, что сердце моё дрогнуло. Гарик и мама замерли в объятьях друг друга, а я развлекалась тем, что всё это фотографировала.

Мы поехали домой обедать, и Гарик хвостом ходил за мамой по квартире, глядя на неё глазами влюблённого третьеклассника.

Вдруг он хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл! Ведь перед отъездом ты оставила мне записку, вот она!

Гарик вытащил из бумажника аккуратно сложенный листочек, развернул его и с выражением произнёс:

Прочитай сколько хочешь книжек,
Переслушай хоть тысячу плёнок,
Но пока не набьёшь себе шишек,
Ты капризный большой ребёнок!

Меня эти твои стишки жутко разозлили! Я не спал всю ночь! И написал тебе ответ:

Пусть прочёл я много книжек,
Пусть набил я много шишек,
Мне не больно от этих шишек,
Зато я прочитал много книжек!

Мы с мамой посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, хором подхватили нашу любимую считалку:

Мышка сушек засушила,
Мышка мышек пригласила,
Мышки сушки кушать стали,
Зубы сразу же сломали!

От того, что у нас так складно это получилось, мы одновременно прыснули, но потом вспомнили, как мы неудачно последний раз вместе посмеялись перед Бермудами, затихли и испуганно уставились на Гарика. Но он не рассердился.

— Вы что, это сейчас сами сочинили?

— Нет, конечно, — прыснули мы, — это же из «Чебурашки»!

— Какого Чебурашки? — удивился Гарик.

Тогда мы взялись с мамой за руки, хороводом пошли вокруг Гарика и запели:

Я был когда-то странной,
Игрушкой безымянной,
К которой в магазине
Никто не подойдёт!
Теперь я — Чебурашка,
Мне каждая дворняжка,
При встрече сразу лапу подаёт!

— Чебурашка, — объяснила я Гарику, как маленькому, — это такой зверёк, который всё время чебурахаётся, и у него большие уши!

— Первый раз слышу, — пробормотал Гарик, — но с вами не соскучишься!

— А это нам все говорят! — опять хором хихикнули мы.

Мама села к Гарику на колени, обняла его за шею и пропела:

Теперь со мною Гена,
Он не обыкновенный,
А самый лучший в мире крокодил!

И стала целовать Гарика то в одну щёку, то в другую.

Я поняла, что им уже не до меня, быстро поела и при первой же возможности улизнула. Мне тоже было с кем встретиться.

Нам с мамой показалось, что Гарик жалеет о своём срыве, и мы решили больше об этом не вспоминать.

Жизнь потекла как раньше. Мама не расставалась с Гариком, а у меня своих дел было по горло. Погода поправилась, и вообще всё было очень хорошо!

МАМА

Ко дню рождения Гарика я готовилась, как к вступительному экзамену. Не знаю почему, но меня не покидало ощущение, что кто-то невидимый будет ставить мне оценку, от которой может измениться моя судьба. Втайне я надеялась, что придёт его мама, поэтому мне хотелось показать себя в лучшем свете. Противная Циля и заносчивая Нина были приглашены давно, не было сомнения, что они придут как настоящие экзаменаторы.

Вместе с Гариком мы купили все необходимые продукты, и у себя дома я два дня не отходила от плиты — жарила, тушила, пекла. Были приготовлены все фирменные блюда, которыми славилась наша семья.

В назначенный день Гарик заехал за мной, и я, нагруженная кастрюлями, замирая сердцем, поехала к нему накрывать на стол.

К моему разочарованию, свою маму Гарик не позвал, а когда я искренне удивилась и заикнулась, что на день рождения в первую очередь зовут мам, братьев и сестёр, он разорался так, что от страха я забилась в угол дивана и не знала, что делать.

— Это не твоё дело! Не суйся, когда тебя не спрашивают! Я недоволен! Я оч-ч-чень недоволен!!!

Гости должны были прийти с минуты на минуту, а мне хотелось домой и плакать. Красиво хлопнуть дверью и проучить неблагодарного я не могла, поскольку очутилась так далеко от дома, что надо было добираться машиной. Вызывать такси и ехать одной из этого района — тоже небезопасно, об этом я хорошо была наслышана. Я почувствовала себя в ловушке, и меня затрясло.

Гарик оборвал крик на полуслове, подбежал к окну и высунул голову наружу. Хорошо, что погода испортилась, и сильный ветер охладил его несправедливый гнев. Постояв у окна несколько минут, Гарик подошёл ко мне, опустился на колени и положил голову на мои руки.

— Прости меня, дорогая, хорошая, прости меня, забудь, я был не прав.

«Ну что скандалить, — вздохнула про себя я, — у человека день рождения! Пусть зовёт кого хочет! Надо было мне выступать!»

Я погладила седую щёточку его волос.

— Вставай, гости сейчас придут, а ты еще без рубашки. Иди одевайся!

Циля и Нина пришли с мужьями. Мужа Нины, огромного, толстого и флегматичного, я уже знала, а мужа Цили видела впервые. В лице его было

что-то от коршуна. Он был похож на злого колдуна из «Лебединого озера».

Гости шумно и горячо поздравили Гарика, обошли меня, как пустое место, и сразу направились к столу.

— Гарик, что же ты хвастался домашней кухней? — насмешливо взвизгнула Нина. — Пока что на столе одни закуски из магазина!

— Не беспокойтесь, — подала голос я, — остальное на плите и в духовке. Садитесь за стол, я всё подам!

Настроение было испорчено окончательно. Застольная беседа не клеилась. Мужчины без тостов пили водку, одну рюмку за другой. Ция и Нина перешёптывались, переглядывались и перешихикивались. Я молча подавала и убирала, поглядывая на именинника, который пил и хмелел всё больше и больше. Когда гости наконец-то ушли, Гарик был совсем пьян.

Я мыла посуду, а Гарик сидел за столом, курил и ворчал:

— Ты думаешь, я не видел, как они с тобой обращались? Я всё видел! Я всё понимаю! Они считают, что ты — блядь, потому что живёшь со мной! А они хуже тебя, потому что они — скрытые бляди! Нинка-то наша! Королева сраная! Со всеми спала-переспала и до замужества и после! И с мужем сто раз из-за своего блядства разводилась, но он её пожалел! А теперь они гордые, они при мужьях! Цилька-стерва — тоже блядь, весь дом об этом знает, а я особенно! Что она тут выделявала, пока её муж десять лет в отказе сидел! Недаром, когда он приехал, она вырядилась, причёску сделала, на аэродром поехала его встречать! Дура! Он к ней даже не подошёл! В ногах у него валялась! Он сначала в упор её видеть не хотел, а потом сломался, куда ему деваться? Ни языка, ни работы, а Цилька с квартирой, устроенная, при деньгах! Вернулся к ней. А что толку? Живут все друг с другом как враги, а перед тобой выдрючиваются! Бляди — они бляди и есть!

— Ну, ладно, кончай базар! — оборвала я поток пьяного откровения. — Чёрт с ними со всеми. Пойдём лучше спать, я дико устала!

В спальне Гарик вдруг набросился на меня и стал больно мять, щипать и рвать моё тело руками. Лицо его было жуткое, с сатанинской, садисткой, кривой ухмылкой.

— Прекрати! — закричала я, отбиваясь. — Прекрати сейчас же! Что это на тебя нашло? Как ты себя ведёшь? Хамство какое!

Гарик весь сжался, съёжился, как от удара, лицо его вмиг стало жалким и обиженным. Он свернулся калачиком и моментально уснул, а я ещё долго лежала и плакала в темноте, не заметив, как на полу всхлипе провалилась в сон.

Утром я проснулась от того, что Гарик гладил меня по щеке и целовал,

чуть прикасаясь губами.

— Я вчера буянил? — прошептал он, целуя меня в мочку уха.

— Не буянил, дебоширил, — поправила я.

— Перепил. Так расстроился, что они тебя обижают, что пил и пил. И вот напился. Сволочи они, не обращай внимания!

— Я домой хочу.

— Поедем. Сейчас соберём всё вкусное и поедем к тебе.

Мы быстро оделись, запаковали остатки пиршества в кастрюли и коробки.

— Гарька, снеси что-нибудь маме, — предложила я.

— Не надо. Ты же её не знаешь. Скажет, зачем мне ваши объедки, и ещё больше обидится.

— Ну, как знаешь, — устало отмахнулась я, — поехали.

Так печально прошло пятидесятилетие Гарика, которого я так ждала и потратила на него столько сил.

ДОЧКА

Многие думают, что мы с мамой живём вдвоём. Но друзья и родственники знают нашего третьего полноправного члена семьи, которого мы с мамой очень любим, холим и лелеем. Это наш кот Киса.

Бабушка так и говорит:

— Хорошо бы хоть один день пожить у вас котом!

Когда мы только приехали, по всему нашему дому бегали мыши. Говорят, у нас жил китаец, который их разводил в клетке и любил как домашних животных.

Одни любят собак, другие — кошек, а китаец любил мышей. Однажды он поссорился со своим отцом, и тот назло, чтобы наказать грубияна-сына, выпустил из клетки его любимых мышек. С тех пор мыши заполонили дом, прыгали из духовок, а в нашей квартире нахально бегали по комнате у нас на глазах.

Терпение мамы лопнуло.

— Лучше жить с котом, чем с мышами!

Гуляя, мы как-то раз зашли в зоомагазин. В большой клетке копошились маленькие новорожденные котята. А один, серенький, залез на голову другому, одной лапой держался за прут клетки, а другую протягивал и жалобно пищал. Мама посмотрела на него с такой жалостью, что продавец, хороший психолог, тут же схватил котёнка за шиворот и посадил его маме на пальто, как брошку. Теперь котёнок орал прямо маме в ухо.

— Что вы делаете? — возмутилась мама. — Сейчас же уберите его!

Продавец опять схватил котёнка и хотел его снять с пальто, но не тут-то было! Котёнок впился когтями намертво, орал во всё горло, оторвать его было просто невозможно.

Пришлось маме заплатить и идти домой с орущим на всю улицу котёнком на плече.

Дома, теперь уже наш по праву, кот утихомирился, слез с пальто и стал гоняться по квартире, прилипая хвостом ко всем липучкам, расставленным для мышей. Каждый раз, чтобы освободить несчастного, приходилось ножницами отстригать шерсть, прилипшую к липучке, пока пушистый хвост не превратился в голый и розовый, как у крысы.

Тут я заметила, что в шерсти котёнка что-то шевелится, и сказала об этом маме. Мама дико распаниковалась. Кота заперли в ванной, а меня

погнали в аптеку за лекарством от блох.

Весь вечер, посадив котёнка на ладонь, мама посыпала его разной дрянью и мыла. Чёрным дождём из шерсти вываливались мёртвые блохи. Котёнок терпеливо выдержал всю экзекуцию и только мелко дрожал на маминой ладошке. После этого, взяв в рот молоко, уснул как убитый и спал три дня у мамы под мышкой.

Жить с котом было очень весело. Он то и дело развлекал нас своими выходками. То повисал у мамы на ноге и так, в обнимку, сидел на ней весь вечер, а мама ходила по квартире, прихрамывая. То забирался во все кульки и мешки, шуршал, кружился и не мог выбраться. То часами висел на спинке стула и ловил снизу свой собственный хвост. Каждый день кот показывал нам новый фокус, а мы умирали со смеху.

Прошёл месяц, за ним другой. Кот подрос и превратился в красавца с серой спиной, белым брюхом и чёрными усами и бородкой, как у мушкетёра.

Больше всех кот любил маму, ходил за ней по пятам, как собака, по вечерам ждал её у двери, а ночью спал у неё в ногах. Всех мышей наш кот передошёл, но не ел, а торжественно приносил их маме и клал у её ног.

Чтобы в квартире не было дурного запаха, пришлось кота лишить мужского достоинства. Сделали это в больнице, по всем правилам. Перед тем, как отдать Кису на операцию, я любопытствовала:

— Скажите, доктор, это у нас обычный помойный кот?

— Ну что вы, — укоризненно поправил меня врач, — ваш кот не помойный, а уличный.

С тех пор больница регулярно присылала нам открытки, адресованные коту по имени Киса с нашей фамилией. Как правило, в открытках было написано:

«Уважаемый Киса! Вы давно не сдавали анализы. Просим прислать ваше говно на анализ кала».

Поскольку мамина медицинская страховка на кота, хотя он и член семьи, не распространяется, а каждый анализ стоит больших денег, кот наш живёт сам по себе, без обследований, и чувствует себя прекрасно.

Бабушка, как истинная еврейка, домашних животных не признаёт и на нашего кота, когда приходит в гости, смотрит с укоризной. Потеряв всякую надежду на то, что мы его когда-нибудь выгоним, она однажды спросила вслух, ни к кому не обращаясь:

— Интересно, а сколько коты живут?

Никто ей не ответил, а кот даже не повернул головы.

Чужих людей в доме Киса не любит, особенно если они начинают его хватать, гладить и сюсюкать. Из милого котика он вдруг превращается в мини-тигра, прижимает уши и шипит гостю в лицо так злобно, что хватать его ещё раз никому не хочется. Если кто-то не понимает его шипящих намёков, кот может цапнуть или укусить, а это уже понятно каждому. Единственный человек, который может делать всё что угодно, — это мама. Её кот милостиво допускает до себя, иногда постанывая от нетерпения вырваться из горячих маминых объятий, но никогда не шипит.

Гарика Киса невзлюбил сразу, вечно шипел на него, как на пылесос, которого кот боится. Как только Гарик на минуту вставал, кот прыгал на его стул, и согнать его было невозможно. Киса отмахивался лапой и пытался кусаться. Гарик молчал и кисло улыбался, но смотрел на кота с ненавистью и брезгливостью.

А мама любила и Гарика, и кота, не обращая никакого внимания на их взаимную антипатию.

МАМА

В начале августа старые друзья Гарика, Галина и Виктор, жившие в другом городе, пригласили его на Гавайи по особой, очень недорогой путёвке, но с обязательным условием — на четверых. Гарик предложил мне поехать вместе, и я с радостью согласилась.

Через пару недель Галина позвонила и сказала, что всё в порядке, путёвки оформлены, надо вносить деньги. Гарик задёргался и помрачнел.

— Что-то не так, Гарька? — встревожилась я.

— Все думают, что если я дантист, то сказочно богат. А я работаю на хозяина, получаю обыкновенную зарплату, квартира стоит дорого, выплачиваю долги за своё образование, страховки, налоги, практически у меня ничего не остаётся. Вот машину купил недавно, телевизор. Теперь без копейки.

— Не волнуйся, — обняла я Гарика, — за себя я заплачу, а тебе могу одолжить, потом отдашь, договорились?

Гарик сразу повеселел, мы отослали деньги и стали собираться в дорогу.

Самолёт улетал рано утром. Я приехала к Гарикку накануне вечером, после работы. Гарик решил вызвать такси заранее. Когда он разговаривал с диспетчером, то несколько раз повторил, что в машине будет два человека.

— Какая разница? — удивилась я. — Машина наша, хоть вдвоём, хоть втроём, это уже никого не касается!

— Ошибаешься, — запротестовал Гарик, и лицо его стало чужим и напряжённым, — с одного человека — одна цена, с двоих — дороже.

— Не может быть, — настаивала я, — никогда такого не слышала! Помоему, тебе просто морочат голову!

— Ты ещё много чего не слышала! — уже явно злился Гарик. — Раз я говорю, что дороже, значит, так оно и есть!

— Хватит спорить, — оборвала я и положила на стол пятнадцать долларов.

Гарик взял деньги и улыбнулся. Я с облегчением выдохнула. «Вот несчастный, — подумала я, — каждую копейку считает, а говорят, дантисты — богачи!»

Однако утром, когда мы сели в такси, я не выдержала и спросила шофёра:

— А правда, что с двоих пассажиров дороже, чем с одного?

Черный таксист распахнул свой зубастый рот и оглушительно заржал, по его лицу было видно, что он принимает меня за полную дурочку.

— Хоть два пассажира, хоть десять, мэм, машина ваша, пожалуйста, не беспокойтесь!

Я удивлённо посмотрела на Гарика. Он отвернулся к окну, губы его были плотно сжаты, кулаки тоже. «Станный человек, — пронеслось у меня в голове, — ну хотел, чтобы я заплатила свою долю за машину, так бы и сказал, зачем эти фокусы? Не нравится мне всё это. Может, я зря, вообще втравилась в эту поездку...»

ДОЧКА

Чем чаще я видела Гарика, тем меньше он мне нравился. Что-то в нём было ненастоящее. Маму он слащаво называл «дорогая». Это звучало, как в индийском фильме: «Дорогая, выпей чашечку кофе, тебе надо немножко отдохнуть!» Ничего конкретно плохого в Гарике я не замечала, но было много странного и неприятного. Например, его мама жила с ним в одном доме, этажом ниже, но заходить в квартиру Гарика ей было строго запрещено. Гарик звонил ей раз в день, но разговаривал одну секунду, «Здравствуй, дорогая, до свидания, дорогая», чтобы только убедиться, что она жива, так как его мама была очень старая и больная. То, что он всех называл «дорогая», меня очень раздражало.

У Гарика была огромная коллекция магнитофонных записей с какими-то дурацким лекциями: «Как стать богатым», «Как любить», «Как разговаривать с женой», «Как правильно питаться». При этом он мало с кем дружил, говорил, что очень беден, жены у него никогда не было, а его любимой едой были сосиски и жареная курица с макаронами.

Гарик верил в мистику, читал книги всяких шарлатанов о колдовстве и гаданиях и с удовольствием их пересказывал. Он очень гордился тем, что живёт на 13-м этаже, любил повторять, что сам его выбрал, когда заселяли дом, и видел в этом какой-то тайный смысл, кроме него никому не понятный.

Про себя Гарик любил говорить, что поскольку он родился под знаком Льва, а Лев — царь зверей, то он, Гарик, тоже царь, вернее король. Нашему Гарiku больше нравилось считать себя королём. Он так и вещал: «Я — король, а вы — моя свита!», — и при этом препротивно ухмылялся.

Если верить, что «глаза — зеркало души», то душа у Гарика была неприглядная, так как глазки его были на редкость противными. Маленькие, тускло-коричневые, кругло припухшие и очень близко посаженные. Но когда он занавешивал их дорогими очками с дымкой, этого было не видно.

По-моему, он был злой и жадный, но мама называла все его выходки холостяцким чудачеством и всерьёз не принимала. Дома она бывала всё меньше, варила, жарила и потом таскала кастрюли Гарiku, который на меня обычно смотрел настороженно, ожидал подвоха, а иногда просто с раздражением, но держался, вслух ничего не говорил.

В мой день рождения Гарик со мной даже танцевал. Но при этом он так

откровенно собой любовался, сложив свои пухлые губки сердечком и выделявая ногами кренделя, так вкруговую вихлял бёдрами, подбоченясь и прижимая полу пиджака, как испанка придерживает юбку, исполняя фламенко, что я еле сдерживалась, чтобы не заржать!

Друзей у Гарика почти не было. Вернее, был один. Леонид Ильич Паприков. Имя сочетание очень смешное, но на самом деле Паприков был настоящий бандюга. Огромный, всегда грязный. До приезда в Америку он сидел в тюрьме и был там «паханом», о чём Гарик рассказывал с непонятной гордостью. В Америке Паприков не работал ни одного дня, и на что жил — непонятно. По всей вероятности, от безделья Паприков любил философствовать, а Гарик его с удовольствием цитировал.

— Леонид Ильич сказал, — подняв тощий указательный палец, важно произносил Гарик и делал многозначительную паузу. Потом цитировался очередной бред, в основном, о женщинах, какие они все хапуги или дуры. Даже мама при этом морщилась, а Гарик злился, что мы не восхищаемся, как он.

Кроме бандита Паприкова, у Гарика была любимая соседка Циля. «Длинноногая каракатица», — мысленно окрестила её я. Когда бы мы ни встретились, она тут же начинала рассказывать невероятные истории про всех вокруг. Знакомясь с нами, он ехидно сказала:

— Здравствуйте, я всё про вас знаю!

— А я никогда вас раньше не видела! — ничуть не смущаясь, улыбнулась мама, а меня всю просто передёрнуло!

Гарик за глаза называл каракатицу «врунья» и «дура», но тем не менее с удовольствием ходил к ней обедать. Нас с мамой она невлюбила с первого взгляда, а мама была сама любезность, как будто ничего не видела.

Когда заговорили о Гавайях, куда мама собралась ехать с Гариком, я как-то растерялась. Первый раз в жизни я оставалась совершенно одна. Это то, о чём я мечтала, но радости почему-то не было. Ладно, думала я, пусть съездит. Поживёт с ним вдвоём, увидит, что он за фрукт!

МАМА

Мы с Гариком сели в самолёт, и настроение поправилось. Шутили, болтали, смеялись. С Гариком всегда было о чём поговорить, и первые шесть часов полёта пролетели незаметно.

Во время пересадки мы встретились с Галиной и Виктором. Виктор поздоровался со мной сквозь зубы, смотрел мимо меня и разговаривал только с Гариком. Галина улыбалась губами, а её чёрные немигающие глаза цепко меня схватили и ощупали. Я рассчитывала на более тёплый приём и внутренне сжалась.

В самолёте Гарик, Галина и Виктор не умолкая, разговаривали, а я сидела как чужая, делая вид, что читаю. «Люди давно не виделись, соскучились, а потом всё будет по-другому», — уговаривала я себя, но это мало утешало.

Мы поселились в отеле, в центре небольшого городка. Вечер решили провести вместе. С первой минуты интересы и настроения оказались разными. Галина и Виктор хотели экономить на еде и ходить по магазинам. Гарик, наоборот, при виде магазина приходил в ярость, зато предпочитал ужинать как человек. В виде компромисса пошли ужинать туда, куда хотел Гарик, чтобы погулять по главной торговой улице. За едой Галина и Виктор, обращаясь ко мне, обиженно и раздражённо жаловались на дороговизну. Я молчала.

На прогулке друзья Гарика шныряли в каждый магазин и пропадали на полчаса, а мы ждали на улице, причём Гарик зверел на глазах и своё неудовольствие выплёскивал на меня. Хотя мне тоже очень хотелось поглазеть на диковинные товары, я не осмелилась даже об этом заикнуться. В отель вернулись усталые и издёрганные.

На следующий день всей компанией поехали на Пирл-Харбор. Гарик ушёл с Виктором, Галина куда-то делась, я бродила одна по гигантскому кладбищу. Было тошно. Я устала и решила посидеть. Подойдя к скамейке, увидела Галину и села с ней рядом.

— Странный человек Гарик, — ни с того ни с сего произнесла Галина, — кого я ему только не сватала. У меня такие чудесные подруги, все одинокие, одна лучше другой. Больше всех я люблю Таньку. Была бы она сейчас здесь, как бы было хорошо! Так нет! Всё ему не нравилось! То это не так, то другое! И вот, здравствуйте! Выбрал! Вот смотрю на тебя и никак не могу понять, что он нашёл в тебе такого, чего не было в моих

подружках! Танька — та просто красавица!

— Извините! — резко сказала я, встала и ушла бродить дальше.

Гарика я нашла в другом конце парка, одного. Я взяла его за руку и прижалась. Гарик вынул свою руку из моей и отодвинулся. На лице его была тоска.

Назавтра мы переехали на остров, где на берегу моря нас ждала квартира, в которой мы должны были жить вчетвером.

ДОЧКА

Мама уехала на Гавайи. Три дня ко мне заваливались все мои друзья и подружки. Еда, которую мама оставила мне на неделю, была съедена моментально. Музыка гремела на весь дом. Впервые это никому не мешало, но и мне быстро надоело. Постепенно все мои вещи перекачивали из шкафа на стулья и на диван. В раковине скопилась посуда. Дома стало жутко неудобно, но мне уже было всё равно. Свободного времени у меня не осталось.

Ночевать я ушла к подружке Светке. В четыре часа утра нас всех поднял телефонный звонок. Звонила мама с Гавайев. В полной истерике, она уже методом исключения нашла Светкин телефон, предварительно обзвонив и разбудив ещё человек десять моих друзей. Я дико разозлилась и наорала на неё. Сколько можно меня пасти! Уехала отдыхать, так отдыхай! Ей же там с Гариком не скучно, а мне в пустой квартире делать нечего! И вообще, у неё своя жизнь, а у меня — своя! Потом повесила трубку и расстроилась. Ну, зачем я орала? Ведь она и так плакала, испугалась. Гарик, наверное, разозлился, что ему отдых портят!

С этими взрослыми просто морока! Сами не живут и другим не дают!

МАМА

В первый же вечер на новом месте мы поехали в большой магазин за покупками. Разбились по парам, взяли тележки и пошли по рядам.

Мы с дочкой малоежки. Обычно покупаем немного, но только то, что нравится, и у меня нет привычки сравнивать цены. Когда за столом начинают спрашивать что почём, я никогда не могу ответить, производя впечатление транжирки. На самом деле я всегда точно знаю, сколько я могу потратить. А на что? Это моё дело, и никого не касается.

Зная ненависть Гарика к любым магазинам, я быстро прошлась по полкам, взяв то, что он любит. Через полчаса мы уже стояли на улице с полной тележкой. Издали я увидела, как Галина с Виктором внимательно разглядывают упаковки, снимая и ставя на полку то одно, то другое.

Мы простояли около часа, пока наши друзья появились, нагруженные и возбуждённые.

— Сколько потратили? — первым делом любопытствовали они, заранее предвкушая возможность похвастаться своей практичностью, а заодно продемонстрировать мою никчемность.

Я робко назвала потраченную сумму. Разочарованно Галина и Виктор назвали свою, на двадцать долларов больше.

— Ничего, — покровительственно сказала Галина, — если у вас чего-то не хватит, возьмёте у нас.

Забегая вперёд, хочу отметить, что нам не только всего хватило, но было ещё и то, что Галина с Виктором купить забыли, или поскупились. Во всяком случае, они часто у нас одалживались, а я только мысленно посмеивалась.

На острове мы прожили неделю. Дни были похожи один на другой. Утром наши друзья отправлялись осматривать фешенебельные отели, которые стояли по всему побережью, а мы с Гариком шли на пляж. Гарик вставлял в уши наушники, ложился у моря и весь день слушал портативный магнитофон.

Однажды я не выдержала, подседа рядышком и попросила наушники, надеясь услышать что-то интересное. К моему удивлению, всё, что я услышала, — были знакомые звуки накатывающейся на песок волны.

— Что это? — удивилась я.

— Шум моря, на который наложены разные команды. Например, «ты самый сильный», «ты лучше всех» и тому подобное, их не слышно, но они

проникают в сознание, и человек меняется.

— Значит, ты, Гарька, лежишь у настоящего моря, слушаешь записанный морской шум через наушники и становишься лучше всех? — откровенно съехидничала я.

Гарик посмотрел на меня, как на слабоумную.

— Я знал, что ты не поймёшь. Не мешай, пожалуйста.

Он лёг на песок и закрыл глаза. Я пошла гулять по берегу.

В один из дней Гарик с тоской посмотрел на Гавайские красоты вокруг нас и выдавил:

— Не хочу обратно на работу!

— Верно, — обрадовавшись, что Гарик заговорил, поддержала я, — уж очень у вас там уныло. Почему ваш кабинет такой обшарпанный, казённый, похож на худую забегаловку?

— Что ты понимаешь! — неожиданно взорвался Гарик. — Ты знаешь, какой годовой доход у этой забегаловки? Больше четырехсот тысяч долларов, поняла? А как они делаются, знаешь? Надо так работать, чтобы человек к тебе сто раз пришёл вместо одного. Я никогда всю работу за один раз не делаю, даже если это — обыкновенная пломба! А деньги выбрасывать на дурацкий интерьер, как другие выскочки, незачем!

— Ты-то что так разволновался, и откуда ты всё знаешь, ты ж на зарплате? — не унималась я.

— Я всегда всё знаю! — криво усмехнулся Гарик. — Я очень мудрый, у меня всё здесь! — и постучал указательным пальцем по лбу.

«Магнитофонные плёнки сработали!» — насмешливо подумала я, но на всякий случай промолчала.

Поведение Гарика по отношению ко мне менялось к худшему день от дня. Он всё больше молчал, вёл себя так, как будто приехал один, часто раздражался, но сдерживался.

На мои вопросы о его странном поведении Гарик загадочно отвечал:

— Потому что я — король!

Сначала меня это смешило, потом надоело и стало действовать на нервы. Мы поехали на экскурсию в Гонолулу. В центре города стоял памятник первому Гавайскому королю, известному своим агрессивным характером и тем, что он имел двадцать одну жену. Гарик снисходительно выслушал экскурсовода и посмотрел на высоченную королевскую фигуру снизу вверх с выражением на лице как будто смотрел сверху вниз. Я щёлкнула фотоаппаратом. Снимок получился очень забавный.

Я сделала надпись:

Король на фоне короля,
Он — фон, а самый главный — я!

и подарила фотографию Гарику, за что получила взгляд почти с ненавистью и день молчания, на сей раз заслуженный, сама нарвалась.

Иногда Гарик объявлял мне после завтрака:

— А теперь — «тихий час»!

Это означало, что он будет отдыхать и обращаться к нему нельзя. Часто «тихий час» продолжался до ужина с перерывом на обед, который я по договорённости с самого начала готовила и подавала, а Гарик мыл посуду.

— Спасибо, дорогая! — вежливо произносил он и вновь вставлял в уши наушники.

Я чувствовала себя чужой и потерянной, считала дни до отъезда. Меня не радовали никакие Гавайские прелести. Лучше всех было Галине и Виктору. Они общались только с Гариком, утром уходили, вечером приходили.

Наконец наступил последний день. С утра мы, как всегда, пошли к морю. Я выбрала момент, когда Гарик менял очередную магнитофонную плёнку, и подошла к нему:

— Гарька, хочешь домой?

— Хочу, — нахмурился он, — хочу в свою квартиру, закрыть дверь и остаться один. Я хочу быть один, ты поняла? — он почти кричал. — И ещё запомни, жениться я не собираюсь!

Я чувствовала себя униженной до последней степени. Терпению моему пришёл конец.

Не высокая честь
называться королевой,
При таком,
извиняюсь, короле! —

пропела я и добавила, — когда приедем обратно, не звони мне больше!

— Как скажешь, дорогая! — тут же повеселел Гарик.

С этого момента в отношении меня начался откровенный бойкот. Гарик, Галина и Виктор паковались, подчёркнуто весело переговаривались, пили вино на прощанье, делились впечатлениями об отдыхе, и даже на аэродроме со мной не попрощались. «Могли бы быть и повежливее, — горько думала я. — Без меня, четвёртой, которая сама за себя заплатила, они бы эту замечательную поездку вряд ли получили. Квартиру я убирала. Еду готовила. В разговоры не встревала. И сейчас молчу, Бог с ними!»

Ночью в самолёте Гарик сидел как каменный, а я беззвучно плакала в темноте, радуясь, что никто не видит, и молилась: «Скорей бы домой!»

ДОЧКА

Я и мой друг, у которого была машина, встретили маму на аэродроме.

Мама вышла к нам одна, без Гарики, с затравленным лицом и заплаканными глазами.

— Скорей отсюда! — прошептала мама и буквально потащила нас к выходу.

Ехали молча. Дома мама открыла чемодан и с тихим стоном опустилась на пол.

— Я одолжила Гарику в поездку чемодан, у меня такой же. Так он на аэродроме всё перепутал и забрал мой. Представляешь, какая у него будет физиономия, когда он его откроет?

Мы посмотрели друг на друга и грустно рассмеялись.

— Ну что ж, что ни делается, всё к лучшему. Я тут написала ему. Вот, послушай:

Ты всё читал, читал, читал
И много нового узнал:
Про то, как нужно жить с женой,
Но всё ж не выбрал ни одной!
Любить попробовал — устал...
Так для чего же ты читал?
Узнав, как с другом говорить,
Решил друзей не заводить.
И в дом к себе людей не звал...
Так для чего же ты читал?
Читал, как мог богатым стать,
Но всё ж решил не рисковать.
И бизнесменом ты не стал...
Так для чего же ты читал?
Чтоб чтением жизнь обогатить,
Учись делиться и любить!

— Ну, как?

— По-моему, лучше не скажешь! — воскликнула я.

Мама сложила записку и сунула в карман Гарикиного пиджака.

В дверь позвонили. Я открыла. На пороге стоял Гарик с чемоданом и сумкой. Лицо было напряжённым и очень бледным. Я испуганно

обернулась на маму. Она так и сидела на полу.

Гарик огромными шагами прошёл через комнату. Бросил мамин чемодан на диван. Вытряхнул из сумки на стол какие-то мамины мелочи — бутылочки, кремы, расчёску и даже пустую коробочку из-под духов. Засунул в сумку свои вещи, которые по ошибке попали к нам. Сел к столу, выписал чек. Швырнул его маме. Встал и стремительно вышел, хлопнув дверью, без единого слова.

— Всё! — прошептала мама. — Пожалуйста, ничего не спрашивай и никогда со мной о нём не говори. Его не было. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась я и подумала: «Ничего хорошего! Козёл! Бедная моя мама!»

МАМА

Сначала было очень тоскливо. Раньше, если мы не виделись, Гарик звонил два раза в день. Утром — на работу, поздороваться и сказать что-нибудь ласковое, вечером — домой, как следует побеседовать обо всём на свете. Я уже привыкла к этому ритуалу и теперь, после ссоры, с обидой смотрела на молчащий телефон. Дочка старалась быть чаще дома и обращалась со мной, как с тяжелобольной.

Наверное, когда люди внезапно ссорятся и разбегаются, — это очень тяжело. Но после утончённого издевательства, которому я подверглась на Гавайях в течение десяти дней, после того, как меня откровенно использовали и выкинули, расставание с Гариком не казалось трагедией.

«Чем раньше, тем лучше», — уговаривала я себя и старалась занять голову как можно больше. Читала, пересмотрела все фильмы из ближайшего видео-проката, ходила в гости. Появились новые знакомые. Кто-то куда-то приглашал. Жизнь вошла в свой привычный ритм.

Прошёл месяц. Я была на работе. Накануне мне дали сложное задание, которое надо было срочно сдать. Я сконцентрировалась на своих бумагах и очнулась от телефонного звонка. Машинально взяла трубку, мыслями не отрываясь от того, что делала.

— Король умер! Я люблю тебя! — скороговоркой выкрикнул сдавленный мужской голос, и трубку повесили.

Я сидела в полном недоумении.

«Ну и дела! — удивилась я. — Кто-то явно не туда попал. Странно, что говорили по-русски. Фирма наша американская, находится в сердце Манхеттена, кто тут шутит по-русски? Какой-то «король»! «Я люблю тебя!» Ну и ну! А впрочем, хорошо, что не послали куда подальше, обычно по телефону шутят именно так!»

Я вернулась к своему заданию и напрочь забыла о дурацком звонке. Прошла ещё неделя. Придя утром на работу, я увидела, как мой автоответчик сигнализирует, что кто-то мне звонил. Я сняла трубку и набрала нужный код.

«Дорогая моя, любимая, родная», — услышала я вдруг голос Гарика. Я вздрогнула и уставилась на машину, — «Пожалуйста, не вешай трубку, — продолжал голос, — я знаю, что очень виноват перед тобой. Но прошло время, я понял, как я был не прав и несправедлив. Я люблю тебя, я не могу без тебя жить. Мне тебя не хватает на каждом шагу. Я смотрю на диван и

вспоминаю, как ты на нём сидела, я иду в ванную, там висел твой халат, подушка пахнет твоими духами. В машине моя правая рука осиротела без твоей. Я специально звоню тебе вечером на работу, зная, что ты уже ушла. Мне легче разговаривать с машиной, которая даст мне высказаться и не повесит трубку на полуслове. Помнишь, ты говорила, что дружба может быть без любви, а любовь без дружбы умирает. Твоей любви я не достоин, но, пожалуйста, дружи со мной, я буду тебе самым лучшим и преданным другом на всю жизнь...»

Гарик говорил до тех пор, пока в машине не кончилась лента. Весь день я работала как автомат, несколько раз вновь включала машину и слушала эту неожиданную исповедь.

Вечером, дома, я сразу же пошла к телефону. Сигнальная лампочка автоответчика уже мигала красным.

С этого момента каждый день, утром и вечером, на работе и дома я слушала новые монологи Гарика. То пламенные, кающиеся, то нежные, умоляющие о прощении, то просто описания его чувств и размышлений о любви. Я никогда не думала, что скрытный, замкнутый Гарик способен говорить высоким стилем, языком поэзии, не стесняясь самых ласковых и нежных выражений.

Я боялась поверить тому, что слышала. В моей памяти достаточно свежо было воспоминание о Гавайях. Но Гарик так каялся, так истово, со слезами в голосе просил прощения, так клялся всем на свете, что подобное никогда больше не повторится, осуждал и проклинал Галину и Виктора, якобы оговоривших меня, что я дрогнула. Отвечать на звонки не хотелось, но я бежала к телефону, как сумасшедшая, и слушала.

ДОЧКА

Кончилась наша спокойная жизнь. Телефон оккупировал Гарик. Он оставлял свои излияния на автоответчике в таком количестве, что для других людей места уже не было. Мама часами сидела у телефона, слушала записи до конца, потом перематывала ленту и слушала сначала. На меня она смотрела умоляющими глазами, чтобы я не возникала.

Меня эти мольбы и клятвы Гарика не трогали! Я хорошо помнила его лицо, когда он швырял маме её вещи! Теперь по телефону он доходил до полного самоуничтожения, как бы наказывая сам себя, не просил, а вымаливал прощение. Слушать, как человек себя унижает и проклиняет, было неловко и противно.

Неужели мама верит в то, что, прожив полжизни, человек может измениться?

Но мама ничего со мной не обсуждала. Она ходила как потерянная, плакала по любому пустяку и не сводила глаз с телефона.

МАМА

Моего стойкого характера хватило на две недели. Я всё-таки набрала телефон Гарика. Он тут же схватил трубку, как будто специально ждал:

— Спасибо тебе, добрая, любимая, родная! Спасибо, что ты позвонила!

Не давая мне ответить, Гарик произнёс очередную речь, как он был не прав и не может без меня жить. Слушать было приятно. Но я всё равно не верила. Жизнь на Гавайях, когда Гарик мучил меня своим молчанием, сделала своё чёрное дело. Я боялась верить в искренность этих монологов. Гарик говорил то, что мне хотелось слышать. Я мечтала об этих словах так долго, что, когда я наконец-то их услышала, мне было грустно, но в душе моей ничего не шевельнулось.

— Чего ты хочешь, Гарик? — однажды спросила я.

— Хочу тебя видеть! Я должен тебя увидеть! Пожалуйста, не отказывай мне! Давай встретимся, я очень тебя прошу, пожалуйста!

Я уступила. Договорились встретиться на следующий день, у моего дома.

Когда Гарик подъехал, я уже стояла на улице. Он вышел из машины. Я увидела его и испугалась. Гарик всегда был худощав, но теперь от него осталась ровно половина. Его коротко стриженная седая голова стала совсем маленькой. Вместо лица были кости, обтянутые кожей. Щёки впали, как после тяжёлой болезни. Костюм болтался сам по себе, как на палке. Гарик выглядел так, будто его лихорадило.

— Ужас! — еле вымолвила я. — Ты здоров?

Вместо ответа Гарик взял мои руки и стал нежно целовать каждый палец в отдельности. Потом положил мои ладони себе на лицо и так стоял. Я готова была расплакаться.

— Поедем куда-нибудь, поговорим, — прошептал Гарик.

Мы приехали в маленький итальянский ресторанчик. Сели. Что-то заказали.

— Ты ешь, — предложил Гарик, — а я буду говорить. Я должен высказаться. Я ждал этого момента так долго, может быть, всю жизнь.

— Поешь что-нибудь, — попросила я, — ты очень похудел.

— Я не могу есть, я не могу спать, я не могу жить. Если ты меня не простишь, я просто умру. Всю жизнь мечтал о такой, как ты, чтобы можно было разговаривать обо всём, чтобы интересы были общие, чтобы от меня

не хотели только деньги, чтобы хотелось вместе спать, чтобы можно было доверять друг другу. Многие из моих друзей и знакомых женились. Почти у всех кончилось разводом, при котором их хорошо обчистили и разорили. Я никогда не верил женщинам, а тебе верю. Ты — настоящая. Но я взял и всё испортил как последний идиот и скотина. Я дошёл до того, что ходил к колдунье.

— Ты что, с ума сошёл, Гарик, к какой колдунье?

— Обыкновенной. Она колдует по фотографии. Я принёс ей твою, и она сделала специальный обряд, чтобы ты ко мне вернулась. И ещё она сказала, что я должен всё время об этом думать, представлять себе, как ты со мной разговариваешь, пытаться мысленно тебе что-то объяснить, внушить. Я всё делал. Я ложился в постель и через расстояние передавал тебе свои мысли с просьбой о прощении. И, видишь, сработало, ты со мной.

Когда я себе представила, что над моей фотографией совершали колдовские обряды, мне стало не по себе. Но Гарик сидел такой жалкий, такой несчастный, худой, гладил мои руки, целовал их и всё говорил и говорил.

Незаметно прошло два часа. Меня бил озноб, я никак не могла согреться, еле сдерживаясь, чтобы не зарыдать.

— Твои строчки о том, что я в книгах читал одно, а жил по-другому, я читал и перечитывал тысячу раз. Я понял. Я жил неправильно. Но я не хочу больше, как мальчишка, бегать на свидания, — сказал Гарик, — я люблю тебя и хочу быть только с тобой, каждый день, каждую минуту. Я хочу жениться на тебе и жить как все нормальные люди. Я всегда чувствовал какую-то неполноценность от того, что у всех есть или даже была семья, а я никогда не знал, что это такое.

От неожиданности я не могла собраться с мыслями и была в шоке:

— Я не могу ничего тебе сейчас сказать, я должна прийти в себя.

— Хорошо, думай, я буду ждать тебя всю жизнь! — горячо ответил Гарик.

По дороге домой Гарик, как прежде, держал меня за руку. Мы оба измученно молчали.

У дома я повернулась к Гарику попрощаться, но он обнял меня и поцеловал так нежно, что ноги мои отнялись, и я не могла пошевелиться. С трудом придя в чувство, я заставила себя выйти из машины. Гарик тоже вышел и смотрел мне вслед до последней минуты, пока я не ушла.

ДОЧКА

Похоже, у меня будет новый папочка! Гарик позвал маму замуж, и она уже потеряла покой и сон. Говорит только об этом, а если не говорит, то думает, потому что ходит с отсутствующим лицами всё теряет.

Я не понимаю, кому в их возрасте нужны эти церемонии? Хочется — живите, но замуж-то зачем?

Но бабушка, первая советчица, вновь заявила, что если мама будет жить просто так, без записи, то тем самым она будет подавать плохой пример мне. При чём тут я? Мне не нужны никакие примеры! У меня своя жизнь, и я буду жить по-своему. Но для мамы бабушка была и есть первый авторитет. Удивительно! Человеку за сорок, а маму слушается, как будто ей четыре!

За свою жизнь моя мама, кажется, только раз сделала что-то без разрешения — вышла замуж за моего биологического папу. «И вот — результат!» — говорит с иронией мама и тут же меня целует. А что я? Я — ничего! Пусть женятся! Отдам свою спальню, перееду в гостиную.

Одно мне только не нравится. По-моему, у нашего Гарика не все дома. Он явно с приветом! Как мама этого не хочет понять, я не знаю! Ну что ж, поживём — увидим!

МАМА

Гарик больше не беседовал с автоответчиком. Вместо этого он вновь звонил каждый вечер, и мы разговаривали до глубокой ночи. По количеству хороших слов, услышанных мной, я перещеголяла всех литературных героинь вместе взятых. Мне никогда не приходило в голову, что я такая замечательная и необыкновенная, но Гарик утверждал, что это именно так, а спорить и возражать не хотелось.

Конечно, мы не раз возвращались к обсуждению Гавайской перипетии, уж очень я была тогда напугана.

— Это больше никогда не повторится, — уверял меня Гарик. — Ведь недаром, когда я позвонил тебе в самый первый раз после ссоры, то сказал, что король умер и я люблю тебя!

— Так это был ты? — изумилась я. — Мне это даже не пришло в голову! Я решила, что кто-то ошибся номером и глупо пошутил!

— Какие шутки! Я тогда чуть не умер! У меня дико колотилось сердце, и я почувствовал такую слабость, что пришлось сесть, а то бы я просто упал. Это очень серьёзно. Тот, прежний Гарик, умер. Всё будет по-другому, по-новому.

— Гарик, я боюсь тебе верить, но мне так этого хочется!

— Знаешь, о чём я скучаю больше всего?

— О чём?

— Ты давно не называла меня Гарька!

ДОЧКА

Ну, всё, мать сломалась! Эти телефонные стриптизы Гарика сделали своё дело. Раньше она ходила как во сне, теперь всё время поёт и не отходит от зеркала. Наташила всяких кремов и мажется ими с утра до вечера.

— Мам, — успокаиваю я её, — ты и так выглядишь гораздо моложе своих лет! Этот Гарик по сравнению с тобой — старый пень!

— Не говори о нём так! — сразу хмурится мама. — Он очень хороший, а выглядит старше, потому что несчастный, одинокий! Вот я его откормлю, и он будет опять как новенький! Мы вам всем ещё покажем! — распевает она и опять — к телефону или зеркалу. В общем, дурдом! Надо срочно смываться!

МАМА

После душераздирающего объяснения в ресторане мы с Гариком не виделись, только каждый день разговаривали по телефону. И всё из-за меня. Под разными предлогами я оттягивала нашу встречу с одного дня на другой. Хотя я и не сердилась и разговаривала всё мягче и нежнее, что-то меня удерживало.

Я боялась близости и чувствовала себя на краю пропасти, ещё шаг — сорвусь и полечу... Но куда? Вверх или вниз? Хотелось, как птица, не оглядываясь вверх, вверх! К солнцу, к счастью! А вдруг вниз? И сразу становилось страшно до тошноты, и в животе всё сжималось!

Наверное, Гарик тоже было не по себе. Он часто рассказывал мне о неудачных браках своих друзей, знакомых. Почему-то во всех историях, независимо от того, кто был инициатор развода, мужчины оставались обобранными и разорёнными.

— Жениться — всё равно что отдать свою жизнь в чужие руки, это страшный риск, — говорил Гарик, таким голосом, что становилось даже неудобно, будто я действительно покушалась на чью-то судьбу.

— Не нравится мне это выражение «отдать жизнь», звучит как на братской могиле. Вступая в брак, люди не отдают, а вручают свои жизни друг другу, причём взаимно! Тот, кто выходит замуж, тоже рискует, — возражала я. — А что касается разорения, то тебе совсем нечего бояться. Что у тебя «разорять»? Сам же говорил, у тебя ничего нет!

— Это, конечно, так, но всё равно очень страшно!

— Страшно? Не женись! Кто не рискует, тот не пьёт шампанского! Живи один!

— Ну что ты сердишься? Я же просто так говорю! Я хочу жениться! Что я, не такой как все? Хочу иметь семью, но с одним условием — я хочу жениться только на тебе!

— Мне нравится твоя категоричность, я подумаю! — смеялась я, радуясь, что тон беседы поменялся с трагического на лирический.

В среду Гарик был выходной и позвонил мне с утра на работу.

— Я хочу тебя сегодня обязательно увидеть, — твёрдо начал он без предисловий. — Я встречу тебя в конце дня, и мы поедем на 47-ю улицу.

Я замерла.

— На 47-ю? Где золото? — еле выговорила я.

— Совершенно верно, дорогая. Где золото и бриллианты. Жди меня в

четыре часа. Целую.

Я повесила трубку и пошла к Белке. С Белкой мы дружим с того дня, как я пришла на работу. Мы сидим рядом, вместе ходим на обед и с работы, поскольку живём недалеко друг от друга. Мы празднуем дни рождения, отмечаем юбилеи, встречаем Новый год и можем разговаривать, как те две женщины, что просидели в одной тюремной камере двадцать лет, а когда их выпустили, то ещё два часа простояли у ворот тюрьмы, прежде чем расстаться.

— Что с тобой? — воскликнула Белка. — Почему ты такая бледная?

— Гарик звонил. Он хочет сегодня ехать покупать кольцо.

— Так что же ты переживаешь? Радуйся и меньше, чем на карат не соглашайся!

— «Не соглашайся!» Ты что с ума сошла? Я не собираюсь «соглашаться»! Пусть купит, что хочет! Карат! Это же очень дорого!

— Это ты с ума сошла от своей щепетильности! Такое кольцо покупают раз в жизни! Ты что, осколки будешь носить?

— Не знаю. В кино герой вынимает из кармана коробочку и дарит кольцо. Что подарит, то и носят.

— Ты такая идеалистка! Это не кино, это — жизнь! Зачем ему дарить то, что тебе может не понравиться? Ты сама выберешь, что захочешь!

— Белла, я тебя умоляю, поедem с нами! Во-первых, ни я, ни Гарик в бриллиантах ничего не понимаем, я их никогда не имела! Нас просто надурят! Во-вторых, я не буду выбирать, возьму любое, которое он купит!

— Ладно, — сжалась Белка, — у меня знакомый на 47-й. Поедем к нему. Я сама о тебе позабочусь.

В четыре часа Белка и я вышли на улицу. Гарик уже ждал с букетом изумительных бледно-розовых гвоздик. Не стесняясь, он обнял меня и поцеловал.

— Гарька, пусть Белка с нами поедет, у неё ювелир знакомый, хорошо?

— Прекрасно! — согласился Гарик и распахнул дверцу машины. — Прошу!

Доехав до места, мы с Белкой вышли на углу, а Гарику пришлось искать стоянку.

— А знаешь, он — молодец! — успела признаться Белка. — Я его спросила, на сколько он рассчитывает, и он сам сказал: «Не меньше, чем на карат!»

— Вот видишь, — укоризненно выдохнула я, — Гарька у меня — золотой!

На 47-й, самой ювелирной, бриллиантово-золотой улице Манхэттена, я

сразу ослепла. Витрины сверкали и переливались, продавцы зазывали на всех языках мира, но больше по-русски, народу было так много, как будто бриллианты и золото — самый необходимый товар на земле. Вокруг стоял гул от голосов. Вцепившись в Гарика, я шла, не соображая куда. Наконец мы зашли в уголок, где за прилавком стоял приятный седой старичок, который встретил Белку, как родную. Я отошла в сторонку и стала глазеть по прилавкам и витринам. Чего там только не было! «Не счесть алмазов в каменных пещерах!» — пело у меня внутри.

Гарик и Белла о чём-то советовались с симпатичным старичком. Белка с лупой на глазу тщательно рассматривала что-то, разложенное на чёрном бархате. Гарик стоял красный, на лбу его выступила испарина. Я поняла, что надо вмешаться, и подошла.

— Ну, что?

— Вот очень хороший камень, — уговаривал старичок-ювелир, — чистейшей воды!

— Сколько он стоит? — не глядя на камень, в лоб спросила я.

— Не дорого, всего три тысячи.

— Три тысячи? — ужаснулась я. — Так. Это не годится. У вас есть что-нибудь поменьше?

Ювелир сразу понял что к чему и быстро завернул рассыпанные на бархате камни. — Я знаю, что вам надо!

Он ушёл в заднюю комнату и через минуту вынес маленькую коробочку. — Камень небольшой, почти карат, но очень чистый, посмотрите.

Белка опять водрузила на глаз лупу и занялась камнем. Я посмотрела на Гарика. Он вынул платок, промокнул лицо и с облегчением вздохнул. Я поняла, что подошла очень вовремя.

— Камень хороший, но маленький, — произнесла Белка разочарованно.

— Берём! — распорядилась я.

Мы выбрали очень красивую оправу, с маленькими багетиками по бокам и такое же тоненькое обручальное колечко, тоже с багетиками. Всё вместе выглядело очень изящно и необыкновенно красиво.

Через десять минут камень вставили. Надо было платить без малого две с половиной тысячи долларов, по моим понятиям безумно дорого. «Где ж он такие деньги возьмёт?» — не успела подумать я, а Гарик уже протягивал старичку-ювелиру кредитную карту.

Продавец посмотрел на него как на больного.

— Если вы дадите мне наличные, — тихо предложил старичок, — это будет стоить на четыреста долларов дешевле.

— У меня нет наличных, — растерялся Гарик. — Значит, будет дороже.

— Слушайте, молодой человек, не торопитесь, подумайте. Я сегодня возьму вашу кредитку и всё оформлю, но отправлять не буду. Принесите завтра наличные, я отдам вам квитанцию. Вы сэкономите большие деньги, договорились?

Кольцо положили в красную сафьяновую коробочку, которую Гарик вручил мне.

На улице мы с удовольствием вдохнули свежий прохладный воздух. Все себя чувствовали как будто вышли из парной. В машине Гарик открыл коробочку, которую я так и не выпускала из рук, и надел мне на палец кольцо.

— Ты моя? — прошептал он.

— Твоя. И без кольца тоже. Ты не знал?

— Догадывался, — поцеловал меня Гарик, — но с кольцом надёжнее.

— Теперь я действительно «дорогая», — пошутила я и благодарно добавила, — спасибо тебе, Гарька!

По дороге домой решили вечером пойти в ресторан, отметить помолвку в узком кругу: Белка с мужем, моя дочка и мы с Гариком.

Но мысль о том, что Гарик переплатил большие деньги, не давала мне покоя, и я не выдержала.

— Прости меня за нескромность, Гарька, у тебя в банке есть деньги?

— Почти нет, я только что заплатил большой налог.

— Тогда ещё один нескромный вопрос, а когда ты хочешь жениться?

— Хоть завтра, — быстро ответил Гарик.

— Тогда слушай. Свадьбу можно сделать через пару месяцев, например, на Новый год, это прекрасное время. А записаться можем в любой день до конца месяца. С первого числа у тебя, как у моего мужа, будет моя бесплатная медицинская страховка, поэтому свою, платную, ты можешь остановить, и тебе вернут деньги до конца года. Сколько это будет?

— Приблизительно три с половиной тысячи, я уже за следующий год заплатил.

— Вот видишь! Плюс ты можешь уже сейчас переехать к нам и сэкономить на квартплате до конца года ещё около двух тысяч! Как тебе моя идея?

— Я согласен, мне всё нравится, но где взять деньги завтра?

— У меня в банке лежат две с половиной тысячи, — призналась я, — но это всё, что у меня есть!

— А ты можешь их снять? Я тебе всё верну, как только получу деньги за страховку.

— Конечно, сниму! И так потратили кучу денег, зачем тебе ещё переплачивать? Не волнуйся, всё будет хорошо!

Гарик работал в Бруклине, а я в Манхеттене, поэтому на следующий день в обеденный перерыв мы с Белкой пошли к ювелиру.

— Остаюсь без копейки, — с тревогой пожаловалась я Белке, — а вдруг будет что-то срочное?

— Всё-таки зря ты со своими деньгами выскочила, пусть бы сам выкручивался! Что это такое? Человек приглашает невесту покупать кольцо и приходит без денег! На что он рассчитывал? — напустилась на меня Белка.

— Гарик — честный и порядочный человек, живёт по американским законам, — оправдывалась я, — наших «русских» трюков он не знает! А платить за налог сумасшедшие деньги, если можно не платить, согласись, обидно!

— Делай как знаешь, только не переживай, я тебя всегда выручу, — успокоила меня подруга.

Мы отдали старичку-ювелиру мой чек на две с половиной тысячи долларов, и в обмен он вернул квитанцию с кредитной карты Гарика.

Денег у меня в банке совсем не осталось, но на моём пальце, грея душу, первый раз в жизни сверкало чудесное кольцо!

ДОЧКА

День начался как обычно. С утра я училась, потом с друзьями завалились в кафе перекусить и расслабиться. Домой я добралась к вечеру. Мамы не было, а меня ждала записка:

Доченька! Я ушла замуж. Жду тебя в ресторане «Одесса» к 8 часам. Целую. Мама.

«Всё-таки он её уболтал!» — подумала я, быстро собралась и поехала в ресторан.

Всю компанию я увидела сразу. День был будний, и кроме нас в зале никого не было. За столом сидели сияющий Гарик, мама в новом белом свитере и мамина подруга Белла со своим мужем Фимой. Мама тут же протянула мне руку как для поцелуя. На безымянном пальце у неё играло лучами бриллиантовое кольцо.

— Нравится? — со счастливой улыбкой спросила мама.

— Очень! — искренне воскликнула я. — Поздравляю!

Гарик гордо смотрел на маму.

Музыканты и официанты уже знали, по какому поводу банкет, и старались изо всех сил. Гарик и мама пошли танцевать. Площадка была пустая, и они от души томились в танго и кружились в вальсе, не боясь кого-нибудь толкнуть.

— Ну что, — обняла меня Белла, — отдаёшь мамочку?

— Отдаю, — вздохнула я.

Беллу я люблю больше всех маминых подруг. Она добрая, душевная и очень родная. С ней можно откровенничать, почти как с мамой, она не продаст и не предаст.

— Он тебе нравится? — Я вопросительно посмотрела на Беллу.

— Понимаешь, девочка, твоя мама — человек необыкновенный! Лучшей подруги у меня никогда не было. С ней можно поговорить обо всём. Она столько читала, видела, знает искусство. А какая у неё память? Мы вечно бегаем к ней с вопросами, кто из актёров где играл, как что называется. Она лучше любого экскурсовода. За праздничным столом она самая остроумная! Ей так трудно найти кого-то, кто был бы с ней на одном уровне! А с Гариком ей интересно, у них много общего. Это большая удача!

— Я согласна, но не об этом спрашиваю. Как человек он тебе нравится?

— Не знаю, — нахмурилась Белла. — Он очень странный. Его

сумасшедшие выходки приводят меня в ужас. Твоя мама так их перестрадала, что на неё было больно смотреть! Но я слышала его телефонные исповеди... Не представляю, кто бы устоял перед таким любовным натиском. Может быть, он поменялся, что-то понял, переоценил... А вообще, так страшно ошибиться...

— Я говорила об этом маме, но она не хочет слышать. Как будто слепая или глухая. По-моему, он ненормальный!

— А кто нормальный? — вмешался Фима. — Все кругом в чём-то ненормальные, если внимательно присмотреться! Хватит сплетничать, подружки, пошли танцевать!

Оркестр заиграл быстрый танец. Мы вышли из-за стола, встали в кружок и ... понеслось!

Гарик и мама никого вокруг не видели. Они смотрели друг на друга и в такт музыке целовались и обнимались, думая, что танцуют.

Господи! Только бы всё было хорошо!

МАМА

Наступил день, которого я давно ждала с замиранием сердца. Гарик повёз меня знакомиться со своей легендарной мамой, по словам самого Гарика, непредсказуемой и беспокойной.

Я заранее настроилась, что независимо от того, как меня встретят, надо делать скидку на возраст, плохое здоровье и стариковское одиночество, обострённое надвигающейся разлукой с сыном. Тем не менее, подойдя к заветной двери, я почувствовала, что замерла от страха.

Гарик возился с замком, пытаясь его открыть своим ключом. Дверь не поддавалась.

— Позвони, — посоветовала я, — нехорошо заставлять человека врасплох!

После звонка послышалось лязганье запоров, задвижек и цепочек, и, наконец, дверь открылась.

В отличие от пустынной квартиры Гарика, у его мамы всё было заставлено и завешено. Мягкая мебель с разноцветными покрывками стояла по всей комнате. На стенах вперемешку висели виды Ленинграда, тарелки с орнаментами, картинки Израиля, Хохлома, гжель и фотографии членов семьи. В больших кадках зеленели фикусы и ещё какие-то неизвестные кусты. Было душно и пахло едой.

На пороге стояла большая грузная женщина, похожая на Гарика пухлыми губами и капризной складкой на подбородке. На меня она смотрела внимательно и недружелюбно.

— Знакомься, мама, моя невеста! — строго посмотрел на мать Гарик, приняв позу защитника на футбольном поле.

Не успела я открыть рот, чтобы поздороваться, как мама Гарика сердито обрушилась на меня.

— Слушайте, у меня к вам масса претензий! — раздражённо кричала она, не глядя на сына. — Мне уже о вас всё рассказали соседи, которые вас знают! Почему вы мучаете моего сына, он страшно похудел! А как вы со мной обоились в день его рождения?! Вы меня, мать, не пригласили и даже потом не угостили тем, что вы приготовили! Как вам не стыдно так себя вести!

Гарик был готов броситься в атаку, но, опередив его, я сделала шаг вперёд и вплотную подошла к разгневанной старушке.

— Мне стыдно! — спокойно призналась я. — Мне очень стыдно, и я

обещаю вам, что впредь это никогда не повторится. Зачем слушать соседей, которые, может быть, знают меня, но я их не знаю, и знать не хочу. У нас с вами впереди достаточно времени пообщаться и иметь друг о друге собственное мнение. Поверьте, я не такая плохая, иначе ваш сын меня бы не выбрал! Давайте забудем прошлое, будем жить настоящим и будущим! Я не обижаюсь на вас! — и с этими словами я поцеловала старушку в щёку.

Мама Гарика растерянно посмотрела на меня, потом на сына и всплеснула руками.

— Я почему-то уже не хочу сердиться, — жалобно протянула она, — вы совсем не похожи на ту, о которой меня предупреждали! Проходите! Поздравляю вас! Меня зовут Бася. Давайте ужинать!

Мама Гарика засуетилась у плиты. Гарик посмотрел на меня с благодарностью и облегчённо вздохнул.

За ужином мы шутили, вспоминали общих знакомых, которых нашли бесчисленное множество, рассказывали истории о нашей жизни в Ленинграде. Мы договорились до того, что мама Гарика хорошо знала моего деда по отцовской линии, а я была знакома с её невесткой, женой младшего сына.

— Вы только посмотрите, на кого он похож! — сетовала Бася, обнимая Гарика за плечи. — Где это видано, чтобы человек каждый день ел одно и то же! Ведь он не признаёт ничего, кроме сосисок и курицы с макаронами!

— Мама, перестань! — залился краской Гарик и резко вырвался из материнских объятий.

Бася осеклась и испуганно замолчала.

— Вы знаете, каким должен быть настоящий мужчина? — весело, как бы не замечая повисшей в воздухе неловкости, вмешалась я. — Настоящий мужчина должен быть высоким, умным и поджарым! И все эти достоинства — у вашего сына! Терпеть не могу толстых мужчин! — Я ласково погладила Гарика по плечу. — Спасибо за ужин! Посуда сегодня моя! — и решительно направилась к раковине, несмотря на протесты мамы и сына. — Отдыхайте!

Я взялась за мочалку и мыло.

Все чашки внутри были коричневые, а нижняя сторона у тарелок — жёлтая.

«Бедная слепая старушка!» — вздохнула я и незаметно переложила ранее мытую посуду из сушилки обратно в раковину. Потом тихонечко, под шумок, в ход пошли все кастрюли и сковородки, стоящие на плите.

— Да что вы там копаетесь! — нетерпеливо воскликнула Бася. — Я делаю то же самое за десять минут!

— Уже всё, — успокоила я старушку и вернулась к столу. Гарик взял мою распаренную руку и поцеловал.

— Какие нежности! — усмехнулась Бася. — Я всю жизнь готовлю и мою за ним посуду, мне он руки не целует! И вообще он со мной не разговаривает! От одиночества я просто схожу с ума, беседую с телевизором! Ну что это такое, так обращаться с матерью!

— Мы к вам приедем! — пообещала я. — Я позову вас в гости, познакомлю с моей мамой и дочкой, они у меня славные! И вообще, будем дружить, хорошо?

Мы все расцеловались на прощанье, вышли из квартиры, и Бася опять закрылась на все запоры и замки.

— Гарька, — с тревогой в голосе начала я, — почему у твоей мамы дверь закрывается изнутри? Не дай Бог, что-то случится, ведь никто, в том числе и ты, не сможет ей помочь! Надо закрывать только на ключ или два, но так, чтобы можно было открыть снаружи!

— Бесполезно говорить! — отрезал Гарик. — У моей мамы главное — это страхи. Страхи, страхи, кругом одни только страхи! Как ни приду, она тут же начинает рассказывать какие-то ужасы и меня пугать! А на меня это действует. Я и не хожу к ней из-за этого!

— Ну ладно, успокойся! — прижалась я к нему. — Страхи страхами, но как она не боится оказаться в беспомощном положении?

— Воров и грабителей она боится больше! — мрачно заверил Гарик.

— Жалко её! — вздохнула я. — Ужасная вещь — старость!

ДОЧКА

Мама и Гарик решили сначала зарегистрироваться, а потом позже, под Новый год, сыграть свадьбу. Гарик почему-то настаивал, чтобы о регистрации никто из близких, а тем более знакомых, не знал. Но нашей бабушке под большим секретом мы с мамой всё-таки сказали и вместе с ней поехали, что нельзя собратся всей семьёй и отметить такое событие по-человечески. Все эти тайны нам были непонятны, но раз Гарик так хотел, мы согласились и не спорили.

Регистрация должна была состояться в среду, выходной день Гарика. Мама взяла на работе отгул, а я училась прямо напротив Сити-холла и успевала на церемонию в большой перерыв между лекциями.

В назначенное время мы все собрались в большом обшарпанном зале, где надо было ждать своей очереди. Обстановка была обыденной, никакой торжественности. Нарядная мама и Гарик с букетом роз выделялись из толпы озабоченных, серых, усталых посетителей. Я разочарованно поглядывала по сторонам.

Наконец позвали нас. В пустой тёмной комнате, со старой трибуной и американским флагом на стене, неопрятно одетая чёрная тётка быстро отбарабанила ритуальные слова. Тётка была такая толстая, что казалось, будто её живот начинается от подбородка, а когда она повернулась спиной, то на её огромной оттопыренной заднице, можно было спокойно поставить пару тарелок, и ни одна бы не соскользнула! В трибуну толстуха не помещалась, поэтому стояла где-то сбоку, а мы стояли перед флагом, и пришлось всем вертеть головой то на флаг, то на противный голос регистраторши. Гарик надел маме кольцо, которое для этой цели на минуточку сняли перед тем, как войти. Новобрачные замерли в поцелуе. Чёрная тётка нервничала и не могла дождаться конца процедуры. Я вполголоса затараракала «Свадебный марш» Мендельсона. Толстуха-регистраторша смотрела не меня как на сумасшедшую. А нам всем вдруг стало весело, и мы с хохотом выскочили на улицу, прыгнули в машину и помчались в итальянский ресторан отмечать замечательное событие.

За обедом я встала и торжественно произнесла:

— Молодые, будьте счастливы! Плодитесь и размножайтесь!

— Ты что, братика или сестричку захотела? — смеялась мама.

— Почему бы и нет? Не возражаю! — поддержала её тон я. — Буду у вас вместо няньки!

Гарик со счастливой улыбкой слушал нашу трепотню и держал маму за руку.

— За тебя, дорогая! — время от времени поднимал рюмку он.

После обеда мама и Гарик поехали на Бродвей смотреть новый нашумевший спектакль, а я вернулась в колледж.

Так буднично и обыкновенно мама вышла замуж.

Началась новая жизнь!

Часть II. Он + Она = Семья

Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете.

Евангелие

МАМА

Вот я и замужем. Мой муж — высокий, стройный, интеллигентный, умный, неотразимый американский дантист! Я щиплю себя за щеку и мысленно спрашиваю неизвестно кого: «Неужели это правда?»

«Правда! — отвечает мне внутренним голосом неизвестно кто. — Не веришь, можешь его потрогать, он идёт рядом!»

И я его не только трогаю, а тормошу, целую, глажу, обнимаю, а он млеет, как кот на солнышке, и удивляется:

— Да что это с тобой вдруг?

— Ничего! — ликую я. — Просто ты у меня золотой! — и мы идём дальше.

Подружки на работе каждый день меня спрашивают:

— Ну, как твой Гарька? Всё ещё золотой?

— Золотой! — гордо смотрю я на них с видом: «А у вас такого нет!»

В тот день, когда, побывав в Сити-холле и официально превратившись в семью, после обеда в ресторане и похода в театр мы вернулись домой, полумёртвые от эмоций, впечатлений и беготни, то упали в кровать, не чуя ни ног, ни рук. Я тихонько лежала рядом с почти бездыханным от усталости Гариком. В голову лезла всякая ерунда, типа анекдотов о первой брачной ночи и прочая чушь.

«Интересно, о чём думает Гарик? Как он себя чувствует в роли мужа впервые в жизни? — сквозь надвигающуюся дремоту лениво подумала я. — Неужели спит? Вот ещё! У нас первая брачная ночь, пусть просыпается! Сейчас я его разбужу! Я так его напугаю, ему сразу спать расхочется!»

Медленным лёгким прикосновением я провела рукой по аскетическому телу Гарика снизу вверх и внезапно резким движением схватила его за горло:

— Ну что, Гарька, попался! — разбойничьим голосом просипела я ему в ухо. — Женился на мне? Теперь я тебя разорю!

Гарик судорожно вздрогнул, вытянулся и напрягся. Я подняла голову и увидела его побелевшее от страха лицо с застывшими глазами, полными панического ужаса.

— Гаренька, милый мой, хороший, любимый! Я пошутила! Что ты? Я пошутила! — Я гладила его по лбу, по коротко стриженной голове, по щекам, по плечам, целовала и, сама, заледенев от того, что я наделала,

повторяла без остановки:

— Я пошутила, прости меня, любимый мой, хороший, прости, я пошутила!

Тело Гарика заметно расслабилось. Он повернул ко мне лицо и слабо улыбнулся. Я прижалась к его губам, чувствуя, как под моими поцелуями они становятся всё мягче и теплее и, наконец, стали ответными и горячими...

— Бедный, запуганный, золотой мой Гарька! — еле слышно шепнула я и утонула в потоке нахлынувшей на меня нежности.

ДОЧКА

В доме — полный бедлам! Гарик переезжает к нам окончательно. Каждый вечер и в выходные он вместе со своим другом — бандитом Паприковым привозит полные машины барахла. Кругом коробки. Мебель путешествует из одной комнаты в другую. Шкафы открыты. Свободного места уже нет, а коробки всё прибывают и прибывают!

В основном Гарик везёт свои книги. Пришлось купить ещё пару стеллажей, вдобавок к нашим. Я помогала их заполнять, попутно читая корешки и обложки книг. Чего там только не было! Чёрная магия, гадания, мистика, каббала, коммерция, стоматология и почему-то огромное количество медицинских книг про психов! А впрочем, если всё это прочесть, можно действительно поехать крышей!

Как Гарик решился переехать к нам при его ненависти к коту — для меня загадка! Наши решётки на окнах его тоже бесят! Пару раз Гарик пошутил с кислым видом, что мы живём как в тюрьме, но при этом у него самого был вид узника!

А нам с мамой жить с решётками очень хорошо и спокойно! По крайней мере, никто из тех, кого в двери не пускают, не залезет к нам в окно! Это не шутка — в нашем доме столько квартир ограблено, что у нас просто не было выбора.

Однако Гарик привык жить с видом на океан, поэтому для него решётки — что-то противоестественное и насильственное! Каждый раз, когда он подходит к окну покурить, вид у него становится несчастный, а мама начинает виновато подлизываться и шутить. Гарик слабо улыбается маминым остротам, но в глазах у него — тоска.

С приездом Гарика из мебели у нас прибавился старинный письменный стол с древними секретами, не зная которых, невозможно открыть ни ящики, ни дверцы, и большой новый телевизор. Теперь, к моей радости, можно смотреть передачи и в спальне, где спят мама с Гариком, и в гостиной, где живу я.

Одежды у Гарика немного, но, к нашему удивлению, почти вся она из самого дорогого магазина в Америке. Оказывается, там работает Каракатица — эта мерзкая Циля, Гарика бывшая соседка! Вот она его и одевала, пользуясь правом работника магазина купить со скидкой. Видимо, за это, а может, и ещё за что-нибудь, каждое утро Гарик возил её на своей машине на работу и каждый вечер — домой. При этом у Цили есть муж,

которого устраивает, что его жена с кем-то ездит и кого-то одевает, а Гарик за глаза презрительно морщится и называет Цилю сплетницей, вруньей и сукой.

Как бы там ни было, но к зиме Гарик оказался совершенно не готов. Его мальчишеские сиротские курточки, еле прикрывавшие тощий зад, не спасали от холода и ветра. К счастью, в нашем шкафу висела длинная мужская кожаная куртка на лебяжьем пуху, которую в прошлом году я купила себе, но, надев пару раз, убедилась, что женские вещи мне идут больше, не считая джинсов и ботинок, моего любимого вида одежды. Куртка по размеру идеально подошла Гарику, и мама была счастлива, что он не умрёт от простуды. Я не возражала. Лишь бы мама не волновалась! Но Бася, мать Гарика, увидев его в новой куртке, презрительно сморщила нос: «Фу! — фыркнула она. — Это тебе жена купила такое барахло?» Но Гарик посмотрел на неё так, что у Баси, по-моему, язык присох к глотке. Почему-то раньше её не волновало, во что одет её драгоценный сынок!

Когда мы в последний раз приехали к Гарику в квартиру подобрать остатки вещей, раздался телефонный звонок. Звонила какая-то Маня, которую Гарик оборвал на полуслове.

— Маня, — с трудом сдерживаясь, обозлился он, — я ни с кем не хочу больше знакомиться!

Видимо, Маня не унималась, потому что Гарик громко рявкнул:

— Маня! Мне наплевать, что у неё прекрасный английский! Меня не интересует, как она устроена! Я женился, Маня, вы что, ничего не знаете? Маня, не морочьте мне голову, что бы вам Циля об этом не говорила!

Как видно, Маня что-то сказала о маме, и Гарик сменил крик на злобный шёпот:

— Маня, это не ваше дело, я сам знаю как мне поступать, а с вами я не желаю больше разговаривать! — он швырнул трубку и закурил.

— Кто эта Маня? — упавшим голосом спросила мама, которая во время разговора оцепенела над раскрытым чемоданом.

— Цилина мать! Такая же сволочь, как и дочка! Ну и семейка! — с силой выпустил дым Гарик.

— Обычные собачьи Манины номера! — откомментировала Бася, когда мы ей рассказали о случившемся. — Живёт по соседству и как будто не знает, что Гарик женился! Весь наш дом знает, а она нет! Хотя всё может быть, они ведь с Цилей годами не разговаривают! Ну и семейка! — усмехнулась она точно как Гарик.

Слава Богу, теперь мы далеко и от Циля, и от её мамы, и от бандита Паприкова. Жуткие люди! Странная дружба! Непонятные отношения! Не

хочу об этом думать, а то сейчас заведусь, и тогда Гарику несдобровать, а у них с мамой сейчас просто любовная идиллия!

Мама вся в счастье, готовится к свадьбе. Гарик хочет, чтобы был большой праздник, и мама старается изо всех сил: составляет списки гостей, рассылает приглашения, что-то сочиняет, с кем-то договаривается и при всей этой занятости не ходит, а порхает, не говорит, а щебечет. Как птичка!

Вместе с Гариком в доме появилось огромное количество всяких рюмок, рюмочек, бокалов, фужеров и стаканов. Все одинаковые, с голубым рисунком и золотой каёмочкой! Мама очень удивилась, когда стала распаковывать это сияюще-звенящее сокровище. Оказывается, Гарик и его друг — бандит Паприков, на правах старожилов, вместе с еврейской общиной вызвались помогать вновь прибывшим эмигрантам устроиться на новом месте. Какой-то сердобольный ребе с этой же благородной целью пожертвовал содержимое целого дома своего умершего родственника. Гарик и Паприков развозили пожертвованное имущество по домам нуждающихся. Правда, сначала они свезли себе в квартиру всё то, что заслуживало их внимания, а остальное, с видом благодетелей, развезли бедным эмигрантам. Вот откуда письменный стол прошлого века и прочая древность, пахнувшая мертвечиной! Всю эту историю Гарик вещал нам с весёлой гордостью, вот, мол, какие они с Паприковым умные и практичные! По маминому лицу я видела, что ей не только не смешно, но неловко и противно. Она засунула злосчастные рюмки куда-то далеко в шкаф и, кто бы к нам ни приходил, никогда их не доставала и не пользовалась.

Как правило, всякий раз, когда Гарик самозабвенно рассказывал об очередных подвигах бандита Паприкова, на мамином лице появлялось выражение гадливости, и она старалась сменить тему, а Гарик в ответ мрачнел и хватался за сигарету, как обиженный ребёнок за соску. Курил он очень много, и от этого в комнате стояла непроходимая вонь, куда хуже, чем от нашего кота, который, бедный, портил воздух в силу естественной потребности, от силы пару раз в день, но его за это ругали, как будто люди при таких же обстоятельствах пахнут духами! Несчастный Киса! Его гоняли повсюду, где он любил раньше лежать, потому что Гарик после кота не хотел шерстью пачкать брюки! Зато как только Гарик ложился спать, кот прятался под кроватью, и стоило Гарику зазеваться и случайно высунуть голую ногу, как Киса молниеносно в неё вцеплялся и больно кусал! Почему-то мне казалось, что, когда нас не было дома, Гарик бил кота чем попало, поэтому мне всегда было жалко бедного Киску! Ведь он не мог

рассказать, что происходит в наше отсутствие!

Однажды бабушка, видя нашу любовь к коту, со вздохом заметила, что если бы нам предложили выбирать между бабушкой и котом, то мы выбрали бы кота! Такое может прийти в голову только из ревности! А без шуток, я уверена, что если бы маме пришлось выбирать между Кисой и Гариком, то мама бы предпочла Гарика! А я — кота!

МАМА

Сам по себе в нашей семейной жизни установился свой ритм. Я вставала очень рано. Утро было единственное время, когда я испытывала жуткую неловкость от своего замужества, ведь и я, как любой старый холостяк, привыкла к одиночеству. Одеваться, причёсываться, накладывать косметику в присутствии мужчины, будь то даже мой муж, мне было страшно неудобно. Почему-то меня не покидало чувство, что Гарик подглядывает. Резко обернусь — спит! Смотрю в зеркало, спиной чувствую — подглядывает! Снова оборачиваюсь — спит! Ощущение глаз Гарика на моём затылке каждое утро дежурило около моего зеркала. Мне говорили, Гарик — чудак! Я сама чудачка! От этого проклятого одиночества кто угодно станет чудачком! В конце концов, одеваясь, я заставила себя прекратить оборачиваться каждые пять минут, но мне это стоило нервов.

Удивительно, как меняется человек с возрастом! Когда впервые я вышла замуж, мы с мужем пошли покупать кровать. Я смотрела на цвет и качество материала, а мой молодой муж искал что-нибудь пошире и побольше.

— Зачем нам такая большая кровать? — удивлялась я. — Она займёт полкомнаты!

— Как зачем? — снисходительно, с видом знатока, отвечал мой муж. — Чтобы, когда спишь, не дотрагиваться и не мешать друг другу!

Помню, я расплакалась прямо в магазине.

— Ты не любишь меня! — сквозь слёзы давилась я. — В кино все спят в обнимку, а ты даже дотрагиваться не хочешь!

— Глупая! Конечно, я тебя люблю! — утешал меня муж. — А в кино они должны лежать в обнимку, иначе просто в кадр не влезут, только и всего, а любовь здесь ни при чём!

Это было более двадцати лет назад. А теперь о чём я мечтала? Две отдельные спальни, две отдельные ванные комнаты и ходить друг другу «в гости», даже при самой большой любви! Мои замужние подружки думают так же, только вслух не произносят. Нас не поймут, и никакие заверения в любви не помогут!

Поскольку второй спальни у меня не было, а в гостиной спала дочка, я ходила бесшумно, на цыпочках, стараясь никого не разбудить, оставляла Гарика на столе приготовленный завтрак, завернутую в фольгу «ссобойку» и тихонечко уходила на работу. Ни я, ни дочка утром не завтракаем —

многолетняя привычка.

После работы я приходила первая, готовила обед. К вечеру возвращался Гарик, и мы садились за стол. Я подавала и убирала, Гарик мыл посуду. По выходным мы ездили за продуктами, гуляли у моря на Брайтоне, убирали квартиру, ходили в гости или в кино. Дочка жила по собственному расписанию, по будням мы почти не виделись.

У Гарика выходные были по средам и воскресеньям. В пятницу он освобождался пораньше, успевая заехать за мной на работу. В субботу работал полдня, домой добирался к часу и обязательно пару часов спал.

— Тихий час — святое дело! — любил повторять он.

Чтобы навестить свою маму, помочь ей, если надо, а также оформить накопившиеся за неделю банковские дела, по средам Гарик уезжал на весь день в свой родной район, к океану, где раньше жил. Он ни за что не хотел сменить банк на любой другой поближе к нашему дому и мотался в жуткую даль, несмотря на то, что вокруг нас банков было предостаточно.

Я была так занята подготовкой к свадьбе, что всё свободное время тратила на всякого рода приготовления: писала, звонила, договаривалась.

Самая главная забота — мой свадебный наряд! Ничего путного я не находила. Вычурные костюмы, платья фасона «расписные титьки» мне не нравились. Я выглядела в них как мама невесты, а не как мама-невеста! Отчаявшись, я пожаловалась Гарику.

— Поедем к Циле, — сразу же предложил он.

— Почему к Циле? — нахмурилась я.

— Как почему? Она же работает в шикарном магазине одежды, поехали, она поможет!

— Ты уверен в том, что ей этого захочется? — робко сопротивлялась я. Кланяться Циле мне не очень хотелось.

— Не сомневайся! Захочет как миленькая! — со странной интонацией успокоил меня Гарик.

Мы поехали в Манхеттен. Честно признаться, мне самой было любопытно хотя бы посмотреть, где и во что одеваются американские миллионеры!

Многоэтажный магазин в сердце Манхеттена ослеплял роскошью и ценами. Было страшно дотронуться до баснословно дорогих платьев и костюмов. В отличие от меня, Гарик чувствовал себя уверенно и спокойно, по-хозяйски разглядывая висящие вокруг царские наряды, фасоны и украшения, которые были явно не из моей рабоче-сабвейной жизни. Я растерянно оглядывалась, с видом забитой Золушки, попавшей на королевский бал прямо из кухни, до встречи с чудесной волшебницей.

В это время появилась Циля, деловая, на удивление приветливая и благожелательная. Она повела нас в отдел, где цены из четырёхзначных превратились хотя бы в трёхзначные.

Я осмелела и стала с любопытством перебирать наряды, один другого красивее. И вдруг... чудо! Именно то, что я хотела и неосознанно рисовала в своём воображении! Коротенькая юбка в складочку и такой же свитерок из мягкого серебряного материала. Лучшего нельзя было желать! К моему ликованию, цена была вполне приемлемой, не дороже, чем в любом другом магазине. Когда я, серебряно-сияющая, вышла из примерочной, Гарик одобрительно кивнул, я гордо покрасовалась перед Цилей, которую в этот момент почти любила, разом простив все козни и наговоры, и счастливая пошла переодеваться. Прижимая к груди драгоценный пакет и на каждом шагу целуя Гарика, я летела к машине, и мне хотелось петь и кричать «ура»! Мы поехали к маме Гарика пообедать и похвастаться покупкой.

Увидев костюм, Бася разочарованно сморщилась:

— Уж очень просто! В этом наряде вы похожи на девчонку! — воскликнула она.

Это было как раз то, что мне хотелось услышать, поэтому я вместо ответа поцеловала Басю. Она недоумённо пожала плечами, точно так же, как это делаю я, когда вижу очередной, по-моему, сумасшедший, наряд моей дочери.

Как я и ожидала, и дочке, и моей маме костюм очень понравился, и у меня одной большой проблемой стало меньше.

Теперь можно было подумать о выборе свидетелей. С моей стороны — Белка, это ясно. Кого выберет Гарик, я не знала. О Паприкове не было и речи. Слава Богу, Гарик о нём не говорил. На моё предложение пригласить свидетелем его приятеля Стаса, который нас познакомил, Гарик ответил категорическим отказом.

— Нас ничто не связывает, — раздражённо объяснил он, — мы всего лишь учились на одном курсе и какое-то время пробовали вместе работать. Когда Стас начал приносить материалы, которые он подворовывал в другом месте, где он тоже подрабатывал, я понял, что мы не сработаемся. Сначала он ворует в одном месте, потом также будет обкрадывать меня. Иногда я давал ему ключи от своей квартиры, а когда мать уезжала, и от её, переспать с очередной бабой. Так он, бывало, насвинячит и даже убрать за собой не удосужится. Сколько раз мне мать из-за него закатывала истерику! Пошёл он к чёрту!

— Интересно! При таком к нему отношении, как же ты отважился познакомиться со мной по его рекомендации?

— А я и не хотел. Недаром полгода твой номер телефона провалялся у меня на письменном столе, но Стас так расписывал тебя — умная, толковая, хорошо устроенная, деловая! Это было заманчиво, поэтому я не выбрасывал бумажку с твоим телефоном, но и звонить не торопился. А тут как-то я случайно столкнулся со Стасом в баре. Он, как всегда, спросил о тебе. Я признался, что до сих пор не познакомился. Стас обозвал меня дураком и очень удивился, что я столько лет бьюсь с жизнью в одиночку, в то время как умные люди делят пополам расходы и живут гораздо легче. Вот я и позвонил тебе.

Пока я слушала, у меня было такое чувство, как будто из-под меня вытащили стул.

— Очень романтично! — разозлилась я. — Значит, вся эта суматоха только для того, чтобы я облегчила тебе жизнь и делила твои расходы? Как насчёт моей жизни? Моих расходов? Жаль, я раньше не знала твоей бухгалтерии! Слушай, пока не поздно, на чёрта нам вообще вся эта кутерьма со свадьбой?

Гарик обнял меня, несмотря на моё сопротивление, с силой прижал к себе и посмотрел мне в глаза.

— Это я раньше так думал. Сейчас думаю по-другому, иначе я никогда бы тебе сам в этом не признался. Я люблю тебя и хочу, чтобы у нас была самая замечательная свадьба на свете, потому что ты действительно самая умная, самая добрая, самая красивая и вообще самая-пресамая.

Гарик ласково целовал меня в щёки, в глаза, в лоб, гладил по лицу, по голове, и я постепенно оттаяла.

— Но всё-таки, как быть с твоим свидетелем? — беспокоилась я.

— Есть вариант. Я познакомлю тебя с Маратом. Он работает рядом с нашим домом, тоже дантист, славный парень. Мы учились когда-то вместе. Потом долго не виделись. Марату повезло. Когда они приехали в Америку, его жена сразу пошла работать и хорошо ему помогла встать на ноги. Ему не нужно было, как мне, по ночам мыть полы в богадельнях, чтобы иметь возможность днём учиться. Он сидел за своей женой как за каменной стеной не один год, смотрел ей в рот и целовал руки. Теперь встал на ноги, разбогател. Держится так, как будто он всегда был таким важным и благополучным. Но в принципе он хороший мужик. Я его видел недавно. Он в гости звал. Пошли, познакомишься, и в свидетели его позовём!

Марат оказался очень славным, с улыбочивым круглым лицом, уютно-толстеньким, с кудрявой головой и маленькими чёрными глазками. Мы пришли к нему на работу, в роскошный кабинет с бархатной приёмной, на стене которой висели огромные часы с маятником. Часы были в виде

белого зуба, а маятник — в виде красной зубной щётки, которая, качаясь, чистила зуб взад и вперёд.

Нам пришлось немного посидеть в приёмной, пока Марат отпускал последних посетителей. Всех своих очаровательных пациенток Марат ласково называл «мамками» и при этом безжалостно высверливал им зубы. Видимо, такое обращение облегчало жуткую процедуру, так как все женщины смотрели на своего доктора с обожанием, и пациентки, и помощницы. В нём, действительно, была какая-то внутренняя привлекательность, и я поймала себя на том, что смотрю на Марата с восхищённой улыбкой, а Гарик на меня — с ревностью.

— Не ревнуй, Гарька, ты лучше всех! — поцеловала я мужа. — Жаль только, кабинет у тебя не такой шикарный!

— Ничего, мамка, мне и в моём хорошо, — передразнил Марата Гарик.

Познакомившись со мной, Марат тут же повернулся к Гарику и выпалил:

— Старик! Это первая красивая женщина, которую я с тобой вижу! До неё у тебя были какие-то серые мыши! Поздравляю, старик, безумно за тебя рад!

Марат быстро собрался, и мы поехали к нему в гости.

Жена Марата, Ирина, была похожа на Царевну-Несмеяну из русской народной сказки. Высокая, стройная, жгучая брюнетка, с белой матовой кожей, настоящая красавица, с доброй улыбкой и необъяснимой печалинкой в больших чёрных глазах.

Я как-то сразу почувствовала себя в кругу друзей. Вечер прошёл замечательно! Мы рассказывали анекдоты, перебивая друг друга и захлёбывались от смеха, дурачились и даже танцевали! Марат и Ирина брали уроки танцев и с удовольствием демонстрировали нам, чему они научились! По-моему, Гарик был очень доволен. Я уже давно не видела его таким раскованным и по-настоящему весёлым.

На прощание мы пригласили Марата и Ирину на свадьбу и попросили Марата быть у Гарика свидетелем.

— Конечно, старик, какой разговор! Буду! — сразу согласился Марат.

— Хорошие ребята! Давай с ними дружить, — сказала я Гарику, садясь в машину.

— Хорошо, дорогая! — Гарик, как обычно, взял меня за руку, и мы поехали к нам домой. Как хорошо, что можно было сказать «к нам», а не «ко мне»!

ДОЧКА

Сразу чувствуется, что у нас в доме — мужик. Всё, что было сломано, — починено! В шкафах легли полки. Гарик оказался настоящим рукодельником. Облезлые кухонные шкафчики он покрасил чёрной краской под цвет нашей мебели, и кухня преобразилась и даже приобрела оригинально-модерный вид, на радость маме.

В ответ на похвалы и восторги Гарик не забыл воспеть своего учителя — бандита Паприкова, который, по словам Гарика, был к тому же кудесником по любой электроаппаратуре и многому научил своего юного друга — Гарика.

В одну из сред Паприков осчастливил нас своим визитом. В тот день я пришла домой пораньше. Мама, с подобием вежливой улыбки на лице, подавала обед. Гарик, суется не в меру, помогал ей накрывать на стол. На стуле, широко раздвинув огромные ноги, сидел человек-гора, с кулаками убийцы и хитрой разбойничьей рожей. Я сразу же догадалась — кто эта легендарная личность.

— Здравствуйте, — голосом хорошей девочки поздоровалась я, — это вы были в тюрьме паханом? Гарик нам столько о вас рассказывал! Давно мечтали увидеть вас живьём!

Паприков, не шевелясь, перевёл на Гарика тяжёлый взгляд и укоризненно-угрожающе пробасил:

— Болтаешь!

Гарик залился краской и сразу схватился за свою спасительную соску-сигарету.

За обедом друзья распили огромную бутылку водки и не успокоились, пока не прикончили её до конца. Они ударились в воспоминания, в основном, о том, как находили на разных свалках всякое «дерьмо» и, починив, делали из него «конфетки».

— Выбросить мы всегда успеем! — провозглашал Паприков как девиз.

Мы с мамой сидели и слушали, а Паприков разглагольствовал:

— Вы себе даже не представляете, какого человека заполучили в семью! Это личность необыкновенная! Исключительно порядочный человек! До непорядочности порядочен! — последнюю фразу Паприков повторил ещё и ещё.

Этот мудрёный каламбур был явно не для нашего ума, и мы с мамой удивлённо переглянулись. Гарик курил, скромно потупившись.

— А что же это мы скучаем! — вдруг развеселился Паприков. — Ставь музыку!

Гарик услужливо бросился и включил магнитофон. Паприков сграбастал маму и стал таскать её по комнате, якобы танцуя. Рядом в этой громилой она выглядела, как Дюймовочка в объятиях гориллы. Мама бросала на Гарика умоляющие взгляды, но он не реагировал, на губах его играла садистская улыбка. Вся эта сцена, как видимо, доставляла ему непонятное удовольствие. Наконец Паприков отпустил маму и бухнулся на стул.

— Я за Гарика душу отдам! — тяжело дыша, грозно рявкнул он. — Если его кто обидит, возьму большую палку и дам по голове!

— Вы нам угрожаете? — тихо поинтересовалась мама, глядя на Паприкова исподлобья. Я почувствовала, что назревает скандал.

— Ну что вы! Я не вас имею в виду! — почуввав недоброе, сменил тон Паприков. — Это я вообще о врагах говорю!

— О каких врагах? — настаивала мама. — На нас пока не нападают!

— Знаете, я лучше пойду! — выкрутился Паприков. Никто не возразил. Гарик вышел проводить дорогого гостя.

Мама сидела с удручённым видом над грязной посудой.

— Вот такая у нас теперь компания! — тяжело вздохнула она.

Когда Гарик вернулся, маминому терпению пришёл конец.

— Ну что у тебя с ним общего? Можешь ты мне объяснить? — налетела она на Гарика.

— Леонид Ильич меня любит! — заплетающимся языком пролепетал Гарик. Было заметно, что он хорошо наклюкался. — Когда мы разговариваем по телефону и прощаемся, он всегда говорит мне: «Ну, целую!»

— Знаешь что, Гарик? — безнадёжно махнула рукой мама.

— Что, дорогая? — качнулся Гарик.

— Шёл бы ты спать!

— Иду, дорогая! — покорно согласился Гарик и на полусогнутых поплёлся в спальню.

Мама и я сели на диван, обнялись, включили телевизор и, как раньше, смотрели фильм до глубокой ночи.

МАМА

Чем дольше я готовилась к свадьбе, тем больше ужасалась, в какую сумму должно было обойтись это удовольствие. Многие справедливо спрашивали, а зачем вообще нужна суматоха и показуха, тем более в таком возрасте. Но у Гарика свадьбы не было никогда в жизни и, конечно, ему хотелось торжественности, как всем нормальным людям. А я так настрадалась от своего одиночества, так долго ждала и искала человека по душе, что когда нашла его, то хотелось кричать на весь мир: «Смотрите, какая я счастливая!»

Кроме того, столько людей вокруг меня так или иначе принимали участие в моей нелёгкой судьбе, искренне помогая по первому зову, а иногда и не дожидаясь его, что теперь сделать всё втихаря было просто неловко. Но деньги, проклятые деньги, которые надо было платить за каждый вдох и выдох, омрачали жизнь и отравляли моё счастливое ожидание праздника, о котором я столько мечтала! Конечно, ни для кого не секрет, что гости приносят подарки в конвертах, и часть расходов будет оплачена. Но всё это потом, после свадьбы. А чем платить по ходу событий? После покупки обручального кольца на моём счету не было ни копейки! Из-за постоянных вздохов Гарика о его плачевном денежном состоянии я как-то стеснялась говорить с ним о деньгах. Слово «таксы», то бишь налоги, постоянно висело в воздухе. Гарик напоминал о них на каждом шагу. То удручённо, то с раздражением, то безнадёжно, со страхом, с неизбежной обречённостью, он ждал их как надвигающуюся опасность. Следующая выплата маячила в январе, и о ней Гарик, беспокойно ёжась, говорил уже в ноябре.

У меня налоги высчитывались автоматически из зарплаты, и всерьёз я занималась ими раз в году в конце марта, не видя в этом ничего страшного, поэтому мне трудно было понять, в чём, собственно, проблема. Гарика было жалко, и я старалась как можно меньше тревожить его текущими расходами, крутилась и выкручивалась, пользуясь кредитными картами где только можно.

Время от времени Белка одалживала мне полторы-две сотни, не спрашивая, когда я их отдам, но от этого было не легче.

— Почему ты не попросишь денег у мужа, он же у тебя дантист! — удивлялась Белка по дороге в банк за очередной суммой.

— Ну и что, что дантист! — возражала я. — Дантисты бывают

разными. Он на зарплате. У него нет денег!

— Как это нет? — не унималась Белка. — Где ты видела дантиста, прожившего в Америке столько лет в одиночку, не имеющего ни дома, ни квартиры, ни даже мебели приличной, никогда не ездившего в отпуск, чтобы у него не было денег?

— Что-то у него, может быть, и есть, но ведь ему надо четыре раза в год платить таксы! — невольно повторила я интонацию Гарика.

— Интересно! — недоверчиво нахмурилась Белка. — Ты говоришь, он на зарплате, а налоги платит, как будто у него свой кабинет! По-моему он тебя морочит!

— Белка! Как ты можешь так говорить о Гарике! — рассердилась я. — Что значит «морочит»? Он не такой!

— Морочит! — уверенно повторила Белка. — А ты — идиотка!

— Пусть я — кто угодно, но Гарик у меня золотой, и я не желаю обсуждать его в таком тоне и выражениях! — не на шутку раскипятилась я. — Можешь одолжить — спасибо, я потом отдам, но Гарика, пожалуйста, не трогай!

— Да кому он нужен, Гарик твой! — обняла меня Белка. — Тебя, дурёху, жалко!

— Не надо меня жалеть! — сердилась я. — Я очень счастливая, у меня всё хорошо!

— Ну и слава Богу! — уже миролюбиво гладила меня по плечу Белка. — Дам я тебе денег, не волнуйся!

В голове у меня были постоянные соотношения дебита и кредита, поэтому моя мама, увидев меня в один из своих визитов, укоризненно заметила:

— Это выражение озабоченности на твоём лице чрезвычайно тебя портит и старит!

Что я могла поделать, если забот было предостаточно, а выглядеть хотелось хорошо!

Иногда Гарик проявлял неожиданную инициативу с удивительной щедростью и широтой.

Полкомнаты занимали огромные ящики со спиртным, гостиная теперь напоминала винный склад. Такого количества хватило бы с лихвой не на одну нашу свадьбу, а на все три. За выпивку Гарик заплатил сам и очень этим гордился.

В буфете на полочке появились китайские витамины в диковинной упаковке. Когда я увидела их цену, у меня потемнело в глазах. Маленькая бутылочка с круглыми таблетками стояла в два раза дороже большой

бутылки хорошего коньяка.

Сюрпризом Гарик оформил одну из своих кредитных карт, «Америкэн-экспресс», общей, сделав меня её вторым полноправным владельцем. При наших грядущих тратах делать долги ещё по одной карте мне было ни к чему, но забота, проявленная Гариком, тронула меня до глубины души!

Гуляя по Брайтону, Гарик хватал книги с прилавков одну за другой, не считая денег, и платил не задумываясь. Поскольку книги были о разнообразностях секса, о йоге, о различных гаданиях и о том, как получить энергию из атмосферы, острой надобности в них в период, когда у нас были такие расходы, по моему мнению, не было. Я только раз заикнулась, что эти покупки не очень ко времени, как лицо у Гарика немедленно приобрело ожесточённое капризное выражение, а щёки залил румянец, как всегда, когда он сердился.

«Ладно! — решила я, — что-нибудь придумаю, не ссориться ведь из-за такой ерунды, да ещё накануне свадьбы!»

Весть о том, что мы поженились, медленно, но верно расплзлась среди друзей и родственников. Начались первые визиты.

К Нине, единственной в Нью-Йорке и не самой приятной родственнице Гарика, приехала погостить из Ленинграда мама, тётя Гарика. Тёте захотелось посмотреть, как мы живём, и мама Гарика у нас ещё не была. Это был первый визит родственников Гарика к нам, мужу и жене, поэтому я волновалась, не хотела ударить в грязь лицом, а гости к тому же отличались вздорным характером, в чём я уже имела несчастье убедиться.

Старожилов Америки едой удивить трудно. Приехав много лет назад и напробовавшись всех продуктов подряд, почти все они в одежде на два размера увеличились и дружно сели на различные диеты, которые обсуждали во время еды, равнодушно отодвигая деликатесы, от которых когда-то текли слюни и урчало в животе. Но тем, кто за фигурой не следит, ест не из гурманства, а потому, что скучно во рту, придумать заманчивое угощение совсем не просто.

Я ходила по продуктовым магазинам и ломала голову, что бы купить повкуснее. И тут, в мясном отделе, я увидела гуся. Раньше, в России, я всегда жарила гуся на Новый год с яблоками, с гречневой кашей и со шкварками.

«Отлично! — обрадовалась я. — Подаю гуся!»

Прикупив кое-что вкусненькое из закусок, которыми полны наши русские магазины, я заспешила домой к плите и духовке.

Вечером приехали Бася, Нина и её мама, Мура, маленькая, холёная, вся кругленькая с перпендикулярной грудью, подпирающей подбородок.

Нина принесла в подарок стеклянную сырницу. Точно такая же пылилась у меня в шкафу. Сыр мы почти не едим, а выбросить стекляшку жалко.

— Большое спасибо! — вежливо поблагодарила я. — У меня как раз такой нет!

— Не сомневаюсь! — с нескрываемым превосходством отрезала Нина, глядя поверх моей головы. Я моментально пожалела о своей ханжеской благовоспитанности.

Бася и Мура бродили по квартире. Мура с любопытством и восхищением, Бася с гордостью, в каких «хоромах» живёт её сын!

Нина была у нас впервые, сидела на диване с отсутствующим лицом, отбывая повинность. Мурины восторги действовали ей на нервы, она недовольно морщилась и закатывала глаза, как будто говоря: «Ну, сколько можно! Хватит уже!»

Мы сели за стол. Увидев хорошую колбасу, рыбу, салаты, Бася всплеснула руками:

— Вы что, покупаете у русских? Это же ужасно дорого! Никакой зарплаты не хватит! Я себе на мою пенсию такой роскоши позволить не могу! — И при этом многозначительно посмотрела на сына, мол, вот, куда твои денежки текут!

Мура, как все приехавшие в гости, с аппетитом сражалась с едой, причём поединок был явно в пользу Муры. Нина молча ковыряла салат. Разговор незаметно переключился на нашу свадьбу. Бася спрашивала цены, не забывая ни одной мелочи и от всего приходя в ужас. Когда она услышала, что Гарик хочет делать хупу, то округлила глаза и возмутилась:

— Вы что, с ума сошли? Это же дополнительные расходы! Где вы деньги возьмёте?

Я почувствовала, что больше не могу, с надеждой подняла глаза на Гарика и заспешила на кухню.

— Мама! Хватит! Это не твоё дело! — крикнул в сердцах Гарик за моей спиной.

Бася как по команде затихла, только капризная складка на её подбородке дёрнулась и стала глубже.

Я внесла гуся. Сидящие за столом окаменели, не сводя глаз с блюда, похожего на рождественскую картинку. Даже Нина забыла надеть на лицо свою обычную презрительную гримасу.

Проглотив слюну, Бася заметно считала в уме, на сколько я разоряю её сына, Мура выбирала кусочек повкуснее, а Нина судорожно принялась за салат, освобождая тарелку.

После ужина гости перешли на диван и заговорили на наболевшую тему — оставаться Муре в Америке или уезжать обратно, в Россию.

— Я ведь там совсем одна, — жалобно поглядывала на дочь Мура, — и годы уже какие! Кому я там, старуха, нужна? А вдруг заболею...

Нина кусала губы и бросала на мать негодующие взгляды.

— Мама, ну сама подумай! Что тебе здесь делать? Там, где я живу, по-русски вообще не говорят! Я весь день на работе, дети в колледж уехали! Ты будешь сидеть одна в пустом доме! А потом, я тебя знаю! Сейчас ты бедная, несчастная, а останешься — и будешь ныть и действовать мне на нервы! — Нина уже почти кричала.

Глаза у Мары налились слезами.

— Не ори! — огрызнулась она. — Ты не дома! Я уеду. Вот свадьбу отгуляю и уеду! Живите одни в двадцати комнатах! Господи, у людей всё есть, а для матери угла нет на старости лет!

— Вот и уезжай! — упрямо повторила Нина. — Сама потом спасибо скажешь. Я уже насмотрелась на других. Повыписывали родителей, а теперь в депрессии и те, и эти... Вам там, в России, кажется, что здесь не жизнь, а масленица! А мы тут колотимся, как лошади загнанные, и развлекать вас ни у кого сил нет!

— Давайте чай пить! — позвала я и положила Муре самый лучший кусок торта. От этой перебранки мне самой хотелось плакать. Вот тебе и воссоединение семей! Кто-то соединился, а сколько ещё таких одиноких Мур коротают дни в старости и болезни, пока дети в Америке бьются в поединке с капитализмом! Ведь по сути, Бася тоже очень одинока! Был муж, три сына, большая семья, все вместе! А теперь? Муж умер. Один сын женился, уехал за богатой женой в Южную Америку. Второй сын — в другом штате. Один Гарик остался, и того увели.

Я почувствовала себя виноватой и подумала: «Ничего! В среду накуплю ей у «русских» вкусенького и отправлю с Гариком! Пусть почувствует, что о ней заботятся».

После чая Нина увезла Муру, а мы с Гариком повезли Басю домой.

— Ну, как вам понравились наши родственники? — ехидно начала Бася, как только мы отъехали. — Раньше миллионеры были! На три поколения наворовали. Всё — для единственной доченьки! Вот вырастили эгоистку, мать ей уже не нужна! Я никогда их не любила и в гости к ним ходила только по особому приглашению, раз в сто лет! Это Гарик всё около этих воров крутился и здесь с этой Нинкой-мерзавкой дружит! Я не понимаю, что тебе от неё надо? Зачем ты с такой стервой общаешься?

Гарик, не отвечая, вёл машину. Остаток пути Бася вслух подсчитывала,

во сколько нам обошёлся приём гостей и сколько ещё предстоит потратить на свадьбу.

— Не обращай внимания на мать! — потрепал меня по щеке Гарик, когда мы ехали обратно. — Она всегда была такая, поэтому я её к себе и не пускал!

— Лишь бы ты не обращал внимания! — устало обронила я. — А уж я потерплю, жалко её!

Однако Басины стенания сделали своё дело. Грядущие траты гвоздём сидели у меня в мозгу. Я лихорадочно прикидывала, что сколько стоит и где одолжить деньги.

В последнее воскресенье перед свадьбой к нам заехали мои старинные друзья, Боря и Марина Лишанские. Мы учились в одном институте в Ленинграде, а потом с Маринкой много лет работали вместе. Лишанские жили далеко, за городом, но, если ехали мимо, не упускали возможности увидеться и пообщаться. Я с гордостью вручила им приглашение на свадьбу.

— Господи, как я за тебя рада! — обняла меня Маринка. — Ты заслужила пожить по-человечески! Сколько можно одной всё на себе тянуть!

— Заслужить-то я заслужила, но ещё не заработала! — отшутилась я. — Вы себе даже представить не можете, какие тысячи нам надо заплатить наличными в день свадьбы!

— Ну, гости-то принесут! — пожал плечами Боря.

— Конечно, принесут! Но кто-то наличными, а кто-то чеком! А платить за всё надо сразу! Что-то надо одалживать!

Марина и Боря переглянулись.

— Не волнуйся! — Боря хлопнул меня по плечу. — Мы тебе одолжим. Сколько надо?

— Ребята, мне даже сказать страшно!

— Говори, не бойся, сказал, одолжим!

— Восемь тысяч! — выпалила я, замирая от огромности суммы.

— Я уж думал, восемьдесят! — усмехнулся Борька. — Не грусти! Дадим тебе деньги, и выходи замуж на здоровье!

Гарик за время разговора не проронил ни звука. Он сосредоточенно курил одну сигарету за другой.

На следующий день Маринка привезла мне толстую пачку денег. Я облегчённо вздохнула. Можно было играть свадьбу.

ДОЧКА

На маминой свадьбе было больше ста человек. Гости приехали отовсюду — из других городов и штатов, из Калифорнии и даже из России. В основном, все наши. Со стороны Гарика набралось от силы человек пятнадцать.

С маминой работы собрались все её подружки и сотрудники-американцы, которые не понимали ни слова по-русски, а на нашу свадьбу смотрели, как на праздник с другой планеты, приходя в изумление от количества совершенно незнакомой им еды.

Младший брат мамы пришёл с семьёй и с компанией своих друзей, с которыми дружил ещё с детского сада. Потом они вместе учились в школе, в институте и теперь собрались в Америке. Маму все знали с пятилетнего возраста. В школьно-студенческие годы, когда их молодецкие шутки сотрясали стены родительских квартир, мою маму, старшую сестру, они боялись больше своих родителей. А теперь эти мальчики, высоченные бородато-усатые дядьки, рядом с мамой выглядели как старшие братья, но смотрели на неё с привычным уважением и робостью.

Младший брат Гарика, такой же пухлогубый, как Гарик, приехал из другого штата с женой, сыном, тем самым племянником Гарика, чьё пение мы с мамой когда-то недооценили, но запомнили, и двумя очаровательными маленькими девочками, в нарядных платьицах с пышными юбочками.

Бандит Паприков явился без подарка, даже без открытки, зато притащил с собой толстую незнакомую тётку, якобы подругу, с которой за весь вечер не сказал ни слова, зато накормил до отвала, видимо, за этим и пришёл! Вместо поздравления, он, как всегда, выдал очередной перл, хотя и не свой, но достаточно многозначительный.

— Самый лучший экспромт готовят заранее! — озадачил всех Паприков и с довольным видом сел на своё место.

Циля привела всю семью, включая маму, такую же длинноносую, как сама Циля, ту самую Маню, которая уговаривала уже женатого Гарика познакомиться с какой-то тёлкой, прекрасно знающей английский. Цилин муж, похожий на коршуна, увидев среди наших гостей бабушкину подругу, побледнел, схватил её, затащил в угол и что-то нервно зашептал, отчаянно жестикулируя. Как выяснилось, Циля приехала в Америку много лет назад одна, без мужа, который получил отказ и остался в России. Через десять лет Коршун наконец добился разрешения. По дороге в Америку, в Италии,

где в то же время ждала визу бабушкина подруга, с одной из эмигранток-попутчиц у Коршуна был бешеный роман, на который он возлагал серьёзные надежды.

Но возлюбленная, приехав в Нью-Йорк, предпочла законного мужа. Коршуну пришлось вернуться к Циле, которая, в свою очередь, время разлуки с мужем коротала с нашим Гариком. Теперь Цили со своим Коршуном изображали семейную пару, тихо ненавидя друг друга так, что это всем было заметно. На свадьбе Коршун испуганно объяснялся с бабушкиной подругой, боясь её удивления, когда она увидит с ним вместо одной женщины совсем другую.

Жуткая компания — Паприков с тёткой и две семьи, Цили и Нины, сели за отдельный стол и весь вечер вели себя с видом «у вас свой праздник, а у нас — свой!» Но в толпе наших близких этот гадючник был каплей в море, и на них никто не обращал внимания.

Я привела двух своих друзей с кинокамерой, и они снимали фильм, а хозяйка ресторана не забыла тут же потребовать дополнительную плату за электричество.

Наконец все расселись, вошёл ребе в парадном белом облачении, и началась торжественная церемония. Мама в серебряном платье и Гарик в тёмно-синем костюме смотрели друг на друга как замороженные, повторяя за ребе ритуальные слова. Свидетели, Белла и Марат, гордо стояли по бокам. Маленький, тщедушный ребе пел молитвы неожиданно сильным и красивым голосом так здорово, что у меня от восторга перехватывало горло. Гости внимали каждому звуку. Гарик одним махом разбил стакан, все закричали «Мазл тов!», и началось такое веселье, что мои друзья с кинокамерой метались из одного конца зала в другой, чтобы ничего не упустить и всё заснять.

Всех поразили старушки — мамы жениха и невесты.

Сначала наша бабушка привела в восторг гостей стихами собственного сочинения, да ещё и по-английски.

Все на свете — стар и млад —
Любят свадебный обряд:
Новобрачных поздравлять,
Кушать, пить и танцевать.
Я к невесте с женихом
Обращаюсь со стихом.
Нет денег — не беда,
Деньги — счастье не всегда,

И живёт богач порой
И несчастный и смешной.
Что положено — придёт.
Пусть душа у вас поёт.
И неважно, кто главней,
Кто спокойней — тот умней.
Так не ссорьтесь никогда,
Будьте вместе навсегда.

Зал буквально разразился овациями. Если учесть, что наша бабушка начала учить английский впервые в жизни в шестьдесят лет, то такие стихи — просто подвиг!

Настала очередь Баси, мамы Гарика. Переплюнуть нашу гениальную бабушку было нелегко, но Бася не растерялась. Она уверенно подошла к микрофону и развернула свой листочек.

— Стихи! — громко объявила она. — Но по-русски! — Все замерли.

Прошу вниманья, господа!
Хоть не слагала никогда,
Но тут пришёл черёд и маме
Заговорить для вас стихами!
Мой Гарик долго не женился,
Не понимаю, почему?
Но наконец, судьба послала
Невесту славную ему!
Как рада я!
Не надо больше обеды мальчику варить
И в темноте нью-йоркской ночи
Шум Форда-Торуса ловить!
Сегодня день такой особый,
Такой торжественный для вас!
Так будьте счастливы вы оба!
Я говорю вам: «В добрый час!»

«Ура!», «Браво!» кричали из зала и хлопали изо всех сил. Мама открыто плакала, а Гарик блестел очками, но было видно, что он растроган и горд.

Микрофон взяла я. На мотив известной песенки я пела то, что заранее сочинила мама:

Гарик на маме
Не сразу женился,

Лет пятьдесят он жену выбирал.
Ну, а когда он серьёзно влюбился,
Руку и сердце, и книги отдал!
«Рула-те-рула», — подхватили все гости, хлопая в
ладоши.
Мы желаем счастья вам,
Счастья в этом мире большом!

— пели хором по-русски.

«We wish you a happy wedding
and happy new life»

— пели хором американцы.

Младший брат Гарика со своей музыкальной семьёй подготовили целое шоу с песнями и танцами на мотив известной «Hello, Dolly», сочинив свой собственный текст про маму и Гарика.

Племянник Гарика пел на идиш знаменитые еврейские песни, я пела на иврите «Хава-нагилу», все танцевали, почти не садясь, один танец за другим. Официанты таскали взад-вперёд сумасшедшее количество еды. Мои друзья добросовестно снимали всё подряд на видеоплёнку.

Под утро гости разошлись, и совершенно обалдевшие мама и Гарик уехали домой.

Что и говорить, свадьба удалась!

МАМА

Что я запомнила со своей свадьбы? Если говорить о ходе событий, то — ничего! Обрывки эмоций, ощущения, какие-то эпизоды короткими вспышками в мозгу...

Праздничная тёплая волна родных и друзей. Все меня тискали, обнимали, целовали, одновременно в каждое ухо говорили что-то хорошее, цветы, цветы, несмотря на то, что за окном конец декабря, снег, мороз, а в углу зала — огромная нарядная ёлка, при виде которой ощущаешь себя маленькой девочкой из той, прошлой жизни, и новогоднее ожидание чуда.

Говорят, под Новый год,
Что ни пожелается,
Всё всегда произойдёт!
Всё всегда сбывается!

И у меня сбылось! Моё чудо — рядом со мной, держит меня под руку и со своей замечательной мальчишеской улыбкой принимает поздравления.

Вдруг тишина... Мама ведёт меня под хупу. Вдоль всей стены — длинный ряд столов, и я иду гордая, что смогла, сумела найти себе того, о котором мечтала, а все говорили, что это невозможно, что его нет на всей земле, что это — моя выдумка! А он есть, я нашла его, и он теперь мой, навсегда мой!

Уже потом, глядя на фотографии, я увидела, что стояла под хупой, судорожно сжимая под мышкой сумочку. Зачем мне нужна была сумка? Никто не догадался забрать, а я ничего не соображала, вцепилась в эту дурацкую сумку, даже не почувствовав!

Наверное, я делала под хупой всё, что положено в таких случаях. В ушах звучало: «Барух, ато, аденой!..» А я думала: это Бог нас соединяет! Он меня услышал! Он послал мне счастье! И лучше этого ничего нет!

Я видела только бледное сосредоточенное лицо Гарика. Хотелось знать, о чём он думает...

... Опять радостные крики, поцелуи, объятия. И наконец-то мы сели. Я смотрела вокруг — все мне улыбались, махали, кивали, подмигивали, а мне хотелось обнять весь зал!

— Вино не открыто! — вдруг услышала я нервный шёпот Гарика. — Уже первый тост, а вино ещё не открыто!

Я очнулась и обвела глазами наш стол, за которым сидели только дочка,

наши мамы и братья с жёнами и детьми. Бутылки действительно стояли нетронутыми.

— Гарька, почему ты говоришь это мне? Родственникам своим скажи! — отшутилась я, имея в виду всех, сидящих за столом, ведь родственники-то теперь были общие.

И тут случилось ужасное. Лицо Гарика перекосила злобная гримаса, и он зашипел:

— Прошу моих родственников оставить в покое! Поняла? Никогда не смей трогать моих родственников!

— С ума сошёл? — стиснула ему руку я. — Мы на нашей свадьбе, а не на чужой. Ты забыл?

Я вдруг жутко устала. Вокруг все орали. Оркестр гремел. Было жарко. Я взяла сигарету и закурила. Представляю себе, как я выгляжу — невеста с сигаретой в зубах! А, наплевать! Хочу и буду! — упрямо дымила я.

В это время объявили танец жениха и невесты. «You are my everything!» — надрывался солист, а я с приклеенной улыбочкой механически передвигала ногами, даже не пытаюсь попасть в такт.

— Ну, ты и артистка! — съязвил Гарик, не шевеля губами, с таким же искусственным выражением на лице.

— Я не артистка! Я выхожу замуж по любви! У меня сегодня свадьба! А ты, Гарик, дурак! — ещё шире улыбнулась я, а зал, наверное, думал, что мы умираем от счастья!

Когда все захлопали, я поняла, что пытка танцем кончилась и можно вернуться к столу.

Потом всё опять закрутилось, кто-то выступал, дети пели по-английски, а я не понимала ни одного слова. Мышцы лица болели от постоянной улыбки. Я боялась, что если перестану улыбаться, то расплачусь. Поэтому отчаянно растягивала рот и, не переставая, курила.

Гарик выпил, покраснелся, размяк, наверное, перестал злиться и, казалось, вообще забыл о своей недавней выходке. Он жарко целовал меня, когда кричали «горько», и, танцуя, любуясь уж не знаю собой или мной, шептал мне нежно на ухо:

— Ты сегодня очень красивая! Я тебя люблю!

Я не соображала который час и поймала себя на том, что как заводная повторяю:

— Большое вам всем спасибо! — а меня опять целуют и обнимают. Тут до меня дошло, что уже утро и гости расходятся. Я была просто мёртвая от усталости. Больше ничего не помню...

Когда я пришла в себя и проснулась, был полдень, и надо было срочно

вставать. К двум часам должны были приехать родственники. Наши родственники. И Гарика, и мои.

ДОЧКА

Никто не может устроить праздник лучше, чем моя мама. У неё всегда полная голова идей, сюрпризов и забав. В душе она настоящий массовик-затейник. Но не такой, как мы привыкли, например, потрёпанная гидропиритная блондинка с вытравленной завивкой и сиплым басом, которая тащит всех в круг, или лысый засаленный дядька, с красным носом, осанкой бывшего Дон Жуана, жалкими глазами и затеями типа «бег в мешках» или «перетягивание каната».

Когда я была маленькой, мама каждый год устраивала мне ёлку, на которую мечтали попасть все дети из класса. Гости приходили в карнавальных костюмах, заранее готовили какой-нибудь номер: читали стихи, пели, танцевали. Я помню своё выступление. Мы вместе с мамой сочинили басню про геометрию:

Однажды параллелограмм
Нанёс визит своим друзьям.
В гостях он встретился с собратом,
Который числился квадратом.
Квадрат тот, параллелограмм увидев,
Вскричал: «Кто так тебя обидел?
Ты весь какой-то не такой!
Ты кособокий и кривой!»
«Мой друг, * ему собрат ответил.
Ты основного не заметил:
Я весь попарно-параллелен
И теоремами проверен!
Вот ромб сейчас сюда прибудет,
Он справедливо все рассудит:
Он кособокий, как и я,
Зато длина сторон — твоя!»
«Друзья! * трапеция вскричала.
* Давайте все начнем сначала:
Хоть все мы разные натуры,
Мы * геометрии фигуры,
А потому должны дружить,
Без нас задачи не решить!»
Мораль сей басни такова:

Она проста, как дважды два *
Судить мы строго не должны
Того, кто не такой, как мы!
Давайте в мире жить, друзья!
Иначе просто жить нельзя!

Под ёлкой рядом с дедом Морозом обязательно сидела роскошная кукла. В кармашке у неё лежала записочка. Та девочка, которая угадывала имя, написанное в записочке, получала куклу в подарок. Мальчишки точно также угадывали имя шофёра потрясающей игрушечной машины, и счастливчик забирал машину.

Мама приглашала на праздник фотографов, и они делали диковинные по тем временам цветные снимки всех детей. Однажды один из приглашённых фотографов в конце вечера со слезами на глазах признался, что всё своё детство он мечтал пойти на такую ёлку, а попал на неё только теперь, когда вырос.

Мамины друзья, муж и жена, окончившие консерваторию, приводили на ёлку свою дочку, мою подружку, а сами по очереди сидели за пианино и играли любые песни, которые мы хотели петь.

В последний год перед отъездом в Америку мне было почти четырнадцать лет. Водить у ёлки хороводы, как раньше, казалось смешным. Но мама не сдалась. Она предложила устроить у нас новогоднюю дискотеку. Каждая группа ребят выбирала музыкальный ансамбль, например, «Битлз», «Кис» и тому подобное, кому что нравилось. Ребята копировали своих кумиров, а в это время ставилась пластинка или магнитофонная запись с настоящими исполнителями. Теперь это называется петь «под фанеру», но тогда мы ещё этого не знали. Мои одноклассники, включая безнадёжных двоечников и хулиганов, умоляли пригласить их к нам. Квартира у нас была маленькая, однокомнатная, но приглашались все желающие. Целую неделю ребята в поте лица, не разгибая спины, истово мастерили из картона и раскрашивали подобию электрогитар, барабанов и органол. Все пришли загримированные — кто под Челентано, кто под Кутуньо. Тогда итальянцы были последним писком моды.

Я распустила косы, а мой одноклассник, Мишка, нацепил маленькие проволочные очки. Взяв за разные концы скакалку вместо двух микрофонов, мы, пританцовывая, добросовестно открывали рот, а за нас пели Рамина и Аль Бано Пауэр. Во время якобы пения Мишка пытался покровительственно положить руку мне на плечо. Но разница в росте у нас

была такая же, как у знаменитой пары. Мишка был на две головы короче меня, поэтому ему плохо удавалось удержать моё плечо, рука всё время соскальзывала.

Один «ансамбль» сменял другой. Все остальные ребята танцевали. Об этой ёлке рассказывали по всей школе целый месяц. Моя классная руководительница не могла поверить, что наши грозные хулиганы «культурно участвовали в мероприятии»!

С тех пор одноклассники мою маму называли «фирменной», что означало — высший класс!

И вот теперь, уже в Америке, после своей свадьбы, мама по нашей старой семейной традиции решила устроить ёлку. Конечно, здесь, на новой земле, мы — настоящие евреи и знаем, что ставить ёлку не принято. Но нашу домашнюю складную ёлочку мы привезли из Ленинграда, где, чтобы её купить, отстояли на Невском в очереди два с половиной часа на морозе. Тогда мы не имели никакого понятия, настоящие мы евреи или нет, а просто благодаря постоянным тычкам и мордобоям знали, что мы — евреи и нам нужна ёлка. И теперь, когда у нас на столе, дома, в Нью-Йорке, стоит нарядная, блестящая, будто покрытая инеем, ёлочка — это для нас не «дань чужеродной религии», а кусочек нашего Ленинграда, привезённый с собой в Америку.

Первыми пришли наша бабушка и мамин брат с женой и детьми, мальчиком и девочкой, которых мама тут же нарядила Снегурочкой и Новым годом, и они с восторгом бросились к ёлке рассматривать игрушки на ветках, многие из которых мы привезли с собой, и они по возрасту либо мамины, либо мои ровесники.

Мамин брат, высокий, смуглый и черноглазый, так был похож на грузина, что с детства получил кличку «Гога», а о том, как его на самом деле зовут, все давно забыли. Он женился, уже приехав в Америку. Его жена, Инна, прежде нашу семью никогда не видела, поэтому, когда мы приехали, встретила нас враждебно настороженно, напуганная примерами вновь прибывших, сидящих до бесконечности на пособиях по безработице и годами сосущих своих американских родственников. Несмотря на сложные поначалу отношения и взаимные обиды, без которых ни один приезд родственников не обходится, мама не только не затаила зла, но и оправдывала Инну как могла:

— Её накрутили, настроили против нас! — убеждённо говорила мама. — Люди злые! Пугают разными небылицами, а потом смотрят, как другие дерутся, и развлекаются! Если бы Инна знала нас раньше, она вела бы себя иначе, я уверена! А гробить своего брата семейными склоками я не

буду! Брат помогал чем мог! И никогда не попросил ни одной копейки обратно! Запомни это, дочка! Добро надо помнить всю жизнь!

Прошло время, и мама с Инной стали почти подружками. Почти — потому, что живут они далеко друг от друга и общаться им некогда, но отношения у нас у всех тёплые, родственные, и мама этим очень дорожит и гордится!

Гога надел мамин красный домашний халат, красный колпак с белым помпоном и приклеил ватные бороду и усы. Получился симпатичный грузинский Дед Мороз!

В это время приехали весёлой толпой Бася и брат Гарика Лёва со своей многочисленной семьёй. Дети визжали у ёлки, предвкушая раздачу подарков.

Стол ломился от еды, привезённой со вчерашней свадьбы.

Хором пытались спеть «В лесу родилась ёлочка!» Лучше всех получилось у меня, так как взрослые ещё могли что-то подвыть по детской памяти, а наши малыши, выросшие и даже родившиеся в Америке, только заворожено смотрели нам в рот, не зная ни одного слова и плохо понимая, что такое «плутишка зайка серенький» или «везёт лошадка дровенки». Но по их мордашкам было видно, что они в полном восторге.

Мама произнесла новогодний тост:

Новый год всё тот же, снежный
И почти такой, как прежний,
С Санта Клаусом в санях
И с Манхеттенем в огнях,
С вкусным запахом зимы...
Изменились только мы —
Знаем лучше, что нам надо.
Год другой — другие взгляды,
Чуть побольше подустали,
А точнее, старше стали,
Старше, но не постарели,
Где-то в чём-то поумнели...
Всё плохое пусть уйдёт,
И грядущий Новый год
Принесёт нам всем удачу —
Только так и не иначе!

Вышел Гога — Дед Мороз, с большим мешком, и басом объявил, что будет раздавать подарки. Вынув первый же пакет, он прочитал имя,

наклеенное сверху, и своим голосом растерянно произнёс:

— Ой, это мне! — чем вызвал первую волну всеобщего смеха.

Быстро вернувшись в дедоморозовский облик, Гога продолжал вытаскивать подарки, его дочь — Снегурочка громко объявляла кому — что, а маленький сынишка с красными большими цифрами нового наступающего года на груди, переполненный серьёзностью возложенной на него задачи, важно разносил разноцветные пакеты. От чрезмерного старания и маминого теплого халата Гога покрылся испариной, полбороды и усов из ваты отклеились, и Гоге пришлось одной рукой их держать где-то под носом, но он не растерялся и довёл ритуал до конца, сопровождая его шутками и анекдотами!

И взрослые, и дети самозабвенно разрывали блестящую красочную обёртку, нетерпеливо срывая бантики и ленточки, открывая коробки, с интересом добираясь до подарка. Разница в возрасте не имела значения. Всем было одинаково любопытно — что внутри? То тут, то там слышались удивлённые и довольные ахи и охи!

Мама, улыбаясь, стояла у стены. Вся эта суматоха явно доставляла её удовольствие!

Я получила свитер, который давно хотела, и французскую косметику. Гарику вручили итальянский тончайший шерстяной пуловер под пиджак. Нашей бабушке подарили маленькие рюмочки, которых ей не доставало в хозяйстве, и она пару раз при маме на это посетовала, Басе — большой кружевной воротник ручной работы для её нового платья. Гоге достался очень красивый галстук, Инне и жене брата Гарика, Лене — украшения, скрипачу Лёве — комплект батистовых носовых платков, детям — игрушки, видеофильмы и прочее.

Все были довольны и счастливы. Гарик не отходил от мамы, почему-то виновато заглядывал её в глаза, каждые пять минут целовал её и обнимал.

Мама зажгла свечи. Все сидели допоздна и вспоминали, как жили раньше, до приезда в Америку.

На следующее утро мама и Гарик уехали на четыре дня в дом отдыха для новобрачных, в Кастильские горы.

МАМА

До Нового года оставалась неделя. На несколько дней мы с Гариком поехали в свадебное путешествие.

Гостиница было заказана заранее в специальном месте, где отдыхали только влюблённые. Об этом знали все, ехавшие в том направлении, благодаря дорожным знакам в виде больших красных сердец. Такие же, похожие на коревую сыпь, красные сердечки обсыпали территорию нашего пансионата. Диваны, кресла, клумбы, указатели, прогулочные дорожки, скамейки в парке и даже джакузи в номерах — всё было красно-сердечное.

Наша кровать, в виде исключения, оказалась круглой. Над ней — огромное, тоже круглое зеркало. Любое движение в постели на потолке отражалось вызывающе неприлично. Может быть, кого-то именно это вдохновляло на сексуальные подвиги, а меня — отпугивало. На потолке я выглядела как героиня порнографического фильма, поэтому в первый же день, как только я, лёжа, подняла глаза вверх, на меня напал приступ неудержимого дурацкого смеха, и вся романтика улетучилась. У Гарика такой проблемы не возникло. Во-первых, без очков он ничего не видел, а во-вторых, в основном, он был к зеркалу спиной. Когда я вместо испанской страсти начала трястись от хохота вместе с кроватью, мой новоиспечённый муж сперва изумленно на меня уставился, а когда понял в чём дело, дико разозлился. А я ничего не могла с собой поделать и ржала, как последняя идиотка!

Даваясь от смеха, я посоветовала взъерошенному Гарику:

— Положи мне на лицо подушку, и если я останусь жива, то, возможно, доставлю тебе некоторое удовольствие, — при этом от хохота всхлипывала и икала.

К счастью, в другом конце комнаты был камин, а перед ним роскошный пушистый ковёр, на который мы и перебрались, решив воспользоваться примерами из всех виденных фильмов. Там я утомилась, и дело пошло на лад.

...А в дурацкой кровати с зеркальным потолком мы просто спали!

С погодой нам повезло. Было тепло, как будто мы приехали не в конце декабря, а в начале октября. Сосновые деревья освежали пейзаж зеленью. Пахло солнцем и лесом. Невидимые птички весело щебетали. Впечатление, будто мы бродим по необитаемой чаще, нарушали аккуратные проложенные

асфальтовые тропинки. Мы мысленно наполняли голубые ямы по-зимнему пустых бассейнов прозрачной водой и представляли себе как было бы замечательно выкупаться, а потом лениво понежиться в шезлонге на солнышке.

В первый же день мы облазали окрестности и потом не знали, куда податься. Гарик привёз с собой целую сумку спиртного и целый день прикладывался то к одной бутылке, то к другой, а в перерывах спал как убитый до вечера. После ужина все шли в бар якобы танцевать. Оркестр действительно играл, а танцевали только мы с Гариком. Народу было мало, и все какие-то вялые. Видимо, новобрачные отдыхающие, израсходовав всю энергию на любовь, выползали из постели только к вечеру и им было уже не до танцев!

В столовой мы наварались на местного фотографа. Вернее, это он на нас наварился и не оторвался до тех пор, пока не сфотографировал нас во всех позах, под ёлочками, на пенёчках, в комнате и даже в облаке мыльной пены — в джакузи. На готовых фотографиях, переплетённых в коленкорový альбом, который можно было бы озаглавить «Апофеоз мещанства», изобретательный мастер засунул наши медовые улыбки в рюмки, в ёлочные шары, в старинные рамки, шикарные машины и на обложку модного журнала.

Вот так, томясь от безделья и шатаясь по уже надоевшей территории, не зная куда бы ещё податься, мы натолкнулись на маленький магазинчик, скромно стоявший в стороне. Магазинчик оказался не простой. По стенкам соблазнительно распластались прозрачные ночные рубашки призывных фасонов, с обилием проволочно-колючих кружевных оборочек, которые выдержать на теле можно было не больше минуты. Видимо, предполагалось, что через минуту они должны быть сорваны в порыве бурной страсти. Невообразимые мужские трусы светились в темноте словами и выражениями, которые в переводе на русский язык обычно пишут на заборах. Презервативы всех размеров и конфигураций предлагали всевозможное фруктово-ягодное послевкусие. Самые сокровенные части тела прыгали, дрыгались и пищали. Надувные мужские и женские головы с плотоядно разинутыми ртами напоминали ненасытных птенцов.

Пока я, остолбенев, пялилась на эти откровения, Гарик куда-то пропал. С трудом я нашла его в самом конце магазина, у полок с прозрачными целлофановыми коробками. Это были секс вибраторы разных размеров, розовые, чёрные, жёлтые, гладкие, с пупырышками, изогнутые, твердые пластмассовые, мягкие резиновые, чёрт знает какие. Гарик перебирал инструменты любви, сосредоточенно разглядывая то, что, на мой взгляд, не

представляло никакого интереса.

— Сравниваешь со своим? — подколола я его и тут же успокоила. — Не волнуйся, ты — лучше всех!

Гарик машинально улыбнулся, не отрывая взгляд от коробок.

— Пошли отсюда, — потянула я его за рукав, — нам это ни к чему!

— погоди, — возразил он, — давай купим!

— Для кого? — засмеялась я.

— Для нас.

— Мне лично это ни к чему, у меня есть ты! Может быть, тебе это нужно? Зачем?

Гарик, не отвечая, пожал плечами, но с места не сдвинулся.

— Слушай, — решила я отвлечь его от дурацкой затеи, — Марат с Иринкой нас ждут в Новый год. Давай купим для них что-нибудь хулиганское, вот смеху-то будет!

— Я хочу купить это. — Гарик указал на коробку с розовым пластмассовым вибратором, похожим на указательный палец. — Вот, смотри, здесь и книжка есть, как пользоваться.

В книге, которую открыл Гарик, мужчина и женщина принимали позы, доступные лишь мастерам спорта по гимнастике.

— Гарька, нам это пособие для импотентов ни к чему! Хватит дурачиться, пошли!

Вместо ответа Гарик углубился в другую книгу, предлагавшую вибратор исключительно мужчинам, причём физиономии парней на картинках не выражали ничего, кроме тупой отрешённости.

— Делай что хочешь! — раздражённо фыркнула я. — Тебе, по-моему, всё равно, какую книгу купить, лишь бы это была книга!

Я отправилась покупать подарки Марату и Ирине, а Гарик остался около вибраторов. На улицу я вышла первая. Гарик появился через несколько минут с пакетом в руках, глаза его довольно блестели, он дурашливо ухмылялся.

— Купил? — вздохнула я.

— Купил! — ликуя, ответил он.

— Пить надо меньше! — я смотрела на Гарика как на дурачка. — Зачем тебе это надо?

— Надо! — с вызовом произнёс Гарик.

— Ну, играйся! — махнула рукой я.

Мы пошли обедать, потом Гарик, как всегда, устроил себе тихий час, а я смотрела телевизор. Проснувшись, Гарик первым делом схватился за покупку. Сорвал обёртку, включил... Игрушка не работала!

— Чёрт! — ругнулся Гарик. — Сколько времени?

— Магазин уже закрыт! Проспал! Поменять не удастся! — злорадно ехидничала я.

— Починим!

Гарик уселся на диван. Весь вечер он тщетно собирал и разбирал механический атрибут любви. Вибратор не ожил.

— Завтра же сдам его обратно в магазин! — злобно ворчал Гарик, но успокоиться не мог и всё пытался что-то наладить в мертвом механизме пластмассового пальца.

— Ну, хватит, Самоделкин! Пошли лучше погуляем! Брось ты эту ерунду! — обняла я мужа.

Мы вышли на улицу. Над головой висели огромные сине-жёлтые звезды. Где-то слышалась музыка. Мы молча бродили вокруг корпусов пансионата, за тёмными окнами которых по идее все страстно любили друг друга. Все мои попытки расшевелить Гарика повисли в холодном ночном воздухе.

Вернувшись, Гарик с ходу выпил пару рюмок коньяка и завалился спать.

У меня на душе было какое-то смутное беспокойство.

«Что-то дочка не звонит! — вдруг растревожилась я и пошла к телефону. — Наверное, и дома-то её нет, гуляет где-нибудь!»

Трубку сняли после первого же гудка. Если двадцатилетняя дочь дома в субботу вечером — значит, что-то случилось!

— Мама, я заболела, у меня высокая температура, и горло болит, — просипела моя несчастная девочка.

— Я так и знала! — вырвалось у меня фраза, которую я ненавижу, когда мне её говорит моя мама. — Прими что-нибудь, пей побольше, я завтра приеду!

— Мамочка, приезжай, мне очень плохо! — жалобно сипела дочка, а я уже глотала слёзы и считала минуты до утра.

Чуть свет мы уехали. Самое скучное в мире свадебное путешествие, к счастью, закончилось! Напоминанием о нём остались сусальный фото альбомчик и пособие с похабными картинками, как пользоваться тем самым поломанным вибратором, который Гарик и не починил, и не сдал обратно в магазин.

ДОЧКА

... **Ж**арко. Очень жарко... Я куда-то плыву... Хочется спать, проваливаюсь в отключку, но при каждом глотке вздрагиваю от боли и просыпаюсь... Горло дерёт, всё тело ломит, кожу жжёт... Какая-то мысль всё время вертится в голове, но я её тут же забываю... Ах, да, завтра Новый год... Непруха, уже ясно, идти я не смогу никуда... Шевелиться не хочется... Не пойду — и не надо, буду одна... В Новый год одна?... Спать хочется... Голова такая тяжелая, как будто мозги из железа... На губах что-то мокрое. Лизнула. Солёное. Кажется, я плачу... Почему я плачу? Ах, да, завтра Новый год... Какая разница, когда так хочется спать... Дышать нечем, нос будто прищемили... Слюней нет совсем, зачем я глотаю, когда это так больно?... Опять уплываю... Уплываю... На щеке что-то приятное. Кто-то гладит меня по лбу... Рука такая мягкая, прохладная, ещё, пожалуйста, ещё!.. С трудом разлипаю глаза. Мама приехала!

МАМА

Новый год наступал на пятки, а дел было выше головы.

Заболевшая дочка лежала пластом. То, что в народе называют «бабушкины средства», в нашей семье, где бабушка — детский врач, — лекарства. Натирания, припарки и вздохи над горячей картошкой — это то, чем, выражаясь бабушкиным языком, лечится «население». Но мне уже было не до амбиций. В ход пошли все народные способы снятия простуды и, конечно, таблетки, микстуры и снова таблетки. Глаза у дочки открылись, но температура злобно держалась у тридцати восьми с копейками. Хоть ты тресни!

Марат и Ирина пригласили нас не просто в гости, а на костюмированный бал, и надо было сообразить, как одеться.

Всё, что нам подарили на свадьбу, лежало не разобранной кучей и тоже требовало времени и внимания.

Держать дома большие суммы денег не хотелось, поэтому первым делом мы с Гариком сели за подсчёты. К счастью, подарочных денег было достаточно, чтобы немедленно позвонить Лишанским, но Гарик меня остановил:

— Не торопись! Послушай! Через две недели мне надо заплатить огромную сумму налогов. Позволь, я положу деньги в свой банк, перекручусь, а потом сразу же начну выплачивать то, что мы одолжили.

— А компенсацию за свою медицинскую страховку ты разве не получил? — вспомнила я про своё кольцо.

— Получил, но и эти деньги мне сейчас тоже нужны. Я всё отдам потом! Ты что, мне не веришь?

— Я-то верю, но ребятам мы обещали заплатить сразу после свадьбы! — возразила я.

— Позвони и спроси, может быть, можно повременить?

Я, волнуясь, набрала номер Лишанских. Ответил Боря и разразился восторгами по поводу нашей свадьбы и поздравлениями с наступающим Новым годом. Я ждала первой же паузы, чтобы деликатно спросить о нашем долге. Мои переживания оказались напрасными. Боря сразу дал нам отсрочку, успокоив, что время терпит. Я обещала после середины января начать выплачивать задолженность. Гарик страшно обрадовался, сгрёб все деньги и чеки и спрятал их во внутренний карман пиджака.

— Завтра же рано утром поеду в банк! — потирая руки, объявил он.

— Но завтра рабочий день, новогодняя ночь и вообще это — в другую сторону от твоей работы, — удивилась я такой спешке.

— Ничего! Я всё успею! — бодро заверил меня Гарик. — Да, кстати, звонила моя Нина. Она подарила нам на свадьбу какой-то сногшибательный сервиз из Блумингдейла. Нина сказала, что если тебе не понравится, то она не обидется, если ты его сдашь в магазин. Блумингдейл — это фирма, там всё берут обратно. Имей в виду, сервиз стоит около трехсот долларов!

Я согласно кивнула и пошла посмотреть на сервиз, который, по словам Нины, сшибает с ног. Открыв коробку, я оцепенела, вопросительно глядя то на сервиз, то на Гарика. На серо-белой с блёклыми листочками посуде был приклеен ярлык третьесортного магазина, где всё продают с большой скидкой, по-русски — уценёнка, и стояла цена — двадцать девять долларов, девяносто девять центов.

Увидев мой лицо, Гарик подошёл ближе, взглянул на «сногшибательный» подарок, сразу же понял что к чему и злобно схватился за сигарету.

— Мне наплевать, Гарик, что сколько стоит и как семья из пяти человек приходит в ресторан за тридцатку! — взъярилась я. — Но зачем посылать меня на позор в Блумингдейл, я, Гарик, не понимаю! Можешь ты мне это объяснить? — Первый раз за время нашей семейной жизни я заорала во всё горло. И тут же осеклась. А Гарик-то в чём виноват? Зачем я ору на него?

— Прости меня, Гарька! — уже виновато пробормотала я и обняла его за шею. — Я не должна была срываться на тебе. Но уж очень обидно! Что я сделала Нине плохого? Почему такое отношение?

— Потому что она — сука! — вздохнул Гарик. — Я тебе это сто раз говорил. Забудь ты этот проклятый сервиз, чёрт с ним!

— Конечно, забуду! Тем более, он такой страшный, топорный, тяжёлый! Не о чём говорить! Забыли! — И я пошла лечить дочку, которая жалкая, несчастная и больная свернулась у телевизора в температурной полудрёме.

На следующий день ни свет, ни заря Гарик уехал в банк, а я побежала на работу. Мы встретились вечером. До отхода в гости оставались считанные часы, а карнавальных костюмов у нас ещё не было. Пока мы ехали в магазин, где можно было взять напрокат какие-нибудь наряды, я вслух придумывала нам роли, но Гарик всё отвергал, сетуя на моё легкомыслие.

— Но ведь должно быть весело! — настаивала я.

— Я не могу быть смешным! — упорствовал Гарик.

— Ну, давай, как два идиота, придём в таксидо! — язвила я.

— Таксидо, смокинг, что угодно, всё лучше, чем быть посмешищем! —

упрямо твердил Гарик.

В магазине нас отвели в заднюю комнату, где висели всевозможные карнавальные костюмы. Я безнадежно перебирала тряпки, стараясь найти что-то маскарадное и несмешное. И вдруг меня осенило! Красный плащ Дракулы. Маленькая красная шапочка, типы еврейской кипы, но почему-то с пропеллером на макушке, который я моментально сорвала. Широкий красный кушак... Я тут же примерила всё на Гарике... Передо мной стоял вылитый кардинал Ришелье. Тонкие очки и скептическое выражение лица были как никогда к месту.

Гарик посмотрел на себя в зеркало, одобрительно хмыкнул и кивнул! Полдела было сделано! Я повеселела и быстренько выбрала себе бальное платье, длинные белые перчатки и маленькую корону.

«Если нельзя быть смешными, будем величественными, что смешно уже само по себе», — решила я.

Мы собрали свои костюмы, расплатились и понеслись домой.

Дочка я завистью наблюдала из постели за нашими лихорадочными сборами. Жалко её было безумно! Если бы не Гарик, я бы ни за что никуда не пошла! Но об этом я даже боялась заикнуться. Кроме того, я столько лет одиночества в Новый год страдала от своей неприкаянности, что упустить шанс покрасоваться со своим мужем, которым я так гордилась, в такой интересной компании, да ещё и на карнавале, мне самой ужасно не хотелось, и поэтому я чувствовала себя виноватой. К дочке собирались придти друзья, с едой из ресторана, со всякими украшениями, она одна не будет! Я утешала себя сама, но чувство вины сидело внутри и грызло, несмотря на само уговоры. Мы с дочкой раньше никогда не расставались, и привыкнуть к новому образу жизни, даже к хорошему, было нелегко!

Прощаясь, дочка всхлипнула мне в плечо.

— Только не плакать! — грозно скомандовала я, еле сдерживая слёзы. Когда-то, в таком же примерно возрасте, как моя дочь сейчас, я закатила в Новый год истерику за то, что меня не пустили в компанию, которая не нравилась моим родителям. Назло всем я прорыдала всю ночь, и в тот страшный год мы похоронили полсемьи — маминых родителей — бабушку и дедушку, а потом и моего папу. С тех пор я панически боюсь слёз в новогоднюю ночь, и моя дочь об этом отлично знала!

— Не плакать! — твёрдо повторила я, проглотив комок в гортань, поздравила дочку с Новым годом и решительно закрыла за собой дверь. Ещё минута — я бы осталась с дочкой и пропади оно всё пропадом!

Около дома Марата машин было видимо-невидимо. Мы с трудом нашли стоянку. Марат, в женском платье, в белокурном парике с кудряшками, стоя с

трудом на высоких каблуках, встречал гостей у входа, кокетливо хихикая и строя накрашенные глазки. Это было так смешно, что я сразу забыла свои огорчения. Увидев Гарика в роли кардинала, Марат оглушительно заржал.

— Мадам, вы смеётесь мужским басом! — напомнила я ему. — Не выходите из образа!

На шум прибежала Иринка, одетая медсестрой. Вся прелесть её костюма была в коротенькой юбочке и огромной накладной, но чрезвычайно аппетитной попке, которую Иринка, красуясь, гордо оттопыривала.

Мы вошли в гостиную. Навстречу нам поднялись разнаряженные гости в красочных костюмах. Сам Чарли Чаплин стоял, окружённый толпой пёстрых клоунов и чертовок, и гордо помахивал тросточкой. Увидев Гарика, кто-то взвизгнул:

— Глядите, Его Преосвященство Ришелье! — и толпа заржала, точно как Марат минуту назад.

Чем серьёзнее старался держаться Гарик, тем громче хохотали гости, думая, что он талантливо исполняет свою роль. А я смеялась потому, что одна знала правду, что хмурится Гарик не по сценарию, а из-за своей гордыни и смущения.

Перед тем как сесть за стол, я побежала в другую комнату позвонить домой, узнать, всё ли в порядке. Дочкины друзья пришли без опоздания. Стол накрыли. Комнату украсили. Дочка рыдала навзрыд в телефонную трубку.

— Что ты плачешь? Не надо, пожалей меня! — умоляла я. — Ты же знаешь, как я боюсь этих слёз! Пожалуйста, доченька, не плачь!

— Не могу! — горько всхлипывала она. — Я не могу остановиться!

— Прими валерьянку! Умойся холодной водой! Ну, перестань, я прошу тебя!

Я бросила трубку и удручённо сидела у телефона. Возвращаться в шум, к гостям, не было никаких сил.

— Ты чего тут? — просунул голову в дверь Марат. — Давай — быстро к столу! Начинаем!

Я вернулась в гостиную. Все уже сидели за длинным столом, вплотную уставленным изысканными закусками. Я заняла своё место рядом с Гариком. С другой стороны от него посадили очаровательную блондиночку, карнавальным костюмом которой состоял из кружевного нижнего белья, похожего на то, что мы видели в интересном магазинчике во время нашего свадебного путешествия. Её такой же, как она, полуголый муж сидел с ней по другую руку. Он работал у Марата помощником. Соседство с Гариком

блондиночке явно пришлось по вкусу, и она услужливо предлагала ему положить что-нибудь на тарелку, но Гарик её не слышал. В этот момент он наполнял тарелку мне.

— Спасибо, дорогой! — проворковала. — Теперь моя очередь за тобой поухаживать! — Я по-хозяйски взяла тарелку Гарика, бросив победный взгляд на его соседку. Та подчеркнуто заботливо взялась предлагать закуски своему мужу. «Так-то оно лучше!» — стервозно подумала я, а Гарик всей этой бабской возни даже не заметил.

— С Новым годом! С Новым годом! — закричали все.

Гарик обнял меня и прошептал:

— С Новым годом, дорогая! — и я просто сомлела от счастья! Эх, если бы ещё дочка была здорова и не плакала!

Чарли Чаплин раздал листочки, и на мотив известной песенки «Пять минут» из «Карнавальной ночи» мы хором запели:

ОЙ ВЕЙ^[1]

(Еврейская новогодняя)

Мы проводим старый год сейчас, ой вей!

Унесёт пускай с собой он поскорей

Все болячки, неудачи, все долги к чертям собачьим,

Чтобы жить нам стало веселей!

Старый год — алтер ёр, за тебя мы пьём с охотой,

Что не хуже прошёл, чем а зо хан вей^[2] прошёл ты!

Если валят года,

Как евреи в синагогу,

Значит будет тогда

Толк от них, и слава Богу!

Новый год, Новый год, принеси абисел мазл^[3],

Новый год, не будь шлемазл!

На часах уже, наверное, ой вей!

Новый год стоит у окон и дверей,

Если к нам найдёт дорогу, дружно скажем: «Слава

Богу,

Что опять за стол собрал друзей!»

Новый год, Новый год, принеси абисел мазл,

Новый год, Новый год, Новый год, не будь шлемазл

^[4]!

Если валят года,

Как евреи в синагогу,
Значит, будет тогда
Толк от них, и, слава Богу!
Новый год, Новый год, ты пришёл,
И, значит, — здрасьте!
С Новым годом, с новым счастьем!

Марат принёс огромный мешок и начал раздавать подарки. Если раньше я сомневалась, не будет ли наш сюрприз, подготовленный мной ещё во время свадебного путешествия, слишком фривольным, то теперь поняла, что со своими подарками попала, как говорится, в яблочко. С разными шутками и прибаутками Марат раздавал гостям сувениры из такого же, как и наш, магазинчика для сексуально озабоченных. Все подарки были в виде главного отличия мужчины от женщины.

— А почему он у меня синий? — возмутилась одна из гостей.

— Прижали дверью! — вполголоса откомментировала я, но все услышали и рассмеялись.

— А у меня — красный! — воскликнула другая гостья.

— Ошпарили! — тут же среагировала я.

Весь стол включился в этот забавный блицтурнир.

— Зелёный! — кричали мне с одного конца стола.

— Не созрел! — парировала я.

— Чёрный! — бросали с другого конца.

— Обуглился!

Последним козырем кто-то крикнул:

— Коричневый!

— Усох! — с торжеством выпалила я под хохот присутствующих.

— А тебе белый! — попытка перекричать всех Марат, протягивая пластмассовую коробочку той же самой формы, что и остальные подарки. — Как ты думаешь, что это такое?

— То, чем в зубах хорошо ковырять! — возвопила я, имея в виду, что внутри коробочки лежат зубочистки. Мой ответ был понят буквально, и гости уже валялись друг на друге от истерического смеха, переходящего в икоту. Наконец мешок опустел, и все более или менее утомнились.

— А где твой подарок, Марат?

— Мне не хватило! — жалобно скривился Марат.

— Хватило! — гордо возразила я и встала.

Не истолкуй наш юмор грубо,
Подарок наш не в виде зуба!

Краса мужчин совсем не зубы,
И вовсе не усы, не губы!
Не попадай сомненьям в плен!
Подарок наш не зуб... а член!

В руках у меня покачивался золотой брелок в виде главного мужского достоинства. Новый взрыв хохота потряс гостиную. Гарик взирал на гостей с гордостью, а на меня с восхищенным изумлением. Такой прыти он от меня не ожидал.

— А теперь подарок очаровательной хозяйке дома! — продолжала я. — В сочетании с наиболее призывной частью её костюма она получает... — и я протянула Иринке рулон туалетной бумаги, разрисованной красными сердечками.

— Ирка! — орали гости. — При твоих габаритах такой рулон тебе на один раз!

Под шумок я выскользнула из комнаты к телефону. У нас дома в трубке слышался праздничный шум, музыка, а дочка от слёз еле говорила:

— Мама, что делать? Я не хочу больше и всё равно плачу и плачу! Я не знаю, почему, я просто не могу остановиться!

— Ты меня убиваешь! Беду хочешь наплакать? Прекрати сейчас же, истеричка! — уже кричала я. — Возьми себя в руки! Эгоистка! Я больше звонить не буду!

Я шмякнула в сердцах трубкой. Чёрт знает что! Какое-то наказание! Я сердито развернулась и пошла к гостям.

— Ну, что дома? — встревожено спросил Гарик.

— Рыдает! — зло рявкнула я. — Слушай, ты не хочешь переодеться? Надоел этот маскарад!

Гарик послушно кивнул, и мы поднялись на второй этаж, в спальню. Я сменила королевский наряд на чёрное гипюровое платье с пышной юбкой и спустилась вниз. Все перешли в так называемый подвал, оборудованный как танцевальный зал, с баром и зеркальными стенами. Пока мы переодевались, гостей прибавилось, подъехали ещё несколько пар друзей Марата и Ирины. Одна из них, моя дальняя знакомая, которая знала, что я вышла замуж, и хотела посмотреть за кого, подошла ко мне и спросила:

— Это твой муж?

Она указала на маленького невзрачного гостя с оттопыренными ушами, подпиравшего стенку с видом: «Ой, когда я всем мешаю!»

В это время в зал вошёл Гарик. Стройный, высокий, в элегантном сером костюме, он жадно искал глазами меня, и, найдя, радостно улыбнулся и

через весь зал протянул мне обе руки, приглашая танцевать. Мы закружились в вальсе, и через плечо передо мной мелькало лицо моей знакомой с отвалившейся от восхищения челюстью.

Когда мы вернулись домой, дочка спала, уткнувшись зарёванной мордочкой в ладошку. Кругом летали воздушные шары, висели гирлянды и флажки. На столе лежала записка:

«Мамочка и Гарик! С Новым годом! Простите меня, я — плохая! Мамуленька, я тебя люблю! Твоя мышка».

С малых лет я звала дочку мышкой, и она решила на этом сыграть, но я и так не сердилась.

В постели, я обняла Гарика и шепнула ему на ухо, целуя в щёку:

— Ну, как тебе понравилась Мишина жена?

— А кто это Миша? — млея, сонно спросил Гарик.

— Это помощник Марата, не прикидывайся, у него очень симпатичная жена!

— Я её видел? — поинтересовался Гарик.

— Ты что? За столом — это была твоя соседка слева!

— А разве я сидел с женщиной? — искренне удивился Гарик, и я поняла, что могу спать спокойно.

— Гарик, на кого из женщин ты сегодня обратил внимание?

— На тебя, дорогая! — как само собой разумеющееся ответил Гарик.

— А кроме меня, ты кого-то видел?

— Кого я должен был видеть?

— Ну, хотя бы Иринку! Ведь она такая красивая, как царевна!

— Мёртвая царевна! — мрачно пошутил Гарик. — И семи богатырей не хватит, чтобы её расшевелить! Но вот попка у неё была сегодня — блеск! Тебе бы такую!

— Гарька, она же ватная!

— А хорошо бы настоящую!

— Вот, это всё, что тебе надо! Толстую задницу! — проворчала я, а сама счастливо вздохнула и, засыпая, подумала: «Всё-таки Гарька у меня золотой!»

ДОЧКА

Утром я проснулась и сразу почувствовала, что выздоравливаю. Температуры не было. Голова немного кружилась от слабости, но хотелось встать и двигаться. Мама с Гариком ещё спали. Я села к телевизору. Смотрела, как на экране двигаются фигуры, а думала о своём. Было стыдно, что я так вела себя предыдущей ночью. Отчего я ревела? Не знаю. Я не завидовала маме. Я не переживала, что не смогла никуда пойти. Мне было просто тошно. Невыносимо тошно! Я вступала в новый год, чувствуя себя совершенно несчастной. Необъяснимая тревога давила меня. Друзья накрыли шикарный стол. Мама оставила нам мою любимую утку с яблоками, которую готовила в ночь накануне, так как днём была закручена домашними заботами. Казалось бы, всё хорошо! А мне было плохо! Я не знала, что нас ждёт в этом году. Чувство вины, какая-то безысходность не дали мне расслабиться и страшным кулаком сжимали всё внутри. Поэтому, наверное, я плакала. Но как объяснить это маме? Я мечтала, чтобы она побыстрее проснулась, я её обниму, и всё будет забыто!

Гарик встал первым и ушёл в ванную. Я с виноватым видом заглянула в спальню и, увидев добрую, зовущую мамину улыбку и протянутые ко мне руки, нырнула к ней под одеяло, как в детстве.

— Тебе лучше? — целуя, спросила мама.

— Угу, — мурлыкнула я, зарывшись во что-то мягкое, родное, и замерла.

В комнату вернулся умытый, побритый и, как всегда, благоухающий Гарик.

— Есть предложение! — подмигнув, улыбнулась мама. — Сегодня праздник. Поехали куда-нибудь обедать вместе, а?

Меня закутали, как куклу, посадили в машину, и мы отправились, конечно, на Брайтон. В ресторане мы заказали всякие грузинские вкусности, наш любимый шашлык на косточках и сидели, никуда не торопясь, рассказывая друг другу всякие смешные истории. Мама в лицах изображала карнавал у Марата, а Гарик поддакивал и добавлял подробности!

Вечером мы смотрели наш свадебный фильм, удивляясь тому, что проглядели в суматохе свадьбы, ещё раз переживая все выступления и тосты. Решено было сделать копии с видеоплёнки и разослать тем родственникам, которые не могли приехать. Мы сидели рядышком,

болтали, смеялись, и я чувствовала, что мы — одна семья, и это было такое счастье!

МАМА

Отшумели праздники. Повседневность заполнила время с утра до вечера, с вечера до утра. Но для меня она не была «серыми буднями». Почти каждый день — цветы, которые приносил Гарик. По пятницам он встречал меня у моей работы, в Манхеттене, каждый раз это было как праздник. Регулярные походы в кино, с поп корном и кока-колой, и даже уютные совместные вечера у телевизора, рядышком на диване необычайно украшали жизнь и наполняли завтрашний день счастливым ожиданием. Вся домашняя работа потеряла свою рутинность, я делала её с удовольствием, мне было для кого стараться.

Однажды вечером, после работы, за обедом, я заметила, что Гарик думает о чём-то своём и нервничает.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — сделала я шаг навстречу.

— Хочу.

Гарик уставился в стену. Я люблю, разговаривая, смотреть в глаза, особенно если хочу сказать что-то важное. Эта манера смотреть мимо собеседника мешает мне, вселяя чувство беспокойства и недосказанности.

— Понимаешь, — Гарик на секунду покосился в мою сторону и опять уставился в стену, — мы должны знать, на каком мы свете. Я имею в виду наш бюджет. Сколько нам надо в месяц? Куда что уходит? Без этого невозможно ни отложить что-то, ни вообще правильно вести расходы.

«Не доверяет! — усмехнулась я про себя. — Боится, что я его обманываю, по печальному опыту своих разведённых друзей!»

— Ты хочешь знать наши расходы в общих чертах или тебе важно, куда уходит каждая копейка? — поинтересовалась я.

— Чем подробнее, тем лучше!

— Хорошо, я заведу книгу расходов, и ты в любой момент сможешь посмотреть, на каком ты свете.

— Пожалуйста, с чеками.

— Что-что? С какими чеками?

— С чеками из магазинов. Так легче ничего не пропустить.

Я взбесилась, но виду не подавала. Когда я выходила замуж за старого холостяка, то знала, на что иду. Теперь надо терпеть. Все жёны терпят. Я докажу ему, что он зря боится. Когда он увидит мою честность и порядочность, ему станет стыдно, и он сам, да, именно сам, отменит эту денежную инквизицию.

«Я докажу! Докажу!» — стучало у меня в сердце и стояло комом в горле. Чтобы не расплакаться, я включила телевизор и постаралась вникнуть в то, что происходило на экране.

На следующий день я купила бухгалтерскую книгу. На первой странице прикрепила копию своего двухнедельного чека. С этого дня, что бы я ни купила, будь то буханка за 98 центов или кусок колбасы за 3 доллара, я просила дать мне чек. Поначалу продавцы на моей улице, знавшие меня не один год, удивлённо глядя, протягивали мне бумажные клочки, которые раньше выбрасывали в урну для мусора. Потом все привыкли и, когда я впопыхах забывала и бежала к выходу, кричали мне вслед: «Постойте, возьмите чек!» Доказательства своей честности я аккуратно прикрепляла к каждой странице, которой хватало ровно на неделю, и внизу листа подводила полный итог семидневных расходов. Книга учёта лежала на полке, на виду. При мне Гарик никогда её не проверял, но у него было достаточно времени сделать это в моё отсутствие, по средам, когда он был выходной, а я работала, или утром, когда я уходила в семь, а он гораздо позднее.

Со временем чувство обиды притупилось. Записывать, куда я что потратила и прикалывать чеки вошло у меня в привычку. Хотя Гарик, вопреки моим ожиданиям, никогда не упоминал о нашем долге, я выкроила из бюджета первые пять сотен и послала их Лишанским, дав себе слово с этого дня делать это регулярно и ежемесячно. Я гордо не обращала внимания на неодобрительные взгляды дочки, когда занималась своей бухгалтерией, на удивлённое лицо мамы, когда она в очередной раз приезжала в гости и видела книгу учёта, лежавшую на виду. Я истово ждала, когда Гарику станет стыдно и он сам прекратит этот иудушко-головлёвский почин.

Январь выдался на удивление тёплым. Порой дни стояли солнечные и ясные, манили выйти на улицу и гулять, как весной, в марте или апреле. Гарик, так же как я, любил пешие прогулки, и мы часто мерили шагами окрестности вокруг дома, лениво болтая о чём-нибудь или молча, держась за руки. Во время одной из прогулок я встретила старого знакомого, который приветливо поздоровался, с любопытством бросив взгляд на моего мужа.

— Кто это? — встрепнулся Гарик.

— Лёня, несчастный человек! Сам усложнил свою жизнь и теперь это расхлёбывает. Он приехал со своей женой два года назад.

— А ты его откуда знаешь?

— Нас познакомила моя подруга по принципу «встречают по одежке,

а провожают, если близко живёшь». Он наш сосед. Когда только приехал, конечно, было нелегко, как всем, впрочем. Но жена Лёни Таня привыкла жить в Москве на широкую ногу и поначалу очень страдала от невозможности сразу купить всё, что видела на манекенах и витринах. Потом вдруг успокоилась, и у неё начала появляться дорогая хорошая одежда, якобы купленная на распродаже. Сначала Лёня ничего не подозревал, но когда жена стала уклоняться от секса, ссылаясь то на усталость, то на головную боль, то просто так, он не выдержал. К тому же Лёня — рукодельник. Он смастерил подслушку к телефону и через какое-то время решил проверить, что записалось. Как бедолага сам мне рассказывал, когда он включил магнитофон и стал слушать, то сел на пол, закрыл голову руками и заплакал. Таня разговаривала с подругой. Во-первых, с изумлением рассказывал Лёня, такого отборного мата он уже давно не слышал. Во-вторых, жена говорила про какого-то супермужика Мишку, от которого была, оказывается, беременна и с удовольствием бы, по её словам родила, не то, что от этого идиота, имея в виду мужа Лёню. Потом обсуждались шикарные Мишкины подарки, и Лёня понял, откуда у жены дорогие тряпки, якобы купленные по случаю. Конечно, был скандал на грани развода. Лёнька ушёл из дома, снял себе другую квартиру. В этот момент мы и познакомились. Потом всё как-то образовалось. Таня, Лёнина жена, сделала аборт, попросила у Лёньки прощения. Лёня тоже понял, что никому он, бедный эмигрант, не нужен. В одиночку жить трудно и тоскливо. Не развелись. Живут вместе. А как? Не знаю. Думаю, не очень-то счастливо. Это же надо догадаться, поставить подслушку на жену! Как бы там ни было, такие вещи в семье не делают! Недаром он потом на полу сидел и плакал!

— Ты что, его жену оправдываешь? — подозрительно посмотрел на меня Гарик.

— Нет! Его жену я не оправдываю! Но есть границы дозволенного! Подслушка — это удар ниже пояса!

— А как бы он тогда узнал?

— Не знаю, Гарик! Но не через подслушку! Это же непорядочно, как ты не понимаешь?

— А мужу изменять порядочно?

— А если тебя пьяный на улице обругает, ты его обратно выругаешь?

— Ну а как же всё-таки узнать?

— Не знаю! Тысячи людей узнают как-то без подслушек! Подслушка — это низость!

Гарик пожал плечами. Мы шли молча, каждый при своём мнении.

— Пойдём на скамеечку, — нарушил молчание Гарик.

Мы сели. Гарик обнял меня за плечи. Я прислонилась к нему и тихо млела, выставив нос на зимнее, но ласковое солнышко.

ДОЧКА

Январь начался с неприятностей. Моя фирма разорилась, и я потеряла работу. Найти что-то приемлемое на полдня в середине учебного года было не так-то легко. Куда бы я ни совалась, получала отказ. Сидеть после учёбы дома было невыносимо. Всё меня раздражало!

Правда, Гарик ко мне не совался. Я к нему тоже. Зато за моим другом, когда он заходил в дом, Гарик ходил хвостом и лез со своими занудливыми разговорами так, что не отвязаться. Мой друг, между прочим, не к Гарику приходил, а ко мне!

Мамина семейная жизнь принимала какой-то странный оборот. Появилась дурацкая книга расходов, которую мама вела в угоду Гарику. Когда она сидела над ней вечерами, шевеля губами, мучительно морща лоб, вспоминая, куда что потратила, и разбирала идиотские обрывки чеков, мне хотелось кинуться, вырвать эту сволочную книгу из маминых рук и топтать её ногами! Вот тебе и семейная жизнь! Нет! Так — я замуж не хочу! Какое-то рабство!

Гарик наш — полный debil! Мама прямо из кожи лезет, чтобы ему угодить! Обедики, завтрачки, новые рубашечки, свитерочки... А он бродит по дому с отсутствующим видом. Эти его «уходы в себя» просто доводят меня до бешенства! Всё, что от него можно дожидаться, это кислая притворная улыбочка! Как мама это терпит, я поражаюсь!

А тут я случайно узнала, что за обручальное кольцо, которым все так любовались, оказывается, мама заплатила сама! А мы-то умирали от восхищения, какой Гарик щедрый! Он хорошо устроился, наш Гарик! Из своей помойки, в которой жил раньше, перебрался в наши хоромы, на полное обслуживание днём и ночью, и ещё мама бегает вокруг на цыпочках и заглядывает ему в очки! Зато цветы в дом он таскает каждый день! Показушник! А маме больше ничего не надо! Но как совместить букеты и эту проклятую книгу расходов, которую он завёл?

Я-то радовалась, сбыла маму с рук, можно вздохнуть спокойно! Кому нужна была эта свадьба? Хотя если честно, то мама, не выйдя замуж за нашего замечательного Гарика, никогда бы себе не простила, что упустила такой шанс, ведь поначалу он нас всех очаровал!

Ладно, лучше ошибиться, чем всю жизнь жалеть, что не попробовала!

Что до меня, то я после колледжа болталась, где можно, только бы не идти домой!

МАМА

Каждую среду я собирала Гарику полную сумку самых вкусных продуктов из русского магазина, и он ездил навещать свою маму.

С Басей у меня установились родственные тёплые отношения. Мы перезванивались каждый день. Понимая ее одиночество и жалея старушку, я, порой часами, болтала с не о том, о сём. Каждый разговор Бася начинала одной и той же странной фразой: «Ну, как вы поживаете? Гарик ещё не убежал?» Сначала я воспринимала это как неудачную шутку и отвечала с юмором и смешком. Потом меня это начало раздражать. И, наконец, я решила, что у Баси от старости не всё в порядке с головой, и перестала обращать внимание. Однако идиотский вопрос «Гарик ещё не убежал?» звучал в начале каждого телефонного разговора.

— Бася, ну что с вами? Почему вы меня об этом спрашиваете? У нас с Гариком всё очень хорошо! С чего вы взяли, что он вдруг убежит? Что я — ведьма?

— Ну что вы! — восклицала Бася. — Просто я волнуюсь! Гарик ведь очень вспыльчивый! Он может вдруг рассердиться и убежать!

— Не волнуйтесь, Басенька! Никто ни на кого не сердится. У нас всё в порядке, — успокаивала я Басю. А сама думала: «Нет, она сумасшедшая! Каждый день один и тот же разговор! Сколько можно?»

Часто по выходным мы ездили навещать то одну маму, то другую. Там, где жила моя мама, был чудесный каток. Мы брали напрокат коньки и катались по кругу под музыку. Правда, не так, как в кино, где влюблённые нежно держат друг друга за руки. Гарик гонял, как дворовый мальчишка на замёршем пруду, а я, с видом хрустальной вазы, осторожно плыла в общей массе, пугаясь и шарахаясь от любого, кто делала резкое движение. Кататься со мной в паре Гарику было скучно, он этого не скрывал, а я не настаивала, понимая, что мне за ним не угнаться. А, честно говоря, очень бы хотелось!

Зато когда мы приезжали к Басе, хозяйкой положения становилась я. Бася страдала болями во всех суставах, и я, купив болеутоляющих мазей, массировала её часами до полного своего изнеможения. Гарик благодарно целовал мне руки и старался как угодно сделать приятное. А мне было достаточно уже того, что он старался!

В одну из сред Бася позвонила мне на работу в гнев и ярости.

— Ну, как вам нравится! — кричала она. — Приезжает раз в неделю

навестить мать, а сам весь день сидит у этого проклятого Паприкова! Я не знаю, что у них общего? Хотя бы он умер, этот бандит! Почему его не убьют где-нибудь?

Я не знала, что сказать. Басю было жалко. Паприкова я ненавидела так же, как она. Поведение Гарика меня огорчало не меньше, чем его маму. Кое-как успокоив старушку, переведя разговор на другую тему, я решила вечером поговорить с Гариком.

Когда я пришла с работы, Гарик ждал меня дома. Судя по блеску в глазах, он явно был навеселе. Как видно, с Паприковым они хорошо провели время.

— Как мама? — задала я дежурный вопрос.

— Прекрасно, дорогая! — как ни в чём не бывало ответил Гарик.

— Слушай, а что Циля и Паприков? Они никогда нам не звонят. Ты вообще с ними общаешься? — издали начала я.

— А как же? — ответил Гарик. — Я разговариваю с ними почти каждый день по телефону с работы.

— Интересно, — посмотрела я на Гарика с укоризной, — какая-то двойная жизнь получается. Одна — со мной, дома, другая — с ними, на работе, и когда ты едешь навещать маму.

Как всегда в щекотливых ситуациях, Гарик схватился за спасительную сигарету и молча отвернулся к окну. Капризная складка на подбородке злобно поползла вверх.

Я включила телевизор. Гарик сел разбирать ежедневную почту, которую он копил на письменном столе, аккуратно вырезая ножницами квадратик со своим именем и адресом и мелко разрывая его на части. Только после этого конверт или рекламный мусор выбрасывался в помойку. Я не понимала этот маразматический страх, что некто, роющийся в мусорных баках, узнает мой адрес и придёт меня убивать и грабить, поэтому без разбору выбрасывала всю макулатуру, приходящую из разных агентств и обществ. Но Гарик был другого мнения, часами просиживая штаны за письменным столом, сосредоточенно вырезая и уничтожая бумажные квадратики. «Творчество душевнобольных» — мысленно называла я это бесполезное, на мой взгляд, занятие.

Вечер прошёл в обиженном молчании. Злые гении нашей семьи, Циля и Паприков, так или иначе портили мне кровь и настроение.

На следующий день Гарик пришёл с чудесным букетом моих любимых гвоздик. Неприятный разговор не был забыт, но о нём больше не упоминалось.

Через пару недель намечался день рождения Баси, и мне хотелось

отметить его как полагается, доставить ей удовольствие. Я заказала большой именной торт, приготовила холодные и горячие закуски, купила магнитофонную плёнку, на которой общеизвестная песенка «Happy birthday to you!» исполнялась хором и оркестром. В назначенный вечер Гарик привёз свою нарядную, в новом платье маму и двух старушек, приятельниц Баси по дому. Приехала моя мама. На огонёк зашли мои друзья Белла с Фимой. Дочка была дома, помогала мне по хозяйству. Получилась хотя и разношерстная, но шумная и весёлая компания. Все поздравляли Басю. Она оживлённо сияла, польщённая всеобщим вниманием. Свой тост я приберегла к чаю.

Дети все у Вас таланты:
Старший с младшим — музыканты
Музыкант — всегда артист,
Ну, а средний сын — дантист!
Он артист, конечно, тоже,
Всех нас делает моложе,
Помогает нам жевать,
Улыбаться и кусать!
Все невестки как конфетки,
Как цветочки — внуки-детки!
Но, как в ценном украшении,
Все они как обрамленье
Вам, родившей сыновей —
Замечательных мужей!

Гости захлопали, Бася растроганно прослезилась. В этот момент, по заранее задуманному мною сценарию, дочка внесла нарядный торт со свечами, а Гарик должен был нажать кнопку магнитофона, чтобы заиграла поздравительная песня. Но Гарик так рьяно и неоднократно поднимал рюмку за здоровье своей мамы, что сидел осоловевший и невменяемый. Дочка застыла на полпути с тортом в руках, в ожидании заветного аккорда, чтобы под музыку поставить торт на стол. Я драматическим шёпотом пыталась подсказать Гарику, что надо делать. Всё тщетно. Гарик отрешённо обмяк рядом с магнитофоном. Через стол мне было до него не добраться.

— Гарик!! — в полный голос рявкнула я.

Гарик вздрогнул и посмотрел на меня с глупой улыбкой.

— Что с тобой? Нажми кнопку! — шипела я с другого конца стола.

Гарик с трудом оглянулся и, шаря по магнитофону, наконец-то сообразил, что от него требовалось. Грянула музыка. Дочка со вздохом

облегчения поставила торт на стол. Пока мы разбирались с Гариком, тоненькие свечи почти сгорели. Хорошо воспитанные гости вежливо зашумели, делая вид, что всё в порядке. Бася сидела расстроенная, с осуждением бросая на меня неодобрительные взгляды. Кто-то рассказал анекдот, потом другой. Накалённая атмосфера кое-как разрядилась.

Зашла речь о модной теории, что все мы когда уже жили на этом свете в образе других существ.

— А вот я верю, что когда-то, в другой жизни, была королевой! — вдруг гордо сообщила Бася. — Я в этом абсолютно уверена! Я просто чувствую в себе что-то королевское, что — я даже не могу объяснить! Просто ощущаю себя и королевой, и всё!

И она величественным жестом поправила кружевной воротник на платье. Над столом повисла пауза. Гости иронически переглянулись, но засмеяться никто не посмел.

«Знакомый текст, — усмехнулась я про себя, — вот откуда у моего мужа королевские замашки и мания величия. Оказывается это фамильное! Уж не был ли он в прежней жизни наследным принцем?»

— Из-за того, что я себя чувствую не такой, как все, — не замечая неловкого молчания, продолжала Бася царственным тоном, — я очень трудно схожусь с людьми! Во всём доме у меня только две приятельницы, больше я ни с кем не общаюсь, хотя живу там уже больше пятнадцати лет. Иногда ужасно скучно! Я просто не знаю, куда себя деть!

— Естественно! — вставил Фима, известный своей прямолинейностью. — Кому охота дружить с королевой! С таким характером вы себе друзей не найдёте!

Белка с силой пнула мужа под столом ногой. Бася замолчала, в недоумении пожав плечами. Приглашённые старушки одобрительно закивали и злорадно захихикали. Видимо, непростой характер Баси был им хорошо знаком. И лишь пьяный Гарик сидел в полной прострации, ни на что не реагируя.

Когда гости засобирались домой, для Баси и её подружек пришлось вызвать такси. Гарик не мог стоять, не то что ехать! Перед отходом Бася подошла ко мне.

— Вам, конечно, большое спасибо! Такого дня рождения у меня уже давно не было! Но всё-таки я хочу вам сказать. Какое вы имели право так кричать на Гарика? На него нельзя повышать голос, он очень чувствительный! Запомните это! Своим криком вы меня очень огорчили! И вообще, почему он у вас так пьёт? Вы что, из него алкоголика сделали? Раньше он таким не был!

— Ваш сын — не ребёнок, Бася! — возразила я. — Что значит «у вас», «сделали»? Он пришёл ко мне взрослым зрелым человеком и должен сам знать меру. Я его за руки хватать за столом не могу. А чтоб вы знали, он без водки за обед не садится. Хоть пару рюмок, а пьёт каждый день. Я его таким получила, а не сделала!

— Что вы мне такое говорите? Что я своего сына не знаю? Он никогда раньше не пил!

— Когда это «раньше»? — защищалась я. — В школе? Вы не живёте с ним давным-давно и понятия не имеете, что он делал за дверями своей квартиры!

Бася обиженно дёрнула плечами и направилась к выходу. Старушки-приятельницы, сочувственно чмокнув меня в щёку, засеменили вслед за ней.

— Мать моя — королева, но дура! — вдруг громко изрёк Гарик, когда за Басей и гостями закрылась дверь.

— Гарик!

— Что, дорогая!

— Шёл бы ты спать! — повторила я свою любимую в таких случаях фразу.

— Иду, дорогая!

Гарик побрёл в спальню. Моя мама, дочка и я принялись убирать со стола, стараясь не смотреть друг на друга.

— Терпи, доченька, — шепнула мне мама. — Все терпят, и ты терпи!

ДОЧКА

Работу себе я так и не нашла. Раньше мая-июня нигде ничего не обещали. Мама подсовывала мне по чуть-чуть на карманные расходы, но через несколько месяцев наступало время платить за следующий семестр в колледже, и я боялась, что попаду впросак. До сих пор на учёбу я зарабатывала сама и просить у мамы, да ещё теперь, когда появился Гарик, мне страшно не хотелось. Тем более, я знала, что у них долги за свадьбу, а ещё долбаная книга расходов! Всё это угнетало меня. Я постоянно ходила взвинченная и думала: «Где бы заработать?»

На носу маячил серьёзный зачёт. Надо было заниматься. Сразу после лекций я пришла домой и засела у себя в углу за книги. Мама и Гарик обедали. Они вполголоса беседовали. Я не прислушивалась и, только случайно уловив своё имя, насторожилась. Говорил Гарик:

— Почему она не платит вместе с нами за квартиру? У нас на работе все девочки платят родителям часть квартплаты. В Америке это нормально! А для нас была бы дополнительная экономия!

— Может быть, в Америке это и нормально, а в нашей семье — нет, — тихо возразила мама ледяным тоном.

Я этот тон хорошо знаю. Он хуже крика. — За что моя дочь должна платить? За то, что она спит в проходе за шкафом? Тем более, она сейчас без работы и учится. Она — девочка, студентка, она моя дочь, в конце концов! Моя дочь мне платить за квартиру не будет! Что касается экономии, то жаль, что ты не начал этот разговор раньше. Не было бы свадьбы, и мы бы сэкономили кучу денег! И долгов бы, кстати, не было бы тоже! Ты что-то их отдавать не торопишься!

Гарик отодвинул тарелку, не доев, встал из-за стола и сел к окну курить со своим обычным невозмутимым видом.

Я ненавижу эту манеру отмалчиваться! Нормальные супруги должны разговаривать, даже если есть проблемы. А всё-таки он — сволочь! Я всегда подозревала, и вот наконец-то он высказался!

Мама убрала со стола и ушла в спальню. Через некоторое время Гарик поднялся и пошёл туда же. В квартире стояла гробовая тишина.

Я устроилась поудобнее на диване и позвонила своему другу. Змеиным шёпотом, задыхаясь от гнева, я пересказала ему сволочной разговор за обедом.

— Прохвост! — выругался мой друг. — Надо его наказать! Перепиши

незаметно номера его кредитных карт, и я накуплю на них всё, что угодно! Этот скупердй, конечно, отмажется, что покупки делал не он, и платить не будет. Его кондрашка хватит, когда он получит счёт! Так ему и надо!

Идея с картами мне понравилась, но шарить по карманам Гарика не очень-то привлекало.

— Пока не надо, — сказала я другу. — Но если он тронет маму, тогда уж ему не сдобровать. А номера карт надо бы переписать. В случае чего можно будет прищемить ему хвост!

— Погоди, он ещё твоей маме устроит какую-нибудь подлянку! — пообещал на прощанье мой друг. — Надо меры принять, чтобы этот подонок не выпендривался!

Когда я повесила трубку, была полночь. От злости на Гарика спать не хотелось. Я вытянулась на диване и включила телевизор.

МАМА

Что-то у нас в семье разладилось Дочка ходит злая, как сиамская кошка. Кажется, если её погладишь, тут же цапнет! После колледжа приходит домой, садится не за книги, а к телевизору, и бесконечные сериалы мыльных опер сменяют друг друга. Для меня они все одинаковы. Джон любит Мари, но почему-то должен жениться на Шерри, которая, в свою очередь, любит Питера, но её родителей заставляют её выйти замуж за Джона. Вдруг оказывается, что отец Мари когда-то любил мать Шерри, и тётка Джона была убита троюродным дядей Питера. При этом все герои постоянно выясняют отношения и под великим секретом сплетничают друг о друге. Они путаются в любовном лабиринте сто двадцать одну серию, пока добрый дядя-режиссёр не бросает им нить Ариадны, и, в конце концов, герои соединяются по любви. Героини-блондинки одинаково накрашены и напоминают манекены из модных журналов. В результате все на одно лицо. Я не разбираю, когда кончается один сериал и начинается другой.

Телевизор орёт на всю квартиру, а дочка, одним глазом следя за тем, что мелькает на экране, умудряется следить за любовными телевизионными интригами и попутно разговаривать по телефону с подружками, не выпуская трубку из рук ни на минуту. Всё это происходит в то время, как я кормлю обедом Гарика, и дико действует на нервы и мне, и ему.

В ответ на мою просьбу сделать телевизор потише, а лучше его совсем выключить, дочка вскочила, как фурия, и разоралась, что я не даю ей жить. Гарик сидел, втянув голову в плечи, с застывшей ложкой у рта. От стыда и обиды мне хотелось схватить кастрюлю с супом и надеть её орущей дочке на голову! Я ограничилась злобным взглядом, показав исподтишка ей кулак, но внутри у меня всё кипело!

За окном начало марта, а у Гарика с языка не сходят налоги, которые надо платить пятнадцатого апреля. Он ждёт этого дня как страшного суда.

Я так и вела паскудную книгу учёта нашего бюджета, а совесть у Гарика, вопреки моим надеждам, спала беспробудным сном. Мало того, он вдруг заявил, что хочет проверить записи моего счёта в банке. Это настолько вывело меня из себя, что я по-настоящему окрысилась и сверкнула глазами так, что Гарик отскочил и сердито надулся. Я взбесилась не потому, что боялась показать свои почти нулевые «накопления», меня оскорбила сама постановка вопроса. Я себя почувствовала так, будто с

меня посредине улицы сдёргивают трусы!

— Проверь книгу! — огрызнулась я. — Мой чек полностью уходит на каждодневные расходы и долг Лишанским!

Гарик не повернул головы. Каждый раз, когда разговор заходил о наших долгах, налогах, счетах и тратах, Гарик прокурорским тоном задавал мне обидные вопросы, куда я что заплатила, и я должна была наизусть цитировать то, что уже записано в книге. Подобные сцены напоминали перекрёстный допрос. Обливаясь жаром, я боялась ошибиться и показаться вруньей, которая пишет одно, а говорит другое. От каждого моего ответа Гарик раздражался всё больше и больше. Однажды, во время подобного опроса, он упал на стул, безнадежно опустил руки и стал повторять, как заведённый:

— Мне это не посредствам! Я больше не могу!

Я испугалась, ничего не понимая. Никаких особых трат не было. Всё как обычно — еда, прачечная, квартплата, электричество, телефон.

— Гарик, в чём дело? Объясни мне! Что происходит?

Но он только сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, монотонно повторяя:

— Мне это не по карману! Я больше не могу!

После таких сцен ночью Гарик натягивал одеяло на голову, поворачивался ко мне спиной и лежал, не шевелясь, как мёртвый.

Обычно я собираюсь на работу с вечера. Старая школьная привычка накануне собирать портфель и приготовить форму осталась на всю жизнь. Перед сном я тщательно обдумываю, что я надену завтра, и оставляю на стуле полный комплект — от платья до чулок, чтобы утром только встать и одеться.

В тот злополучный вечер я, как всегда, приготовила себе одежду. Юбку пришлось погладить, и я повесила её на кресло, стоящее у письменного стола Гарика. Когда я после душа вошла в спальню, Гарик уже был в постели. Скомканная юбка валялась на полу. «Упала, наверное», — подумала я, подняла юбку и, встряхнув, аккуратно повесила её обратно на кресло.

— Не смей трогать мой стул! — неожиданно взвизгнул Гарик, вылетая из постели. Он схватил мою юбку и с силой швырнул её на пол. — В этом доме у всех, включая кота, есть своё место, кроме меня! Это моё место! Я никому не позволю его трогать!

Я молча смотрела, как он беснуется. Только сердце моё заколотилось где-то в горле, и каждый удар отдавал в виски. Гарик прыгнул обратно в кровать, закрылся с головой одеялом и замер.

— Знаешь, дорогой, — ядовито усмехнулась я, — похоже, ты специально устраиваешь скандал ближе к ночи, чтобы был повод повернуться ко мне спиной! Не трудись, никто тебя не изнасилует! Спи спокойно, дорогой товарищ!

Я легла на другой край кровати. Слезы высохли на глазах, не успев пролиться. Боже мой, что с нами будет? Что будет?

Мне было страшно, как маленькой девочке в темноте. Рядом со мной, в одной постели, лежал и старался не дышать совершенно чужой человек.

ДОЧКА

Гарик бродил по квартире как холодный дух. Я его не понимала. Казалось бы, сбылась его мечта! Он по любви, по собственному горячему желанию женился на женщине, которую сам выбрал! Жизнь должна была бить в нём ключом! Но от Гарика веяло таким холодом! Мама очень старалась. Её тепла хватало не на двоих, на троих, на десятерых! Но ледяное спокойствие Гарика, его странная отрешённость, эти постоянные уходы в себя доводили маму то того, что у неё порой опускались руки и лицо становилось жалким и несчастным!

Иногда мне хотелось схватить Гарика за плечи и тряхнуть, что было сил — очнись!

В нём не было жизни, и это ужасно! Он внёс затхлость в нашу уютную квартиру, и она чем-то стала похожа на его берлогу, из которой он к нам пришёл.

Я не хотела идти домой. Куда угодно, только не домой! И совсем не потому, чтобы не мешать маме и Гарику. Дома мне было беспокойно, страшно. Я не могла понять, чем объяснить постоянно плохое настроение Гарика. Почему он сидит и курит у окна, не поворачивая головы? Самое ужасное, когда человека ничего не трогает! Что делает нас людьми? Чувства, эмоции, переживания! Без этого человек — неполноценный, попросту урод!

Когда вечером в спальне разразился скандал, и Гарик вопил о своих правах, проклиная нашего кота, я была дома. Я таких ссор ещё не слышала! Минутный визг — и тишина! Каменная, непробиваемая тишина, которая поселилась в нашем доме вместе с Гариком. Пусть лучше орёт телевизор, чем это мёртвое безликое спокойствие.

Спать не хотелось. На душе было муторно. И тут позвонила моя подружка Светка. Конечно, я не выдержала и пожаловалась ей на нашу печальную совместную жизнь.

— Смотри! — посочувствовала мне Светка. — Бросит он твою маму и уйдёт!

— Ты что, Светка! Они только поженились! По всему Ленинграду смотрят видео со свадьбы! До сих пор по почте поздравления получаем! Мама не переживёт, если что-то такое случится! Да лучше ей быть вдовой, чем ещё раз разведённой! Если он обидит маму, я его просто убью!

— Давай, убивай скорее! — горько пошутила Светка. — Чуёт моё

сердце, добром такая жизнь не кончится!

Я повесила трубку. Меня всю трясло. А вдруг Светка права? Вдруг он уйдёт, этот псих? Господи, что будет с мамой?

МАМА

Гарик позвонил мне на работу. Голос его был весёлый, приподнятый, о ссоре — ни слова.

— Приехал Ленинградский театр оперы и балета! Друг моего брата играет в оркестре! Он пригласил нас сегодня на «Пиковую даму» в Метрополитен-опера, потом поедem в ресторан ужинать, я угощаю!

— А можно с дочкой?

— Конечно, дорогая, что за вопрос? Встречаемся дома, не задерживайся, целую!

Это был прежний, родной, золотой мой Гарька! Я летела домой и улыбалась каждому идущему навстречу прохожему! Всё складывалось удачно! Дочка пришла из колледжа и, узнав о театре, завизжала от счастья! Мы так соскучились по нашему прежнему, до боли знакомому театру, Чайковскому, Ленинграду!

Метрополитен-опера встретила нас вишнёво-бархатным залом, шагаловскими картинами, неповторимым запахом, шуршанием программok и гулом голосов перед началом, который бывает только в театре. Это был праздник души и хоровод воспоминаний! Хотелось плакать непонятно от чего!

Раньше в России театр, как известно, начинался с вешалки.

У нас, в Америке, где вешалка стоит денег, это выражение потеряло смысл. Зрители, в силу экономии на спичках, все свои шубы и пальто таскают в руках, либо бросают на кресла, поэтому в антракте зрительный зал похож на большую барахолку.

Теперь театр начинается с публики, так как именно она, родимая, русскоговорящая, придает походу на любое зрелище тот неповторимый колорит, который оставляет впечатление сильнее любого представления.

Если повезет и садишься среди женщин, такое чувство, будто вдруг оказался во Франции. Иллюзию этого географического парадокса навевают запахи «Клема», «Мажи Нуар», «Фижди» и «Нино Риччи». А если не повезет и место рядом с вами займет мужчина, то сидеть будешь как на полянке, где пасется так называемый мелкий рогатый скот, чей запах забивает все прочие ароматы природы.

Мужчины из России дезодорант презируют как класс. Они делают вид, что просто не знают о его существовании, видимо, в силу той же самой спичечной экономии. Они портят свои пиджаки, куртки, рубашки, их

увольняют за это с работы, но в своем упрямстве они верны себе. И явно побеждают окружающих хотя бы потому, что ни сидеть рядом с ними в театре, ни стоять за ними в очереди, ни танцевать с ними в русском ресторане абсолютно невозможно. наших «сильных духом» мужчин можно узнать по запаху на расстоянии до ста метров.

В театре, не успев еще толком сесть, публика начинает дружно закусывать. Рефлекс, как в купе междугородного поезда. Традиционные курочка и бутербродик с колбаской из русского магазина всегда под рукой, современно завернутые в громко шуршащую фольгу. На худой конец, печенье, в обертке, по грохоту не уступающей фольге.

Несмотря на то, что действие уже началось, люди приветливо здороваются друг с другом, обмениваясь последними событиями, происходящими в семье. Актеры на сцене им ничуть не мешают.

Если вы по ошибке сели не на свое место и пришел его законный хозяин, вас сходу обложат так красочно и затейливо, что остаток вечера уйдет на то, чтобы понять, кто вы теперь есть и куда вас послали. Тут уже не до спектакля. Если фольклорная речь хозяина места особенно огорчит незадачливого зрителя, он может попросту врезать по физиономии обидчика, а затем удалиться. В это время рядом сидящие зрители торопливо закрывают свою голову руками, ну а происходящее на сцене, естественно, уходит на второй план.

Если места не нумерованы, а на спектакль приходит большая семья или компания друзей, то каждый из них садится в середине отдельного ряда, широко расставив ноги, и больше никого в этот ряд не пускает, в оправдание, громко перечисляя всех членов семьи или компании, которые якобы должны вот-вот прийти. К моменту начала они сравнивают, кто занял места получше, и садятся вместе, а оставленное ими поле битвы похоже на полу беззубый рот, зияя пустыми дырками свободных кресел в то время, как у стены, в проходе, стоят люди, которым места не хватило. Углядев свободные места, неудачники, стоявшие у стены, смазывая полами своих пиджаков или воланами на блузах старательно наложенную косметику на лицах уже сидящих, пробираются по ногам к заветному креслу, хотя действие на сцене в этот момент в самом разгаре.

Хорошо, если вы сидите близко, но если нет, мне вас искренне жаль, поскольку двери, ведущие в фойе, открываются и закрываются каждые три минуты. При этом они отчаянно скрипят, как бы умоляя входящих выходящих оставить их в покое, но люди неумолимы. С озабоченными лицами они бегают туда-сюда, в полный голос, делая замечания всем вокруг. Как правило, это сами организаторы спектакля или концерта,

полные чувства собственной значимости. Угмонить их невозможно, они вам ответят вдвое больше и втрое громче.

Однажды перед концертом очередной заезжей звезды из Москвы я наблюдала такую сценку из нашей эмигрантской жизни. Мальчик лет двенадцати продавал в фойе русские журналы стоимостью ровно в один доллар. К мальчику подошел большой важный дядя, взял два журнала и, не заплатив, так же важно двинулся дальше.

— Дяденька! — испуганно воскликнул ему вслед мальчик. — Это стоит два доллара!

— Не кричи, мальчик, ты же в театре! — назидательно произнес умный дядя и продолжил свой путь.

«Товарищи люди! Будьте культурны!» — много лет назад умолял нас великий Маяковский. Глас вопиющего в пустыне. Каким мы были, такими мы, увы, и остались, а время, между прочим, ушло далеко вперед,» — думала я, наблюдая за публикой.

Но когда занавес открылся и я увидела Летний сад, произошло чудо! Я забыла, что я в Америке, в Нью-Йорке! Это был мой Ленинград, моя молодость, моя жизнь!

Я посмотрела на дочку. По её щекам текли слёзы. Мы взялись за руки и прижались друг к другу...

После спектакля я бросилась Гарику на шею.

— Спасибо тебе! Я так счастлива! — Я целовала его в обе щёки.

Выходящая толпа нас толкала из стороны в сторону, а я стояла, и мне не хотелось уходить.

Знакомый Гарика, симпатичный седой черноглазый и краснощёкий крепыш, ждал нас у служебного входа. Мы все сели в машину и поехали ужинать на Брайтон. В ресторане Володя, так звали нашего гостя, с изумлением посмотрел на накрытый всевозможными закусками стол и выдохнул:

— Не могу я это есть! Хочется всё забрать и свезти домой, жене и детям!

Гарик налил себе и Володе водку. Они выпили за встречу и, перебивая друг друга, погрузились в воспоминания. Дочка и я сидели рядышком, слушали ресторанный певца и переглядывались. Ощущение родства между нами, потерянное в последние дни, вернулось и наполнило душу покоем и радостью. На прощанье Володя предложил тост:

— Гарик, я хочу выпить за тебя и твою жену. Я так рад, что твоя жизнь устроилась! Приеду в Ленинград и расскажу всем знакомым, как тебе повезло и какая у тебя очаровательная жена! Будьте счастливы, ребята!

— Будем! — твёрдо произнёс Гарик. После ужина он посадил гостя в машину и повёз его обратно в гостиницу.

На следующий день, в пятницу, Марат и Иринка пригласили нас на вечер в кино. Встретиться договорились у входа в кинотеатр. После работы я кормила Гарика обедом.

— Паприков заболел, — сообщил мне Гарик, — простудился где-то. Лежит с температурой.

— Гарька, объясни мне один раз по-человечески, что у тебя с ним общего? Можешь?

— Могу, — спокойно жевал Гарик. — Задница.

— Что?! — оторопела я.

— Задница, — проглотив, повторил Гарик таким тоном, как говорят «рука» или «нога», — и Леонид Ильич, и я страдаем запорами. Раньше мы ставили друг другу клизмы, между прочим, это очень сближает, а теперь он один, помочь ему некому. Так знаешь, что он придумал? Надевает шланг одним концом на водопроводный кран, а другой конец вставляет в зад. Но самое интересное, как он узнаёт, сколько надо воды. Никогда не догадаешься! Такое мог придумать только Паприков!

Гарик вопросительно посмотрел на меня. Я даже не пыталась гадать.

— Во время клизмы он стоит на весах! Гениально, правда? — Гарик с торжеством смотрел на меня, ожидая моих восторгов.

— Я смотрю, твой Паприков — задовик-затейник! — съехидничала я.

— Да что ты! — не уловив моего яда, продолжал Гарик. — А последнюю шутку Леонида Ильича, хочешь расскажу? Когда он входит в рыбный магазин, то всегда говорит: «Здравствуйте, девочки!»

— Почему «девочки»? Там же рыба! Или он с продавщицами здоровается?

— Не догоняешь? — Гарик брезгливо сморщился. — Потому что переднее место у женщин всегда воняет морской рыбой!

Меня чуть не стошнило!

— Мерзость! — сквозь зубы процедила я. — Я бы убила твоего Паприкова своими руками! Удавила бы его, сволоча, педераста вонючего! Ненавижу!

Гарик побледнел и зыркнул на меня злыми глазами.

— Я хочу уйти, — вдруг произнёс он.

— Куда? — не поняла я.

— Совсем. Я хочу уйти совсем. Я не могу больше жить в этой тюрьме с решётками!

— Ты что, серьёзно? — Я так растерялась, что перестала соображать.

— Вполне серьёзно. Я давно хотел тебе это сказать. Я хочу уйти.

— Когда? — прошептала я. Руки мои тряслись.

— Завтра. А сейчас собирайся. Нас ждут. Мы идём в кино, ты что, забыла?

— Какое кино?

Я опустила голову на вдруг заледеневшие руки. Ноги стали ватными. Во рту пересохло. Меня била мелкая дрожь.

— Вставай-вставай, нас люди ждут!

Гарик говорил так, будто пять минут назад ничего не случилось. Он даже улыбался.

— Я не хочу идти в кино и никуда не пойду!

— Пойдёшь! — властно, с издёвкой произнёс Гарик. Он обхватил меня двумя руками, пытаясь поднять со стула.

— Одевайся, пошли!

Гарик взял с вешалки мою куртку. Одел меня, как ребёнка. Я механически двигалась. У меня не было сил возражать и сопротивляться. В голове — абсолютная пустота. Гарик подтолкнул меня к выходу, открыл дверь. Я шла как робот.

Молча сели в машину и поехали. Марат и Ирина встретили нас на улице. Марат, как всегда, шутил, похохатывая, хлопал Гарика по плечу. Гарик отшучивался, хлопал его тоже. Как ни в чём не бывало. Я с трудом выдавила улыбку и забыла её убрать. Уже в темноте зрительного зала я поймала себя на том, что всё ещё по-идиотски улыбаюсь. Что мы смотрели я не помню. Дома я напилась каких-то капель, наелась таблеток, автоматически легла в постель. Всё в молчании. Гарик был бодр и деловому спокоен. Он даже не натянул одеяло на голову, как обычно, когда сердился, а просто повернулся ко мне спиной и тут же уснул.

Когда я очнулась, Гарика уже не было. Как всегда в субботу, он ушёл на работу. Я трудом встала, добрела до телефона и набрала номер Белки.

— Говори со мной! — рыдая, выдавила я, услышав Белкин голос. — Говори или я сойду с ума!

— Господи, что случилось? — закричала Белка.

— Гарик уходит. Он меня бросает, я жить не хочу! — захлебнулась слезами я.

— Но почему? Всё так было хорошо! Давай, говори, не молчи, хочешь я приеду?

— Нет, не надо! Будет только хуже! Он сейчас на работе. Вернётся, заберёт вещи и уйдёт! Я не знаю почему! Я так старалась! Я его люблю! Я не знаю, что ему ещё надо! Чего ему не достаёт?

— Он больной, — упавшим голосом простонала Белка. — Ты понимаешь, он душевнобольной человек. Нормальные люди так себя не ведут. Вспомни Гавайи!

— Всё, Белка, не могу больше говорить, я должна лечь, мне плохо!

Я повесила трубку и поплелась в постель. Ударом по нервам зазвонил телефон. Это была Бася. Что я могла ей сказать? Я, сквозь слёзы, сообщила о решении Гарика. С Басей началось такое, что я забыла о себе. Она выла, рыдала навзрыд, причитала, билась в истерике у телефона. Я испугалась за её здоровье. А что я могла сделать? Кроме как к маме, Гарику уходить было некуда, она бы узнала первая так или иначе.

В это время вошёл Гарик. Он взял у меня трубку. С каменным лицом пару минут слушал Басины вопли и молча бросил трубку на рычаг.

Я тихо выла, сидя на постели.

— Не спрашивай меня, почему я уйду, — хмуро произнёс Гарик. — Я не могу тебе этого сказать.

— Почему? Ну что я, зверь? Я идиотка? Я — человек, я понимаю слова. Объясни мне! Что я сделала не так? Я больше не буду! Гаренька, я не буду больше! Только скажи, что я сделала? Чем я провинилась? Может, ты из-за денег? Так я же пишу всё в книгу! Хочешь, я отдам тебе мой чек, и веди хозяйство сам! Ну, скажи мне, скажи, почему?

— Я не могу тебе сказать, — ровным голосом повторил Гарик.

— Ну, как же так? Ведь я жена твоя! Неужели я не заслужила право знать, за что меня бросают?

— Моей жизни угрожает опасность, — выдавил Гарик, глядя в сторону.

— Кто тебе угрожает? При чём тут я?

— Я не могу тебе сказать.

— Это абсурд! Какая опасность? Да объясни ты мне, не мучай!

— Моими кредитными картами хотели воспользоваться. Меня хотели обокрасть.

— Кто? Я? Я хотела тебя обокрасть?

— Не ты, но я должен уйти!

Слёзы душили меня, жгли глаза и лицо. Потом окатило жаром. Вдруг стало темно и тихо. Я на миг куда-то провалилась. Когда я очнулась, Гарик столбом стоял посреди комнаты с телефонной трубкой в руках. Было слышно, как на другом конце провода билась в рыданиях Бася.

— Хорошо, я остаюсь! — вдруг сказал Гарик и повесил трубку. Он сел ко мне на кровать, поднял меня за плечи и стал нежно целовать в лицо. Я была совершенно невменяемая. Гарик принёс в рюмочке капли. Я выпила, не чувствуя вкуса, и упала на подушку.

Весь день прошёл в забытии. Я проваливалась куда-то, на минуту открывая глаза, Гарик сидел около меня, гладил по щекам и приговаривал:

— Ну, успокойся, я остаюсь!

У меня не было сил радоваться. Из меня как будто вынули стержень. Я вся была обмякшая и бессильная.

На следующий день я доползла до телефона и позвонила Белке.

— Слава Богу, остался! — дрожащим голосом сообщила я.

Трубку взял Фима.

— Чтоб ты понимала, раз такое началось — это первый раз, но не последний. Запомни мои слова!

...Бася звонила и плакала, плакала и звонила несколько дней подряд.

— Хорошая она. Видишь, как плачет, — говорила я своей маме по телефону. — Жалеет меня!

— Бедная ты моя, наивная девочка, — всхлипнула в ответ моя мама. — Она плачет не по тебе, она плачет по своему сыну!

В тот момент мне было всё равно. Гарик не ушёл, а это — главное!

ДОЧКА

В доме творилось чёрт знает что! Маме было не до меня. А мне так хотелось с кем-нибудь поделиться. Я позвонила Светке.

— Ты оказалась права! Он хотел уйти! — выпалила я. — Скотина! Я его ненавижу! Он мучает маму! Она заболела из-за него! Хамелеон проклятый! То такой добрый, приветливый, цветочки носит! А то бродит, как тень, и морда злая, противная! Просто убить его хочется!

— Ну, да, убьёшь его, — усмехнулась Светка. — Такие гады — живучие!

— А что? — размечталась я. — Подкараулить в гараже, в подвале, где машина его стоит, кто-нибудь подержит, а я дам как следует по башке! Инсценировать ограбление, бумажник, например, забрать и конец.

— Это по телевизору всё так просто, — вздохнула Светка, — а в жизни он ещё вас всех будет мучить и мучить! Он вообще-то нормальный?

— Конечно, нет! У него явно крыша поехала. Я давно это знала, но мама считала, что он поменялся. Знаешь, как говорят? «Змея меняет кожу, но сама при этом не меняется.» Как был сволочь, так сволочью и остался! Злой, скупой чёрт! Всё плачется, что денег у него нет! А сам пошёл и в один день купил машину за наличные. Люди месяцами к этому готовятся, обсуждают, а потом годами выплачивают. А он пошёл и купил, как пару ботинок! Ты такое видела? Как по взмаху волшебной палочки! Раз — и машина!

— Да-а, — протянула Светка, — не повезло твоей маме!

— Если он её обидит, я его убью!

Когда я вслух произносила это злое «убью!», мне становилось легче. На самом деле, мне было мало, чтобы Гарик просто умер. Я бы хотела, чтобы он долго мучился, стонал, плакал и умолял о пощаде. Таких, как он, надо на медленном огне поджаривать на сковороде!

МАМА

Жизнь продолжалась. Казалось, всё было как прежде. Гарик приходил домой с цветами, встречал меня по пятницам после работы, называл «дорогая» и в машине по-прежнему держал меня за руку. Но в душе моей поселился страх. От каждого изменения в голосе Гарика я испуганно вздрагивала: «Что-то не так?»

Свой обычный вопрос «Гарик ещё не убежал?» Бася сменила на «Что Гарик делает?»

— Уничтожает свой адрес и имя на конвертах и журналах! — пыталась пошутить я.

— Ну и что тут такого? Я тоже всегда так делаю! — обиженно проворчала Бася. — А вдруг попадётся в руки какому-нибудь бандиту?

«Я знаю только одного бандита, и ваш сын с ним друг-приятель!» — висело на кончике моего языка, но позволить себе такую роскошь съязвить я не осмеливалась.

Как показала жизнь, с головой у Баси было всё в порядке. Она не зря так беспокоилась, что её сын может сорваться и убежать. Это я оказалась дурочкой, недооценившей способности своего мужа на безумные выходки. Поэтому неудачные шутки я больше себе не позволяла. Боялась.

По дороге с работы я встретила Марата.

— Слушай, — налетел он на меня, — хорошо, что встретились! Я как раз собирался тебе звонить. Я расширяю кабинет, и мне нужен второй врач. Зачем Гарiku гнить в его помойке? Район там ужасный, кабинет бедняцкий, а публика — нищие и наркоманы. Уговори его перейти ко мне. И зарплату я ему дам в два раза больше, чем у него сейчас! Давай, старуха, действуй! Я позвоню!

За обедом я рассказала Гарiku о предложении Марата. Перебив меня на полуслове, Гарик категорически отказался.

— Но почему? — удивилась я. — Рядом с домом, зарплата в два раза больше, и кабинет шикарный!

Гарик спокойно и насмешливо наблюдал мои восторги.

— Во-первых, я не люблю, когда хозяин каждые пять минут хлопает меня по плечу!

Хлопать по плечу — была любимая привычка Марата.

— Во-вторых, лучше нищие и наркоманы, чем брайтоновская мишпоха, все — «любоньки» и «мамки»! Это не мой стиль! Я со своими пациентами

не целуюсь и за щёки их не треплю!

Это тоже был камень в огород Марата.

— В-третьих, с чего это Марат взял, что сможет платить мне больше, чем я сейчас получаю?

На лице Гарика насмешка превратилась в открытое презрение.

— И ещё... — Гарик нахмурился. — Кабинет, может быть, и хороший, но там нет окон!

— Ну и что? — Я пожала плечами. — Там очень светло!

— У меня — клаустрофобия. Я не могу находиться в помещении без окон. И на метро, поэтому не езжу, и лифты не люблю.

— Ты никогда об этом не говорил!

— И сейчас больше говорить не хочу!

На следующий день я зашла к Марату на работу и, рассказав о причине отказа, предупредила его больше этот вопрос не поднимать.

Марат сделал большие глаза, пожал плечами и многозначительно покрутил пальцем у лба. Я безнадежно развела руками. Вопрос о перемене работы был закрыт раз и навсегда.

В первых числах апреля на гастроли в Нью-Йорк приехал симфонический оркестр, в котором играл младший брат Гарика, Лёва. В субботу вечером они вместе с Басей приехали к нам в гости. Лёва с семьёй переехал в новый дом, и теперь он с удовольствием рассказывал нам о планировке, ремонте и интерьере. Бася жадно ловила каждое слово, предвкушая через месяц поехать и увидеть всё своими глазами.

— Вы понимаете, — почему-то ко мне обратилась Бася, — я хочу сделать сыну подарок на новоселье, пятьсот долларов. Так пусть Гарик выпишет Лёве чек, а я ему потом отдам наличными. Вы не возражаете?

— Гарик сам себе в деньгах хозяин! — удивилась я такой неожиданной Басиной щепетильности, а про себя подумала: «Какая разница кому дать наличные, Лёве или Гарику? А впрочем, какое мне дело? Сами разберутся!»

— Гарик, — встревожено продолжала Бася, — ты не забыл, что должен Лёве чек?

— Нет, мама! — резко ответил Гарик, не шевельнувшись.

Лёва увлечённо делился планами на гастроли. После Нью-Йорка была поездка в Европу с конечным пунктом в Швейцарии, куда должна была подъехать Лена, жена Лёвы, и отдохнуть там вместе с ним пару недель.

— Безобразие! — возмутилась Бася. — Купили дом, такие расходы! Зачем ей ехать в Европу?

— Но, мама, она очень тяжело весь год работала! Она устала! Трое

детей! Новый дом забрал кучу энергии и сил! Ей нужен отпуск! — защищал жену Лёва.

— Что значит устала? У меня тоже было трое детей! Меня в Европу на отдых никто не возил! — И тут же, не переводя дух, — Гарик! Ты должен Лёве чек, ты не забыл?

— Мама! Не суйся не в своё дело! — хором закричали братья.

— Я никому ничего не должен и прошу мне не указывать! — взревел красный от гнева Гарик.

Лёва и Бася испуганно замолчали и с тревогой смотрели на Гарика.

— Вот как разговаривают с матерью! — обиженно проворчала Бася, со страхом косясь на сына.

Я тихонечко встала и выскользнула на кухню. На все эти дразги у меня просто не было сил.

Прощаясь с Лёвой, я вынесла большую сумку с подарками от нас с Гариком Лёве, Лене и детям на новоселье. Лёва растроганно благодарил. Гарик вежливо улыбался. Он не имел ни малейшего понятия о подарках. Зато в книге учёта мне пришлось завести новую графу «подарки».

Чем ближе было пятнадцатое апреля, тем лихорадочнее Гарик говорил о таксах-налогах и своих расходах. Больше всего меня угнетало то, что долг Лишанским я отдавала по капле, а о многочисленных долгах Белке, превратившихся в результате в солидную сумму, я даже боялась думать.

Все вечера Гарик проводил за письменным столом, перебирая счета, ведомости и чеки.

— Гарик, — я погладила мужа по голове, — может быть, ты можешь что-нибудь выкроить для Лишанских?

— У меня нет денег! — сухо бросил через плечо Гарик и опять углубился в свои расчёты.

— Ну, как же быть? Ведь уже апрель!

— Вот именно, апрель! — в раздражении повернулся ко мне Гарик. — Когда ты по воскресеньям любишь кататься на машине на Брайтон, ты не думаешь, что надо отдать долги Лишанским! А ведь машина жрёт бензин, а бензин стоит денег!

— Это не Атлантик-сити, до Брайтона десять минут езды! Постыдился бы меня упрекать!

— У меня нет денег! — повторил Гарик, всем своим видом давая понять, что обсуждать больше нечего.

Вечер пятнадцатого апреля Гарик провёл на телефоне в разговорах со своим поверенным, который считал ему налоги и заполнял налоговые формы. Я устала и легла спать. Сквозь дремоту до меня доходили какие-то

обрывки разговора с непонятными словами о вычетах и возвратах.

Когда Гарик, наконец, лёг рядом, я открыла глаза. Была половина двенадцатого ночи.

— Всё? — сонно спросила я.

— Всё, — без радости в голосе отозвался Гарик. Он лежал, запрокинув руку за голову, уставившись в потолок.

— Слава Богу! Поздравляю! Отдыхай!

— Не представляю себе, чем я заплачу пятнадцатого июля? — с тоской в голосе спросил Гарик.

Мой сон моментально пропал.

— Слушай! — Я резко села. — Сейчас полдвенадцатого! До конца пятнадцатого апреля ещё целых 30 минут! Я имею право хотя бы полчаса не слышать о проклятых налогах? Полчаса я могу пожить спокойно? Больше я не прошу! Утром заведёшь свою шарманку про пятнадцатое июля!

Гарик тут же повернулся ко мне спиной и натянул одеяло на голову.

— Что и требовалось доказать! — Я бухнулась на подушку и рванула на себя свой край одеяла.

Гарик, как всегда в таких случаях, затаился и не подавал признаков жизни.

ДОЧКА

Младшего брата Гарика я видела дважды. Первый раз, когда он приезжал к маме на свадьбу, и второй раз, когда он пришёл с Басей к нам в гости. Чем больше я смотрела на него и слушала, тем больше он мне был симпатичен. Когда племянник Гарика рассказывал мне о семейной ссоре, длившейся три года, якобы по вине Гарика, я думала, что это надо ещё проверить! Конечно, сынок заступает за папу, а все его выступления, типа мой дядя — параноик, результат родительских разговоров. Но, узнав Лёву поближе, я поняла, что его сын прав. Виною всему был невыносимо сумасбродный характер нашего припадочного Гарика. Теперь я хорошо себе представляла, как этот злыдень мог выгнать семью брата с маленьким ребёнком на улицу и три года не разговаривать! Почему только три? Наш Гарик спокойно мог бы играть в молчанку до конца своих дней!

Как всегда, после колледжа, чтобы не идти домой, я пошла к Светке. С мамой мы, в основном, общались по телефону. Я позвонила домой.

— Мам, ты только не волнуйся, я к Светке зашла. Знаешь, у меня проблема. Работу обещали только в конце мая. Я боюсь, что заплатить за следующий семестр мне будет нечем.

— Ничего, — успокоила меня мама, — я ведь замуж вышла только в конце декабря. Весь год ты была у меня на иждивении, и я, как пишут в налоговой декларации, была главой семьи. Мне вернут деньги за налоги, которые я переплатила, и я заплачу за твою учёбу.

— А Гарик?

— Что Гарик? Он и не узнает! Мы ему не скажем. Да и какое он к этим деньгам имеет отношение? В этом году — я ему жена, а в прошлом — я была только твоя мама. Не волнуйся, доченька! Прорвёмся!

— Спасибо, Мамуленька!

Я повесила трубку.

— Мать у тебя классная, — сказала Светка, — а отчим — говно!

— Какой он мне отчим? — засмеялась я. — Он мне никто, мамин муж и не больше! И вообще, он и по жизни — никто, тень от человека! А мама у меня и вправду мировая!

МАМА

В конце апреля — мой день рождения. У меня в Ленинграде был приятель, который в этот день из года в год поднимал один и тот же тост: «Выпьем за человека, который всегда справляет свой день рождения!» Этот человек — я. Новый год и день рождения я люблю отмечать шумно и празднично, задолго к ним готовлюсь, тщательно обдумывая программу.

В этот раз я нашла симпатичный французский ресторанчик-галерею, где на стенах висели картины современных художников. Вместо оркестра стоял рояль, и на нём играл старичок-пианист из России, поэтому репертуар был хорошо знаком — старые советские песни из кинофильмов, которые своей певучестью американцам ласкают уставший от поп-арта слух, а нам, эмигрантам, греют душу.

Самым лучшим подарком в этом году был приезд из Ленинграда моей старинной институтской подружки Машки, родственники которой по счастливому совпадению жили в соседнем от меня доме.

Бася, моя мама, дочка, Гарик и я приехали в ресторан чуть раньше, встречать гостей. Официанты накрывали наш стол, а мы сели в красивом холле, украшенном картинами и большими вазами с цветами. Вдруг Гарик вспомнил, что забыл купить сигареты, и выскочил на улицу. Прошло минут двадцать. Первыми приехали мой брат с женой, потом Машка, которая сразу нашла с Басей общих знакомых по Ленинграду, и они с удовольствием болтали, обсуждая последние новости.

Я пошла проверить, как приготовлен стол, потом приехали Марат и Ирина. Гарик не появлялся. Первая занервничала Бася.

— Где Гарик? — каждые пять минут встревожено спрашивала она.

— Не волнуйтесь, он поехал за сигаретами, — успокаивала я её. — Приедет с минуты на минуту.

— Да что вы такое говорите! — уже не на шутку паниковала Бася. — Прошло уже сорок минут, как он ушёл! Где он?

Гости растерянно толпились в холле, когда появилась последняя приглашённая пара, Белла с Фимой. Бася плакала и ломала руки.

— Боже мой! Где Гарик? Что-то случилось! — кричала она.

На шум прибежал администратор ресторана. Я с трудом успокаивала всех вокруг, делая вид, что ничего особенного не происходит. Но у меня у самой внутри всё сжималось от беспокойства. К столу без Гарика идти не

хотелось. Все переминались с ноги на ногу, нервно переглядываясь. В этот момент вошёл раскрасневшийся Гарик с огромным букетом роз в руках.

— Дорогая, это тебе! С днём рождения!

— Что ты себе позволяешь? Где ты был целый час? — не могла успокоиться Бася.

— Я искал цветы! — растерянно произнёс Гарик, виновато оглядываясь.

Все облегчённо вздохнули, зашумели и весёлой толпой двинулись к столу. Пианист Володя, узнав в нас своих земляков, старался как мог, в перерывах сидел за нашим столом, шутил, рассказывал анекдоты. Настроение у меня было чудесное. Меня окружали все, кого я люблю!

Дочка села к роялю. Мы запели хором, забавляя остальных посетителей ресторана.

— Прошу слова! — громко объявил Гарик. Я с тревогой заметила, что он хорошо выпил и покачивался. Бася сердито поджала губы и посмотрела на меня с укором, как будто я подливала ему в рюмку!

— Дорогая! Я так тебя люблю! Будь здорова и счастлива! С днём рождения! — проникновенно произнёс Гарик. Слова были хорошие, но пьяная дурашливая ухмылка портила всё впечатление. Гарик обнял меня, жарко поцеловал и сел, с довольным видом оглядывая гостей.

— Гарик, поешь что-нибудь, ты совершенно пьяный! — через весь стол закричала Бася. — Куда вы смотрите? — Это уже мне.

Я сделала вид, что не слышу. Пианист Володя ударил по клавишам. Все стали подпевать. К концу вечера Гарик выпил кофе и пришёл в себя. Он уже не качался, не хихикал как дурачок и, несмотря на наши протесты, сел за руль, чтобы развести всех по домам.

Первую повезли Басю. Всю дорогу она, по своей любимой привычке, пыталась меня, что сколько стоит, кто сколько подарил, во что мне обошёлся ресторан, и всё охала и ахала.

— Я весь вечер думала, — вдруг спохватилась она и схватила меня за ухо. — У вас серьги золотые или поддельные?

— Поддельные, — ответила я и по Басиному лицу поняла, что она мне не поверила.

— Я их раньше у вас не видела, — подозрительно покосилась она на меня.

— Они новые, я купила их ко дню рождения. Это подделка, но очень хорошо выполненная.

Бася, поджав губы, бросила взгляд на Гарика. Он невозмутимо смотрел на дорогу.

Я разозлилась, насупилась и отвернулась к окну. В конце концов, я всё покупаю на свои деньги! Работаю как вол! Ещё должна оправдываться за барахляные сережки только потому, что они слишком блестят! Удивительная бестактность!

На следующий день позвонила моя приятельница, которая хорошо знала Басю. Они вместе отдыхали летом в пансионате. Конечно, она стала расспрашивать меня о ней и её поведении в качестве свекрови. Ещё не остыв от последнего разговора с Басей, я рассказала про серёжки.

— Вот сучка! — возмутилась приятельница. — Какое дело, что ты себе покупаешь? Ты работаешь? Зарабатываешь? Вот и трать, куда хочешь!

Легко было сказать — трать! Долги душили меня и отравляли жизнь!

Вечером позвонила моя мама, и я, конечно, тихонечко, чтоб не услышал Гарик, пожаловалась ей, что долги портят мне кровь и настроение.

— А что же Гарик? — удивилась мама. — Что он-то говорит?

— Что у него нет денег!

— Не может этого быть! Есть у него деньги, он просто скрывает и обманывает! Он доктор, дантист! Где его заработки?

— Уходят, — печально оправдывалась я, — машина, за образование своё выплачивает, куча страховок, налоги!

— Ерунда! — сердито отрезала мама. — Он обманывает тебя!

Видя, что разговор пошёл не в то русло, я постаралась закруглиться. Через день позвонил мой брат, человек деловой и практичный.

— Я тут прикинул кое-что. Со Стасом поговорил, помнишь, приятель твоего мужа, который вас познакомил, тоже дантист? И знаешь, похоже, Гарик твой врёт! Никакой он не служащий! Он партнёр со своим хозяином. Кабинет у них на двоих. У него в год не менее двухсот тысяч!

— Да ты что! С чего ты взял? — задохнулась я. — Он на зарплате!

— Как хочешь! — сказал брат. — Ты говоришь — на зарплате, а я утверждаю — партнёр. Врёт он тебе, а ты — дура!

В общем, разговоры были всякие, а денег как не было, так и не прибавилось. Об отпуске в этом году нечего было и мечтать. Это было странно. До Гарика мы с дочкой ездили отдыхать каждый год, и мне на всё хватало!

В первое воскресенье мая Гарик отвёз Басю в аэропорт. Она полетела к Лёве и Лене посмотреть новый дом. В понедельник Гарик пришёл с работы с двумя полными мешками в руках.

— Что это? — удивилась я.

— Плитка. Буду делать новые полы в ванной и кухне. Посмотри, какая красивая, тебе нравится?

Для ванной Гарик подобрал бело-розовую плитку под мрамор, а для кухни — чёрно-белые квадратики.

— Мне очень нравится, спасибо, но с чего это вдруг? — Я ничего не могла понять.

— Хочу обновить пол!

С этого момента Гарик работал как проклятый. Он не разгибал спины. Цементировал, клеил, резал, подгонял под рисунок.

— Отдохни! Брось! Оставь на выходные! Что за спешка? — удивлялась я, видя его согнутую спину каждый вечер после работы. Но Гарик упрямо вкалывал изо всех сил. К пятнице полы были закончены и сияли таким блеском, что ходить по ним было жалко!

— Ты довольна, дорогая? — заглядывая мне в глаза, спросил Гарик.

— Всегда я рада встрече с вами, хотя ваш труд топчу ногами! — скалambuрила я. — Ты мой Гарька — золотые ручки!

Вечером разразилась страшная гроза, типично майская, с громом и молнией. Гарик и я уютно устроились рядышком на диване, смотрели телевизор и любовались полом в кухне, кусочек которого был виден из гостиной.

— А знаешь, ведь прошло ровно полгода, как мы поженились, — вдруг вспомнила я. — Ты жил здесь, в Америке, с кем-нибудь так долго?

— Жил, но не так долго. Давно когда-то переехал к одной женщине. У неё была дочь двенадцати лет. Каждый день девчонка слушала одну и ту же пластинку. Женщина была хорошая, но дочку я выдержать не мог и ушёл.

— Как ушёл? Просто взял и ушёл?

— Ну, сначала дома ей всё починил, отремонтировал для очистки совести и ушёл.

Что-то толкнуло меня изнутри в грудь. В животе всё сжалось.

— Гарька,ними очки, — тихо, но твёрдо попросила я. — Смотри мне в глаза.

Гарик сделал, как я сказала. И вдруг я содрогнулась. Глаза у него были отвратительные. Как дуло двустволки. Припухшие, круглые, как у совы, и мутные. Раньше я этого почему-то не замечала.

— Смотри мне в глаза, Гарька, и говори только честно: ты зачем полы срочно клал? Уйти от меня задумал? Когда?

— Когда ты захочешь, дорогая!

— Ну, тогда ещё очень нескоро! — облегчённо засмеялась я.

Гарик, не мигая, продолжал смотреть на меня в упор.

— Я умный, я очень умный, я всё знаю! Всё! — Он тонким длинным пальцем постучал себе по лбу, потом надел очки и повернулся к телевизору.

— О чём ты? — удивлённо спросила я, но в этот момент зазвонил телефон. Это была Машка.

— Я стою на улице, под дождём! Мои родственники ушли, пока меня не было дома, и теперь мне некуда деться, ключей у меня нет! Могу я зайти переждать часок? — Машкин голос дрожал.

Ночью, в такой ливень, стоять одной на улице в чужом городе не самое приятное.

— Что за вопрос? Поднимайся!

— К нам гости, Машка осталась бездомной! Пойду, сделаю что-нибудь вкусненькое к чаю! — объявила я. Гарик недовольно поморщился, снял домашний халат и пошёл натягивать брюки.

Я бросилась на кухню. Через пару минут пришла Машка, мокрая, дрожащая и несчастная, с полными глазами слёз.

— Проходи! — крикнула я из кухни. — Сейчас будем пить чай!

Пока я кулинарничала, Машка обсохла, повеселела и начала кокетничать с Гариком.

— Когда у меня будет своя квартира в Нью-Йорке, я найму тебя, Гарик, чтобы ты сделал мне такие же чудесные полы!

— Боюсь, тебе это будет не по карману, — гордо усмехнулся Гарик. — Когда полы кладёт доктор, это стоит очень дорого!

— В таких случаях я плачу натурой! — нахально заявила Машка.

Я бросила недожаренную вафлю на тарелку и вышла из кухни.

— Маш, ты не боишься, что твоя натура сейчас окажется под дождём, на улице? — зло спросила я, глядя в упор на Машку. Она поперхнулась и осеклась. Гарик невозмутимо покуривал, глядя в окно.

Я вернулась к плите. Доделала вафли. Потом молча накрыла на стол. Попили чаю. Настроение было испорчено. К счастью, Машкины родственники пришли домой, и она ушла.

В спальне, раздеваясь, Гарик с торжеством посмотрел на меня и злорадно произнёс:

— Если захочу, твоя Машка хоть завтра меня заберёт!

— Так захоти! В чём дело? — взорвалась я. — К чему этот дурацкий разговор? Только не надо меня пугать!

Гарик тут же юркнул под одеяло, отвернулся и накрылся с головой.

На следующий день, субботним утром, Гарик, как всегда, ушёл на работу. Машка позвонила мне, голос у неё был виноватый.

— Прости меня. Я — идиотка! Хотелось сострить, а получилось неудачно. Не сердись, поедem, покажешь мне ваш знаменитый Брайтон-Бич!

Я уже остыла. Гарик должен был вернуться не раньше чем часа в два. Обычно он по субботам спит до четырёх. Я спокойно могла погулять с Машкой. Дочка тоже куда-то собралась. Уходя, я оставила на столе записку:

«Гарик, обед на плите — суп, котлеты. Если хочешь, перекуси. В холодильнике пельмени, салат, бутерброды. Я с Машкой поехала погулять. Скоро вернусь. Будем обедать. Целую.»

Мы все вместе вышли из дома. После дождя воздух был чистый и прозрачный. Светило солнце. Было по-весеннему тепло. Весело болтая, мы дошли до метро. Машка и я поехали в одну сторону, дочка — в другую.

Когда, нагулявшись, мы с Машкой вернулись обратно, я позвала её на обед. Открыв дверь в квартиру, я замерла на пороге.

Пустые книжные полки зияли чернотой. Вместо большого телевизора остались только пыльные полосы на тумбе. Шкафы открыты. Я прошла в спальню. Машка в ужасе брела за мной. Письменного стола и кресла около него не было. Мои вещи валялись как попало.

Я вернулась в гостиную. На обеденном столе лежала моя записка, перевернутая на другую сторону. На ней мелким закорючистым почерком Гарика было написано:

«Я ушёл. Через пару дней ты получишь письмо от моего адвоката.»

От Гарика остались только рюмочки с голубым рисунком и золотой каёмочкой, засунутые в буфет, и пепельница в виде старого железного башмака на ночном столике.

ДОЧКА

Я позвонила домой предупредить маму, что хочу поехать с ребятами за город. Трубку взяла мамина подруга Маша.

— Это ты? Слава Богу! — Голос у Маши срывался. — Срочно беги домой! Гарик ушёл!

— Что значит ушёл?

— Ушёл! Убежал! Всё забрал! Давай быстрее! — Маша бросила трубку.

Когда я влетела в квартиру, гостиная выглядела как после грабежа. Мама, с белым, спокойно-застывшим лицом, в пальто ходила по комнате и приговаривала:

— Господи, как у нас пыльно, убирала я, убирала, а всюду — пыль! — и руками стирала с полок пыль, оставшуюся от книжек.

Маша ходила за ней следом и испуганно приговаривала:

— Ну, перестань, это сейчас не важно, потом уберёшься! Пожалуйста, успокойся!

— Ничего, ничего, я сейчас! — Мама что-то откуда-то вынимала, обтирала руками и ставила на пустые полки.

— Мамочка! — я обняла её. — Перестань, расскажи, что случилось?

— Не знаю, он ушёл, у него есть адвокат, — ровным голосом говорила мама, продолжая возиться с полками.

Мы с Машей боялись шевельнуться, смотрели друг на друга, потом на маму, которая ходила по квартире, как заводная кукла. Наконец она села и посмотрела на нас осмысленно.

— Он всё-таки ушёл, — сказала она, — но почему тайком? И как он увёз всё? Один?

В этот момент в дверь позвонили. На пороге стоял наш сосед по площадке.

— Вы дома? А я уж беспокоился, решил, грабят вас! Какие-то чужие мужики, три человека, один такой огромный, по виду — чисто бандит, выносили вещи из квартиры. Я было кинулся, кто такие? Смотрю, муж ваш дома, помогает им. Ничего, говорит, я друзьям старые вещи отдаю. Ну, я и ушёл. Но на всякий случай решил вам сказать.

— Спасибо, — кивнула мама, закрыла за соседом дверь и опять опустилась на стул.

— Это был Паприков. Бандит — Паприков. Они вместе всё провернули.

— А твоё не пропало? — робко заикнулась Маша.

Мама медленно подняла голову, устало и равнодушно обвела глазами вокруг.

— На полке, между книгами, деньги лежали, триста долларов. Я спрятала их на чёрный день. Вот он и наступил.

Я смотрела на маму и думала: «Какая жестокость так с ней поступить! Какая подлость!» Записка Гарика привела меня в бешенство. Это же такое хамство — оставить гадкую безликую записку. Как он красиво начал, наш Гарик, и как он кончил! Как последний подонок!

— Как же так, — подала голос Маша, — только что был день рождения, он говорил «Я тебя люблю!», и вчера тоже, эти полы, мы пили чай с вафлями, всё было хорошо!

— Ничего хорошего не было! — возразила я. — День рождения прошёл на надрыве! Не было той безмятежности, к которой мы привыкли на праздниках. Конечно, на первый взгляд всё было отлично, но я всё время ждала подвоха! Подонок, я его ненавижу!

И вдруг страшная мысль ударила мне в голову!

— Мама, когда уехала Бася?

— В воскресенье, а что?

— Она тебе хоть раз позвонила за эту неделю?

— Нет.

— Раньше названивала по три раза в день! А тут целую неделю — ни звука! Ты знаешь, почему она в ресторане истерику закатила? Она решила, что он убежал! Что он не вернётся больше! Поняла? Мама! Они все в сговоре! Бася знала, что её сын убежит! Вот увидишь, она тебе больше никогда не позвонит!

— Да Бог с ней! — махнула рукой мама. Она подошла к телефону, набрала номер.

— Марат? Привет, это я. У меня, знаешь, горе. Нет, не пугайся, все пока живы, Гарик ушёл. Куда? Наверное, к своей маме, она ведь уехала на месяц. Да нет, ты меня не понял, он совсем ушёл, убежал, пока меня дома не было. Вот записку оставил, что теперь я буду говорить только с его адвокатом. Не знаю. Наверное, у него есть адвокат. Марат, я понятия не имею, когда он его нанял! Я вообще ничего не знаю. Позвонишь? Спасибо. Жду.

Марат перезвонил через два часа, которые мы просидели не шевелясь в молчании за столом. Он тщетно звонил в квартиру Баси. Там никто не отвечал.

— Спасибо, Марат, — вздохнула мама. Но как только она положила трубку, телефон зазвонил снова.

— Нет, Гарик, это не я тебе звонила, это Марат пытается с тобой поговорить. — Прикрыв трубку рукой, мама шепнула нам: — В дым пьян!

— Я ушёл! Я ушёл! — слышен был из трубки пьяный вопль Гарика. — Я ушёл!

Мама молча стояла у телефона. Потом спокойно ответила:

— Ушёл? Счастливо, — и повесила трубку. — Всё, — сказала мама, — я снова одна.

Часть III ОНИ

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаённого, что не вышло бы наружу.

Марк 4:22

МАМА

Жизнь остановилась. Я ходила на работу, возвращалась домой, бродила по квартире и не могла поверить в непоправимое, бессмысленное и страшно несправедливое, навалившееся на меня тяжким гнѐтом, происходящее. Обида жгла меня изнутри.

На работе я стыдилась смотреть в глаза сотрудникам, совсем недавно гулявшим на моей свадьбе. Меня мучило чувство вины, будто я обманула их, выставила на подарки к событию, с уходом Гарика потерявшему всякий смысл. Кроме Белки, моей верной подружки, никто ничего не знал.

Я пробовала звонить Гарика на работу, но его секретарши, прекрасно знавшие меня по голосу, насмешливо спрашивали, кто его просит, а потом нагло отвечали, что Гарик занят. Это было унижительно, и я перестала звонить.

В одно из воскресений я поехала на Брайтон за продуктами и неожиданно столкнулась на улице с Цилей. Она бы с удовольствием сделала вид, что меня не заметила, но я упрямо пошла ей наперерез.

— Ну что, получили своего Гарика обратно? Довольны? — с вызовом спросила я, стараясь проглотить навернувшуюся слезу. — А мне что оставили? Долги?

— Можешь не волноваться, деньги он отдаст! — уверенно задрала длинный нос Циля. — Гарик очень порядочный человек и долги отдаёт!

Она повернулась и пошла дальше.

— Посмотрим! — успела крикнуть я ей вслед и, вопреки всем стараниям, расплакалась. Но Циля этого уже, к счастью, не видела, несмотря на тяжелые сумки, она неслась, не оглядываясь. Вечером, по горячим следам разговора с Цилей, позвонил Гарик.

— Сколько мы должны? — без предисловий, деловым тоном начал он.

— Шесть тысяч, две я успела отдать.

— Я знаю, тебе будет трудно, деньги я отдам, а ты подпиши все бумаги.

— Какие бумаги?

— Те, что пришлёт мой адвокат.

— Гарик, зачем нам адвокат? У меня нет на него денег, — умоляюще простонала я. — Почему мы не можем поговорить как люди. Что случилось?

— Я не могу с тобой ни о чём говорить. Адвокат — мой друг, он всё для меня сделает! — похвастался Гарик.

— А я? У меня нет таких друзей! И денег тоже нет!

— Пока! — отрезал Гарик и положил трубку.

Я набрала Басин номер телефона. Гарик оказался там.

— Слушай! — сказала я. — Как тебе не стыдно? Что это такое? Мало того, что ты убежал как вор, ты ещё трубку бросаешь! У тебя вообще совесть есть?

— А у тебя есть совесть называть мою мать сучкой? А деньги утаивать от меня у тебя есть совесть? «Гарик не узнает!» — передразнил Гарик. — А я всё знаю. Понятно?

— Гарик! Помилуй Бог! Я не называла Басю сучкой! Я ничего не утаивала! Я относилась к твоей маме, как к своей. Откуда такая неблагодарность? С чего ты это взял?

В ответ Гарик сатанински захохотал.

— Хватит! Я знаю всё! Ты думала, я дурак? Всё! Будешь говорить с моим адвокатом!

В трубке раздались гудки. В голове у меня была полная неразбериха. Какая сучка? Какие деньги?

Хорошо, что дома никого не было. Я села на пол и в голос завывала.

ДОЧКА

Находиться дома просто невозможно. Похоронная атмосфера. Гнетущая тишина и молчаливые мамины слёзы.

Страшная весть о побеге Гарика расползалась, как чума, среди знакомых.

Мне позвонила бабушкина подруга, моя бывшая учительница музыки, которая была на маминой свадьбе. Она жила по соседству с домом, в котором раньше жил Гарик, там же, где Бася, Циля и Паприков, поэтому хорошо знала весь гадючник.

— Я не могу молчать! — почти плакала она. — Я ничего не говорила раньше, не хотела сплетничать, но теперь, когда я узнала об этом подлом побеге, я решила, что просто обязана рассказать вам правду. На свадьбе я сидела рядом с друзьями Гарика — Цилей, Ниной и этим ужасным Паприковым. Я не хочу пересказывать, что они говорили, но это было просто безобразие! Они ехидничали, отпускали в адрес твоей мамы хамские замечания, ни одного доброго слова за весь вечер! Потрясающая бестактность! Разве так себя ведут на свадьбе? Но не в этом дело. Меня поразил Паприков. Весь вечер он произносил один и тот же тост: «Давайте выпьем за то, чтобы мой друг вышел сухим из воды!» Я никак не могла понять, что он имеет в виду и к чему такие неуместные на свадьбе слова? Но теперь всё стало очевидным! Это было задумано с самого начала! Уму непостижимо! Какая подлость! Какая непорядочность! Зачем? За что? Я не сплю ночами! Эта фраза стоит у меня в ушах! Я давно хотела позвонить и сказать твоей маме — зачем она позволяла Гарiku по средам ездить к Басе? Ведь это был сплошной обман. Каждую неделю я видела его с этим жутким Паприковым. Они вместе гуляли, обедали в ресторане, выпивали, а Бася только плакала и жаловалась, что Гарик к ней даже не заходит! Вообще эта история не укладывается у меня в голове! Но я должна была рассказать то, что знаю, потому что всё это подло! Подло! Подло!

Мама с застывшим лицом и широко открытыми от ужаса глазами выслушала мой пересказ грустной исповеди учительницы.

— Я думала, у нас — мелодрама, а это — настоящий детектив! — невесело пошутила она. — Ну что ж, придётся испортить кое-кому настроение! — И с этими словами мама решительно взяла телефонную трубку.

— Леонид Ильич? Это говорит бывшая жена Гарика. Хочу вам сказать,

что вы подлец и мерзавец! Если я увижу вас когда-нибудь около нашего дома, то немедленно позвоню в полицию. Им будет интересно узнать, на что вы живёте вот уже семнадцать лет, ни одного дня не работая и не получая пособия. Поверьте, мне есть что о вас рассказать. Я не советую вам попадаться мне на глаза. Понятно?

Всё это было сказано ровным спокойным голосом, с вежливостью, хватающей за горло.

Не дожидаясь ответа Паприкова, мама положила трубку, подошла к окну и уставилась в темноту. По её лицу катились слёзы.

Я подошла и обняла её за плечи.

— Мамочка! Не убивайся ты так! Я боюсь за тебя! Пойди к врачу! Нельзя же всё время плакать!

— У меня нет сил, — тихо произнесла мама, — я смертельно устала. Как я это выдержу? Что нам делать?

Ни на один из этих вопросов я ответить не могла.

МАМА

Легко сказать «пойти к врачу». К какому врачу? Куда? Вообще при приезде в Америку оказалось, что найти врача, который и отнесётся к тебе по-человечески, и полечит, — большая проблема. Вместо доктора встречаешь бизнесмена, первый вопрос, который задаётся больному, не «что с вами», как хотелось бы услышать, а «какая у вас страховка?»

Мой брат привёз в госпиталь маленькую дочку с ошпаренной рукой. Девочка закатывалась в плаче от боли, но пока все формальности не были закончены, к ней никто не подошёл. Убедившись, что с документами всё в порядке, ребёнку оказали помощь на самом высоком уровне.

Ещё до знакомства с Гариком я обратилась к дантисту — милейшему человеку, к которому пришла по рекомендации. Всё, что мне было нужно, — это почистить зубы, снять камень. Хотела быть красивой и ослеплять окружающих белоснежной улыбкой. У дантиста меня очень хорошо приняли и быстро обслужили.

Я уехала в отпуск и совсем забыла о незначительном визите. Но, вернувшись, я получила такую копию счёта, что рот открылся так, будто я всё ещё сидела в зубоврачебном кресле. До января было далеко, а лимит, отпущенный мне на год, резко уменьшился, как будто я обновила себе рот не косметически, а поставила съёмные протезы.

Набравшись смелости, я пришла снова к милейшему доктору и выразила ему, мягко говоря, недоумение. Вместо интеллигентного и симпатичного «своего в доску» парня на меня попёр разгневанный базарный хам.

— А в чём дело? — орал красный, с искажённым от ярости лицом, доктор-хапуга. — Это моё дело, как грабить страховку! Как хочу, так и граблю! У меня сейчас ремонт! Мне деньги нужны! Разрешения я спрашивать не буду!

Когда через месяц я попала к другому дантисту, то, запросив историю моей болезни из страховой компании, он сообщил мне, что передних зубов, согласно записи, у меня давно нет, а потому никакие работы, связанные с ними, не могут быть оплачены страховкой. Конечно, я не растерялась, позвонила своему «старому приятелю», доктору-хапуге, и вежливо сообщила, что могу явиться в страховую компанию и, вместо объяснений, лучезарно улыбнуться от уха до уха, продемонстрировав наличие всех

собственных зубов. В течение нескольких дней деньги были возвращены на мой страховой счёт с извинениями за случайное недоразумение. Деньги-то вернулись, но память осталась, и страх быть использованной тоже.

Однако не надо идеализировать и наше советское прошлое. Я помню, как коллега пожаловалась врачу, что у неё голова «горит огнём».

— Ну, просто печёт макушку! — стонала она почти каждый день на работе.

Стояла холодная ленинградская зима, с ледяным ветром и мокрым колючим снегом.

— Если голова горит огнём, — посоветовал моей сотруднице врач, — надо ходить по улице без шапки.

— А на работе что мне целый день делать? — оторопела несчастная.

— Регулярно суйте голову в форточку и так стойте минут 10–15, — вполне серьёзно ответил врач-невропатолог.

Всё это я вспоминала, когда представляла себе свой поход к доктору.

Больше всего я боялась, что на работе догадаются о моём состоянии и, кто знает, как среагируют? Сначала, может, и пожалеют, а потом выгонят. Кому нужны вечно заплаканные работники?

А плакать хотелось постоянно, вернее, не хотелось, а плакалось. Всё вокруг напоминало о Гарике. В сумке — электронная записная книжка. На рабочем столе — портрет. Гарик в белом халате сидит, положив ногу на ногу, и смеётся надо мной своей широкой мальчишеской улыбкой, так восхищавшей меня. На пальце поблескивало обручальное колечко, за которое я, дура, заплатила сама. Во всех магазинах на моей улице продавцы по старой привычке совали мне чеки и удивлённо смотрели, как я их тут же выбрасываю, вместо того, чтобы, как раньше, аккуратно положить в кошелёк. И вот так на каждом шагу — Гарик, Гарик, Гарик!

«Видно, самой мне с собой не справиться, — думала я по дороге домой, в очередной раз умывшись слезами, увидев у встречного гвоздики, — пойду к врачу!»

Я начала с психиатра. Он на меня только посмотрел и сразу сказал:

— Вы — не моя пациентка!

— Я плачу всё время! Может, я с ума схожу? — в ответ прорыдала я.

— Вы — нормальная! — ответил психиатр. — У вас свежий развод. Естественно, вы плачете. Вот если бы вы хохотали, пришлось бы вами заняться. Поплачете и перестанете! Вы — молодая симпатичная женщина! Найдёте себе другого!

Медицинская страховка у меня очень хорошая. Значит, я и вправду нормальная, если врач ею не воспользовался и от меня отказался! От этой

мысли стало легче. Я даже сумела дойти до дома без слёз, но потом, в ванной, наткнулась на оставшийся от Гарика крем для бритья, и рыданий хватило, пока в изнеможении не уснула.

На следующий день дочь прибежала домой возбуждённая и с порога затараторила:

— Мама, я нашла тебе врача! Правда, он только приехал в Америку, поэтому своего кабинета у него ещё нет, но он — тот, кто тебе нужен! Он гипнотизёр и экстрасенс. Иди, не пожалеешь!

Мне было всё равно. Я пошла к экстрасенсу. Ко мне вышел коренастый, в белом халате «Карл Маркс». Один глаз его резко косил к носу, поэтому понять, куда он смотрит, было невозможно.

— Сначала успокоимся, потом поговорим, — провозгласил экстрасенс и повёл меня в махонькую комнатку, где стоял стол, на который мне пришлось лечь, и разная радиоаппаратура. На голову мне одели наушники, глаза закрыли тряпкой.

Потушив свет, экстрасенс вышел, закрыв дверь, а у меня в ушах зазвучала музыка. Точнее, это была не музыка, а набор музыкальных звуков. Колокольный звон, редкими сильными ударами — БОМ! БОМ! Пронзительно-высокое женское сопрано мелодично завывало: А-А-А! Потом опять — БОМ! БОМ! А-А-А! В деревьях по покойнику плачут веселее.

Почему-то в голове понеслись картинки из «Бориса Годунова», монашеские кельи, те самые «мальчики кровавые в глазах», кладбище, пустынная осенняя дорога и по грязи ковыляющая телега, покрытая соломой, а на ней гроб!..

Когда зажёгся свет и меня сняли со стола, я будто вернулась с того света. Экстрасенс держал меня под руку, потому что я пошатывалась, завёл в другую, тоже тёмную, комнату. Сам сел за письменный стол, а меня усадил напротив. Жёлтый кружок настольной лампы чуть освещал его руки и кусочки лица, выглядывающие из копны волос, бороды и усов.

— Расскажите всё по порядку, — приказал экстрасенс.

Я начала свою печальную историю. К концу я вся изрыдалась. Экстрасенс слушал, не перебивая.

— Всё? — спросил он, когда я замолчала.

— Всё, — осипшим голосом прошептала я.

— Мерзавец! Ваш муж подлый, склизкий мерзавец. Скажите мне, он не увлекался книгами по психиатрии?

— Увлекался! — удивлённо согласилась я. — Откуда вы знаете?

— Типично! Если у человека болит спина, он читает о радикулите. Если

вы мучаетесь головными болями, то покупаете книгу о мигренях. Если человек, тем более врач, чувствует, что у него не в порядке психика, он будет собирать книги по психиатрии. Нормальные люди специальную медицинскую литературу не читают. Он — гомосексуалист и душевнобольной человек, ваш бывший муж, и это знал! Я думаю, и близкие его знали. Знали, но молчали, думали, женитьба спасёт. Скорее всего, он и сам на это надеялся. Думал, вы его оторвёте от гомосексуализма, сделаете нормальным мужчиной. Когда он убедился, что ваших чар недостаточно, его всё равно тянет в патологию, он убежал. Всё очень логично.

— Спасибо. Теперь мне всё ясно, — с трудом выговорила я и куда-то провалилась.

Очнулась на кушетке. Было очень светло. В нос мне тыкали вонючую ватку.

— Ну, как вы? — испуганно склонился надо мной экстрасенс.

— Домой хочу, — прошептала я.

— Сейчас отвезу вас, только не волнуйтесь! Всё будет хорошо!

«Хватит, — решила я, вернувшись домой. — Эти исповеди дорого стоят! Больше ни к кому не пойду!»

Настроение и так было отвратительным, а когда я открываю свой почтовый ящик и вынимаю из него конверт с деревцем на картинке, оно становится ещё хуже, хотя казалось бы, что хуже некуда! Я уже знаю, что это — очередное приглашение на кладбище:

«Не усложняйте жизнь своих близких!

Позаботьтесь о своих похоронах сами!

Жизнь не вечна! Похороните себя по своему вкусу!»

Эта американская предусмотрительность так действует мне на нервы, что, не распечатав письмо, я остервенело рву его на мелкие части и выбрасываю в мусорное ведро, но через пару месяцев получаю такое же приглашение снова.

В тот злополучный день два респектабельных элегантных молодых человека в темных костюмах и белых рубашечках с галстуками подловили меня прямо на улице.

— Простите, леди, подарите нам, пожалуйста, минуточку вашего внимания!

Интересно, по какому принципу они выбирали свою жертву? Может, потому, что накануне у меня страшно болела голова, я выглядела хуже всех

прохожих? Не знаю. Однако подошли они именно ко мне.

По наивности я решила, что меня хотят спросить, как пройти куда-то, и остановилась. Это была ошибка. Симпатичные ребята продавали землю на кладбище. Я шарахнулась в сторону, но отвязаться от предприимчивых продавцов оказалось не так-то просто. Они с пылом описывали мне чудесный ландшафт, показывали красочные фотографии роскошных могил, пугали ростом цен на землю, предлагали всевозможные скидки и совершенно заморочили мне голову.

Казалось, что лечь в могилу прямо сейчас можно почти бесплатно, а днём позже обойдётся баснословно дороже!

— Ну, ладно, — устало отбивалась я, сочиняя на ходу, — а вдруг я куплю себе кусок земли здесь, а моя единственная дочь уедет жить куда-нибудь далеко, например, в Лос-Анджелес, и я поеду умирать к ней. Что мне делать с пустой могилой на другом конце Америки?

— Никаких проблем! — восторженно обаятельные могильщики. — Всё продаётся, да ещё и заработаете, поскольку земля с каждым днём дорожает!

Я себе представила эту картину. Помните, в России, у вокзала, вечно крутились какие-то безликие тётки и, глядя мимо вас, быстро вполголоса приговаривали:

— Тени, тени, девочки, кому тени?

Теперь такие же безликие тётки мотаются взад-вперёд по Брайтону и, по-воровски озираясь, пришепётывают:

— Лекарства, лекарства, кому русские лекарства?

А я буду жалко заглядывать в глаза каждому прохожему и скулить:

— Могила, могила, кому свеженькую могилу?

Можно будет дать объявление в газету:

«Не упустите свой шанс! В связи с переездом, срочно продаётся новая одногробная могила. Чистая, просторная, в тихом районе. Без посредников. Продаёт хозяйка.»

Или:

«У вас угри, выпадают волосы, плохая кожа, пигментные пятна, отсутствие аппетита, запоры, кровь в моче? Звоните по указанному телефону!»

А вот ещё вариант:

«Нуждаетесь в сказочном отдыхе от всего земного за сказочно низкую цену? Исключительная возможность обрести вечный покой для одинокого, доброго, честного человека. Статус значения не имеет.»

На худой конец:

«Меняю одnogробную комфортабельную могилу в престижном и красивом районе Нью-Йорка на равноценную в Лос-Анджелесе.

В шумном месте не предлагать.»

Перспектива заниматься кладбищенским маклерством меня не прельщала, и вообще, я дико опаздывала, мы и так уже простояли на улице около часа, поэтому я взмолилась:

— Ребята! Отпустите меня! Честное слово, я когда-нибудь к вам вернусь, а сейчас я очень тороплюсь, извините!

— О'кей! — сжалились симпатяги-похоронщики, — Осталась только одна небольшая формальность, и вы свободны!

— Какая? — Я была готова на всё, только бы вырваться.

— Вам надо приехать к нам на кладбище и прилечь!

— Что?! — не поверила своим ушам я.

— Чего вы испугались? Мы же не собираемся вас закапывать. Глубина могилы стандартна. А прилечь вы должны на то место, где будете потом похоронены. Во-первых, оцените вид вокруг, расположение, узнаете где будет ваша голова, а где — ноги. Во-вторых, прикинем габариты. Цена могилы зависит от размеров тела заказчика. В это воскресенье к нам приедут все покупатели примеряться. Так сказать, день открытых могил!

— Логично, — согласилась я, но от мысли, что придётся репетировать собственные похороны, по коже у меня пробежал мороз, и даже руки покрылись мурашками.

Далее наш разговор стал напоминать шахматный блиц.

— Ехать далеко, у меня нет машины!

— Мы за вами приедем!

— У меня радикулит, я на землю не лягу!

— Мы вам что-нибудь подстелим!

— А если дождь? Что же мне в лужу ложиться? — в сердцах вскричала я. — Пустите меня! Не поеду! Не лягу! Не хочу! — я без оглядки бегом припустила прочь и нырнула в первый же подвал метро.

В тот вечер под впечатлением своего приключения я пошла излить

душу соседке по дому, милой женщине, лет шестидесяти, с которой дружила уже много лет.

Соседка слушала меня, и глаза её наполнялись слезами, а под конец она просто расплакалась.

— Что с вами? — встревожилась я. — Неужели мой рассказ так на вас подействовал? Ведь это просто смешно! Зачем плакать?

— Я плачу, — всхлипнула соседка, — потому что меня эти могильщики уболтали. Они — меня, я — мужа, а потом мы подумали, зачем лежать в могиле среди чужих людей? Уговорили ещё несколько пар своих друзей. Поехали и купили землю на всю нашу весёлую компанию! Ещё шутили, что и после смерти будем вместе, не так тоскливо! А теперь и года не прошло, как у одного из наших друзей умерла жена, теперь у жены другого приятеля рак обнаружили! Так и косит! Я уже ночами не сплю, всё думаю, чья теперь очередь? Будь она проклята та покупка!

И соседка зарыдала в голос.

— Да что вы! — утешала её я. — Это всё предрассудки! Просто несчастное совпадение!

— Конечно, предрассудки! — Горько вздохнула соседка. — А всё равно, страшно!

Мы просидели вместе весь вечер, пили чай, разговаривали, пытались шутить, но ушла я домой с тяжёлым сердцем, и целую неделю настроение было тоскливо-похоронным.

Потом мне позвонила приятельница.

— Слушай, — сразу перешла к делу она. — Ты ещё себе место на кладбище не купила?

— Нет! — отрезала я. — С ума вы все что ли сошли? Такое впечатление, будто весь мир умирать собрался!

— Вот и я тоже беспокоюсь! — пожаловалась приятельница. — С одной стороны, дело к старости, а с другой — что-то в этом есть ненормальное. Меня друзья уговаривают всем вместе со скидкой землю на кладбище купить. Я и хотела спросить, как ты думаешь, это опасно?

— Во всяком случае, не больно! — отшутилась я, а потом чистосердечно призналась. — Откуда я знаю?

ДОЧКА

Выходной я решила провести с мамой. Погода звала гулять. Я потащила маму к океану. Мы гуляли по солнышку. Пообедали в маленьком кафе. Домой надо было возвращаться на автобусе.

Мы ждали на остановке. Вдруг небо потемнело. Подул ветер. Заморосил лёгкий мелкий дождичек. Автобуса, как назло, не было. Я рассеяно смотрела по сторонам. Остановка была около светофора. Зажёгся красный свет, и машины, бегущие мимо, резко затормозили. Прямо около нас встал серебристо-сизый «форд». За рулём сидел Гарик, рядом с ним Бася, на заднем сидении — Циля с мужем. Первой нас заметила вездесущая каракатица-Циля. Злорадно усмехнувшись, она сказала что-то Басе. Та стала нервно оглядываться. Увидела нас. Мама вежливо поклонилась и посмотрела Басе в глаза. На маминых губах была презрительная усмешка, а в глазах тяжёлый укор. Бася испуганно таращилась, не отвечая на мамино приветствие. Циля сидела в машине с торжествующим видом, будто это была не машина, а царская карета. Гарик, ничего не замечая, смотрел на светофор. Бася не выдержала и толкнула сына в бок. Он повернул голову, наткнулся на мои ненавидящие глаза, мгновенно вспыхнул и нажал на газ. Машина рванула на красный свет. Бася и Циля резко откинулись назад. Сцена длилась не больше минуты, но нам показалась вечностью.

МАМА

Как я ни старалась, но на работе узнали о моих грустных новостях. Некоторые сотрудники открыто возмущались Гариком, трепали меня по плечу, обнимали. Другие провожали любопытными взглядами.

Я делала вид, что всё в порядке, мужественно улыбалась, даже отшучивалась. И плакала. На работе — тайком в туалете, а дома — в открытую.

Мой директор подошёл ко мне в обеденный перерыв.

— Я не знаю подробностей, — сочувственно посмотрел он на меня, — но как бы там ни было, ты — молодец, держишься нормально, я хочу, чтобы ты это знала!

Я удивлённо пожала плечами, делая вид, что не понимаю, о чём речь.

— Молодец! — многозначительно и твёрдо повторил директор. — Выше голову! Чтобы ни случилось, на работе — как на работе!

«А на войне — как на войне», — мысленно продолжила я. И вправду, ощущение того, что я держу круговую оборону, становилось всё острее, а круг нападающих — шире и шире.

В один из вечеров, открыв почтовый ящик, я вынула большой жёлтый конверт с официальным гербом на месте отправителя, имя которого было обозначено «Вильям Шах, адвокат».

«Типичный Гарик! — невесело усмехнулась я. — Даже адвокат у него шах, не меньше! Я бы не удивилась, если бы это был какой-нибудь султан или император!» Королевские замашки сыграли свою роль даже в фамилии выбранного Гариком адвоката.

На большом бежевом листе с гербами и печатями, обращаясь ко мне, было напечатано:

Май 11, 1992

Я уполномочен быть представителем Вашего мужа в связи с разладом в Вашей семье в настоящий момент.

Пожалуйста, представьте Вашего адвоката для обсуждения различных возможностей возникшей ситуации.

Искренне Ваш

Вильям А. Шах

адвокат

Итак, несмотря на мои просьбы, Гарик всё-таки дал делу официальный

ход.

На следующее утро я позвонила Шаху.

— Говорит жена Гарика, — бодро начала я. — Скажите, так ли необходимо прибегать к вашим услугам? Быть может, мы сумеем уладить дело по-семейному, между собой?

По насмешливой паузе я поняла, насколько нелепо было моё намерение отнять у зубастого адвоката кусок хлеба с маслом, а может, и с чёрной икрой, в зависимости от Гарика и моей глупости.

Естественно, адвокат Гарика отверг мою наивную просьбу.

— Наймите адвоката, — уговаривал он меня. — Я не могу, не имею права обсуждать с вами подробности.

Через неделю вслед за первым письмом был прислан ещё один жёлтый пакет, на сей раз с толстой пачкой печатных бумаг, где по-английски, на запутанно-юридическом языке, на тридцати листах, от меня по пунктам требовалось отказаться от пятидесяти шести наименований собственности Гарика, о которых я не имела ни малейшего понятия. О таком же отказе Гарика претендовать на моё имущество в договоре не было ни слова.

Один из пунктов договора обязывал Гарика заплатить шесть тысяч долларов, свадебный долг Лишанским. Следующий за ним провозглашал, что обе стороны уже договорились о разделе личного имущества при обоюдном согласии. Одно противоречило другому, так как свадебный долг ударял по карману того, кто должен был платить. Я было поставлена перед фактом. Со мной ни о каком разделе имущества никто не договаривался. Гарик похватал в квартире что хотел и убежал.

Мне показалось странным, что по договору обещание Гарика заплатить свадебный долг требовало моей подписи, а не его. Я понимала так — кто обещает, то и подписывает. Через каждую строчку соглашения была ссылка на неведомую мне статью 23, часть В, закона о равных правах супругов. Пояснения, о чём этот закон, что это за статья и какие у меня права, были предусмотрительно опущены.

Через день я получила очередной жёлтый пакет. В нём лежал документ, озаглавленный «Причины расторжения брака». Согласно этому документу, мой адвокат обязан был встретиться с адвокатом Гарика в определённый указанный день. В противном случае меня предупреждали, что решение о расторжении брака принимается автоматически. Однако я получила пакет через неделю после срока встречи, обозначенной в документе.

Вместо описания действительных причин нашего развода без каких-либо комментариев был указан номер статьи 170, пункт 1. Что именно подразумевалось под этим загадочным кодом, расшифровано не было.

Заключительным аккордом явилось письмо адвоката, адресованное мне.

Май 27, 1992

Мадам!

С целью ознакомить Вас и Вашего адвоката к сему прилагается:

1. Условие расторжения брака

2. Причины расторжения брака

3. Подтверждение расторжения брака

4. Настоящее соглашение обязывает моего клиента заплатить шесть тысяч долларов (\$ 6,000) мистеру и миссис Лишанским.

По всем вопросам звоните.

Искренне Ваш

Вильям А. Шах

адвокат

Из всего вороха труднопонимаемых бумаг до меня дошло лишь то, что Гарик заплатит наш долг, если я подпишу документы, требующие моей нотариально заверенной подписи, в то время как подписи Гарика не требовалось нигде.

Я почувствовала, что из меня делают дурочку. Психическая атака — бомбардировка регулярными адвокатскими требованиями и ультиматумами — достигла своей цели только в одном: я дико разнервничалась. Но чем больше я нервничала, тем меньше была уверена, что я должна что-то подписать. Такие вещи не делаются впопыхах, тем более в моём состоянии.

Советчиков было много. Одни, на основании бумаг, требующих от меня отказа от собственности Гарика, делали выводы о его сказочном богатстве, желании хитростью отделаться шестью тысячами, дабы не потерять больше. Другие радовались, что письмо Шаха о шести тысячах, обещанных Лишанским, а не мне лично, равносильно расписке Гарика о признании свадебного долга. Третьи вместе со мной недоумевали — ничего нельзя подписывать, не посоветовавшись с хорошим адвокатом.

Я решила, что один вопрос имею право задать адвокату Гарика. Позвонила Шаху и прямо спросила его, что означают таинственные цифры статьи 170, пункт 1.

К моему удивлению, вместо того чтобы чётко и прямо ответить, до сих пор уверенно державшийся адвокат замялся, стал «экать» что-то нечленораздельное, типа «Э-э, вы понимаете...», «Э-э, дело в том...», «Э-э, как бы это сказать...» и тому подобное.

— Э-это очень трудный вопрос, — наконец промямлил он.

— Да что же в нём трудного? — настаивала я. — Вы адвокат, это номер статьи. Прочитайте мне строчку закона, и дело с концом.

— Э-э, понимаете, — опять запнулся Шах, — эта статья означает, ну, как бы вам это сказать, ну, в общем, что вы на него кричали, — выпалил он, наконец, и вздохнул с облегчением, видимо, отлично понимая, что причина высосана из пальца.

— Я? Кричала? — Голос у меня задрожал, и я с ходу захлебнулась в слезах. — Почему? Зачем? Я любила его! Я заботилась о нём! Я никогда не кричала на него так, чтобы меня за это бросить!

— Я не знаю, — извиняющимся тоном сочувственно произнёс Шах, — вам надо взять адвоката — это единственное, что я могу посоветовать! Простите меня! Мне очень вас жаль!

Задышавшись от рыданий, я повесила трубку. Желание подписывать проклятые документы-ловушки отпало окончательно.

ДОЧКА

Почти каждый день адвокат Гарика присылал маме «любовные» письма, над которыми она ломала голову, расшифровывая их как кроссворды, листая англо-русский словарь и обливаясь слезами. Я никогда не видела, чтобы моя вечно смеющаяся, весёлая мама столько плакала. Мне было страшно. Я чувствовала, что теряю единственного и очень дорогого человека. И всё из-за какого-то пидера, у которого не было денег жить по-человечески в семье, но хватило их на то, чтобы нанять адвоката и отравлять нашу жизнь.

Лето было нежарким. Вернувшись, я сидела на лавочке перед домом и читала. Тянула время. Подниматься наверх и окунаться в нашу гнетущую атмосферу не хотелось.

Около меня прыгала через скакалку маленькая девочка лет десяти, бросая в мою сторону любопытные взгляды. Устав прыгать, она подошла ко мне и села рядом. Я улыбнулась.

— Я тебя знаю, — сказала девочка, наклонив голову, — ты живёшь в квартире прямо под нами. Мы на шестом этаже, а ты — на пятом.

— Значит, это ты топаешь по утрам и мешаешь мне спать? — шутливо нахмурилась я.

— Нет, это — мама. Она даже дома ходит в туфлях на высоких каблуках и мешает спать мне тоже.

— Так скажи ей!

В ответ девочка безнадежно махнула рукой. Я поняла, что мамы бывают разные. Моя, когда я сплю, ходит на цыпочках.

— Тебя как зовут? — спросила я.

— Зойка, — ответила девочка. — Хочешь, я дам тебе посмотреть какое-нибудь хорошее кино про любовь?

— Откуда у тебя про любовь?

— Мамин друг работает в видео. У нас много фильмов, как в магазине. Пошли — покажу!

— А твоя мама?

Девочка пожала плечами.

— Да она и не заметит, а ты посмотришь и отдашь, ладно?

Я пошла вслед за Зойкой в её квартиру.

Когда мы вошли, у меня отвалилась челюсть. Кругом был такой бардак, что я не могла поверить, что эта квартира точно как наша.

По воздуху белыми хлопьями летали мешки из продуктовых магазинов. Засохшие веники бывших букетов торчали по углам и на подоконнике. Вместо занавески висела старая простыня. Какие-то тряпки свисали со стульев. Вокруг валялись лоскутки. Открытая швейная машина с зажатым недоделанным рукавом торчала посреди стола. Тут же стояла немытая посуда, пепельница, полная окурков, грязные рюмки, недопитая бутылка вина, открытые банки с вареньем. Использованные фантики от конфет разноцветными конфетти пестрели на полу вперемешку с хрустящей под ногами шелухой от семечек.

Зойкина мама с дымящейся сигаретой в зубах болтала по телефону, даже не посмотрев в нашу сторону.

Цепляясь за разбросанную на полу обувь, мы подошли к полкам, где валялись многочисленные коробки с видеофильмами.

— Чего тебе? — заорала Зойкина мама, положив трубку.

Зойка, нахмурившись, огрызнулась через плечо:

— Я хочу подружке дать кино посмотреть!

— Ты откуда? — рявкнула Зойкина мама, обращаясь ко мне.

— Здравствуйте, я живу прямо под вами, — испуганно пролепетала я, жалея, что поддалась на уговоры маленькой девочки.

Настроение Зойкиной мамы резко изменилось. Она даже скривилась в подобии улыбки.

— А-а! — протянула она. — Как же! Знаем! Наслышались! Это у твоей мамы муж сбежал? Да ты не дуйся! Цильку знаешь? По лицу вижу, что знаешь! Стерва, да? Ой, я её ненавижу! Мы вместе работаем! Так она уж про вас целыми днями тряндит, поэтому я всё и знаю! Садись, меня Тамарой звать.

Услышав, что Зойкина мать ненавидит Цилью, мне как-то полегчало. Тут мы с ней сошлись.

— Ну, и что же она болтает, эта каракатица?

Тамара захохотала.

— Точно, каракатица! Естественно, несёт всякую дрянь, какие вы сволочи, Гарика своего затравили. Я его видела, Кащея Бессмертного, он за Цилькой на работу заезжает! Спирохета бледная! Ну, как твоя мать? Небось, переживает? Да хрен с ним, с говном! Скажи ей, пусть приходит, я ей дам кино какое-нибудь, пусть отвлечётся! Я ведь тоже одна! Мне твою мать жалко!

Когда я вернулась домой, то наша квартира показалась мне раем, а мама — доброй феей из сказки!

«Какое счастье, что у меня моя мама, а не Зойкина!» — подумала я.

МАМА

Наступил момент, когда я поняла — без адвоката не обойтись. Подружки общими усилиями собрали сведения о самом модном русскоговорящем адвокате.

— Молодой, агрессивный и очень напористый, — уговаривали они меня. — Пойди к нему, может, он не запросит дорого!

Я пошла. Адвокат, видимо, был не просто молодой, а очень молодой, поэтому всё лицо занавесил густой бородой и усами. Ещё до того, как мне что-то обещать, он потребовал заплатить аванс — половину стоимости услуг, если стороны, то есть мы с Гариком, придут к соглашению без особых проволочек.

Условие Гарика — подписанные мною бракоразводные бумаги.

Моё условие — выплаченный Гариком свадебный долг, а самое главное, я хотела, чтобы меня больше никто не трогал, чтобы мой адвокат полностью оградил меня от любых переговоров, дал подписать то, что не сулило бы мне неприятностей в будущем, и вручил Лишанским одолженные у них деньги.

Уходя от адвоката, я любопытствовала, что означает статья 170-1.

— Какая вам теперь разница? — адвокат вместо ответа нетерпеливо захлопнул мои бумаги и бросил их в ящик письменного стола. — У вас есть я. Идите и спите спокойно. Разберёмся.

«Напористый, — подумала я. — Подружки не ошиблись!»

По дороге домой я рассуждала.

«Конечно, если по справедливости, то все долги супруги обязаны платить пополам. Но, во-первых, Гарик положил на свой счёт в банке все деньги, подаренные нам на свадьбу. Во-вторых, за время нашей совместной жизни он и ухом не повёл отдать Лишанским хоть что-нибудь. Я сама как могла выкручивалась, отщипывая кусочки то с одного своего чека, то с другого. В-третьих, за обручальное кольцо, которое я оплатила сама, деньги мне Гарик так и не отдал. И, наконец, я не обязана платить долг за свадьбу, которую Гарик так безжалостно пограл».

Всё, что касалось Гарика, оборачивалось обманом: обручальное кольцо, свадебные деньги, побег, какое-то имущество, которое Гарик так боялся потерять, адвокатские бумаги, приходящие задним числом, непонятные статьи развода и прочее.

Ложь обвила меня тонкой липучей паутиной, лезла в рот, в уши,

щекотала ноздри, мешая дышать! Я задыхалась в клубке вранья. В вязком удушье обмана мой адвокат казался мне спасительным глотком свежего воздуха. Я смотрела на него с надеждой, думая, что кошмар кончится и можно будет опять дышать свободно, то есть жить.

Не прошло и двух дней, как позвонил мой адвокат.

Торжествуя, он сообщил, что Гарик согласен заплатить долг Лишанским.

Я ликовала! Всем вокруг рассказывала, что мучения мои закончились, что у меня замечательный, талантливый адвокат, экран событий из узенького чёрно-белого вновь стал цветным и широкоформатным.

Однако радовалась я преждевременно. Мой адвокат позвонил снова и попросил срочно зайти к нему. По его поникшему голосу, звучавшему, как из мочевого пузыря, я поняла, что новости плохие.

Замирая, вошла к нему в кабинет. Адвокат, насупившись, смотрел в сторону.

— Что произошло? — упавшим голосом спросила я.

— Ничего у нас с вами не получится, — адвокат запустил руку в свою бороду и стал рвать её на куски. — Я звонил Шаху и потребовал не шесть тысяч, а семь. Они отказались платить вообще.

— Зачем же вы просили ещё тысячу? — расстроилась я. — Мы ведь не договаривались об этом!

— А что я тогда за адвокат, если не могу отбить свой гонорар? К сожалению, всё, чем могу теперь вам помочь, это взять бейсбольную биту, пойти к вашему бывшему мужу и бить его до посинения. Он заслужил. Я хотел бы сделать это для вас, да не могу! Конечно, можно его травить и заставить заплатить, но тогда другие условия оплаты. Ваш развод осложняется, и в таких случаях я беру двести семьдесят долларов в час. Вся эта канитель выльется для вас в такую сумму, что шесть тысяч, которые вы просите, по сравнению с ней — копейки! Я знаю, я виноват! Поэтому я отдаю вам аванс, и прощаемся. Вот ваш чек.

Еле сдерживая слёзы, я вышла на улицу. Такого поворота событий я не ожидала! Вот тебе и модный адвокат! Зато убедилась, какой он агрессивный! Спасибо ещё человеком оказался порядочным и отдал обратно деньги! Деньги деньгами, но где взять адвоката? И где гарантия, что он сможет для меня что-то сделать? Да ну их всех, к чёрту! Попробую сама!

Я пришла домой, села и написала письмо адвокату Гарика.

Уважаемый мистер Шах!

Поскольку Ваш клиент отрёкся от принятого ранее соглашения, я отказалась от своего адвоката и представляю себя сама.

Прежде всего, позвольте мне объяснить, откуда взялась сумма в семь тысяч долларов.

6000 — свадебный долг Лишанским, а 1000 — это мои расходы на гонорар адвокату, которого я не хотела нанимать с самого начала за неимением денег.

Если бы свадебный долг был заплачен, я бы подписала любое соглашение без адвоката.

Отказ Вашего клиента оформить развод по обоюдному согласию вынудил моего адвоката, понимающего тяжёлое материальное положение, в котором я оказалась в настоящий момент, попросить дополнительную сумму.

Поскольку я теперь представляю себя сама, то предлагаю Вам следующее условие. Ваш клиент выплачивает свадебный долг семье Лишанских, а я, в свою очередь, подписываю бракоразводные бумаги, любезно подготовленные Вами. Это может быть сделано в Вашем присутствии, в любом удобном для Вас месте.

Мне очень бы хотелось побыстрее закончить все формальности и вернуться к нормальному образу жизни.

Если у Вас есть вопросы, я готова на них ответить.

Я поставила под письмом свою подпись, заклеила конверт и снесла его на почту заказным, с уведомлением о вручении.

«А вдруг получится?» — теплилась моя последняя слабая надежда на то, что в Гарики проснётся человек.

ДОЧКА

Кино, которое дала мне Зойка, оказалось классное! Я его посмотрела два раза. Сначала сама, потом маму уговорила. Сюжет, конечно, барахляный, в уличную проститутку влюбляется миллионер и кончается всё как в сказке, но смотрится с интересом. Симпатичные актёры, музыка приятная, короче, мама хоть на время оторвалась от сволочных адвокатских бумаг и посидела со мной по-человечески.

Я просто не знала, чем ещё отвлечь маму, поэтому потащила её к Тamarке, наверх, познакомиться с соседкой и попросить ещё какой-нибудь фильм.

— Только не падай в обморок! — предупредила я маму перед тем, как войти в Тamarкину квартиру. — Такого бардака ты ещё не видела.

Несмотря на моё предупреждение, мамины глаза округлились, как только Зойка открыла нам дверь.

— Вы недавно въехали? — пыталась быть тактичной мама, осторожно отодвигая ногой грудку обуви, загораживающую проход.

— Почему? Мы уже второй год здесь живём! — не поняла тонкого маминого намёка Тamarка. — Проходите! Курите? Хотите сигаретку?

Мама с Тamarкой задымили. Мы с Зойкой пошли к полкам выбирать очередной фильм.

— Цилька сегодня на работе про вас рассказывала, — усмехнулась Тamarка, — что вы под дождём стояли, как две сиротки, а она с Гариком вашим в машине мимо ехала! Жена Гарика, говорит, покаталась на новой машине — и хватит, теперь я в ней снова ездить буду!

— Пусть ездит! Они с Гариком друг друга стоят! — выдохнула дым мама. — Как вам с ней работается? Она же — сволочь!

— Сволочь! — согласилась Тamarка. — Сначала ко мне подъезжала, чтобы я за вами шпионила и всё ей докладывала. А когда убедилась, что не дождётся, окрысилась, теперь травить начала. Придирается на каждом шагу! Начальник у нас инвалид на коляске, так она ему в задницу лезет, а на нас доносит! Сука, одним словом!

— О чём шпионить-то? — пожала плечами мама. — В моей жизни ничего особенного не происходит!

— Я тут ей как-то наврала назло, будто видела вас в лифте с шикарным мужиком, так она на следующий день приходит и говорит, мол, Гарик велел передать твоей соседке, что ей желает, чтобы её вся русская эмиграция

перетрахала!

— Врёт, — равнодушно ответила мама. — Гарик такую грязь передавать не станет. А впрочем, теперь не знаю, не могу утверждать.

— Да вы не переживайте! Плюньте на Гарика этого задрипанного! Вон у вас дочка какая! Моя Зойка в неё просто влюблённая! А Цилька врала, что дочка у вас бандитка, в шайке какой-то с наркоманами. А я смотрю — хорошая девочка, ничего в ней бандитского нет и на наркоманку не похожа.

— Конечно, им с Гариком так очень удобно. Я — плохая, дочь — бандитка-наркоманка, а Гарик — бедный страдалец, который еле ноги от нас унёс! Ну, ничего, я ему хвост прищемлю! — в голосе мамы прозвучала угроза. — Спасибо за фильм. Пошли, дочь!

Дома мама напрямиком направилась к телефону и набрала номер Баси. Поскольку сама Бася затаилась у младшего сына, ни разу со дня отъезда нам не позвонив, Гарик, по всей вероятности, так и жил у неё в квартире.

— Гарик! — приветливо ласково начала мама. — Как хорошо, дорогой, что я тебя застала. Послушай, любимый, если твоя подруга Циля и ты сам не прекратите сплетни о моей дочке, то я напишу в суд, что ты, любезный, пока меня утром дома не было, а дочка спала, лез к ней в постель и деньги за это предлагал. Понял? А самое главное, моя дочка пойдёт в свидетельницы и всю эту грязь подтвердит! Вот смеху-то будет! Подумай!

Мама с маху бросила трубку на рычаг.

— По-моему, он там умер со страху прямо у телефона! Не бойся, дочь, я тебя в обиду не дам! Хватит, что моя жизнь порушена, а твоя только начинается, и пачкать её всяким подонкам я не позволю!

— Спасибо, мамуленька, — я подошла к маме, обняла её, и мы обе заплакали.

МАМА

Наконец-то объявился Марат. Он позвонил мне на работу, и по тому, как тяжело вздохнул, я поняла, что новости скверные. По пути домой я зашла к нему на работу. Он сидел в кабинете вполоборота, глядя куда-то в стену, а не на меня.

— Гарик приходил. Вон, принёс тебе твои технические книжки, он их по ошибке забрал.

— Не только их, — съязвила я, — деньги он тоже прихватил!

— Плохие дела, старуха. Он страшно напуган.

— Чем? — удивилась я.

— Всем! — Марат маялся, не зная, как начать.

— Слушай, это не ответ! Говори напрямую! Не надо предисловий, пожалуйста!

— Язык не поворачивается!

— Самое страшное уже позади — Гарик убежал! Что ещё?

— Он поставил подслушку! — выпалил Марат, вскочил и забежал по кабинету.

— Какую подслушку?

— Господи! Уму непостижимо! На ваш телефон! Он прослушивал все домашние телефонные разговоры!

— Давно? — мне показалось, мы оба участники дурацкого водевиля.

— Сразу после свадьбы!

— Зачем?

— Я его тоже спросил об этом.

— Ну?

— Он сказал, что хотел знать, куда он попал, а потом понял, что попал не туда. Мама твоя что-то про него сказала, брат твой на него нападал, но главное, дочка твоя что-то наболтала. Он утверждает, что его хотели убить! Бред какой-то! Но он страшно напуган! — повторил Марат.

Я была так ошарашена, что не могла говорить. Мы молча сидели, опустив головы.

— Интересно! — протянула я. — Восемь месяцев встречались. А он не знал, куда попал! Не знаешь — не женись! Что я, беременная была? Или его кто-то заставлял жениться? Сам хотел, сучил ногами от нетерпения! А теперь, оказывается, не знал, куда попал. Ты представь, Марат! После свадьбы, когда человек находится на пике любви, он с холодным расчётом

мастерит в доме подслушку! А этот подлый тост Паприкова «чтобы мой друг вышел сухим из воды!» Марат! Паприков знал! Они вместе это мастерили! Паприков специалист по радиоэлектронике! Это всё было заранее придумано! Боже мой! — Я схватилась за голову. — Это я, я сама подала Гарику идею с подслушкой!

Марат уставился на меня в изумлении.

— Да-да! Мы встретили моего знакомого, давно, ещё в январе, и я рассказала Гарику его историю, как он на жену поставил подслушку и что из этого вышло! Гарик тогда очень заинтересовался! Теперь всё ясно! Вот почему он худосочным пальцем себя по лбу тыкал и говорил: «Я всё знаю, я очень умный!» Вот откуда его обвинения о деньгах, которые я якобы утаивала! Все эти разговоры были по телефону! Понятно? То, что его убить хотели, — враньё, но я это выясню!

— Старуха, прости! Ты так разволновалась! Но я сам потрясён!

— А всё-таки, Марат, какая низость! Я его в дом приняла как родного, дочка комнату свою отдала, на цырлах перед ним ходили. А он втихаря в моём же доме подслушку на меня поставил! Заранее продуманная подлость!

— Похоже на то! — вздохнул Марат. — Не унывай, старуха, держись!

— Держусь! — бодро ответила я и, неуверенно ступая, пошатываясь от навалившейся дурноты, пошла домой.

ДОЧКА

Известие о том, что Гарик поставил у нас подслушку, меня просто взбесило! Какое он имел право лезть в чужую жизнь? Подслушивая, он залез в жизнь нашей бабушки, моего дяди, моей мамы и мою. При мысли, что он залез в мою жизнь, у меня от злости начиналась трясучка. За такие вещи дают по морде со всего маха! В Америке за это вообще в тюрьму сажают!

А в свою жизнь Гарик не пускал никого! Более скрытного и непонятного типа я ещё не видела.

Я лихорадочно вспоминала все свои телефонные разговоры со Светкой, с приятелями, и мне становилось плохо. Если мама узнает, о чём я болтала, она меня убьёт!

Но кому какое дело, о чём говорят люди между собой? Я уверена, что если всем поставить подслушки, то были бы сплошные разводы, а многие просто бы убили друг друга!

Вот интересно, когда он потом слушал втихаря всю нашу записанную болтовню, о чём думал? Наверное, о том, какой он умный и находчивый!

А ему не приходило в голову, что в этот момент он нижайший из нижайших? Где же его пресловутая порядочность, которой он так гордился? Я вспомнила слова бандита Паприкова «до непорядочности порядочен». Тогда мы эти слова не поняли, теперь они обрели смысл.

А ещё Гарик так много врал о себе, что ему постоянно надо было держать под контролем, насколько его враньё правдоподобно. Он панически боялся разоблачения и хотел быть к нему готовым.

Человек, который не верит никому, сам первый обманщик!

МАМА

Вся эта кутерьма с побегом Гарика совершенно выбила меня из колеи. Каждый день приносил новый удар под дыхало, дыхание перехватывало, и я находилась некоторое время в болевом шоке, теряя ощущение реальности.

Я не знала, за что раньше хвататься. На мне висел ярмом долг Лишанским, надо было всё-таки срочно искать адвоката, я ничего не понимала в бумагах, которые прислал Шах, надо было разобраться с дочкой, которая что-то наболтала по телефону про Гарика. В общем, сумасшедший дом!

Я больше не плакала, но перестала спать. Мысленно я всё время разговаривала то с Гариком по-русски, то с его адвокатом — по-английски. Я произносила пламенные речи — гневные, умоляющие, язвительные, обличающие. Короче, вместо того чтобы спать, я устраивала себе театр одного актёра. После такой ночи работать было просто невозможно, а куда деться? Я ходила как лунатик. Если меня о чём-то спрашивали, огрызалась, как собака. В метро хотелось убить любого, кто случайно меня задевал, или убить всех, если они сидели, а я стояла. Мама от меня плакала. Брат старался не звонить, чтобы не попасть под горячую руку. Белка смотрела с жалостью и укоризной. Дочка почти не бывала дома, а когда приходила, забивалась в свой угол и не высовывалась. В общем, я осатанела.

Больше всего я боялась Лишанских, с ужасом смотрела на телефон каждый раз, когда он звонил. А вдруг это они? Что я им скажу? Денег, чтобы отдать долг, у меня не было. Моя зарплата уходила на жизнь, а остаток я копила на адвоката. Но им-то какое дело? Я понимала, что свои проблемы должна решать сама, но как — не знала.

И вот страшный день настал. Мне позвонил Боря Лишанский. Он уже всё знал о побеге Гарика — слухом земля полна, а тем более «такая сенсация в нашей эмиграции».

— Гарик твой, конечно, сволочь, — сделал вывод Боря, — но я тебе дам совет. Не бери адвоката. Не борись. Это всё пустое. Ты только потеряешь кучу нервов и денег, тебя обберут со всех сторон. Начинай нам выплачивать сколько можешь. Не трать деньги понапрасну. Ты проиграешь.

— Боря! Но ведь всё так очевидно! Он подлец, его надо наказать! Почему я одна должна отдавать деньги, которые он украл? Мы вместе должны его заставить расплатиться!

— Вместе с кем? С нами? Мы с Мариной не собираемся участвовать в этой игре. Ты пойми, это бесполезно. Марина беременна. Ей нельзя волноваться! Я не хочу устраивать пустую нервотрёпку с судами. Как ты не понимаешь? Тебе ни один адвокат не поможет! Они будут специально всё делать так, чтобы ты с Гариком никогда не договорилась! Чем больше вы будете злиться друг на друга, тем больше денег загребёт адвокат! Гарик — дантист. Несомненно, деньги у него есть. Он будет кормить своего адвокат до посинения. А ты будешь разорена окончательно. Тебе их не победить! Ну, как ещё объяснить? На что ты надеешься? На правосудие? Пока ты до него доберёшься, тебя до трусов разденут! Ты думаешь, адвокат, которого ты наймёшь, тебе друг, потому что ты ему платишь? Наивная! Он тебе первый враг, именно потому, что ты ему платишь! И будешь платить без конца! Ты надеешься, он тебе даст совет, как побыстрее закончить дело? Но ведь ему это не выгодно! Он тебе даст такой совет, чтобы ты ему платила и платила!

— Боря, ну не все же такие подлецы! Мой адвокат даже вернул мне деньги, когда Гарик отказался платить!

— Да он обосрался, твой адвокат! Он же всё испортил! Если бы он после того, как проиграл, ещё и деньги не отдал, ты бы стала всем рассказывать об этом, он бы клиентуру потерял, а значит и деньги, в сто раз большие, чем он тебе отдал! Нет! Ни я, ни Марина участвовать в этом бесполезном марафоне не будем! Нам наши нервы и здоровье дороже денег!

Трубку схватила Марина.

— Слушай! Дай мне телефон этого педераста, я ему сама позвоню и спрошу, как он собирается нам платить? Мы ему ничего плохого не сделали, за что он нас наказывает? Давай телефон, я тебе перезвоню после разговора с ним.

Я дала телефон. Через пять минут Марина позвонила снова. Голос у неё был уже не такой уверенный и бойкий.

— Он вообще нормальный, твой муж? — Маринка задыхалась от злости. — Я ему вежливо говорю: «Гарик, это Марина Лишанская. Я хочу с тобой обсудить долг». А он мне в ответ: «Пожалуйста, но имей в виду, я всё записываю на магнитофон!»

— Ну и что? — Я не видела в этом ничего страшного.

— Как это что? — заорала Маринка. — Как это что? Я не собираюсь никуда записываться! Я его послала на три буквы, и пусть он это запишет себе на память, педераст проклятый!

Теперь трубку выхватил Боря.

— Всё, надо кончать этот разговор! Марина волнуется, а ей нельзя! В другой раз поговорим!

Я положила трубку и сидела ни жива, ни мертва. Может, Боря прав? Зря я всё это затеваю? Но должна быть хоть какая-то справедливость! Добро всегда побеждает зло! Но как победить, если не бороться? Боже мой, что делать? Что делать?

Теперь по ночам я мысленно разговаривала не только с Гариком и его адвокатом, но ещё и с Борей, пытаюсь ему доказать, что надо что-то предпринимать вместе, а не сдаваться без боя. Хотя в Бориных аргументах была логика, которую я не могла не признать.

Я была на распутье. Вечный вопрос «быть или не быть?» стучал у меня в мозгу днём и ночью. В основном, ночью.

ДОЧКА

Гарик оставил нам сообщение на автоответчике. Он просил найти паспорт от его нового замечательного телевизора, который он уволок с собой, а паспорт забыл.

Мама тут же начала метаться по квартире, собирая какие-то манатки Гарика, обнаруженные после его побега. В это время к нам зашла Тамарка, соседка сверху, одолжить сигарету.

— Что у вас происходит? — заинтересовалась она, увидев большой чёрный мешок для мусора, стоящий с открытой пастью посреди комнаты.

— Собираю Гарiku его остатки! — зло бросила мама, роясь в шкафу.

— Ещё чего! — воскликнула Тамарка. — Шиш бы я ему собрала! Выкатился и пусть идёт ко всем чертям!

— Да пусть подавится! — огрызнулась мама, стоя в задумчивости перед мешком. — Что бы ещё ему отдать, чтобы он успокоился? Ага! Знаю!

Мама метнулась в спальню и вынесла маленькую сафьяновую коробочку, с силой сорвала с пальца обручальное кольцо, запихала его в коробочку и с ненавистью швырнула в мешок.

— Ты что, с ума сошла? Зачем кольцо отдаёшь? Ты же сама за него платила! — возмутилась Тамарка. Я тоже поддакнула.

— Не надо мне ничего! — закричала мама. — Я ненавижу его, и кольцо его тоже ненавижу! Пусть он подавится, сволочь!

— Совсем с ума сошла! — пробормотала Тамарка и попятилась к двери. Мама сняла телефонную трубку.

— Гарик, я тебе всё собрала, можешь приехать. Но сделай мне одолжение. Я не хочу устраивать спектакль перед домом, где полно людей. Въезжай в гараж, я туда спущусь, отдам тебе вещи тихо, без свидетелей, и катись! Согласен?

В ответ Гарик завизжал так, что было слышно по всей комнате.

— Я не пойду в подвал! Ты меня туда не заманишь! Только на улице, и только где люди!

— Ты чего так испугался? — насмешливо спросила мама. — Я не собираюсь тебя в подвале караулить с дубиной, я только вещи хочу отдать!

— Не пойду в подвал! Не надейся! — визжал Гарик. — Только на улице!

Я сразу поняла, почему Гарик боится подвала. Он помнил мой телефонный разговор со Светкой, когда я обещала его убить в гараже, под

видом ограбления! Идиот! Надо же поверить такой херне! Неужели он и вправду подумал, что ему устроили ловушку!

— Ну, ладно, псих, не визжи! — отрезала мама. — Встречаемся через полчаса около парадного.

Отдав мешок Гарику, мама вернулась домой бледная и дрожащая.

— Ну, что? — спросила я.

Не отвечая, мама подошла к буфету, достала бутылочку с валокордином, плеснула его в рюмку и залпом выпила.

— Я его спросила, — отдышавшись, с трудом выговорила мама, — что мне делать с общей кредитной картой «Американ-экспресс». Он рассмеялся и сказал, что давно её аннулировал. Как давно? Ещё в марте. А знаешь, оказывается, когда он нанял адвоката? Тоже в марте. Помнишь, как сказал Паприков на свадьбе? «Самый лучший экспромт должен быть хорошо подготовлен». Вот Гарик и подготовился. Они с Паприковым свой экспромт хорошо продумали заранее. Боже мой, какая подлость! С кем я жила? Слушай! Меня вдруг осенило! Ты помнишь спектакль за столом, когда приезжал Лёва, брат Гарика? Это было в середине апреля. Бася просила, нет, даже не просила, а нахально требовала, чтобы Гарик выписал Лёве чек на 500 долларов как бы от неё, а она якобы потом отдаст Гарику наличными. Я ещё тогда удивилась, почему Лёве нужен чек? Почему она не может дать ему наличные, не трогая Гарика? А Гарик тогда взорвался и орал, что он никому не должен? Помнишь?

Я кивнула. Конечно, помню эту сцену и орущего Гарика, и испуганных Басю с Лёвой.

— Так вот! — продолжала мама. — Это был фарс для меня. На самом деле Гарик им, видимо, объявил, что всё равно уйдёт. Пятьсот долларов он отдал Лёве за свадебный подарок, они тогда ровно пятьсот долларов нам преподнесли. Он же порядочный человек, наш Гарик! Своему брату деньги вернул! На остальных — ему плевать! Ты была права, в мой день рождения Бася билась в истерике, потому что думала, что Гарик уже сбежал! Подумать только! Столько времени прошло, ни Бася, ни Лёва с Леной ни разу не позвонили! Даже не посочувствовали мне! А что я им сделала? Кроме добра и подарков, они от меня ничего не видели! Свиньи! Боже мой! Какие же они свиньи!

В тот же вечер, немного придя в себя, мама устроила мне допрос с пристрастием, но я, конечно, умолчала о своих беседах по телефону. Мне было страшно подумать о том, как она среагирует, если узнает правду. Ведь это были пустые разговоры, трепотня. Неужели такое надо принимать всерьёз? Страх и чувство вины перед мамой сжимали сердце! Я первый раз

в жизни почувствовала себя совершенно бессильной! От невозможности что-то поправить хотелось уйти из дома!

В ответ на мамины вопросы я бормотала что-то невразумительное, пожимала плечами и отвечала междометиями. Но мамины осуждающие вопросительные глаза следовали за мной повсюду. Ни одному моему путанному объяснению мама, конечно, не поверила, это было видно. Она замкнулась, почти со мной не разговаривала, а когда я к ней обращалась, односложно отвечала только «да», «нет» и «отстань»!

МАМА

Бессонница замучила меня, поэтому я решила опять пойти к врачу. На сей раз не к заумному специалисту, а к своему родному, тому, кого в России называли участковым, а здесь — семейным. Хотя в этом мне повезло. Мой доктор, Елена Калиновская, принимала прямо напротив дома, знала меня с первого дня приезда в Америку и по первому же зову оказывала необходимую помощь и мне, и дочке. Она была не просто врачом, а врачом-подругой, с которой я могла говорить по душам.

Елена встретила меня, как всегда, приветливо и с улыбкой.

— Пойдём ко мне в кабинет! — позвала она меня. — Поговорим спокойно! Рассказывай, что не так?

— Не сплю. Устала. Издёргалась. Нет никаких сил.

— Почему?

Я кое-как, тяжело вздыхая, объяснила печальную картину моей бессонницы.

— Как всё знакомо! — покачала головой Елена. — Конечно, тебе от этого не легче, но если бы ты знала, сколько женщин приходит ко мне с аналогичными историями! Недавно был случай, почти один к одному твой! Моя пациентка за день до свадьбы всё отменила. Жених, как у тебя, дантист-холостяк. Оказался гомосексуалистом. Сейчас все боятся СПИДа. Если дантист не женат, это подозрительно, люди перестают к нему ходить. А если разведённый, значит, всё в порядке! Вот они и женятся, чтобы развестись и не отпугивать клиентуру своим холостяцким статусом!

Елена обняла меня за плечи.

— Ну, что мне с тобой делать? Посадить тебя на транквилизаторы? Ты не сможешь работать! Давай начнём с малого. Три-четыре раза в день попей валерьянки, и посмотрим. Если поможет — прекрасно. Если нет, тогда будем брать что-то посильнее. Хорошо? Держись, дружок, у тебя дочка, надо жить дальше!

После Елены я зашла к Марату на работу. Он был зол как чёрт.

— Звонил твоему мужу! — отрывисто бросил он мне, не отрываясь от пациента.

— Не моему мужу, а твоему другу! — съязвила я.

— Да пошёл он! «Друг!» Я ему говорю: «Здравствуй, Гарик!», а он мне: «Нашу беседу я записываю на магнитофон!»

— Ну и пусть записывает! Что тут страшного? Чего вы все магнитофона

боитесь?

— Я ничего не боюсь! Я послал его подальше и всё! Я что, звоню, чтобы с магнитофоном разговаривать? Он с ума сошёл! Вот и весь разговор!

Марат с головой ушёл в рот к своему пациенту. Я постояла ещё минуту под рёв бормашины, потом повернулась и побрела домой. Марат со мной даже не попрощался.

ДОЧКА

От нашей невозможной обстановки дома у меня дико разболелась голова. Я не пошла на работу, осталась одна дома и решила отоспаться. К телефону не подходила. Пару раз звонили мне, пару раз маме. Автоответчик всё записывал. После полудня спать я больше не могла, валялась в полудрёме. Телефон зазвонил опять. Спросонок я не успела снять трубку и вдруг услышала, что с нашего автоответчика кто-то проверяет оставленные нам сообщения. Этим «кто-то» мог быть только Гарик, потому что мама знала, что я осталась дома, а кроме мамы, Гарика и меня, наш код никто не мог набрать. Я, как сумасшедшая, схватила трубку и заорала:

— Гарик! Сука! Я знаю, что это ты! Я тебя убью, падла, запиши это на своём магнитофоне!

На другом конце трубку повесили, но весь мой крик выслушали. Конечно, это был Гарик, кто же ещё? Умная сволочь!

Я тут же позвонила маме на работу. Вечером мама принесла новый автоответчик и, ни слова не говоря, подключила его к телефону. На следующий день на новой машине было слышно, как кто-то несколько раз тщетно пытался снять наши сообщения. Машина даже объявляла, в котором часу была сделана запись. Конечно, днём, когда дома никого не было. Кроме записанных на плёнку писков, у этого «кого-то» ничего не вышло! Ведь код был уже другой, известный только маме и мне. Причём, на новой машине код можно было менять! По крайней мере, хоть от этой подслушки мы себя оградили!

В общем, вся наша жизнь оказалась вывернутой наизнанку! А мама со мной так и не разговаривала.

МАМА

Утром, в метро, по дороге на работу, я, как обычно, дремала. Под монотонный стук колёс спится лучше, чем в кровати. В вагоне тихо. Ещё не проснувшиеся пассажиры досматривают ночные сны. И вдруг всё поменялось. В вагон вошёл небольшого роста человек с черным ящичком на груди. В руках у него сияющая золотом труба, на которой висит потрепанная шляпа. Бодрым голосом объявлялы из цирка по-английски с явно русским акцентом трубач выкрикнул: «Начинаем концерт только для тех, кто едет в F-трэйне!» Весело зазвучали вальсы, фокстроты, любимые мелодии всех стран и народов... Под аккомпанемент оркестра из черного ящичка соло на трубе разливалось радостно и празднично. Люди проснулись, приободрились, улыбнулись, оживленно двигались под музыку... Из карманов и сумочек в шляпу трубача полетели монетки и доллары. Человек-оркестр, не переставая играть, медленно прошёл через весь вагон, глазами со мной поздоровался и на остановке перешёл в соседний. Никто больше не спал!

Трубача зовут Саша. Однажды на остановке мы вместе с ним ждали поезда и разговорились. Саша из Москвы. В детстве, в лучших традициях еврейского воспитания, учился играть на скрипке. Подрос и скрипку забросил. После школы, во время воинской службы, руководитель местного оркестра обратил внимание на Сашин хороший музыкальный слух и предложил научить играть на трубе. Труба Саше понравилась. По слуху он выучил весь армейский репертуар и дальнейшую службу отбывал, играя в оркестре.

Вернувшись после Армии домой, опять же в лучших еврейских традициях, Саша окончил Московский электротехнический институт связи и начал работать инженером-электронщиком. Без музыки было скучно, и Саша, без сожаления распрощавшись с инженерной карьерой, устроился трубачом в ресторан и снова пошёл учиться, теперь уже по призванию, в музыкальное училище по классу трубы.

Началась веселая жизнь: концерты, гастроли, выступления. Импровизирующий трубач — редкая профессия. Точнее, это не профессия, это талант! Саша играл на всех джазовых тусовках и фестивалях, с разными оркестрами, и соло, и дуэтом, и, наконец, был принят в оркестр Радио и Телевидения, вечерами успевал подрабатывать в ресторане, где сам руководил оркестром.

Игра на трубе требует ежедневной тренировки. Выдуть правильные звуки далеко недостаточно! Нужна беглость пальцев, постановка дыхания, даже как щеки надувать, вернее, НЕ надувать во время игры — целая наука. У Саши к тому времени была семья — жена и два сына, которые учились в музыкальном училище им. Гнесиной, в «Гнесинке», как они ее по-свойски называли. Особенные успехи делал старший сын-пианист. Всем надо было упражняться. Как-то устраивались. Сын-пианист играл в комнате, а Саша... в туалете. А где еще спрячешься? Рояль же в туалет или ванную не затащишь! Однако при наличии большой семьи в туалете долго не удержишься, поэтому Саша садился в электричку и уезжал куда-нибудь в лес, где спокойно выводил на трубе свои рулады, не мешая соседям и домочадцам.

Гастролируя в Польше, Саша познакомился с английским саксофонистом, с которым на концерте играл дуэтом. «Что ты сидишь в России? — удивлялся англичанин. — С твоей трубой и способностями ты в любой стране прокормишься и будешь иметь крышу над головой! Встань на тротуаре и играй! Не пропадешь!»

Москва к тому времени изменилась. На Арбате частенько выступал оркестр лучших профессиональных музыкантов, которые за один вечер игры на улице зарабатывали половину своей месячной зарплаты. Играл с ними вместе и Саша.

Бывший барабанщик из ресторанного оркестра, которым руководил Саша, прислал ему приглашение погостить в Нью-Йорке, где барабанщик жил уже несколько лет. Саша поехал. Пожил в Нью-Йорке, осмотрелся. Возвращаться в Москву не хотелось. Вот и получилось, что ехал Саша в Америку в гости, а остался в Нью-Йорке насовсем и превратился в нью-йоркского сабвейного Алекса-трубача.

В Америке мало кто из приезжих музыкантов сумел прокормиться своей профессией. В основном бывшие оркестранты шоферили в лимузинах и такси. Саша без своей трубы не мог прожить ни одного дня, а ведь надо было начинать жизнь с нуля. И Саша пошел в сабвей. Поначалу без языка и знания города ехал куда глаза глядят, выходил на любой станции и играл. За три часа аж целых 8 долларов заработал! Понял, что так дело не пойдет. Изучил карту метро, присмотрелся и додумался, что там, где на одну станцию приходят несколько поездов, да особенно по утрам и вечерам, когда народ валит на работу или домой, заработок побольше. Надо только не зевать и успеть занять хорошее место. Уличные и сабвейные музыканты друг друга уважают. Это тебе не химчистки, которых на одной улице бывает три-четыре. Если место уже занято одним

музыкантом, второй уйдет совсем на другую платформу так, чтобы и ему не мешали, и он никому. Такой вот негласный улично-сабвейный закон.

Через три месяца после приезда Саши в Америку по приглашению друзей-американцев в Нью-Йорк приехали Сашины жена с младшим сыном. Как и Саша, ехали они в гости, а остались насовсем. Подали всей семьей документы на политическое убежище, получили право на работу, и на этом все замерло. То бумаги их где-то затеряли, то еще что-то. Короче, с документами дело было глухо. Это у нас, в Америке, часто бывает. И вдруг — удача! Сначала Сашин младший сын, а потом и сам Саша выигрывают в лотерею грин-карты! Оба! Бывает же такое!

Говорят, беда не приходит одна, но удача тоже в одиночку не ходит! Не зря Саша когда-то закончил институт связи. Смастерил он себе маленький черный ящик, в котором был и многоканальный магнитофон, и компьютер, наладил аккомпанемент для своей трубы, повесил на нее шляпу и пошел по вагонам по утрам и вечерам поднимать народу настроение. Набор мелодий — на любой вкус: итальянский, испанский, русский, еврейский. Кто деньги в шляпу кидает, а кто визитные карточки — приглашают поиграть на домашних вечеринках. Еще бы! Приглашаешь одного музыканта, а играет будто целый оркестр! Религиозные дамочки в париках тоже Сашу к себе в дом приглашают, чтобы поучил детей на трубе исполнять замечательные еврейские мелодии. Методика обучения — проще не бывает: никаких гамм, никаких Бетховенов и Шопенов. «Хава-Нагила» и «Я осе шалом». В России, конечно, учили по-другому, но хозяин-барин, и Саша учит так, как требуют родители отпрысков.

«Помните такой фильм «Иван Васильевич меняет профессию»? — со смехом говорил мне Саша. — А я, Александр Яковлевич, свою профессию не меняю! Просыпайся, народ! Труба зовет!»

Когда несколько лет подряд в одно и то же время садишься в один и тот же вагон метро, волей-неволей лица одних и тех же людей, сидящих вокруг, становятся родными и близкими. Так я познакомилась с Соней, приятной, молодой брюнеткой с карими глазами и весёлой улыбкой.

Сначала мы переглядывались издали, потом лёгким кивком приветствовали друг друга и, наконец, оказавшись на одной скамейке, разговорились.

Соня приехала в Америку тогда же, когда и я, жила с сыном, ровесником моей дочки. У нас оказался полный рот общих тем, и с тех пор в разговорах дорога на работу пролетала за один миг. Мы обменялись телефонами, частенько перезванивались по вечерам, в выходные вместе выбирались погулять.

Соня была на моей свадьбе и знала все подробности моей жизни, перипетии с Гариком. Сначала радовалась за меня, потом сочувствовала и переживала вместе со мной мою беду.

Когда я зашла в тупик в разводных делах, ломая голову над адвокатскими бумагами, Соня вызвалась помочь мне.

— Приходи сегодня вечером в гости, — предложила она, когда мы встретились в поезде в очередной раз, — у меня будет моя подружка, Таня. Она работает секретарём у американского адвоката и, может быть, что-то тебе посоветует.

Таня — высокая, смуглая, сероглазая, с чёрно-бурой короткой стрижкой, невозмутимая и деловая. Полистав мои бумажки, она удивлённо подняла брови.

— Это всё, что тебе прислали?

Получив в ответ мой растерянный кивок, Таня пожала плечами.

— Это — капля в море от того, что обычно присылают в таких случаях. Где подробное объяснение причины развода?

Я беспомощно развела руками.

— Так, — сказала Таня, — я завтра же вышлю тебе образец обычного пакета бумаг, которые присылаются при разводе. Там есть всё, в том числе расшифровка номера статьи, которую тебе предлагают. Так ты говоришь, 170-1? Так это, по-моему, жестокое и бесчеловечное обращение.

— Жестокое обращение? С кем? Со мной?

— При чём тут ты? Гарик ведь подаёт на развод! А причина та, что ты с ним жестоко и бесчеловечно обращалась!

— Как это может быть? — вскричала Соня. — Это ложь! Наглая бессовестная ложь! Я — свидетель!

— Таня, ты уверена? Ты не могла ошибиться? — с надеждой взмолилась я. — Не может быть, чтобы Гарик написал на меня такое!

Таня опять пожала плечами.

— Я тебе всё пришлю, и ты увидишь сама. Все бумаги высылаются по форме, а тебе подсунули какую-то ерунду!

Через день я получила от Тани большой пакет с документами. В них говорилось, что существует шесть пунктов статьи 170, по которым развод дают немедленно. Таня оказалась права. Гарик выбрал 170-1 — жестокое и бесчеловечное отношение одного из супругов к другому. Из шести пунктов два — измена и тюремное заключение — к нашему случаю не подходили. Хотя, может быть, именно на измену Гарик и рассчитывал, ставя к телефону подслушку. Номер не прошёл. Вместо моих разговоров с предполагаемыми любовниками он услышал что-то другое. Это «другое»

напугало его так, что он не смог воспользоваться двумя другими пунктами статьи, требующими одного года раздельного проживания супругов.

Ждать ещё год и развестись без шума Гарик не хотел. Почему? Ведь это так просто, развод даётся автоматически. Ответить на этот вопрос я не могла, я только понимала, что Гарику развод был нужен немедленно, чем скорее, тем лучше. Сначала он лихорадочно хотел жениться, теперь так же лихорадочно жаждал развода, как человек в очереди в туалет, переминающийся с ноги на ногу с чувством, что у него сейчас брызнет из ушей.

Остался ещё один пункт, который назывался «оставить без последствий», то есть именно то, что Гарик проделал со мной, убежав без предупреждения. Но в этом случае на развод должна была подавать я, как жертва побега. Если бы мне всё объяснили по-человечески, я бы подала. Лучше самой подать, чем быть обвинённой в жестоком и бесчеловечном обращении с мужем, прожив с ним всего полгода! Кто я после этого? Ведьма? Чудовище?

Я живо представляла себе, как Гарик с видом мученика будет помахивать свидетельством о разводе перед носом своей очередной жертвы, ссылаясь на бесчеловечное с ним обращение бывшей супруги. Это было так подло и несправедливо, что, кроме обиды и злобы, никаких других чувств у меня не осталось. Я пришла в бешенство! Никаких слюняйских «быть или не быть»! Только «быть»! И только бить! Жёстко, беспощадно отомстить за все мои слёзы и унижения! В этот момент мне хотелось задушить подлеца собственными руками.

Был конец июля. Приближался очередной день рождения Гарика. Ровно год назад я пыталась у плиты, изо всех сил стараясь приготовить что-то вкусное и необычное к праздничному столу. Противно вспомнить! Какая я была дура! Но ничего, в этом году я тоже постараюсь, но не у кухонного стола, а у письменного! Лучшего подарка, чем объявление войны, я себе не могла представить. Я села и написала письмо адвокату Гарика.

Уважаемый господин Щах!

Довожу до вашего сведения, что я возражаю против развода по обоюдному согласию, основанному на условиях, предложенных Вами. Причины моего отказа следующие:

1. Статья 170-1 не может являться причиной развода, поскольку за время совместной жизни с мужем я была самая преданная, заботливая и любящая жена.

Доказательства могут быть представлены.

2. Вы не прислали мне документы в полном объёме, как положено при бракоразводном процессе:

- я не получила объяснений причины развода;
- я не получила доказательств причины развода;
- документы, присланные Вами, были оформлены задним числом и присланы мне с заведомым опозданием;
- без подписи Вашего клиента все ваши предложения считаются недействительными;

3. Ваш клиент устно отказался заплатить свадебный долг семье Лишанских, который Вы, господин ИЦах, предварительно подтвердили в письменной форме.

4. Как очевидно теперь, Ваш клиент заранее, ещё до свадьбы, тщательно и коварно готовился к разводу.

Например, трюк с обручальным кольцом, за которое я вынуждена была заплатить сама по просьбе Вашего клиента, обещавшего вернуть мне деньги в течение месяца и не сдержавшего слова до сих пор.

Доказательства могут быть представлены.

Трюк с оплатой расходов во время нашей совместной жизни, полностью лежавших на мне (квартплата, электричество, телефон, еда, прачечная, развлечения, подарки).

Доказательства могут быть представлены.

Трюк с побегом Вашего клиента из семьи, совершённым тайно, без предупреждения.

Доказательства могут быть представлены.

Трюк с общими деньгами (\$300), которые Ваш клиент полностью забрал себе.

Трюк с нашей интимной жизнью. Будучи женой Вашего клиента, я авторитетно заявляю, что он страдает латентной скрытой формой гомосексуальности и отказывается открыто признаться в этом. Встречаясь с женщинами, Ваш клиент тщетно надеется преодолеть свой порок, но всякий раз, когда его патологические наклонности берут верх, трусливо разрывает союз, не находя в себе смелости и сил взглянуть правде в глаза.

Трюк со свадебными деньгами. Полученные на свадьбе деньги в качестве подарка (наличные и в чеках) Ваш клиент положил в банк на своё имя. Эти деньги должны были быть отданы семье Лишанских в счёт свадебного долга. Ваш клиент обещал отдать деньги и никогда этого не сделал.

Доказательства могут быть представлены.

В результате жестокого и бесчеловечного обращения со мной со стороны Вашего клиента на протяжении последних трёх месяцев я разрушена морально, материально и физически. У меня нет сил жить и работать.

В качестве компенсации я требую, чтобы Ваш клиент заплатил мне \$100,000.

Искренне Ваша

Я с удовольствием вывела свою подпись.

Больше, чем на сто тысяч, моей фантазии не хватило, при моих заработках эта сумма казалась мне космической!

Я с силой плюнула на конверт змеиным ядом, снесла его на почту и отправила с уведомлением о вручении. Через день я получила почтовую открытку. С дьявольской усмешкой я прочла, что моё письмо было вручено Гарику в день его рождения!

ДОЧКА

В маму как бес вселился! Что-то всё время пишет, рвёт, опять пишет! По телефону только и слышно «развод», «статья», «адвокат», «суд»! В ней появилась какая-то сатанинская энергия! Такое впечатление, будто она мысленно с кем-то разговаривает. То смотрит в пустоту с ненавистью, то вдруг ни с того ни с сего хохочет каким-то мефистофельским смехом, восклицая время от времени: «Я ему покажу! Он у меня узнает!» «Он» — это, конечно, Гарик наш подлый. На меня мама даже не смотрит, проходит как мимо пустого места, и только если я подхожу к телефону, бросает такой взгляд, что у меня язык примерзает к нёбу, и я спешу поскорее повесить трубку. К счастью, на улице тепло, дома я почти не бываю. Но по маме я скучаю. По той, прежней, весёлой, смешной и ласковой! А как её вернуть — не знаю!

В субботу мама, как всегда, убирала квартиру, а я пошла в магазин за продуктами и на обратном пути взяла нашу почту. Из кучи журналов выпал знакомый квадратик конверта с видом Ленинграда на левой стороне. Письмо было для мамы от её старинного институтского друга Славы. Я его хорошо помню. Невысокий, худенький, с плотно сжатыми губами и очень строгими, глубоко посаженными глазами. Когда он, бывало, спрашивал меня: «Ну, что у тебя нового в школе?», я чувствовала, его это действительно интересует, и даже робела, если что-то в школе было не так. А ещё я помню, что Слава был у нас как палочка-выручалочка, когда надо было что-нибудь починить, прибить или подвинуть. Сколько раз в детстве я ломала дверной замок, столько раз Слава его переставлял! Он проводил нам антенну для телевизора, помогал паковаться при переездах, а когда мы уезжали в Америку, три последних дня перед отъездом приходил после работы к нам и молча сидел на кухне с таким несчастным лицом, что на него жалко было смотреть. Мама и Слава подружились очень давно, и я никак не могу понять, почему они не влюбились в друг друга. Мама рассказывала, что Слава много лет безнадёжно любил жену своего друга. Любил тайно, изливая душу только маме. Потом мама вышла замуж, развелась, растила меня, а Слава всё ещё любил жену друга. Когда эта любовь прошла, то двадцатилетняя дружба с мамой уже вошла в привычку, которую нарушить было не так-то просто. А потом мы уехали. Слава писал нам редко, но я знала, что мама его писем ждёт, и обрадовалась, что сегодня могу сделать ей приятное.

Когда я вошла в квартиру, мама, закатав рукава, драила плитку.

— Мам, тебе письмо от Славы, из Ленинграда! — крикнула я с порога. Мама тут же выскочила из кухни.

— Читай! — попросила она. — У меня руки грязные!

Я развернула листочки, написанные аккуратным круглым, почти женским почерком.

18.08.92

Санкт-Петербург

Здравствуй, моя дорогая, очень далёкая и постоянно близкая!

Рад случаю, что это письмо дойдёт до тебя с оказией, через хороших людей, и не придётся долго ждать и гадать о его судьбе.

Теперь о главном. Я был в отпуске у мамы, в Карелии, когда твоя подружка Маша вернулась из Нью-Йорка. Она мне несколько раз звонила, но встретились мы только в конце июля. От неё я узнал о твоих семейных неудачах. Не поверил. Ну, как так получилось? Я радовался за тебя, что наконец-то ты получила так нужную тебе опору и встретила близкого и интересного человека.

Мы долго беседовали с Машей о тебе, о твоей дочке, о жизни у вас и у нас. Конечно, как собеседник она во многом уступает тебе, но мне всё равно было интересно как можно больше узнать о твоей жизни. Во время разговора я вспомнил слова Софи Лорен, написанные в её книжке: «...Если вы красивы, вас замечают. Если вы остроумны, к вам тянутся друзья. Если же вы обладаете шармом — вас не забывают!» Прими это на свой счёт. Все те, кто тебя хорошо знают, уверен, так думают и в Нью-Йорке, и в Питере.

А сейчас подошло время сказать тебе огромное спасибо за подарки. Мне кажется, что кроме всех твоих добродетелей ты обладаешь даром предчувствия. В чём именно? Вот случай. Пока был в отпуске, мою квартиру ограбили. Я, конечно, дурак старый, но жизнь ведь постоянно учит! Слава Богу, не всё унесли, т. к. соседка моя по лестнице вспугнула воров. Украла радиоаппаратуру, посуду-хрусталь, компьютер для игр, который я сделал своими руками, деньги и кое-что из вещей, в том числе зимние сапоги, куртку зимнюю, шапку ондатровую новую, спортивный костюм, ну и разные мелкие вещи. И тут я получаю подарок от тебя: зимнюю шапку, зимние сапоги и спортивный костюм! Ты не поверишь, как ты угадала! Всё, что прислала — подошло! Вот такая ирония судьбы!

Я знаю, как ты уговаривала Машу взять эти вещи с собой. Так вот

знай — я благодарен тебе.

В заключение не очень весёлого разговора попробую сказать что-нибудь умное.

Во-первых, надеюсь, что мы всё же свидимся когда-нибудь ещё до старости.

Во-вторых, посылаю тебе открытку, которую я купил специально, для тебя как напоминание о той встрече на балете Кировского, а теперь снова Мариинского театра. Помнишь? Ты была с мамой, а я недавно вернулся из армии. С тех пор мы стали общаться и дружить.

В-третьих, в Карелии в этом году была чудесная пора. Обилие ягод и грибов. Я каждый день ходил в лес, возвращался с полными корзинками, и радовалась душа тому, что ещё есть на этой земле такие уголки, где можно наслаждаться своим существованием, что ты просто есть.

Природа так очищает и восполняет душу. Я сам мариновал белые и маслята. Мог бы тебя угостить. А помнишь мою клюквенную настойку?

Если помнишь, помни как можно дольше, и где бы я ни был, я помню тебя и знаю, что ты ждёшь от меня писем.

Привет дочке и пожелания ей удачи и счастья. Счастья тебе. Целую.

Слава.

Я подняла глаза. Мама сидела на диване и беззвучно плакала. Лицо её было светлое и очень несчастное.

— Мама, — сказала я решительно, — тебе надо уехать. Я здесь одна не пропаду, обещаю. Купи путёвку и поезжай, полечи нервы и отдохни, например, в Карловы Вары, туда все наши русские ездят, и всем очень нравится!

— А что, — неожиданно согласилась мама, — пожалуй, ты права, надо уехать!

МАМА

Лететь самолетом для меня всегда тяжелое испытание. Я трушу и прощаюсь с жизнью перед каждым полетом. Входя в салон самолета, я внимательно вглядываюсь в пассажиров и, если вижу детей и стариков с добрыми лицами, во мне теплится надежда на удачный полет.

«Пусть я грешница, — говорю я сама себе, — но эти хорошие люди, невинные дети не должны погибнуть в катастрофе, их Бог сохранит, не накажет, все будет хорошо!»

Вот так я молюсь не знаю кому, и весь полет трясусь от страха. С соседями по ряду мне никогда не везет. Я прочла тысячу книг, где самые интересные романы начинались именно в общественном транспорте, особенно, в самолете. Но это не про меня. Рядом со мной садятся либо молодые матери со всю дорогу орущими и вертлявыми детьми, которые пытаются схватить меня то за очки, то за волосы, а юная мамаша умиляется шаловливым ручонкам своего отпрыска, либо старички, которые прочищают кашлем горло, как только я погружаюсь в сладкую дремоту, либо толстые неповоротливые дядьки, пыхтящие и храпящие. Однажды один такой «ловконький» уронил мне на голову ручную тележку, которую он своими короткими ручками пытался запихнуть в верхний ящик.

На этот раз моё место было у окна. И вдруг... Рядом со мной сел высокий блондин, похожий на всех героев американских фильмов о Диком Западе. Он бы прекрасно смотрелся, держа в одной руке пачку «Малборо», а в другой лассо. Наша возрастная разница не оставляла надежды на романтическое знакомство, но все равно было интересно.

Рейс был рано утренний. Едва мы оторвались от земли, принесли завтрак — банан, бутерброд с сыром, кусочек пирожного, кофе. С утра пораньше я на еду не могу смотреть, зато к полудню голодна, как львица. Зная свою натуру, я аккуратно сложила самолетный завтрак в пакетик и поставила его внизу у стенки.

«Через пару часов мне будет что пожевать», — подумала я и сделала вид, что уткнулась в книжку, а сама краем глаза наблюдала за красавцем-соседом. Ковбой в одну минуту опустошил мисочки и чашечки со своего подноса, закрыл глаза и окаменел.

«Счастливый! — мысленно позавидовала я. — Вот это нервы! Уснул и всё! А я от страха не могу даже вздремнуть, сижу, слушаю шум моторов и радуюсь, что он ровный!»

Чтобы немного отвлечься и размять ноги, через весь салон я пошла в туалет, еще раз внимательно вглядываясь в лица пассажиров. Все спокойны. Спят, болтают, читают. Никакой паники. Помыла лицо холодной водой. Вернулась на свое место. Красавец-сосед лениво приоткрыл один глаз в ответ на мое виноватое бормотание. Полчаса пыталась понять о чём читаю. Не получилось. Смотрела на стюардесс, похожих на заводных Барби. Наклоняются, улыбаются, а всё равно, как неживые!

От нечего делать, а, может, на нервной почве от страха, ужасно захотелось есть. «Вот и завтрак пригодится! — обрадовалась я. — Хорошо, что я такая запасливая!» Я потянулась к заветному мешочку... Вот это да! Пакетик был там, где я его поставила, внизу, у стенки, но абсолютно пустой! Ни банана, ни бутерброда с сыром, ни пирожного!

Ничего не понимая, я сидела, тупо уставившись в пустой мешочек... Я точно помнила, как аккуратно положила туда свой завтрак! Я посмотрела на своего соседа. Он все также безмятежно спал, сложив на животе огромные кулаки. В плетеном кармашке напротив его кресла лежали две кожурки от банана...

«Ну, с кем лучше сидеть? С какой-нибудь бабушкой или с красавцем-мужчиной? — сердито подумала я. — Нечего сказать, повезло! Зато с настоящим американцем рядом посидела!»

...С началом эмиграции понятия «наши» и «не наши» совершенно потеряли всякий смысл. Помню, в Манхеттене я смотрела русский фильм, где в начале белые наступали, красные отступали, а в конце, наоборот, белые отступали, красные наступали. Главный герой бежал по экрану и кричал: «Наши идут!», а я сидела и думала: «А кто же теперь, извините, наши?»

Так что, «наши» — это мы, русскоговорящие американцы, а «не наши» — те, кто говорят по-русски во всех остальных странах — России, Израиле, Германии и даже Монголии, если там начнут платить компенсацию пострадавшим от татаро-монгольского ига. Лучше всего разницу определила одна из «наших».

— Я их узнаю по ногтям, — шепнула она мне, — вы заметили, какие они у них острые?

И с гордостью добавила:

— У нас такие уже давно не носят.

В Карловых Варах чехов можно увидеть только в службе. Они говорят по-русски с трудом и по-немецки с удовольствием. Отдыхающие поначалу пытаются объясниться между собой на разных языках, но, в конце концов, окончательно переходят на русский.

Русских из России узнаешь с первого взгляда. Мужчины с аккуратно подстриженной челочкой даже в столовой умудряются сохранить сосредоточенно-деревянное выражение лица и за столом сидят, как в президиуме. Все одеты в спортивные костюмы «Адидас». Около каждой челочки — толстая попка жены в пестрой юбке фасона «кар-вош», напоминающая полоски резины, которыми автомат моет машины, отсюда и название юбки, и сверху огромная блуза или свитер, обязательно с пантерами. Номенклатурные дамы даже на процедуры ходят в костюмах лучших западных фирм, а их ожиревшие мужья — в дорогих футболках и мягких брюках, которые начинаются ниже аппендикса. Все носят одно и то же каждый день, с утра до вечера. Запах соответствующий. Зато фотоаппараты и кинокамеры — самые лучшие, какие только есть в мире. Почти все с детьми, от мала до велика, разряженными в пух и прах, и у каждого ребенка в руках — американская компьютерная игра.

Израильтяне разговаривают, не замолкая, независимо от вашего желания. Если вы совсем не хотите поддерживать беседу, они будут спрашивать за себя и отвечать за вас. Общительность их безгранична, независимо от того, знакомы они с вами или нет. Я несла в комнату бутылку минеральной воды. Навстречу мне шла израильтянка.

— Ой, я такая же, как и вы, поносная, все несу с собой! — на ходу прокричала она мне и пошла дальше.

Русскоговорящих американцев, то есть «наших», легко было узнать чуть только похолодало. Как одна команда большого корабля, они все вышли на ужин в якорях и золотых звездах. Причем, судя по количеству звезд, главнокомандующими, в основном, были женщины.

Минеральную воду из источника все тоже пьют по-разному. Русские приходят с полными сумками пустых бутылок и набирают воду впрок. Видимо, по старой привычке, на случай, если вдруг не хватит.

Израильтяне пьют как тяжелобольные, медленно, со страдающими и застенчивыми улыбками. Мол, простите, я сейчас тут перед вами умру, но вы не обращайтесь внимания. При этом, вместо положенной кружки, выпивают две-три.

Зато «наши» — русскоязычные американцы — приходят на водопой, как в театр. Прическа — волосок к волоску. Ногти — в цвет одной полосочки на блузке, губы — в цвет другой. Сумка, как туфли, и с ног до головы в золоте. У всех загорелые лица и здоровый румянец от Элизабет Арденн или Ланком. Непонятно, что они лечат и зачем, но приходят вовремя и пьют ровно столько, сколько предписано врачом.

Все отдыхающие делятся на больных желудочно-кишечного тракта и

страдальцев опорно-двигательного аппарата. Желудочно-кишечные в столовой съедают все, что стоит в буфете на закуску, потом все, что можно заказать, запивая знаменитым чешским пивом, потом огромную порцию мороженого и пирожное с чаем или кофе.

Опорно-двигательные скупают по всему городу люстры, сервизы и вазы прославленного чешского стекла и тащат огромные коробки сначала по одной в номер гостиницы, а потом всё вместе на аэродром.

В воскресенье шумным табором все отдыхающие поехали на экскурсию в Прагу. Как пел Марк Бернес:

Злата Прага, красавица Прага,
Дорогая подружка Москвы!

Чья она теперь подружка — трудно сказать, но красавицей осталась, как была!

Все было хорошо, пока не дошли до знаменитого на весь мир Еврейского квартала, где находится старинное — XV века — еврейское кладбище, на котором могильные камни бережно поддерживают друг друга, старая синагога и мемориал, посвященный детям, погибшим в гетто, с фотографиями и детскими рисунками.

Тут наши русские друзья из России встали плечом к плечу и воинственно заявили, что им это не только не интересно, но и вообще не нужно, и идти категорически отказались! Аккуратно зализанные челочки у мужчин дружно упали наискось, а у женщин глаза засверкали огнем топок Дахау и Освенцима!

Экскурсовод растерянно и беспомощно переводила глаза с одного лица на другое. И тут какая-то внутренняя сила вытолкнула меня вперед.

— Не хотите? — насмешливо сказала я. — А кто вас спрашивает? Это раньше вы были в большинстве, а теперь, сколько вас? Пятеро? А нас, евреев, — двенадцать! Мы идем в Еврейский квартал, а вы — куда хотите и подальше, не забыли еще, как это звучит по-русски? Ну, кто со мной? Пошли!

Боже, что случилось с израильскими старушками! Они кинулись ко мне, обнимали, целовали, плакали, трепали по щекам и что-то выкрикивали на непонятном языке.

Моя попутчица, из «наших», то есть американка, повернулась к группе и строго спросила:

— Ну, кого-нибудь еще мучает ностальгия?

И сама удовлетворенно ответила:

— Никого!

Экскурсия продолжалась. Спасибо Праге! Она была такая великолепная, теплая, ласковая, что волнения улеглись и настроение улучшилось. И опять вспомнилась песенка Марка Бернеса:

Ты в душе навек останешься,
Город песен и каштановой листвы!
Пусть летит эта песенка в Прагу
И звучит, как признание в любви!

Из Карловых Вар я приехала поздоровевшая. Массаж и прочие процедуры явно пошли на пользу моему телу, но душа болела по-прежнему, и, войдя в свою квартиру, увидев привычную обстановку, мне захотелось плакать, как раньше, до отъезда.

Говорят, когда у женщины плохое настроение, надо пойти в парикмахерскую, подстричься и сделать причёску. Когда я пробовала так делать раньше, в России, то, просидев три часа в очереди, выходила из парикмахерской вся в слезах, изуродованная до неузнаваемости, а настроение становилось ещё хуже.

Здесь, в Америке, проще. В очереди сидеть не надо. Парикмахерская, под названием «Адам и Ева», у меня своя, то есть та, где меня хорошо знают и встречают, как родную. Хозяйка и её сестра — мои подружки, я могу просто зайти к ним по дороге, посидеть, поболтать, отвести душу, попить чайку, а если хочется, заодно и постричься. Такая приятная обстановка поднимает настроение, поэтому к своим подружкам-парикмахерам я хожу с удовольствием.

Поскольку настроение у меня в последнее время становилось всё хуже и хуже, то, соответственно, стрижка становилась всё короче и короче, так как в парикмахерскую я заходила всё чаще и чаще.

Когда я пришла в очередной раз, стричь при всём желании мне было уже нечего, причёска была почти как у новобранца, а настроение — ужасное!

— Слушай, — сказали подружки, — хватит ходить по врачам. Мы тут с одной гадалкой познакомились, она к нам в парикмахерскую зашла. Настоящая цыганка, совершенно необыкновенная! И живёт здесь недалеко. Сходи! Берёт она недорого, зато гадает — класс! Всю правду нам сказала, уже кое-что сбылось!

«А! — подумала я. — Была не была! Пойду к гадалке. Гарик же в своё время ходил, теперь я пойду».

Как мне велели подружки, я выбрала фотографию Гарика, где он сидел с любимой сигаретой в руке и широко улыбался. Я специально выбрала

весёлую фотографию, чтобы заранее, как говорят математики, не подгонять под ответ.

Натянув на физиономию подобие беззаботной улыбки, явилась по указанному адресу в обычную квартиру многоэтажного дома.

Ну, как мы себе представляем цыганское жилище? Шум, гам, тарарам, короче — табор! Ничего подобного! Настоящий дворец! Чистота, красота, шикарная мебель, на стенах картины. Ухоженные цыганята и при них няня, русская интеллигентная женщина из Москвы. Чудеса!

Гадалка вышла мне навстречу. На груди две толстые чёрные косы. Традиционный наряд с широкой юбкой и свободной блузкой, на шее — монисто. Всё чёрное и очень дорогое. Холёные руки с идеальным маникюром. Выражение лица строгое, брови насуплены, взгляд исподлобья, тяжёлый и внимательный. Говорила гадалка по-русски, с легким цыганским акцентом.

— В комнату пошли, — позвала она меня и, не оборачиваясь, разлетаясь юбкой, направилась первой по коридору.

Мы вошли в небольшую квадратную комнату. Кроме картин на стенах, маленького круглого стола, стоящего в углу, и двух стульев с высокими спинками, ничего не было. На полу лежал пушистый ковёр. Всё в тон, со вкусом.

— Фотографию принесла? Давай! — приказала цыганка.

Я протянула фотографию Гарика. Гадалка только посмотрела и отшатнулась, как от заразы.

— Страшный человек! Тебя от него Бог отвёл! У него с головой не в порядке, убить тебя мог!

Я замерла на стуле. Гадалка бросила на стол три большие карты с необычными картинками.

— Дочь у тебя есть. От неё радость тебе будет большая, а сейчас сердита ты на неё, в углу она, не знает, что делать. Не сердись, не виновата она! Около тебя пока никого не вижу. Одна будешь долго. Потом всё поправится. Избавление придёт от того, чьё имя на «А» начинается. Всё. Деньги положи. Иди. Благодарить не надо.

Я пошла к входной двери. Гадалка шла следом. Закрывая за мной, она высунулась на лестницу и крикнула мне вслед:

— Не грусти. Ещё придёшь ко мне с цветами и конфетами. Увидишь!

«Бред какой-то! — подумала я. — Какие цветы? Тут жить не хочется! То, что Гарик — псих, она, конечно, права, но убить? А с другой стороны, убей он меня — и никаких проблем! Мне его убивать невыгодно, кто будет долги платить? А вот ему меня — очень удобно! Вдовец-то ещё лучше, чем

разведённый. Избавитель мой — на букву «А»! Позор! О чём я думаю! Образованная женщина, а веду себя как деревенская дура».

Про свой поход я решила никому не говорить. Мне было стыдно, что проявила слабость и поверила цыганке. Мракобесие какое-то!

На следующий день была суббота. Я решила выспаться. Но не тут-то было. Около девяти утра раздался телефонный звонок.

— Здравсьте, это я, Гарик! — голос был весёлый и насмешливый. — Тут ко мне явились два мальчика с пистолетами. Требуют, чтобы я долг заплатил. Ты имеешь к этому отношение?

— Гарик! — зло рявкнула я. — Ты со своими выходками надоел мне до смерти! Пусть тебя застрелят, только оставь меня в покое!

Я бросила трубку и закрыла глаза. Сон прошёл. Какие ещё мальчики с пистолетами? Что это, розыгрыш? Шутка? Чёрт побери! Так хотелось выспаться, и вот опять, полная голова забот!

ДОЧКА

Поздно вечером мы с мамой уже ложились спать, когда звонок на всю квартиру раскричался о приходе неожиданных гостей.

— Кто там? — спросила я, выпрыгнув из кровати.

— Полиция! — ответил женский голос.

— Мама! — закричала я, испуганно отскочив от двери. — Иди сюда, к нам полиция!

Мама вышла из спальни, на ходу натягивая халат.

— Я не вызывала полицию, — спокойно сказала она, не открывая дверь, — что вам надо?

— Ваш муж вызвал нас! Откройте, пожалуйста! — Голос женщины из полиции звучал почти умоляюще.

Мама приоткрыла дверь, оставляя цепочку. На площадке в обычной, человеческой одежде, стояли мужчина и женщина и протягивали через щёлочку свои документы.

— Следователь Кристина Вилсон, следователь Глен Говард, — прочла вслух мама и распахнула дверь. — Проходите, пожалуйста! Что случилось?

— Извините, что мы вас подняли с постели, — виновато произнесла женщина, — но на вашего мужа сегодня утром было совершено вооружённое нападение, и он указал на вас и на мистера Лиш... Лих... Лис...

— Мистера Лишанского, — подсказала мама.

— Верно! Лисанского! — В борьбе с нашими русскими фамилиями Кристина вся измучилась, и её лицо покрылось мелкими каплями пота.

— Садитесь, пожалуйста, — мама указала на диван, — давайте поговорим спокойно!

— Понимаете, — теперь говорил мужчина, — ваш муж настаивает, что вы подослали к нему бандитов, чтобы он заплатил какой-то долг. Мы должны это выяснить.

Мама молча встала, достала пачку документов от адвоката Гарика и протянула полицейским. Они углубились в чтение бумаг.

— У вас есть адвокат? — спросила Кристина.

— Нет ещё, но будет! — ответила мама. — Мне не нужны бандиты, я надеюсь на правосудие.

— А ваши друзья, эти... — Кристина опять запнулась на фамилии Лишанских. — Они не могли подослать кого-то с пистолетом?

— Да что вы! — возмутилась мама. — Они вообще в стороне и не хотят принимать участия в процессе, несмотря на мои мольбы! Марина Лишанская беременна! Им совершенно не до этого! Они порядочные люди, и я уверена, не имеют никакого отношения к тому, что произошло! А вы точно знаете, что это действительно было? Гарик ранен? Его избили? С ним что-нибудь сделали плохое?

— Нет! — растерянно в один голос ответили полицейские и переглянулись.

— Какие хорошие бандиты попались! — ехидно заметила мама. — Правда, мой опыт основан на книгах и кино, но я впервые сталкиваюсь с такими добрыми бандитами! Обычно после подобной встречи человек еле языком ворочает! А Гарик жив и невредим! Просто везенье! Во-вторых, бандиты, как правило, предупреждают, что если пойдёшь в полицию, убьём! А Гарик трезвонит вам, поднял шум и ничего не боится. Да он такой трус! Если бы ему пригрозили, он бы умер от страха! А тут он вдруг такой смелый! Что же эти бандиты даже по физиономии ему ни разу не дали?

— Нет! — опять растерянно повторили полицейские.

— Ну, тогда точно не я их послала! — сердито воскликнула мама. — Если бы это было от меня, то врезали бы по первое число! Можете не сомневаться!

Полицейские рассмеялись и встали.

— Извините за беспокойство! Вы понимаете, мы должны реагировать, поэтому и пришли! Наймите адвоката, он вам необходим!

— Найму! — уверенно пообещала мама, закрывая за ночными гостями дверь. — Обязательно найму!

На следующий день позвонил Боря Лишанский. С ним полицейские поговорили по телефону и больше извинялись, чем обвиняли, но Боря был очень зол и кричал, что Гарик — подлец и сволочь! Кристина позвонила нам через неделю и сообщила, что за Гариком установлено круглосуточное наблюдение. Никто его не посещал, однако, Гарик опять пожаловался в полицию и истерически орал, что бандиты приходили ещё раз, грозились убить.

— Вы знаете, — рассмеялась мама, — у моего бывшего мужа не всё в порядке с головой. Мания преследования мучила его и раньше! Он даже со всех конвертов и журналов свой адрес вырезал и уничтожал прежде, чем в помойку выбросить! Поэтому я не удивляюсь. Он — сумасшедший! Не обращайтесь внимания!

— Нам тоже показалось, что он со странностями, — ответила Кристина, — всего вам доброго, извините за беспокойство!

— Ну, как тебе это нравится? — возмутилась мама, когда полицейские ушли.

— Гарик — сволочь сумасшедшая! — огрызнулась я. — Хорошо бы, чтобы ему действительно кто-нибудь дал по морде!

— Я дам! — зло пообещала мама. — Но по-своему! А наши полицейские тоже хороши! Подозревают меня и мне же докладывают про круглосуточное наблюдение!

«Спасибо, что предупредили!» — злорадно подумала я.

МАМА

Я бросила клич друзьям и знакомым. Мне нужен был адвокат, как жить на свете. Позвонила Тане, Сониной подружке, которая работала у американского адвоката-женщины по имени Барбара. Таня со вздохом сожаления сообщила, что, хотя Барбара, узнав о моей истории, просто загорелась взять мой дело и раздолбать Гарика в пух и прах, в данный момент сделать этого не может. Неделю назад у неё умерла мама, и она, в горе и заботах, забросила всех своих клиентов. Положение было просто безвыходным. Куда бы я ни совалась по объявлениям, пестревшим в газетах, адвокаты заламывали такие цены, что продолжать разговор не имело смысла.

Вот так, перезваниваясь со всеми знакомыми и друзьями, знакомыми моих друзей и друзьями моих знакомых, я добралась до супружеской пары, Лоры и Миши, с которыми несколько раз встречалась в одной компании.

— Есть адвокат! — сразу откликнулся Миша. — Наш сосед, Лёшка, свой парень. Он раньше в большой фирме работал, потом где-то за границей. Теперь вернулся, хочет открыть свою контору. Клиентов у него пока нет, поэтому он может взять с тебя подешевле как с первой ласточки. Мужик он напористый, хваткий, может, поможет тебе? Ему ведь нужна слава, репутация, а тебя многие знают, вот он себе имя и сделает! Попробуй, поговори с ним! Вот его телефон, скажешь от нас.

Трубку взяла Лора.

— Миш, ты иди! — крикнула она мужу. — Мы тут о своём, о девичьем поболтаем! Нечего подслушивать!

Когда Миша отошёл, Лора прикрыла трубку рукой и зашептала:

— Слушай меня! Этот Лёшка-адвокат — бабник! Поняла? Он уже и ко мне подкатывался, когда Мишки дома не было. Явился без приглашения, то да сё, а сам полез. Ну, я его отшила культурно, чтоб не ссориться, но ты учти! Построй ему глазки, пусть влюбится, а там, смотришь, дорого не возьмёт!

— Он женат? — спросила я.

— Женат второй раз. Он из Москвы. Первой своей жене хорошо в Москве рога наставил, так она в Америке его бросила. Ох, он настрадался! А вторая жена, тоже из Москвы, мымра. Строит из себя бог весть что, а сама — ничего особенного, секретарём работает в какой-то конторе, противная. Вообще, они жадные. Сами придут в гости, любят пожрать

вкусно, а к ним придёшь — чай и печенье, больше ничего!

— После того, что ты рассказала, как-то не очень хочется ему звонить!

— Звони! Чего тебе терять? Другого же нет! А Лёшка — карьерист! Он не так для тебя, как для себя стараться будет! Ему же клиенты нужны, имя! В общем, думай!

Пару дней я думала, тыркалась то туда, то сюда, искала адвоката. Так ничего и не нашла и решила позвонить Лёше. Вдохнула побольше воздуха и набрала номер.

— Здравствуйте, я от Лоры и Миши. Мне нужен адвокат. Могу я рассчитывать на вас?

Я старалась выжать из своего голоса все приятные ноты, на которые только была способна. Лёша отвечал низким баритоном.

— Вы на машине?

— Нет.

— У вас вообще нет машины?

— Нет.

— Вы давно в Америке?

— Не очень, обхожусь без машины.

— А на работу как?

— Метро.

— Мою жену тошнит от нашего сабвея. Как вы там ездите, одна чернота вокруг!

— Ничего, привыкла!

— Как же вы ко мне доберётесь? Я живу в Нью-Джерси, и контора там же.

— А вы не бываете в центре? Я работаю в Манхеттене.

— Ну что ж. В виде исключения. Я завтра еду по делам в Манхеттен. Могу вас встретить после работы и, так уж и быть, подвезти домой. По дороге поговорим.

На следующий день, наложив на лицо всю косметику, которая оказалась у меня в сумке, я стояла в назначенном месте. Подъехал шикарный «ягуар». Я, было, взялась за ручку дверцы, но из машины, не торопясь, вышел невысокий важный господин и, строго взглянув на меня, укоризненно покачал головой.

— Дама не должна сама открывать дверцу. Не торопитесь, разрешите мне.

— Простите нам наше рабоче-крестьянское воспитание! — пошутила я.

Господин галантно распахнул дверцу машины. Я почувствовала себя Женщиной. Начало мне нравилось.

— Рассказывайте! — приказал Лёша, глядя на дорогу.

Через пару минут он меня перебил.

— Я не врач-психиатр. Ваши эмоции меня не интересуют. Мне нужны факты. Точные. Подробные. Последовательные.

Я начала сначала, стараясь быть математически краткой. Дано. Требуется доказать. Доказательство. Всё как в теореме.

Когда мы подъехали к моему дому, несмотря на все старания быть немногословной, рассказ мой был далеко не окончен.

— Если вы подниметесь, — робко предложила я, — то могу угостить вас вкусным обедом, вы ведь давно из дому, проголодались, наверное, а за это время я всё доскажу, и мы решим, как быть дальше.

Лёша кивнул, и мы вышли из машины. Около моего дома кишела куча детей, орущих во всё горло на смеси языков. В парадной пахло жаренной рыбой. Лёша поморщился.

— Типичный русский эмигрантский район! Как вы здесь живёте? Я от этого давно отвык. У нас, в Нью-Джерси, совершенно другая жизнь! Свой дом, никаких соседей, тем более русских! Как подумаю, что придётся с русским работать, просто настроение портится!

— Ну, американцы-то к вам сразу не пойдут!

— Да, я понимаю! Но русские же все — беднота! Что на них зарабатываешь? Они всё хотят «за так»! Это раньше, в стране Советов, всё было бесплатно, — теперь каждый совет денег стоит, а платить никто не хочет! А за дом надо выплачивать!

— И убирать его тоже надо! Вот и выходит, что квартира лучше!

— Ну, положим, чтобы убирать, прислуга есть! Русских-то понаехало без права на работу! Они тебе и уберут, и помогут!

— Мне никто не убирает. Я в своём доме, пока выучилась, за первый год жизни в Америке все квартиры передела вдвоём с дочкой. Так что русские бывают разные.

— Да бросьте, все они одинаковы, уж я-то посмотрелся, поверьте!

Мы вошли в квартиру. Дочка была дома. По моему незаметному знаку поздоровалась и ушла в спальню. Я быстро накрыла на стол. Салат, суп, фаршированные перчики в сметане.

Лёша с удовольствием уплетал всё подряд, а я всё говорила и говорила, показывала бумаги, присланные Шахом, адвокатом Гарика, свои письма, свадебные чеки, которые мне принесли друзья, с подписью Гарика, свидетельствующие о том, что он их положил в свой банк, и, наконец, сволочную бухгалтерскую книгу домашних расходов.

— Кто писал письма адвокату? — спросил Лёша.

— Я.

— Сама?

— Сама.

— Молодец! — отрывисто похвалил Лёша и в первый раз посмотрел на меня внимательно. По-видимому, он никуда не торопился, с удовольствием прихлёбывал чай, ел пирог, гулял по комнате, рассматривал книжки на полках, задавал вопросы о моей жизни до Гарика, острил, рассказывал о себе. Потом сел рядом и взял меня за руку.

— Значит, так. Я беру ваше дело. Мои условия — вы платите триста долларов сейчас за бумаги и пятьсот за суд. Устраивает?

— Получается восемьсот за всё. Правильно?

— Правильно.

— Но это действительно за всё или потом ещё что-то?

— Нет, нет! Больше — ни копейки!

— Ну что ж, восемьсот я наскребу, но больше у меня нет, честное слово!

— А больше и не надо! Я сейчас забираю ваши бумаги и начинаю оформление развода. Вот вам моя визитная карточка.

На визитке было витиевато выведено:

Алексей Рвачёв

Адвокат

— Вы — Рвачёв? Интересная фамилия для адвоката, не находите?

— Я рву противника на куски, вас это устраивает?

— Ну, если в этом смысле, то вполне!

«Не идёт ему его имя, — подумала я. — Алёша — это что-то мягкое, нежное, а он весь какой-то красный, взъерошенный. Фамилия ему гораздо больше подходит!»

— Слушайте, — вдруг спохватился Рвачёв, — я забыл дипломат в машине, а бумаги нести на весу не хочу. Пойдёмте со мной! Проводите меня до машины, возьмём дипломат.

В лифте было полно народу. Пока мы спускались, Рвачёв стоял ко мне вплотную и, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Я, помня советы Лоры, кокетливо улыбалась. На обратном пути в лифте, кроме нас, никого не было. Рвачёв встал рядом и, почти касаясь лица губами, прошептал:

— Умираю, хочу тебя поцеловать! — и с этими словами прижался ко мне всем телом и поцеловал так, что у меня дух захватило.

«Хорошенькое дело!» — подумала я, но отступить было некуда, да и

незачем.

ДОЧКА

Мама наконец-то нашла себе адвоката. В профиль он был похож на карпа, а в фас — на акулу, особенно когда улыбался. Зубы у него были огромные и неровные, отчего улыбка напоминала хищную пасть. Он был маленького роста, коренастый и смотрел на маму набычившись, не отрываясь. Адвокат просидел у нас весь вечер, до темноты. Я была в другой комнате, поэтому не знаю, о чём они говорили, но ржал он на всю квартиру, как будто его накормили не обедом, а овсом.

«А может, это и хорошо, что вид у него бульдожий, — подумала я, — пусть зажмёт нашего Гарика мёртвой хваткой, так ему и надо!»

Вообще всё как-то было не по-деловому. Во-первых, адвокат много болтал и хвастал. Я вышла к чаю, он, как павлин, распустил хвост и запоем разливался, рассказывая, какой он умный. Во-вторых, он явно кокетничал, бросая на маму долгие взгляды, брал её за руку и совершенно не торопился сваливать. А в-третьих, когда мама и адвокат вернулись с улицы, я просто обалдела.

Адвокат быстро-быстро собрал все бумажки и наконец-то отвалил.

— Мама, — ехидно спросила я, — а почему, когда вы пришли обратно, у тебя на губах исчезла помада, а у твоего адвоката...

— Не твоё дело! — отрезала мама. — Не забудь подружкам про это по телефону рассказать! Вам же говорить не о чём, так вы чужие жизни перемалываете! Ты уже однажды наболталась! — И с этими словами мама ушла в спальню, хлопнув дверью.

— Теперь всю оставшуюся жизнь меня попрекай! — обиженно крикнула я ей вслед, оделась и ушла с ребятами в кино.

МАМА

В обеденный перерыв я пошла с подружками в кафе. Мы заболтались, и я не заметила, как у меня украли сумку. Мало мне было расходов, так теперь пропали кредитные карты, деньги и чековая книжка! Я плохо помнила, какие номера чеков были выписаны накануне, поэтому на всякий случай остановила определённое количество чеков по номерам и кредитные карты. От всех забот и неприятностей голова просто шла кругом.

Рвачёв звонил каждый день просто так. Рассказывал анекдоты, расспрашивал о моей жизни, шутил.

— Знаешь, — признался он, — я рассказал жене, что у тебя обедал. «Что же ты ел?» — ревниво спросила она. «Фаршированные перчики», — ответил я, ничего не подозревая. «Как? — воскликнула жена. — Ты же дома говоришь, что их ненавидишь, и всегда отказываешься!» Представляешь? Было так вкусно, что я даже забыл, что люблю, а что — нет!

Если меня не было дома или на работе, Рвачёв оставлял мне приветы на автоответчике. Все они начинались со слов «Hello, my dear!» или «Здравствуйте, девушка!»

«Hello, my dear! Это я. Хотел услышать ваш голос, но, увы, опять вас не застал! Скучаю, скучаю, скучаю! Целую».

«Здравствуйте, девушка! Ну что же мне так не везёт! Надеялся вас услышать, а то и увидеть! Желаю вам приятного вечера и живу мечтой встретиться с вами завтра! Скучаю, думаю о вас постоянно. Целую!»

Рвачёв послал заявление адвокату Гарика о том, что теперь представляет меня в бракоразводном процессе. Через неделю он получил от Шаха долгожданное объяснение причины развода по статье 170-1 — за жестокое и бесчеловечное обращение.

Рвачёв предложил встретиться меня с работы, отвезти домой и там подробно обсудить полученную бумагу. Дочки дома не оказалось, мы были одни. Рвачёв вынул из дипломата три листочка машинописного текста. В документе было одиннадцать пунктов. Первые семь — общепринятые положения. Вся соль начиналась в восьмом пункте, который состоял из

шести подпунктов, подробно описывающих, как я издевалась над Гариком.

Оказывается, я наедине и публично постоянно унижала его человеческое достоинство, упрекая в том, что, прожив в Америке четырнадцать лет, он не скопил ни гроша, а также в том, что он утаивает от меня часть своей зарплаты, в то время, как я сама якобы из своих заработков отдавала на жизнь только половину, отказываясь объяснить мужу, на что и куда я трачу остальные деньги.

Я прочла, что сразу после свадьбы заявила мужу, что теперь он находится под моим контролем, а если будет рыпаться, то я его разорю. Далее было заявлено, что до свадьбы я охотно имела с Гариком интимные отношения, а после свадьбы наотрез оказалась вступать с ним в половой акт, что шантажирую, требуя оплатить развод, и, наконец, что у нас была хупа, то есть религиозный брак, но я не получила от бывшего мужа гет, то есть религиозное подтверждение о расторжении предыдущего брака.

В результате бедный Гарик, который всегда был порядочным и достойным мужем, пострадал морально и физически и вынужден был покинуть меня. В противном случае брак со мной был не безопасен для его жизни и здоровья.

— Ну, что скажешь? — спросил меня Рвачёв, когда я в ужасе подняла на него глаза.

— Это правда, — еле выговорила я.

— Что?! — вскричал Рвачёв и забежал по комнате.

— Я действительно в первую брачную ночь сказала Гарику, что теперь он мой и я его разорю. Но это была шутка! Я пошутила! Он знал, что я пошутила! Боже мой! Какая ложь! Клевета! Всё, что написано — враньё! Он знал, что у меня нет гета, говорил, что ему плевать. Он в синагоге не был ни разу в жизни! Он на меня подслушку поставил! Я вела книгу расходов! Вся моя зарплата расписана в ней по копейке! Я отдавала долг Лишанским, а если что-то оставалось, то у меня ещё был долг Белке! Я всем говорила, что Гарик золотой! Я никогда не унижала его! Я не вынесу этого! Не вынесу! — Я забилась в истерике, кричала, плакала и билась. Мне было безразлично, кто передо мной и зачем. Мне хотелось орать, рыдать, выть! Подло! Подло! Боже мой! С кем я жила!

Очнувшись я от того, что Рвачёв поил меня водой, обнимал, целовал мне руки, лицо, гладил и говорил какую-то нежную чепуху.

— Пойдём в спальню, тебе надо прилечь, — шепнул он. Мне было всё равно, в спальню, так в спальню...

Потом мы лежали в постели, пили коньяк и курили.

— А муж твой — полный идиот! Ты — замечательная женщина! —

сказал Рвачёв на прощание. — Да, кстати, совсем забыл. Твой чек вернулся не оплаченным.

— У меня украли сумку с чековой книжкой. Пришлось остановить чеки. Я выпишу тебе другой, не волнуйся.

— Хорошо. И, пожалуйста, ещё семь долларов, с меня их удержал банк за остановленный чек.

Я насмешливо посмотрела на своего возлюбленного адвоката.

— Удовольствие — удовольствием, а дело — делом. Не путай одно с другим, — сказал он мне назидательно.

— А ты уверен, что сам ничего не перепутал? — съязвила я и выписала новый чек, на семь долларов больше первого.

ДОЧКА

Яничего не понимаю. То ли у мамы — адвокат, то ли — любовник. В доме опять появились цветы, но не букеты, как при Гарике, а по одной розочке. Мама после работы где-то пропадает. На автоответчике мамин адвокат оставляет такие нежные речи, что хоть стой — хоть падай. При этом она ему платит! Если он — её любовник, почему деньги берёт? Как это можно брать деньги со своей любовницы? А если он — не любовник, то почему, когда я прихожу домой, нахожу рюмки, окурки, разбросанные магнитофонные плёнки? Каждый раз, после очередного прихода адвоката к нам, мама меняет постельное бельё. Всё шито белыми нитками! Но я точно знаю: если мужик берёт с любовницы деньги, то он — говно! Ну почему моей маме так не везёт?

МАМА

Я вспомнила слова гадалки: «Избавление придёт от того, чьё имя начинается на А». Рвачёв Алексей. Алексей начинается на А. Может быть, он и есть мой избавитель? Господи, неужели всё скоро кончится? Скорей бы! Вчера мы с Рвачёвым ездили в Центральный парк в Манхеттене. Последние дни осени. Кругом листья. Я люблю, когда пахнет опавшими листьями. Мы гуляли по траве, загребая ногами шуршащие кучи, запах был такой вкусный, сочный, терпкий!

— Я тебя от всех защищу! — шептал мне Рвачёв. — Вот увидишь, как я тебя защищу!

— Странно, — сказала я, — до сих пор в моей жизни ещё не было ни одного мужчины, с которым бы я была близка, а он меня в ответ не обидел!

— Я буду первым, клянусь! — Рвачёв обнимал меня под курткой. — Ты замечательная, ты сама не знаешь, какая ты замечательная!

Потом мы поехали в маленький ресторанчик. После холода пили горячий чай с молоком. Рвачёв вынул толстую пачку бумаг.

— Я тут составил наше контр обвинение в адрес твоего бывшего. Почитай.

Контр обвинение состояло из двадцати четырёх пунктов. В основном это было изложение моего последнего письма адвокату Гарика, переведённое на язык судебной терминологии, со всякими юридическими оборотами.

Долг за кольцо, свадебные деньги, положенные Гариком в банк, долг Лишанским, мои расходы, тайный побег Гарика и тому подобное. Рвачёв добавил только про подслушку и про требование Гарика, чтобы моя дочь-студентка платила свою часть за квартиру. Теперь уже я выступала как страдающая морально и физически сторона. Общий итог моих претензий к Гарiku выливался примерно в 150,000 долларов.

— Получить бы хоть половину и забыть всё, как кошмарный сон! — размечталась я.

— Погоди, может, получишь и больше. Я тут составил ещё одну бумагу. Требую представить на рассмотрение судом все финансовые бумаги твоего Гарика — налоги, банковские счета, чековые записи и прочее. Увидим, чем он дышит, голубчик.

— Да ничем он не дышит! — устало проговорила я. —

Пустое это всё. Он бедный, как церковная крыса.

— Посмотрим! — набылчился Рвачёв. — Я с него шкуру спущу!

Мы пили горячий чай, играла музыка. На улицу, в холод, идти совсем не хотелось.

— Тут есть один щекотливый вопрос, — проговорил Рвачёв, листая бумаги. — То, что я составил, обычно стоит тысячу долларов.

— Но ведь мы договорились, что ты берёшь триста за все бумаги и пятьсот за суд.

— Правильно, но сейчас я составил бумаги, цена которых значительно выше! И я не прошу с тебя тысячу, заплати мне шестьсот и всё!

— Ничего себе! Ты с ума сошёл! Откуда у меня ещё шестьсот?

— Я с ума не сошёл! Труд стоит денег, и он должен быть оплачен!

— Лёша! Мы договорились с тобой заранее, иначе я бы не согласилась!

— Слушай! Кончай торговлю! Адвокаты берут минимум сто пятьдесят долларов в час. Я потратил на эти документы восемь часов. Посчитай!

— Я ничего не понимаю! При чём тут сто пятьдесят в час? Мы так не договаривались!

— А у меня семья! Моя жена умеет считать! Она уже и так ревнует! Теперь она следит за каждой копеечкой, которую я с тебя беру! Как я объясню ей, что проделал такой труд бесплатно?

— Какое мне дело? Ты обещал за бумаги взять триста. Скажи ей правду!

— Триста — это только за просмотр бумаг от адвоката твоего мужа! За составление бумаг — другая цена!

— Ты раньше о ней не говорил!

— Ты ведёшь себя, как типичная русская! Как торговка! Я работал, ты понимаешь? Это мой труд, он должен быть оплачен! Иначе я вести твоё дело не могу! Ищи себе другого адвоката!

— Ну, хорошо, — сдалась я, — но сейчас я могу тебе дать только сто. Через две недели ещё двести пятьдесят, потом ещё двести пятьдесят. Я на эти траты не рассчитывала. Я выпишу тебе банковский чек, который пойдёт на мою кредитную карту. А всё сразу я заплатить не могу, у меня нет!

— Согласен, — буркнул Рвачёв.

Я выписала чек и встала.

— Вези меня домой!

— Ты что! Уже поздно, жена меня убьёт!

— Тебе на машине поздно, а мне на метро не поздно? — возмутилась я. — Всё! Хватит! Я этими свиданиями сыта по горло! Увидимся в суде, звони мне только по делу!

Я схватила свою куртку, выскочила на улицу и зашагала к метро. Все

мужики — скоты! И этот не исключение!

ДОЧКА

Приближалась зима. Вдруг стало очень холодно. Пальто и брюки не спасали от пронизывающего ветра. И тут я вспомнила про свою тёплую куртку, которую носил Гарик. Я достала её из шкафа и решила снести в химчистку, после Гарика надевать было противно.

По привычке, перед тем как отдать куртку приёмщику, я сунула руку в карман. Там лежала какая-то бумажка. Это оказался старый чек из магазина. На обратной стороне незабываемым почерком Гарика было написано: «На счастье дана, на шею».

Видимо, эта умная мысль пришла к нему по дороге, и он посчитал её такой важной, что решил тут же записать, чтобы она не ушла с такой же лёгкостью, как пришла. «Что бы это значило? — подумала я. — Надо показать маме».

— Всё понятно! — усмехнулась мама. — Это из Чехова. Там старый муж любил повторять красавице-жене, что она ему на счастье дана, а потом выяснилось, что не только на счастье, но и на шею! Гарик-то у нас грамотей, Чехова помнит. А знаешь, почему он так скоропалительно это записал? Вот, представь себе, зимний холодный день. Гарик идёт по улице и думает. Обрати внимание: куртка — зимняя, Гарик её носил в январе, то есть сразу после свадьбы. О чём же думает человек сразу после свадьбы? А думает он о том, что его жена, которая, он надеялся, дана на счастье, тяжким грузом повисла у него на шее! Сразу после свадьбы — я была грузом у него на шее! Эта мысль так поразила его больной разум, что он остановился посреди улицы, схватил первую попавшуюся бумажку в кармане и записал: «На счастье дана, на шею».

Мама говорила всё это, уже глядя не на меня, а куда-то в пространство, как бы вслух разговаривая сама с собой.

— А ведь цыганка права была. Бог отвёл. Он действительно убить меня мог, чтобы от груза на шее освободиться.

— Мама, какая цыганка? Кто тебя мог убить?

Мама очнулась и посмотрела на меня осознанно.

— Я вот думаю, почему Гарик убежал в субботу? У тебя — выходной, у меня — выходной. Готовился он заранее. По логике, самый удобный день — среда. Он выходной, а нас целый день нет дома. Ведь мы в субботу ушли случайно, обычно я — дома, а Гарик — на работе. И вдруг он после работы, как метеор, срывается, всё впопыхах хватает и убегает. Почему он

не мог подождать до среды и сделать всё спокойно?

— Почему? — спросила я.

— Потому что приехал Паприков с траком и с мужиками. Конечно, Гарик собирался убежать, но как? Мне кажется, его Паприков подгонял. На что Паприков жил раньше? Не работал. Пособие не получал. А жил он на деньги Гарика. Небольшие, но деньги. Паприков ведь был — муж, а Гарик — жена. Однако добровольно Гарик ни с кем долго жить не может, он — псих, он даже брата родного на улицу вышвырнул. Поэтому и муж-Паприков ему тоже надоел, а положение педераста он ненавидел, мечтал от него избавиться, боялся, что кто-то узнает. И тут появляюсь я. Как сказал тот же самый Чехов: «Не женщина — фея!», и Гарик сделал выбор. Вот тут-то умный Яго-Паприков мастерит ему подслушку и на свадьбе пьёт за то, чтобы его сердечный друг Гарик «вышел сухим из воды». Подслушка работает. Паприков настаивает на нашем разрыве, деньги ведь, подаренные на свадьбу, уже у Гарика в банке, это тоже входило в их сатанинский план, поэтому Гарик хотел, чтобы на свадьбе народу было побольше. Итак, деньги уже у них, но Гарик почему-то тянет, не уходит. Что-то его держит. Первая попытка уйти кончилась неудачей, Гарик понял, что через мои слёзы переступить нелегко. Он остаётся, но продолжает готовиться к побегу. Как честный человек, отдаёт своему брату свадебный подарок, пятьсот долларов. Готовит мать, наговаривает ей на меня, чтобы она больше не плакала и обо мне не жалела. Мать уезжает, её квартира свободна. Паприков больше ждать не хочет. Узнав, что меня нет дома, приезжает за Гариком. Может быть, даже с угрозами, кто знает, что их так связывает! Я думаю, что 300 долларов с полки взял не Гарик, он, может, и не знает про них. Это взял Паприков или его мужики. Им каждая копейка дорога. Красивая получилась картинка? Бедный страдалец-педераст Гарик, злодей-педераст Паприков, который, возможно, грозился меня убить, если Гарик не уйдёт сам! А знаешь, может, бандиты к Гарiku действительно приходили. А кто их послал? Паприков! Поэтому они Гарика и не тронули! Специально, чтобы Гарик подумал на нас и у него был бы повод не отдавать мне деньги! Паприкову-то деньги нужны! Ему жить не на что! Вот он всё и организовал. А сумасшедший Гарик — как марионетка на ниточке, в руках своего заветного друга!

— Мама — ты гений! — с восторгом прошептала я.

— Нет! Я — не гений! Пушкин писал, что «гений и злодейство — две вещи несовместимые». Я сейчас такая, что не дай Бог! Я его не прощу. Никогда в жизни!

«Я тоже!» — подумала я без восторга.

МАМА

«Hello, my dear!

Хотел попробовать вас застать, девушка, но не успел! Однако оставляю вам свой привет, чтобы вы знали, что я пытался! Надеюсь увидеть вас! Желаю хорошего вечера. Скучаю. Целую».

«Здравствуйте, девушка!

Перед тем, как уехать из города Манхеттена, мне хотелось оставить вам свой голос на случай, если вам захочется его послушать! Целую, обнимаю, приветствую и надеюсь скоро вас увидеть!»

«Здравствуйте, девушка!

Ну, что же это такое? Уже несколько дней не могу вас застать! Просто теряюсь в догадках, не могу найти, — стремлюсь душой, но натываюсь на пустоту, хватая руками! Очень жаль! Надеюсь соединиться с вами, соединиться, соединиться!

«Hello, my dear!

Это я! Хотел тебя застать, чтобы только сказать, как я скучаю! Хотелось бы тебя увидеть и сегодня, и завтра, и послезавтра! Звони мне, когда хочешь, а я буду звонить тебе! Пожалуйста, помни меня, помни меня, помни меня! А я никогда тебя не забуду, ты должна это знать! Целую!»

Так мой адвокат разговаривал со мной через автоответчик, а мне не хотелось ему перезванивать. Честно говоря, мне вообще ни с кем не хотелось разговаривать.

Со многими я просто раздружилась, например, с Маратом и Ириной. Иринка пару раз забежала ко мне, но сама я не звонила и к Марату заходить на работу желания не было.

Соседка Тамарка иногда заглядывала на минутку перекурить.

На работе Белла подходила ко мне, гладила по плечу и шептала: «Я по тебе скучаю!»

Я была рядом с ними и в то же время одна. Всё вокруг было бесцветным, безвкусным и бессмысленным.

В конце концов, Рвачёв меня поймал.

— Я еду по делам в Принстон. Вот, где настоящая Америка, не то, что ваш местечковый Брайтон-Бич! Хочешь посмотреть университет? Могу тебя взять с собой! И о делах поговорить надо. Скоро суд. Надо обсудить тактику поведения.

Делать мне было всё равно нечего. Я поехала. В машине Рвачёв поставил магнитофонную плёнку с мелодиями знаменитых американских шлягеров и под аккомпанемент пел мне о любви, о моей чудесной улыбке и о том, как он скучает. Голос у него был приятный, пел он хорошо.

По дороге мы остановились перекусить. В ресторанчике Рвачёв взял меня за руку и расчувствовался.

— Я раньше стихи писал! — признался он. — А теперь ни одна рифма на ум не идёт! Всё как-то не так! Скучно. Друзья все изменились. Жена ревнует как сумасшедшая, следит за каждым моим движением, за каждым телефонным звонком. В общем, погас мой очаг! Ну, скажи, ты меня любишь?

В ответ я взяла салфеточку и написала:

Ты очень многого хотел,
Дрожал от страха и потел,
Заврался тут, заврался там,
Хотел, чтоб всё напополам!
Ты так хотел, не тут-то было,
Значенье слов «люблю», «любила»
Не каждому дано понять!
И брось на зеркало пенять!

— Ты злая! — сказал Рвачёв. — Но я тебя всё равно люблю!

— А ты очень «добрый»! — в тон ему ответила я. — Хочешь ещё?

— Хочу! — глядя мне в глаза, ответил Рвачёв.

— Пожалуйста!

Что такое Брайтон-Бич?
Это мясо, это дичь,
Это рыба, это фрукты,
Всевозможные продукты,
Это с Родины приветы,
Это русские газеты,
Книги плёнки и пластинки,
Мат, что сыпет без запинки,
Брайтон-Бич — сабвейный

грохот,
Где-то крики, где-то хохот,
Это семечки в кармане
Пиджачка, что от Армани,
Это сумочка Версаче,
Где фуд-стемп, что дали сдачи,
Это яркая помада,
Блеск, где надо и не надо,
Люба всех целует в губы,
Вилли Токарев поет,
Брайтон-Бич лихой и грубый
Никогда не устает,
И как будто вечный праздник,
Бесконечный Первомай...
Ты не любишь русский Брайтон?
Кто же звал? Не приезжай!

Я молча протянула листочек Рвачёву.

— Ты не просто злая, ты очень злая!

— Не нравится — не ешь!

— Нравится! Очень нравится! Ты — необыкновенная женщина! Твой муж — болван!

— Это я уже слышала. Поедем. Хватит сидеть!

Мы сели в машину. Молча ехали ещё полчаса. Остановились в парке, около большого красивого здания.

— Это университет? — спросила я.

— Нет, это — отель. Пойдём, отдохнём немножко...

Университета я так и не увидела.

На прощание Рвачёв достал из дипломата толстый пакет и протянул его мне.

— Вот, банковские счета и другие бумаги от адвоката твоего мужа получил. Посмотри, подумай, и свои соображения изложи мне. Лучше в письменном виде.

Я удивлённо посмотрела на своего адвоката.

— Я думала, это твоя работа!

Рвачёв сразу побагровел и взъерошился.

— Во-первых, ты его дела лучше знаешь, а во-вторых, я думал, что тебе это самой интересно!

— Ладно, не кипятись, посмотрю!

До суда оставалось десять дней, он должен был состояться почти в тот же день, когда у нас была бы годовщина свадьбы.

Вот тебе и ирония судьбы!

ДОЧКА

Когда я пришла домой, мама сидела у стола и читала какие-то листочки, мелко исписанные знакомым почерком.

— Письмо? От кого? — спросила я.

— От Славки, из Ленинграда. Хочешь, почитай.

Я взяла письмо.

10.12.92

Санкт-Петербург

Здравствуй, моя дорогая!

Стою перед тобой на коленях и, повинно опустив голову, прошу не казнить, моя повелительница! Так безобразно редко, наверное, никто тебе не пишет!

Сколько я помню, каждый раз начинаю письмо и пытаюсь найти какое-то оправдание своему непростительному поведению. Все твои письма получил. Спасибо и тебе, и тем добрым людям, которые перевозят их, звонят мне, разыскивают, когда я бываю в отъездах, и всегда участливы, и всегда хорошо отзываются о тебе. Я уверен, то очарование, которым ты обладаешь, действует на людей, и все они оказываются готовыми тебе помочь.

Я ещё и ещё раз благодарю Бога, что судьба привела меня в наш институт, где я нашёл друзей и тебя и как-то вошёл в твою жизнь. Вошёл, может быть, очень неуклюже, но искренне, без хитростей, с чувством доверия во всё.

Теперь, когда позади много лет нашему знакомству, когда мы прошли разные жизненные дороги, то оказались одинаково несчастливы. Ты оказалась несчастливой от многократных попыток найти своё счастье, а я — от того, что ни разу не попытался.

Ты меняла образ жизни, меняла стиль жизни, наконец, поменяла страну жизни. Я же не менял ничего, а результат почти такой же. Впрочем, может быть, и не всё так, наверное, в деталях не так, но в конце жизни только можно будет сказать, что же было правильно, а что — нет.

Всё, что я пишу тебе, я мысленно обращаю к себе. Я больше клянусь себя за неудавшуюся жизнь, за собственное бездействие, за ожидание того, что в жизни всё равно всё хорошо сложится. Вот какой

наивный!

Состояние моей души достойно декаданса начала этого века, хотя за окном грядёт век будущий. Что делать? Как жить?

Такое настроение — причина того, что я так редко пишу тебе. В душе пустота и нищета. Впечатление, что я «выработался» физически и морально. Нет рядом хоть какой-то опоры. Конечно, есть друзья, но нет нужной души.

Недавно посмотрел вновь «Три сестры». Пожалуй, только сейчас я начинаю понимать Чехова, ведь его короткая жизнь оборвалась не только из-за болезни, но и из-за того, что рядом было блестящее общество интеллектуалов, а нужной души не было.

А вообще, что я хочу тем самым сказать? С твоим отъездом в Питере у меня не осталось ни одного дома и ни одного человека, с которым бы я был так духовно близок. Со временем я всё больше и больше это ощущаю. Нет рядом тебя — постоянной пружины творческой, духовной и интеллектуальной жизни.

Вернусь к твоим письмам. Ну, во-первых, все они хранятся. Во-вторых, из твоих фотографий я могу уже собрать несколько альбомов. В-третьих, я завидую твоей способности писать письма. Ты это делаешь легко и очень интересно. Я читаю твои письма и чувствую твою торопливость — скорее рассказать, скорее объяснить, быстрее закончить мысль. И всё ты успеваешь: и дома, и на работе, и отдыхать, и как-то заботиться о других.

Я уверен, что твоя жизнь значительно отличается от моей в материальном плане. Стыдно признаться, но на сегодняшний день я и мне подобные — инженеры, программисты, учёные — самый низкооплачиваемый слой общества. Кто бы мог подумать, что когда-то мы станем ненужными этой стране, которую называем родиной? Правильней сказать не стране, а тем людям, что пришли сейчас к власти. Они называют себя демократами и очень хотят понравиться вашему президенту и американской элите. Ведь всё это случилось на наших глазах, как-то незаметно. А по сути, произошёл немыслимый обман народа, его честной трудовой части. Зато сейчас у нас «жируют» всякие барыги, спекулянты, дельцы теневой экономики. Жуткая инфляция им не страшна, потому что кругом коррупция. Наш Ельцин свои провалы в управлении страной пытается перевалить на противников экономических реформ. Что будет дальше? Боюсь, возможна гражданская война. На душе скверно. О культурной жизни писать не берусь. Уже два года почти нигде не бываю, редко в кино.

Езжу только в командировки и к маме, в Карелию. Дни летят быстрее, чем листки отрывного календаря. Круг интересов и желаний сузился до прожиточного биологического минимума. Хотя за окном шумит и куролесит другая, пресыщенная жизнь. Доступным для меня осталось лишь наблюдение этой жизни.

В последнем письме ты как-то очень строго и без каких-либо прикрас говоришь о мужчинах. Во многом я согласен с тобой, но видеть тебя феминисткой не хочу. Надеюсь, что многое у тебя уладится, и ты сама сумеешь навести душевный порядок.

С наступающим Новым 1993 годом тебя, дорогая! Привет дочке! Даст Бог — свидимся.

Целую.

Слава.

Я подошла к маме и обняла её.

— Чудесное письмо! Мама, а почему ты за Славу замуж не вышла?

— Во-первых, он не звал. Мы очень дружили, но о любви никто не говорил. А во-вторых, я была дура, которая искала Алена Делона. Нашла, теперь есть ты! И слава Богу!

МАМА

Я взялась за финансовые бумаги Гарика. По моей просьбе друзья раскопали свои архивы и принесли чеки, которые дарили нам на свадьбу. На обратной стороне каждого чека стояла аккуратная подпись Гарика. Все они были датированы 31 декабря 1991 года. В этот же день по банковским документам было видно, что Гарик положил на свой счёт приличную сумму.

Так же можно было проследить, что деньги за медицинскую страховку, обещанные мне за оплату обручального кольца, Гарик положил в свой банк. Причём, в день покупки кольца Гарик пихал в нос продавцу свою кредитную карту и прикидывался бедным и несчастным, а на его счету лежали деньги, как минимум, на три подобных кольца, а я, дура, пожалела его и заплатила всё сама, полностью оголив свой счёт в банке. Деньги на свадьбу у него тоже были, брать в долг не было необходимости.

Каждую неделю, как было видно из документов, Гарик вносил на свой счёт зарплату — круглую сумму, значительно превышающую ту, о которой он мне рассказывал.

Обнаружилось много такого, о чём я не имела представления. Одна ложь сидела на хвосте у другой. Например, жалуясь на отсутствие денег каждый раз, когда я заводила речь о долге Лишанским, Гарик, тем не менее, именно в это время, открыл себе пенсионный фонд и даже сумел за полгода нашей совместной жизни отложить на него пару тысяч. Кроме того, оказалось, что у него был в банке тайный личный сейф, за который он ежемесячно платил. Конечно, что он там прятал, неизвестно, но, наверное, было, что прятать, иначе, зачем сейф нужен вообще? Вот где, наверное, он взял огромную сумму наличными, чтобы в одночасье купить машину. По-видимому, у него было не одно тайное место, куда можно было сначала прятать, а когда надо, взять.

Ещё одна деталь. Сразу после побега Гарик перевёл на имя Цили 5000 долларов и каждый месяц отправлял солидный чек на имя брата Лёвы в другой город.

Из документов по оплате налогов, которых Гарик так панически боялся, было видно, что он действительно является полноправным партнёром в своём кабинете, а не жалким служащим, каким прикидывался. Поэтому он так цинично ухмылялся, когда Марат звал его работать к себе помощником.

В общем, согласно банковским счетам, Гарик прятал деньги у кого

только мог.

Все открытия я делала спокойно, без эмоций, математически сопоставляя одно с другим. Передо мной была дикая картина человеческой подлости. Свои выводы я письменно изложила Рвачёву и по его просьбе отправила бумаги по почте.

Когда через несколько дней я пыталась обсудить с Рвачёвым своё письмо, то поняла, что он его даже не читал, а просто полистал, не вникая. Меня это страшно возмутило, но только я об этом заикнулась, Рвачёв сразу вскипел и стал орать, что я суюсь не в своё дело! Вот и пойми их, этих адвокатов!

Накануне суда мне позвонила моя знакомая, та самая, которая знала маму Гарика и метко окрестила её «сучкой».

— Я тут была на концерте. Встретила твою бывшую свекровь! Ну, ты меня знаешь, у меня не задержится! Я ей сказала: «Бася! Как же вам не стыдно! Зачем вы женщину обидели? Она одна приехала, с девочкой, всё своим горбом заработала, а вы её обокрали и с долгами бросили!» Знаешь, что она мне ответила? «Я верю в возмездие!» Повернулась и пошла, как королева. Я ей вслед сказала: «Ала-вай! Будет тебе и возмездие, и твоему сыночку!» Ну, как людям не совестно! Ведь Бася от тебя, кроме хорошего, ничего не видела! Когда уж суд-то будет? Скоро? Хоть бы ему там всыпали как следует!

К суду я готовилась, как артистка к премьере. Поскольку Гарик обвинял меня в жестоком и бесчеловечном отношении, то решила выглядеть как сама чистота и невинность. А что было делать? На войне, как на войне!

Первым делом купила новое платье. Серенькое, из мягкой фланели с отложным белым кружевным воротничком и белыми перламутровыми пуговками. Когда я его надела, то стала выглядеть, как дореволюционная гимназистка. На плечи накинула белый пуховой кружевной платочек и, скорбно потупив глаза, этакой лебедушкой поплавала взад и вперёд перед зеркалом. Готово! В таком уютном виде хорошо у самовара чай разливать. На злодейку я была совершенно не похожа. Надела мохеровое пальтишко, мягкое и женственное, и отправилась в суд.

Я пришла самая первая. Ни Рвачёва, ни Гарика с адвокатом ещё не было. Я взяла стул и села перед входом, чтобы увидеть всех прибывающих.

Народу становилось всё больше. Около входа, где проверяли документы и сумки, образовалась небольшая толпа. В ней я увидела голову Гарика. На его лице было какое-то мертвецкое выражение.

«Он один или с адвокатом?» — не успела подумать я, как рядом с отрешённо-вытянутой физиономией Гарика появилась красная бандитская

рожа, а потом во весь рост перед входом возник типичный наёмный убийца. Зализанная голова, с хвостом на затылке, накачанные руки, выпуклая грудь с толстенной золотой цепью, на ногах высокие кованые ботинки. Он покрутил перед носом дежурного бумажкой и отработанным движением поправил пистолет в кармане.

«В меня что ли стрелять собираются? — пошутила я сама с собой. — Где он взял такого адвоката?»

«Убийца» подошёл к стене и застыл в позе гестаповца на посту. Гарик, поникшим седым одуванчиком, прислонился рядом с ним. Через минуту Гарик поднял голову и с несчастным видом прошептал что-то «убийце» на ухо. Тот встрепнулся, как сторожевая собака, услышавшая шорох, осторожно, крадучись, открыл дверь мужского туалета, проскользнул туда, прилипая спиной сначала к открытой двери, потом к стене, придерживая дверь рукой, оглядываясь и с чувством выполненного долга кивнул Гарику — проходи!

Гарик поплёлся в туалет. «Убийца» закрыл за ним дверь и встал на пороге — ноги на ширине плеч, руки скрещены на груди. Вся сцена напоминала пародию на боевик.

«Господи! — вдруг до меня дошло. — Это же телохранитель! Гарик нанял телохранителя! Он разрабатывает версию жестокого обращения и наёмных убийц. А это — действующие лица и исполнители! Ну что ж! Ты изображай жертву с телохранителем, а я буду героиней портретов художников-передвижников начала века». Я грациозно поправила на плечах белый кружевной платочек.

Гарик на меня демонстративно не смотрел, а я так же демонстративно не отрывала от него глаз. Мне было интересно, сколько подлости помещается в этой маленькой седовато-лысеватенькой головке?

В это время к Гарику подошёл его адвокат. Тот самый Шах, с которым я тщетно переписывалась. Передние зубы торчали у него изо рта, как растопыренные ноги, поэтому рот был постоянно вытянут в ехидной улыбке. Пучок волос, берущий начало у правого уха, покачивался над головой, как пьяный на ветру. По идее, в лежащем положении, пучок должен был прикрыть лысину и закончиться у левого уха. Вместо этого он мотался из стороны в сторону, а макушка сально отражала огни лампочек на потолке.

Шах и Гарик зашептались. Моего адвоката всё ещё не было. Заседание суда должно было вот-вот начаться.

«Удивительно, — нервничала я. — Слупить с меня за суд пятьсот долларов и даже не удосужиться вовремя прийти! Паразит! Сволочь!»

Шах бросил на меня любопытный взгляд, означающий «где твой адвокат?». Я виновато пожала плечами. В это время влетел Рвачёв, красный, взъерошенный, но в хорошем костюме и красивой рубашке.

— Прости, прости! — сжал он мне на ходу руку и подбежал к Шаху.

Они куда-то ушли, а я и Гарик остались в коридоре. Прошло минут двадцать. Адвокаты вышли с высоким мужчиной, похожим на большого наглого кота. Он был круглым, лоснящимся, с торчащими вверх усами и под ними улыбкой от уха до уха. Пиджак расстегнут, руки — за поясом брюк. На всех посматривал свысока, громко смеялся и разговаривал с явным превосходством. Наши адвокаты послушно кивали, как дети перед учителем.

Шах подошёл к Гарику, а Рвачёв схватил меня и потащил в другой конец коридора.

— Кто это? — на ходу успела спросить я.

— Помощник нашего судьи. Он всё решает, а судья только объявляет.

— Ну, всё, я пропала! — простонала я. — Этот наглец меня засудит!

— С чего ты взяла? — Рвачёв резко остановился и гордо на меня посмотрел. — А я на что? Значит, так. Этот помощник — очень умный мужик! Он посмотрел документы, послушал нас, — Рвачёв приосанился, — и объявил, что твой муж вообще права на развод не имеет, а всё, что они представили в виде обвинения, — полная ерунда! Понятно? С другой стороны, он сказал, что даст развод, но только если его попросишь ты и только по той же статье 170-1, то есть за жестокое и бесчеловечное отношение к тебе! — от радости Рвачёв не мог спокойно стоять на месте. — Ты поняла? Ты поняла? — ликуя, переспрашивал он.

— А деньги?

— С деньгами надо подождать. Сегодня могут только развести, а суд о деньгах в следующий раз.

— Как в следующий раз? Я не хочу в следующий раз! Это значит, опять ждать, опять платить! У меня больше нет денег! Я и так живу на отрицательные величины!

— Ты не понимаешь! Если ты не согласна, всё равно наш вопрос перенесут! Сегодня и развод, и деньги рассматриваться не будут!

— Почему? Это по расписанию наш день, мы его ждали, все в сборе! Почему надо что-то переносить?

— Не будут и всё! Без «почему»! — Рвачёв уже злился.

Я вспомнила слова Бори Лишанского о том, что адвокаты будут делать всё возможное, чтобы тянуть время и обирать своих клиентов. Но почему американское правосудие позволяет проделывать подобные трюки, понять

не могла. «Они тут все заодно!» — с раздражением подумала я.

— Скажи спасибо, что тебе формулировку меняют! — продолжал шипеть Рвачёв. — А когда ты придёшь на суд о деньгах с формулировкой, что к тебе жестоко и бесчеловечно относились, то, как ты думаешь, это поможет?

— Не знаю! Я только понимаю, что Гарик хочет развода, я ему его дам, и больше ему ничего не надо!

— А тебе числиться замужней женщиной надо? Сейчас тебе дают приличную формулировку развода, а потом твой муж докажет твою неверность и будет другая формулировка!

— Какая неверность? Он убежал ещё в мае, а сейчас декабрь!

— Не важно! Пока нет развода, ты — замужняя женщина и ни с кем встречаться не можешь!

— Ерунда! Что значит не могу? У меня нет мужа, он убежал сам!

— Короче, ты берёшь развод или нет?

— Лёша! — жалобно сказала я. — Я не знаю, что делать! Ты считаешь, брат? Ты же мой адвокат, посоветуй!

— Я считаю, брат! С новой формулировкой мы его догола разденем!

— Ну, хорошо, я согласна! — вздохнула я.

— Отлично! — обрадовался Рвачёв и потёр руки. — Тогда вспомни хоть один случай, когда твой муж на тебя кричал.

Я молча, тупо смотрела на Рвачёва.

— Ну?

— Не помню.

— Ты что? С ума сошла? Не помнишь, чтобы он кричал?

— Не помню. Он никогда не кричал.

— Не морочь мне голову! Все люди кричат, он не исключение. Думай! Придумай, в конце концов!

— Ой, вспомнила! — вдруг спохватилась я. — Один раз кричал! Даже юбку мою на пол бросил!

— Вот видишь! Когда это было?

Рвачёв записал что-то в блокнот и побежал в комнату около зала заседания. Я села у дверей в зал. Гарика было не видно. Через полчаса меня позвали. В большой комнате на возвышении сидел судья. Внизу стоял большой стол. Вошёл Гарик со своим адвокатом. Их посадили с одной стороны стола, Рвачёва и меня — с другой. Гарик сидел, опустив глаза в стол, пухлая нижняя губа была упрямо поджата. Телохранитель стоял у двери в зал и, не мигая, смотрел перед собой.

Судья меня что-то спросил. Я ответила:

— Да, сэр.

— Не «да, сэр», а просто «да»! Понятно? Повторяю вопрос!

Я смотрела на Гарика. На его лице не было ни стыда, ни сожаления. Одна только подлость.

Рвачёв спросил Гарика, правда ли, что он орал на меня за юбку.

— Да, — прошептал Гарик.

Судья объявил, что мы разведены за жестокое и бесчеловечное отношение Гарика ко мне.

Суд кончился. Рвачёв вскочил, схватил меня в объятия и при всех расцеловал.

— Ты с ума сошёл? — оторопела я. — Мы в суде!

— Ура! — радовался Рвачёв, как будто был не на разводе, а на свадьбе.

Мы вышли в коридор. Я столкнулась с Гариком, и он первый раз поднял на меня глаза. Я ухмыльнулась ему в лицо с такой злорадной ненавистью, на которую только была способна.

ДОЧКА

Вместе со своим другом я ждала маму у здания суда. Растерянно улыбаясь, она вышла с адвокатом, который от возбуждения не шёл, а подпрыгивал, заглядывая маме в лицо.

— Ну что, поздравляю? — спросила я.

— Не знаю. Развод дали с формулировкой за жестокое обращение со мной, а не с Гариком, но о деньгах пока ни слова, а это меня больше всего беспокоит. Долг же висит надо мной!

— Всё, всё! — ликовал Рвачёв. — Едем праздновать на Брайтон!

Мы расселись по машинам и поехали в русский ресторан. Я была не голодная. Мой друг тоже. Нам ещё предстояло ехать на день рождения, поэтому наталкиваться сытной едой не хотелось. Мама, видимо, так перенервничала, что есть не могла совсем. Мы заняли столик в «предбаннике», маленьком уютном закутке при входе, где хорошо было слышно гремющую из главного зала музыку, но можно было беседовать, не надрывая глотку. Вокруг стояли красиво сервированные пустые столики, в глубине закутка пестрел цветными этикетками бар. Кроме нас в «предбаннике» никого не было. У стойки администратора, около входа, на стульях развалились огромные бритоголовые громилы с дубинками и пистолетами.

«Убийцы!» — подумала я.

«Убийцы» сменили позу и уставились на нас.

— Только не надо стрелять, — пошутила я, но по их физиономиям поняла, что моё чувство юмора не оценили. Мы сидели за пустым столом. «Убийцы» не спускали с нас не мигающих глаз. Не успели мы открыть меню, как к нашему столику подскочил черно-белый элегантный, как пианист, официант. Снисходительно глядя поверх наших голов, тоном, не допускающим возражений, он объявил:

— У меня еще сто человек в главном зале, поэтому я не могу уделить вам много внимания. Заказывайте по быстрому, а иначе будете ждать неизвестно сколько!

Наспех пробежав глазами список блюд, мы выбрали первое попавшееся. Официант схватил меню и убежал. Вокруг нас началась непонятная карусель. Сначала нам принесли коктейли. Не успели мы последний раз хрюкнуть трубочкой в фужере, как незнакомый официант подскочил и одним махом забрал со стола недопитые бокалы. Другой

незнакомый официант метнул на наш стол корзиночку с хлебом и блюдец с маслом. Третий черно-белый незнакомец с салфеткой на руке ловким движением схватил нашу полупустую пепельницу, шмякнул ее на блюдец с маслом и унес и то, и другое...

— Что происходит? — возмутилась я, а наш самый первый официант уже нес нам горячее.

— У нас почему-то забрали масло, — пожаловалась мама.

— Ну, что? Принести вам другое? — раздраженно спросил официант.

— Принесите! — упрямо кивнула мама. Удивленно подняв брови, он взглянул на нас, как на попрошаек, и удалился. По его спине было ясно, что просьба наша неприлична, и масло нам нести никто не собирается! В это время появился еще один незнакомец из obsługi, который галантно разлил в наши бокалы воду со льдом.

— Пошли потанцуем! — предложила я своему другу.

В тот момент, когда мы вошли на танцплощадку, музыка прекратилась. Около сцены стоял официант с тортом. Ведущий объявил:

— Для поздравления с днем рождения приглашается именинник Гриша! Все ждали Гришу. Гриша не шел.

— Эй, Гриша, где вы? — надрывался ведущий. — У официанта уже болят руки держать ваш торт! Идёте вы или нет?

— С такими больными руками в ресторане не работают! — орали из зала.

Наконец, покачиваясь и пьяно улыбаясь, вышел Гриша и полез к официанту с тортом обниматься, а, может быть, подержаться, чтоб не упасть. Торт закачался, половина горящих свечек потухла.

— Happy birthday to you, Гриша! — с ненавистью рывкнул ведущий, и музыканты ловко включившись, подпели. Кто-то подхватил торт. Гришу увели заботливые родственники.

— Перерыв! — объявил ведущий.

За столом, у колонны, где я стояла, громко беседовали, а точнее перекикивали друг друга, наши люди.

— Эта Америка всех ебет, и наша задача ебать ее в ответ! Я в прошлом году набрал по кредитным картам 20 тысяч и объявил банкротство! Теперь жена делает тоже самое! Все законно! Никаких нарушений! Через год дадим тысячу адвокату и будем чистенькими!

— Главное, не нарушать закон! Америка добрая, все простит!

— А помнишь, наш Сема женился по-деловому? Дал ей грин-карту, теперь от этой бляди не отвяжется! Бедный парень, он уже не рад тем деньгам!

— Не всем везет, но если сам не ебешь, то тебя-то уж точно выебут!

— Давайте выпьем, что все так хорошо, и все так есть!

В это время грянула музыка. Как-будто из спальни на сцену выпорхнула певица в черном нижнем белье и кружевном маленьком пеньюаре. Белые космы, торчащие в разные стороны, усиливали впечатление, что девица прямо из постели. Она захрипела непроспатым голосом. Саксофонист, как страдающий хроническим запором, в полу приседе пунцово тужился и, сморщившись, изо всех сил дул в свою дудку. Звон посуды, визг, хохот, крики, табачный дым, блески на потолке, блески на стенах, на груди, на животе, на голове, на ушах, на руках, блески, блески, блески...

Мы вернулись в по-прежнему пустой «предбанник». Мамин адвокат быстро уничтожил свою порцию горячего и с вождением посмотрел на наши не тронутые тарелки.

— Хотите? Я почти не ела, — придвинула я ему свою тарелку. Рвачёв тут же согласился. Покончив с мясом и грибами, он, не останавливаясь, съел всё, что было и у мамы, и у моего друга, болтая без умолку. По его словам, он был самый умный и самый незаменимый. Наконец, сытно отрыгнув, Рвачёв отвалился от стола. Вся водка была выпита, закуски съедены.

Рвачёв поведал нам, что было «за кулисами».

— Я подошёл к Шаху и спросил: «Слушай, ты можешь мне объяснить, почему твой клиент убежал? Женщина просто прелесть!» — мамин адвокат бросил оценивающий взгляд на маму, — Знаете, что он мне ответил? «А дело совсем не в ней. Дело в тех, кто её окружает. Окружение ему не понравилось. Убить его грозились. Вот он и убежал!»

«Окружение» — это, значит, я. Ну, хорошо! Убежал Гарик из-за меня. А деньги почему не отдаёт маме? Тоже из-за меня? Железная логика, ничего не скажешь! Когда женился, знал наше «окружение», однако, поставил подслушку! Так что всё это — вранье! Хотел убежать и убежал, не из-за «окружения», а из-за себя самого! Мы с мамой тут вообще ни при чём! Он убежал бы от любых женщин, педераст несчастный!

Когда принесли счёт, мой друг вынул бумажник и вопросительно посмотрел на Рвачёва.

— Вообще-то принято адвоката угощать по такому случаю, но я ведь к тому же и друг, верно? — И адвокат, подмигнув маме, достал бумажник.

Мама не пошевелившись, равнодушно смотрела в сторону. Мы вышли на улицу.

— За маму не волнуйтесь, я её отвезу, — покровительственно произнёс адвокат.

— А мы и не волнуемся! — сказала я и взглянула на маму. В глазах её была тоска, она уголком рта улыбнулась мне и как-то обречённо кивнула.

Мы распрощались и, оставив маму с её адвокатом, поехали на день рождения. По дороге мой друг не выдержал:

— Ну и ну! Где твоя мама нашла этого рыгалу? Ты меня прости, но её адвокат — полное дерьмо!

— Очередная мамина находка, — вздохнула я, — сначала она искала мужа, пока не нашла сумасшедшего идиота-Гарика, потом пришлось искать адвоката, и вот — результат! Как у Гоголя: «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет!» Похоже, что у нас, в Америке, мёртвые души на каждом шагу!

МАМА

Приближался Новый 1993 год. Как назло, постоянно шёл дождь. Погода напоминала ноябрьский Ленинград.

Настроение было не новогоднее. У меня не было никаких планов, где и с кем встречать любимый праздник. Даже не верилось, что всего год назад я вернулась из свадебного путешествия и была самая счастливая.

Рвачёв позвонил тридцатого декабря.

— Хочу отметить с тобой Новый год.

— Как ты себе это представляешь?

— Приглашаю тебя вечером в ресторан, в Манхеттене.

— Вечером? А как я потом домой доберусь? Дождь льёт, холод, темнота... Нет уж, уволь меня!

— Я отправлю тебя на такси.

— Да? А ты знаешь, из Манхеттена это не дёшево!

— Я обещаю! Давай встретимся! Я очень хочу тебя поздравить как полагается!

После работы «ягуар» ждал меня у выхода. Рвачёв, как всегда, сам распахнул дверцу машины. На сиденье для меня лежал букет цветов.

— Ух, ты! Красиво! Спасибо! — оценила я его галантный жест.

— То ли ещё будет! Садись!

Ресторан был украшен гирляндами и серебряным дождём. На ярусе в цветном полумраке красовалась нарядная ёлка.

Когда мы сели, Рвачёв торжественно открыл дипломат и положил передо мной пакетик в золотистой обёртке с традиционным бантиком.

— Это тебе! С Новым годом, my dear!

Я развернула подарок. Это были духи с незнакомым названием.

— Дуня, — прочитала я вслух. — Никогда не слышала о таких духах!

— Какая Дуня? «Дюны». Это сейчас самые модные французские духи!

— Правда? Спасибо! Обожаю духи! Спасибо огромное!

— Прочти, что написано! — Рвачёв протянул мне маленький бумажный квадратик, прицепленный к коробочке.

Тебе со мной не повезло,

Сегодня дождь, и слякоть, и ненастье!

А мне с тобой, представь себе, тепло!

С Новым годом, darling

С новым счастьем!

— Очень трогательное признание! — усмехнулась я. — Придётся тебе ответить. — И написала на обёртке от духов:

Непредсказуемость — вот главная удача,
Когда развод обходится без плача,
Но с чувством мести, где за око — око,
Без сожаления, без страха и упрёка.
Я радуюсь свободе обретённой,
Когда могу я снова быть влюблённой,
И всё вокруг как будто не со мной!
Декабрь пахнет летом и весной!
Я снова жить и снова петь хочу!
Не пла'чу... Адвокату я плачу'.
Рвачёв взял у меня листок и написал:
Стихов почти я не пишу,
Я на машине к вам спешу!
Люблю, надеюсь, не дышу,
Лишь о взаимности прошу!
Соппротивление сокрушу
И вас за ушко укушу!

— Вот видишь! — упрекнул он меня. — Я тебе — о любви, а ты мне — о деньгах!

— Лёша, о какой любви может идти речь, если ты у меня берёшь деньги? Ну, ухаживаешь, но не парь мне мозги любовью! Я ведь тебя о ней не спрашиваю!

— А я тебя спрашиваю!

— Напрасно! Я вообще никого не люблю, кроме своей дочки! И кого я сейчас способна любить? У меня внутри всё пусто! Сожжено! Это бесполезный разговор! И зачем тебе моя любовь? У тебя — жена, дочь! Люби их! Или тебе надо, чтобы я мучилась, страдала, ревновала, устраивала тебе сцены? Я не буду устраивать тебе сцены ревности, Лёша, мне есть чем заняться!

— Вот если бы моя жена так сказала! Следит за мной, как ищейка! В машине нашла твою сигарету, такой был скандал!

— Почему скандал? Она знает, что я твоя клиентка, мы встречаемся в Манхеттене, ну что такого, если в машине моя сигарета? Это же не противозачаточное средство! Чего ты испугался?

— Не знаю, не сообразил, что-то врал, запутался!

— Сам виноват! Ври меньше, правду говори! Скажи, встречались, говорили о делах!

— Кстати, о делах. Через месяц — суд. Ты за него должна будешь мне заплатить пятьсот долларов.

— Опять?! Нет, это невыносимо! Вы будете играть, суды перекладывать с числа на число, а я каждый раз платить по пятьсот долларов? Я не могу, ты понимаешь? Живу с дочкой на зарплату! А ты говоришь — любовь! Вот она, любовь-морковь твоя адвокатская!

— Послушай меня! За этот суд ты мне заплатишь пятьсот, но больше — ни копейки! Сколько бы ни было в будущем судов, больше — ни копейки! Я тебя действительно люблю и обещаю это во имя нашей любви! Впредь я буду всё делать бесплатно! Обещаю!

— Что значит «впредь»? Сколько же ещё будет судов? Это что, до бесконечности будет длиться?

— Трудно сказать! Может быть, несколько.

— Как несколько? Да что же это такое, боже мой! Зачем нам несколько судов? Всё же очевидно! Сели, обсудили, приговорили! Всё!

— Ты просто ничего в этом не понимаешь! Но почему ты так волнуешься? Я же сказал, что впредь больше — ни копейки!

— Конечно, я волнуюсь! Людям надо долг отдать, ты забыл? Или ты думаешь, я его придумала? Я очень переживаю!

— Ничего! И долг отдадим, и ещё кое-что получишь!

— Не надо мне ничего! Долг бы отдать и всё! Пропади оно всё пропадом! Никогда не думала, что американский суд такой беспомощный!

— Ну, всё! Не омрачай вечер! Мы договорились, а теперь пойдём, потанцуем!

— Но ведь никто не танцует!

— А мы будем, пошли!

Мы поднялись. Играли танго. На площадке, кроме нас, никого не было. Я утратила ощущение реальности. Музыка. Пахнет хвоей. Чьи-то ласковые руки вокруг меня. Даже не верилось, что за порогом всё по-другому.

— Интересная у нас с тобой получается история, — сказала я. — Как в кино. Кошмарный развод, а адвокат влюбляется в свою клиентку. Просто просится на экран. Гарика будет играть Джеймс Вуд, он на него похож. Меня — моя любимая Шерли Макклейн, а тебя?

— Меня Дастин Хоффман.

— Почему Дастин Хоффман? У вас с ним, кроме роста, ничего общего!

— Это мой любимый артист!

— В кино всё кончается хорошо, а у нас «хэппи энд» не предвидится! И зритель не поймёт, как при всей любви ты с меня шкуру снимаешь, словно Гарик!

— Я же сказал, впредь — бесплатно! Хватит об этом, танцуй!

Когда мы вышли на улицу, дождь стоял стеной.

— Пойдём заберём машину с парковки, я тебя немного подвезу, потом возьмём такси. Вот тридцатка, доедешь!

В гараже Рвачёв протянул служащему кредитную карту.

— Только наличные! — покачал головой служащий.

— Фу ты, чёрт! У меня нет наличных! Что же делать?

Рвачёв беспомощно посмотрел на меня.

— Слушай! Одолжи мне эту тридцатку, я потом её тебе отдам!

«Знакомый текст, — подумала я. — Повторяется история с колечком!» Но деваться было некуда. Бежать по дождю, искать банк глупо. Машину надо было забирать. Я отдала Рвачёву деньги. Сажая меня в такси, он опять шепнул:

— С Новым годом! Я люблю тебя!

— Спасибо! И тебя с Новым годом! Пока!

Такси тронулось. Я откинулась на сиденье. «Что меня ждёт в Новом году? Господи, поскорей бы кончился этот кошмар!»

ДОЧКА

К Новому году мне хотелось подарить маме что-нибудь особенное. Вообще дарить подарки — целая наука. Она так и называется — «подарковедение». Это означает подарить именно то, что человек хотел бы иметь и очень бы обрадовался. Мама в этой науке — профессор. Она всегда очень внимательно слушает, когда кто-то о чём-то мечтает. Мама может купить подарок на день рождения чуть ли не за полгода, точно зная, что именно это человек давно хотел.

Я однажды спросила маму, какой подарок, сделанный ей, она больше всего запомнила.

— Это было давно. Мы учились в институте, я очень любила стихи Цветаевой, но книжку её купить никак не могла. Во-первых, было не достать, во-вторых, очень дорого! И вот один влюблённый в меня мальчик одолжил на сутки сборник Цветаевой и всю ночь читал её стихи вслух, записывая на магнитофон. Вот эту плёнку я и получила в день рождения. Это был самый лучший подарок!

— Мама, а кто этот мальчик? Я его знаю?

— Нет.

— А почему ты за него замуж не вышла?

— Чуть было не вышла, но познакомилась с твоим папой и вышла за него!

— А где он сейчас, этот мальчик?

— Он хотел увезти меня в Америку много лет назад, но погиб случайно. Утонул.

Вот такая у меня мама-невезучка! Но вернёмся к подаркам. Мамины подарки всегда со значением, она часто сопровождает их каким-нибудь четверостишием. Получается очень здорово! Поэтому и мне хотелось сделать маме подарок так, как она умеет это делать другим.

Я думала-думала и придумала!

Когда в последний день старого года мама пришла с работы, на столе стояла маленькая коробочка, а рядом лежал конверт.

— Что это? — спросила мама.

— Открой! — загадочно улыбнулась я.

Мама развернула обёртку и открыла коробку. На чёрной бархатной подушечке лежала большая серебряная капля с золотым ободком. Посредине была золотая пантера с поднятой лапой.

— Это мне? — радостно воскликнула мама. — Чудесный кулон! Мне эти пантеры давно нравятся!

— Прочти открытку! Я её сама на специальном компьютере сделала!

Мама открыла конверт и достала открытку. Стихи я написала на английском.

Твоя походка грациозна,
Горит огонь в глазах твоих,
Как солнца луч в рассветный миг,
Волна кудрей пылает грозно.
И пусть штормы сильнее и чаще,
Устала ты и пуст твой дом,
Ты, как пантера в дикой чаще,
Идёшь вперёд и напролом!
Я люблю тебя!
Я восхищаюсь тобой!
Счастливого Нового года!
С любовью — твоя дочь.

— Доченька моя! — обняла меня мама. — Ты настоящая поэтесса! Это восхитительно! Спасибо!

— Вся в тебя! — поцеловала я маму и побежала встречать Новый год с ребятами.

МАМА

Белка сказала: «Куда я пойду встречать Новый год, туда и ты». Вечером тридцать первого Белла и Фима заехали за мной по дороге к своей подруге, где собиралась вся их компания-кишинёвцев. Каждому было дано задание приготовить смешной номер для концерта самодеятельности.

Нас встретили весёлым шумом и тут же нарядили в цветные колпачки и золотые короны. Сначала, как положено, проводили старый год, который я не могла вспомнить без содрогания, потом с шампанским встретили Новый 1993-й. С боем часов все мысленно загадывали желание. Кто-то — чтобы дочку наконец-то выпустили из Израиля навестить родителей в Америке, кто-то — о хорошей работе, о выигрыше в лото, о здоровье, а я при каждом ударе часов молилась лишь об одном: «только бы суд побыстрее закончился и расплатиться с долгами!»

Когда торжественный момент прошёл и все сели за стол, Белка шепнула мне:

— Ну, ты загадала встретить наконец-то достойного человека?

Я виновато посмотрела на неё.

— Даже в голову не пришло! Только о судах и долгах думала!

— Несчастливая! — вздохнула Белка. — Я тебе желаю в Новом году забыть весь этот ужас. Погоди, будет и на твоей лице праздник! А Гарика Бог накажет! Вот увидишь! Он кровавыми слезами выплачет все свои подлости и твои обиды!

— Подруги! — закричал Фима. — Хватит болтать! Неужели вы ещё на работе не наговорились? Давайте концерт начинать!

Тут до меня дошло, что я ничего заранее не придумала. «Ладно, — успокоила я сама себя, — соображу что-нибудь по ходу пьесы!»

— Нужны добровольцы! — объявила я.

Верные друзья, Белка и Фима, с готовностью встали рядом со мной.

Быстро написав на клочках бумаги выступления, я раздала их гостям. Соорудив из красных салфеток подобие пионерских галстуков, надела их на шеи всех присутствующих. Гости с готовностью мне помогали.

— Торжественное обещание будем давать? — поинтересовался кто-то.

— Нет, будем петь! — ответила я. — Итак, мотив известный, запеваем по очереди, подпеваем вместе. Если у кого-то возникнут идеи, запевайте, подпоём.

И я первая начала:

Воспитаны мы на советских примерах,
Пришёл вас поздравить отряд пионеров!

Гости подхватили:

Так будьте здоровы,
Живите богато,
Не зря мы все вместе
Приехали в Штаты!

Вторым выступил Фима:

Мы пели когда-то про дом и про хату,
В России считают, что все мы богаты!

Гости пели хором:

Так будьте здоровы,
Живите богато,
Не зря мы все вместе
Приехали в Штаты!

Потом пошло коллективное творчество:

Ещё пожелать нам сегодня осталось,
Чтоб чаще зарплата у нас прибавлялась!
Так будьте здоровы,
Живите богато,
Не зря мы все вместе
Приехали в Штаты!

Потом вышла Белкина подруга и хозяйка дома Элла.

— По традиции я хочу сказать тост во славу нашей дорогой Америкки!
Но сегодня я хочу об этом говорить стихами.

Нашим американским друзьям
Прадеды наши в старину
Оставили свою страну.
Они привыкли жить в местечках,
Тачали обувь, клали печки,
И в страхе вечного погрома
Не смели дома быть как дома.
Октябрь семнадцатого года

Принес желанную свободу,
Возможность в городе учиться,
Но от греха нельзя отмыться,
И если ты еврей с рожденья,
Не жди от жизни снисхожденья!
О бедные мои евреи!
Ни русские, ни иудеи!
Всю жизнь вы ждали Коммунизм,
А вместо Бога был Марксизм!
И все ж к Всевышнему зывали
О том, чтоб вас не убивали!
И снова, как века назад,
На дом родной — последний взгляд,
И в путь далекий отплываем,
И жизнь сначала начинаем.
Америка — как вздох надежды
На то, что жизнь не будет прежней!
Мы здесь нашли покой и дом,
Возможность жить своим трудом!
И за страну, что нас пригрела,
Дала нам стол, и кров, и дело,
Не побоялась нам помочь,
Мы молимся и день, и ночь!

Мы развлекались до самого утра. Домой я пришла позже, чем дочка. Засыпая, думала: «Раз в Новый год было весело, значит, год будет радостным!»

От этой мысли на душе стало легко, и я моментально уснула.

ДОЧКА

...Осенний день. Мелкий дождь то моросит, то, надоев сам себе, отдыхает, потом с новой силой плюётся и опять занудливо сыплет едва уловимым мокрым порошком. Несмотря на позднюю осень, тепло.

Большое кладбище с редкими деревьями. Кругом ровными рядами лежат могильные плиты. Посредине — свежевырытая яма. К ней направляется похоронная процессия из нескольких человек.

Всё вокруг серо-коричневое. Серое от дождя и могильных плит, коричневое от размокшей грязи под ногами, от голых деревьев, от гроба, который несут к могиле.

Около ямы процессия останавливается. Женщины тихонечко воют. Мужчины, скорбно сопя, опускают голову. И в этот момент к кладбищу подъезжает большая чёрная машина. Из неё, чуть касаясь земли, появляется женщина в роскошном красном платье фасона «Мария Стюарт перед казнью». Длинные волосы развеваются на ветру.

С громким хохотом, который, смешиваясь с эхом, гулками волнами повисает над безлюдным кладбищем, женская фигура, как «Бегущая по волнам», приближается к процессии, участники которой, забыв о своём неутешном горе, как заворожённые следят за красным силуэтом.

Около самой могилы красная фигура взмахивает широкими рукавами, как ракета, оторвавшись от земли, взмывает в воздух и, не переставая злорадно хохотать, делает несколько кругов над открытым гробом. Потом повисает над покойником, пристально глядя ему в лицо.

— Ты будешь вечно бояться, вечно! — громко произносит женщина в красном. — У тебя не было покоя здесь, и там его тоже не будет!

С этими словами она разворачивается и летит обратно к машине...

В гробу лежал Гарик. Женщина в красном, с развевающимися волосами была я. А всё вместе — мой самый любимый сон.

МАМА

Через пару недель после Нового года у Рвачёва в очередной раз случился острый приступ лирической романтики или романтической лирики, и он позвонил мне в пятницу утром на работу.

— Сегодня вечер наш! — торжественно объявил он. — Я свободен до полуночи.

Обычно по пятницам моя дочь вечером куда-то убегала, и Рвачёв это прекрасно знал. Мне вся любовная бодяга до смерти надоела. Я мечтала избавиться от этого маленького, прожорливого, дурно пахнущего самодовольного хвастуна, но не могла. Нескончаемые судебные дела опутали меня. Я погрязла в проблемах.

— У меня большая культурная программа, — продолжал Рвачёв. — Жду тебя после работы в машине.

Сначала мы поехали в музей «Фрик коллекшн». Я там была впервые, а Рвачёв, видимо, не раз приводил туда очередную жертву, так как на бескорыстного эстета был совсем не похож. Держа меня за руку, он похозяйски переходил от одной картины к другой, точно называя имя художника и название картины.

К сожалению, музей закрывался рано, и один зал мы недосмотрели. Непонятно откуда взявшаяся толпа служителей музея плотной цепью, встав плечом к плечу, вытесняла посетителей. Рвачёв уходить не хотел и сцепился со служителем, доказывая, что за свои три доллара имеет право на полный осмотр музея. Рвачёв набылчился и грудью грозно наступал на усатого дядьку в форме. Служитель с испугу схватился за пистолет и стал вопить, чтобы вызвали полицию.

— Ты же адвокат, — хватала я за рукав Рвачёва, — что же ты закон нарушаешь? Пошли отсюда! Хочешь скандала?

— Мне всё равно! Я ничего не боюсь! — рычал Рвачёв, свирепо зыряка на служителя.

Я отпустила его вырывающуюся руку и спокойно заметила:

— Ну, ори! Приедет полиция, жена твоя узнает, как ты любишь живопись! Интересный у вас будет разговор об искусстве!

Напоминание о жене подействовало, как ушат холодной воды. Рвачёв моментально успокоился и поплёлся к выходу, бурча под нос пустые угрозы в адрес музея. На улице, окончательно остыв, вдохнув свежего морозного воздуха, он посмотрел на меня с загадочным видом.

— А теперь — в ресторан! Но не простой!

Ресторан назывался «Русский домовый». Стены были украшены знаменитыми нарциссовскими собаками.

— Откуда ты знаешь, что это Нарциссов?

— По Ленинграду. Он ученик Николая Акимова. Я была на его первой выставке.

— Я тебя обожаю! — обнял меня Рвачёв. — Ты необыкновенная женщина!

К нам подошёл хозяин, с трубкой и бородой, похожий на норвежского рыбака.

— Я — адвокат, — представился Рвачёв и сунул хозяину в нос свою визитку. — Буду рад помочь вам и вашим клиентам в любых иммиграционных и других делах. Пожалуйста, обслужите меня и мою даму как положено.

Хозяин, попыхивая трубочкой, повёл нас к столу. Рвачёв важно шагал сзади. Ресторан был полупустой, поэтому найти место лучше не составляло труда.

Обычно женатые мужчины не любят выпендриваться в общественных местах, когда посещают их не с женой, а, мягко говоря, с подружкой. Рвачёв — наоборот. Ему доставляло удовольствие ходить по острию ножа и демонстрировать своё бесстрашие. Он был уверен, что тем самым лишний раз доказывает свою любовь и понимание загадочной женской души, как бы подавая надежду на то, что настоящая связь для него значит больше, чем возможные неприятности дома. Я уже неоднократно имела возможность убедиться как на самом деле панически Рвачёв боится свою жену, поэтому на очередной выпендрёж внимания не обращала, более того мысленно смеялась над ним от всей души. Этот спектакль забавлял меня, поэтому я охотно в нём участвовала.

Особенно Рвачёв любил танцевать, когда никто не танцует и все на нас смотрят. И в этот раз, под аккомпанемент старичка за роялем, Рвачёв томился в страстной неге посреди полупустого ресторана. Старичок за роялем каждый раз, когда Рвачёв поворачивался к нему спиной, а я — откровенно равнодушным лицом, подмигивал и строил рожи, передразнивая моего кавалера, умирающего от любви.

Когда мы вернулись за столик, Рвачёв обвёл глазами зал.

— Я здесь был однажды много лет назад. Мой приятель справлял свой день рождения. Очень приглашал, просто умолял придти. Жена, как обычно, отказалась. Она, понимаешь, русские рестораны не любит. Пришлось идти одному. Пришёл — ни одной симпатичной физиономии.

Тоска. Хозяин так звал, рассыпался, а когда я пришёл, еле-еле на меня посмотрел и весь вечер почти со мной не разговаривал. Короче, мне не понравилось. Очень скучно.

— А что ты подарил? — насмешливо спросила я, заранее зная ответ.

— Не помню, безделушку какую-то, которую из Германии привёз. А что?

— А то, что в ресторане, тем более в русском, кладут в конверт полтинник за одного или стольник за двоих, как минимум, а дурацкие сувениры никто не дарит!

— Полтинник? Пятьдесят долларов? Это же очень много!

— Сиди дома, не ходи!

— Почему не ходи? Я люблю компании, дни рождения!

— И часто тебя приглашают?

— Нет, к сожалению, очень редко. Наверное, потому что жена не любит ходить!

— Не сваливай на жену, дело не в ней, а в том, что вы — жмоты! Дарите какое-то барахло, вот вас и не зовут! Понятно?

Рвачёв надулся и уткнулся в свою тарелку. Я рассеяно глазела по сторонам. Хозяин, попыхивая трубочкой, важно бродил по полупустому залу.

В машине Рвачёв меня обнял.

— Едем к тебе?

— Нет, у меня дочка дома.

— Почему она в пятницу дома?

— Я попросила со мной побыть.

— Зачем? Ведь договорились же встретиться!

— Вот и встретились.

— Ты что, издеваешься?

— Ничуть! Домой отвезёшь? Ты же не занят, торопиться тебе некуда.

— В Бруклин просто так я не поеду! Довезу только до метро. Ты неблагодарная! Вот ты кто! И вообще, ты не забыла, что должна мне пятьсот долларов?

— Не забыла, не волнуйся, я пришлю тебе чек. А что значит «неблагодарная»? Я тебе что-то должна кроме денег, которые плачу?

— Ты мне много чего должна! Если бы с тебя брали за час, ты бы заплатила адвокату втрое больше!

— Если бы я брала за час, то неизвестно, кому бы вперёд надоело!

— Вот ты как заговорила!

Я молча отвернулась у окна. Рвачёв с силой нажал на газ, проехал

несколько метров на бешеной скорости и на повороте чуть не врезался в идущую навстречу машину. На его «счастье», полицейскую. После получасового разбирательства Рвачёву вручили штраф на восемьдесят долларов.

— Скупой платит дважды, а такой, как ты — трижды! — съехидничала я, вышла из машины и пошла к метро, оставив за спиной кроющего матом всех вокруг Рвачёва.

ДОЧКА

Когда я пришла домой, мама нервно ходила по комнате и курила. На столе были разбросаны какие-то бумаги.

— Что нового? — спросила я.

— Не спрашивай! — Мама продолжала метаться по комнате. — Я с ума сойду, теперь уже от моего замечательного адвоката, будь он проклят!

— Сядь, успокойся, расскажи всё по порядку.

Мама села и потушила сигарету.

— Сначала он потребовал у меня ещё пятьсот долларов за новый суд, обещая, что впредь не возьмёт больше ни копейки. Я выслала ему чек за неделю до заседания, как он настоятельно просил. За день до суда он мне позвонил и объявил, что заседание перенесли на апрель по просьбе адвоката Гарики, у которого именно в наш день срочное заседание другого очень важного суда, но что мои деньги пойдут в счёт нашего апрельского заседания. Сразу целый букет вранья. Во-первых, наше заседание было запланировано ещё в декабре прошлого года. Почему, заранее зная день и месяц, Шах назначает другое заседание на этот же день? А если это, второе, его заседание было назначено раньше нашего, почему он не заявил об этом сразу и не попросил дать нам другое число? Ответ очень простой: потому что Шаху выгодно тянуть время, чтобы не подставлять своего клиента под суд, который он, несомненно, проиграет, а Рвачёву вместо того, чтобы отстаивать мои интересы, выгодны эти затяжки, чтобы вымогать у меня деньги. Он мне сообщил о переносе суда накануне, а по правилам суд не переносится за день до заседания, это оговаривается заранее. Рвачёв прекрасно знал, что суда не будет, а деньги у меня требовал, да ещё как нахально! После этого Рвачёв позвонил мне и заявил, что Шах предложил забрать копии документов о разводе. Гарику, как видно, не терпится потрогать эти бумажки руками, а мне всё равно, я никуда не тороплюсь. Оказывается, если одна сторона берёт копии, то платится определённая сумма за то, что они напечатаны, а если обе стороны, то есть и я, и Гарик, заказываем копии вместе, это стоит вдвое дешевле. А какое мне дело? Гарик хочет иметь свидетельство о разводе? Пусть платит! Если мне потребуется, я сама заплачу, а экономить Гарику расходы не собираюсь! На самом деле, я думаю, ни Шах, ни Гарик не мелочились. Поскольку Гарику не терпелось получить своё свидетельство, они заказали документы и выслали Рвачёву мою копию. А этот крохобор тут же решил заработать на

этом, как ты думаешь, сколько? Аж восемнадцать долларов пятьдесят центов! И теперь он мне сообщает, что уже заплатил их Шаху. Плюс он якобы ездил в суд, чтобы договориться о переносе дела на апрель, парковал машину и потратил ещё пятнадцать долларов. Итого тридцать три доллара пятьдесят центов. И теперь Рвачёв слёзно умоляет меня ему их прислать! Между прочим, чтобы перенести судебное заседание, ездить из Нью-Джерси в Бруклин совсем не обязательно, достаточно снять телефонную трубку. Мне всё это враньё страшно надоело, и я попросила прислать мне копию чека на восемнадцать пятьдесят, который Рвачёв якобы заплатил Шаху за документы, а также копию квитанции за парковку. Рвачёв орал как резаный, что он из-за меня дико потратился, но я стояла на своём: предъяви доказательства! Ты только подумай! Адвокат, обобравший меня на сотни долларов, обещавший сделать всё за восемьсот и получивший в два раза больше, торгуется и врёт, как последнее ничтожество, из-за пятнадцати долларов! Сегодня я получила якобы доказательства: вместо копии чека на восемнадцать пятьдесят Рвачёв прислал мне письмо Шаха, где Шах просит заплатить ему эти деньги. Я считаю: просит? Откажи! Я, клиентка, платить их не хочу! Это моё право! А если ты без моего ведома что-то заплатил, покажи чек. Но чека нет. Вместо копии квитанции за парковку на пятнадцать долларов Рвачёв прислал мне квитанцию на десять. Где он её взял — непонятно, скорее всего, у кого-то выклянчил. Так пятнадцать или десять? Уверена, что ни то, ни другое, — просто враньё и вымогательство! За дуру меня держит!

— Покажи мне эти бумаги, — попросила я.

Мама указала на стол. Я внимательно прочла письмо Шаха о восемнадцати долларах.

— У тебя есть ещё какие-нибудь письма Шаха? — спросила я маму.

— Разумеется.

— Покажи, пожалуйста, и письма Рвачёва тоже.

Положив рядом несколько документов, я подозвала маму.

— Смотри! Вот подпись Шаха на всех его бумагах. Сравни с подписью на письме, которое тебе прислал Рвачёв. Они совершенно разные, ничего общего! Это раз. Во-вторых, обрати внимание: фамилия Гарика написана с ошибкой. Во всех настоящих документах Шаха этой ошибки нет ни разу, он хорошо знает, как писать фамилию своего клиента, в то время как во всех предыдущих бумагах Рвачёва фамилия Гарика написана неправильно, с той же самой ошибкой, как и в якобы последнем письме Шаха. Подделка — вот как это называется! Твой Рвачёв — аферист! Где ты их находишь, мама? Это же ужас какой-то!

— Я их нахожу по блату, по знакомству, по рекомендации! — едко ответила мама. — Ну что ж, всё ясно! — и пошла к телефону.

— Адвоката Рвачёва попросите, пожалуйста, — официальным голосом произнесла мама, — его просит клиентка. Лёша? Здравствуй, Лёша! — нежно и ласково вдруг «запела» мама. — Я получила твои любовные письма, в которых ты просишь тридцать три доллара и пятьдесят центов. Закрывая глаза на то, что все твои квитанции явные фальшивки, я только хочу напомнить тебе, что под Новый год ты забрал у меня тридцать долларов, а за такси, которое ты обещал оплатить, я заплатила тридцать пять. Так что не я тебе должна тридцать три пятьдесят, а ты мне тридцать пять. Но я тебе долг прощаю. Вычти из тридцати пяти тридцать три пятьдесят и возьми полтора доллара на чай.

В ответ Рвачёв заорал так, что было слышно на всю комнату. Мама несколько минут подержала трубку на расстоянии, потом показала ей язык и повесила на полуслове воплей и угроз на другом конце провода.

— Похоже, Боря Лишанский прав, — задумчиво и печально произнесла мама, — адвокат — первый враг тому, кто ему платит.

О чём орал Рвачёв, мы так и не узнали.

МАМА

Телефон звонил, не умолкая. «Ну, что суд?», «Когда суд?» — спрашивали со всех сторон. Всем, как и мне когда-то, казалось, что наказать Гарику ничего не стоит. Надо только собраться, посмотреть документы и вынести решение. На самом деле, непонятно почему, обстоятельства складывались так, что всё было выгодно не мне, а тому самому Гарику, который должен был быть наказан. Даже день судебных заседаний назначался каждый раз именно на среду, когда Гарик был выходной, а мне приходилось изворачиваться, чтобы взять день на работе. Сколько раз я просила Рвачёва поменять день на другой! Непонятно почему, это оказывалось невозможным. Все заседания упрямо назначались на среду, и я не могла добиться вразумительных объяснений этому таинственному совпадению.

Рвачёв мне больше не звонил. Я ему тоже. Приближался заветный день. В последнюю неделю марта я получила по почте пакет от Рвачёва. В официально хамских выражениях мне было предложено составить контракт, по которому пятьсот долларов, полученные Рвачёвым за предстоящее апрельское заседание он пересчитал за свои телефонные звонки, связанные с моим делом, расходы на парковку машины, за бензин, пошлины, а также изучение материалов дела, имея в виду мою объяснительную записку о финансовых бумагах Гарики, которую я составила по его же просьбе. За апрельский суд Рвачёв требовал дополнительные пятьсот, претендуя, согласно новому контракту, на 33,3 % от возможной суммы, полученной в случае успешного окончания дела. Это был просто грабёж!

Вдобавок контракт, составленный Рвачёвым и полученный мной в конце марта, был датирован январём.

Я позвонила Рвачёву. Не вдаваясь в объяснения, он нагло заявил мне, что в случае моего несогласия отказывается быть моим адвокатом и на заседание суда просто не придёт. Как и рассчитывал Рвачёв, я попала в ловушку. Не зная, что предпринять, чувствуя себя в капкане, клокоча от злости, я металась по дому на грани истерики. От беспомощности и обиды мне хотелось убить всех, начиная с Гарики и кончая Рвачёвым. В таком состоянии меня застала подружка Соня, которая, как все, позвонила задать завязший в зубах вопрос «Ну, что суд?»

— Приходи! — выслушав мои мытарства, решила Соня. — Позовём

Таню, она работает с адвокатом, что-нибудь посоветует!

Вечером, за чаем у Сони, Таня невозмутимо спокойно расспросила меня о моей любовно-юридической эпопее.

— Он тебя шантажирует, — подвела итог Таня. — Ответь ему тем же. У тебя есть какие-нибудь доказательства ваших неслужебных отношений?

— Конечно, — всхлипывая, кивнула я. — Дурацкие стишки и нежные телефонные приветы, которые я чудом не стёрла с автоответчика. Всё есть!

— Так что тебе ещё надо? Он спал с клиенткой, шантажировал её. Его просто лишат права на работу. А он ещё рыпается, дурак! Хочет неприятностей? Он их получит! Звони ему и не проси, а требуй! Никаких денег! Контракт надо было составлять, когда он обещал сделать всё за восемьсот. А теперь он опоздал, голубчик!

Вернувшись домой, я переписала все любовные излияния с автоответчика на магнитофонную плёнку и решительно набрала номер Рвачёва. Он подошёл к телефону сам. Вместо приветствия я нажала кнопку «Play» и поднесла телефонную трубку к магнитофону. Подлый Рвачёв слушал влюблённого Рвачёва и от ужаса, верно, тихо подышал. Я выключила магнитофон.

— Что это такое? — выдавил Рвачёв.

— А то, что я напишу во все газеты о том, как ты меня шантажируешь, и вторая программа телевидения сделает фильм из цикла «Правдивые истории». Меня будет играть Шерли Макклейн, а тебя, как ты мечтал, Дастин Хофман. Понятно?

Я швырнула трубку. Телефон тут же зазвонил.

— Слушаю.

— Я убью тебя, ты поняла? Я тебя убью, с работы уволю, напишу твоему работодателю, тебя вышвырнут на улицу, ты с голоду подохнешь! Я убью тебя! — Рвачёв хрипел, давился от злобы и выплёвывал угрозы одну за другой.

Но меня, зарёванную и отчаявшуюся, попавшую в тупик и доведённую до безумия, было уже не остановить. Как загнанный в угол зверь, я боролась до последнего. Мозг мой лихорадочно работал, изобретая и изворачиваясь. Повесив трубку на полуслове, я тут же сняла её и набрала «911» — полицию.

— Меня хотят убить! — истерически завопила я. — Я живу одна, — правдоподобно рыдала я. — Меня некому защитить, а меня грозятся убить!

Через пять минут в мою квартиру вошли два здоровенных черных полицейских.

— Меня хочет убить мой адвокат! — дрожащим голосом скулила я,

жалобно переводя глаза с одного полицейского на другого. — Он шантажирует, хочет денег всё больше и больше! Он заставил меня с ним переспать, а теперь грозит убить! Я боюсь! Я не знаю, что делать! Меня некому защитить!

В этот момент, как по заказу, зазвонил телефон. Рвачёв продолжал сыпать угрозами и проклятиями.

— Это он! — прошептала я. — Опять угрожает!

Трубку взял полицейский.

— Слушай ты, адвокат, — спокойно сказал он, — ещё раз сюда позвонишь, будешь ночевать за решёткой, понял?

Рвачёв был в таком запале, что, не сообразив, с кем имеет дело, заорал ещё громче.

— Ты хочешь, чтобы я приехал к тебе? — насмешливо переспросил полицейский. — Я приеду, но уедем мы вместе, причём ты — в наручниках. Мне плевать, что ты адвокат! Я таких, как ты, адвокатов... — И он красочно объяснил, что бы он сделал с таким, как Рвачёв, адвокатом.

Как ни странно, Рвачёв затих. Полицейский повесил трубку.

— Мы составим акт. Вам позвонит следователь и скажет номер вашего дела. Не бойтесь, если он — адвокат, то понимает, что наделал. Думаю, вас никто не тронет. До свидания.

Полицейские ушли. Телефон зазвонил снова.

— Ты — сука! — Рвачёв больше не орал, он шипел. — Ты такая же дрянь, как твой бывший муж, который по поводу и без повода обращается в полицию. У вас один почерк! Я тебя не убью, но на суд не приду, поняла?

— Ты хочешь, чтобы я позвонила твоей жене? — уже без истерики, с издёвкой спросила я.

— Ты не сделаешь этого! — прорычал Рвачёв.

— Сделаю. Завтра. Жди. — Я повесила трубку на рычаг. Другого выхода у меня не было. Я приняла решение.

Утром я позвонила Рвачёву. Как и предполагалось, дома, кроме няньки, никого не было.

— Это говорят от врача... — любезным голосом я назвала первую попавшуюся фамилию. — Мадам Рвачёва должна сегодня придти на приём. Скажите, пожалуйста, её номер телефона.

Ничего не подозревавшая нянька сообщила мне служебный телефон жены Рвачёва, который я тут же набрала.

— Здравствуйте, — сказала я, — говорит клиентка вашего мужа. Это мои сигареты вы не раз находили, а его машине. Простите, но у меня безвыходное положение. Завтра суд. Ваш муж отказался явиться туда, а у

меня нет ни времени, ни денег нанимать другого адвоката. Хотите встретиться и поговорить?

— Давно хочу! — ответила жена Рвачёва.

Поскольку мы обе работали в Манхеттене, то уже через полчаса встретились на улице.

Жена Рвачёва, изящная блондинка, с худым длинным и злым лицом, смотрела на меня подозрительно и враждебно.

— Не надо сердиться, — попросила я, — как мужчина ваш муж мне не нужен и никогда не был нужен, но он мой адвокат, куда же деваться?

— У вас была с ним связь? — в лоб спросила жена Рвачёва.

— Была, — поддержала её тон я. — Но он мне противен, я терпеть его не могу и сама это всё прекратила, а он теперь мстит и шантажирует.

— Вы что, надеялись, что он вас будет бесплатно защищать? — едко усмехнулась жена Рвачёва.

— Бесплатно? Он начал с восьмисот, всеми правдами и неправдами получил в два раза больше и требует ещё и ещё!

Жена Рвачёва удивлённо подняла брови, я поняла, что о своих заработках муж ей не очень-то докладывает.

— Вступать с ним в интимные отношения, — продолжала я, — моя ошибка, признаюсь, но я тогда была в таком состоянии, что вообще плохо соображала, что делаю! Конечно, мне льстило, что мой адвокат в меня влюбился! Так я за это хорошо поплатилась и расплатилась!

— У вас есть доказательства, что он влюбился?

— Есть, — я протянула копию новогодних стишков Рвачёва.

— Я могу это взять? Мне это может пригодиться.

— Конечно.

— Значит так, на суд он придёт. До свидания.

— Спасибо, — сказала я ей вслед. — Простите меня!

Вечером позвонил Рвачёв.

— Сволочь! — задыхался от гнева он, но орать боялся, наверное, жена была дома. — Ты сволочь! Сволочь! Сволочь!

— А ты? — спросила я.

— Завтра суда не будет! Твой судья уехал в отпуск. Суд переносится на июль месяц.

— И ты сообщаем мне об этом накануне вечером? Как трогательно! Значит, ты меня шантажировал, заведомо зная, что суда не будет! И ещё денег просил! Кстати, верни мне их, пожалуйста, я найму другого адвоката, до июля я успею это сделать!

— Ничего я тебе не верну! Это пойдёт в счёт телефонных разговоров!

— В которых ты врал о своей подлой любви, — добавила я. — Верни деньги, Рвачёв, хуже будет!

Рвачёв бросил трубку.

Я пошла в спальню, легла на кровать и закрыла глаза. Господи! Как я устала!

ДОЧКА

Приближался мамин день рождения, а настроение у неё было совсем не праздничное. Эти долбанные судебные дела совсем её доконали. Я ломала голову, как сделать ей что-то приятное, чтобы отвлечь от грустных мыслей и хоть как-то порадовать. Открыв почтовый ящик, я чуть не захлопала в ладоши. Очередное письмо от Славы пришло как никогда, кстати, а уж он-то всегда находил нужные хорошие слова, так необходимые для мамы именно сейчас.

— Угадай, кто тебя поздравляет? — Я помахала у мамы перед носом знакомым советским конвертиком.

— Славка? — просияла мама. — Давай быстрее сюда!

— Мам, читай вслух, я Славины письма очень люблю, — попросила я.

— Славочка, — глубоко вздохнула мама и погладила письмо.

04.12.93

Санкт-Петербург

«Вы пришлёте в красивом конверте

Щелест ласковых Ваших слов...»

Здравствуй, мой ангел-хранитель!

Как всегда, прости меня за долгое молчание, за то, что по-прежнему испытываю твоё терпение, и каждый раз обещаю исправиться.

Ещё месяц назад я получил твоё большущее и, как мне кажется, написанное на одном дыхании дивное письмище-монолог.

Я был растроган твоими воспоминаниями и подробностями, которые вновь воскресли в моей дырявой и уставшей памяти (твоей блестящей памяти я всегда завидовал!). Тут же сел писать, пока свежо восприятие и есть «запал» души. Но почему-то в голову лезла сплошная банальность и детская чепуха. Ответного, достойного твоему настроению письма не получилось. Я ужасно злюсь на себя, когда у меня что-то не получается. В итоге — отложил. Потом как-то плохо складывались будничные дела, что-то не получалось на работе, приходил домой усталый и т. д.

Ко всему прочему, в марте меня назначили на новую должность, что потребовало больших усилий и концентрации. Я теперь начальник отделения — самостоятельное направление в тематике института.

Всё остальное совпало с очередными реформациями в нашей экономике, огромными трудностями в финансировании проектных работ, инфляцией, скачками теперешних цен. Всё в моей голове закружилось, завертелось. Времени не хватает ни на что.

Я знаю, что ты недолго обижаешься на меня за молчание. Знаю также, что ты готова при любой возможности прислать мне весточку. Это чисто по-женски, и я «снимаю шляпу» перед твоей преданностью! Пожалуй, я здесь употребил слишком крепкое словечко (и чересчур самонадеянное), хотя моя память о тебе постоянна. Я часто вспоминаю тебя, размышляю про себя, как ты сейчас себя чувствовала бы в России. Ведь за эти почти пять лет столько изменилось здесь, и, к сожалению, всё к худшему.

Кто бы мог подумать, что мы станем нищими и голодными за какой-то год жизни?

Кто из нас мог предположить, что мы узнаем чувство страха и за свою личную жизнь, и за будущее вообще? Могли ли мы думать, что окажемся на дне духовной и культурной жизни, в то время как мы всегда устремлялись к вершинам культуры и духовности. Теперь такого никому не нужно. «Нашим» миром правит грязная торговля, политические бездари и насилие. Ну что, мрачно? К сожалению, это правда... А ты спрашиваешь, почему я редко тебе пишу. Если бы ты смогла узнать, что у меня на душе! Да и за душой ни гроша. А за спиной больше половины жизни... Может быть, то, что я пишу тебе, кажется совсем не по-мужски, но это моя горькая попытка исповеди другу. Большого и интересного письма не получается. Я несколько раз садился за кухонный стол с желанием написать тебе и... не получается, чего-то не хватает в состоянии души, чтобы писалось легко и радостно, а потом тебе читалось. Надеюсь на твоё понимание, и не осуди...

Я часто смотрю на твои фотографии. Пожалуй, их скоро наберётся солидный альбом. Очевидно, я так и сделаю и назову его «Я мог быть твоим мужем». И всюду цветные фото из твоих путешествий — Севильи, Ламанчи, Толедо, Мадрида, Италии, Гавайев и т. д.

Вообще, неужели есть на свете другая жизнь?!

Такой ностальгический мотив скорее связан с моим возрастом или тем, что больше некому говорить подобные слова, хотя нет, я не прав. «Большое видится на расстоянии», — мудро сказал поэт, хотя и проживший не очень долгую жизнь.

Если говорить о тебе откровенно и до конца, то я наблюдал тебя не только со стороны. Я знаю твои сильные стороны и знаю черты характера, смущавшие меня — требовательность, даже жёсткость, импульсивность или, как я это называю, сиюминутность. Прошу, пойми меня правильно, как друга.

Но доброта всегда играет огромную роль во взаимоотношениях людей. Собственно, на ней всё и строится. Доброта не как долг кому-либо или чему-либо, а как чувство — прерогатива души. Ею обладают люди от рождения, и далеко не все. Этим они привлекательны, от этого они и часто страдают.

Ничего нового в философском смысле я, разумеется, не открыл. Но я сказал это тебе. Мне кажется, что ты жертва такого дарования.

А теперь главное. Спешу поздравить тебя с днём рождения! Желаю тебе здоровья и оптимизма на долгие лета! Я буду рад твоим успехам, и каждый раз, получая от тебя весточку, благодарю Бога, что есть в этом мире надёжные друзья! Есть время, чтобы что-либо изменить в этой жизни, в том числе и для себя, и я буду пробовать. Главное, чтобы удача не отвернулась от нас и не прошла далёкой стороной. Надеюсь, что мы встретимся на той или другой стороне океана!

Я обнимаю тебя, как это возможно через океан, и целую. Даст Бог и увидимся. Напиши мне хорошее письмо о себе, о твоей жизни.

Твой Слава.

Мамин голос дрожал и прерывался, она несколько раз останавливалась, читая письмо, чтобы перевести дыхание.

— Если бы мой бедный Славка узнал, в какой грязи я здесь вывалялась, не знаю, что бы он мне написал!

— Он настоящий друг и всё бы понял как надо, — сказала я. — Я уверена! А я тебе тоже что-то написала! — Я протянула маме поздравительную открытку с красивым букетом цветов на обложке. — Читай вслух!

Ты самая сладкая,
И самая вкусная,
И очень смешная,
Когда ты не грустная!
Ты — классная!

Я от тебя без ума!
И этот стишок
Написала сама!

С днём рождения! Расти худой, стройной и слушайся дочку!
— Я тебя люблю! — сказала мама.
— Я тебя тоже! — ответила я.

МАМА

Адвоката придётся менять, в этом не было никаких сомнений. Но где взять другого, уже третьего? От одной мысли, что надо начинать сначала, становилось тошно!

С одной стороны, хотелось бросить всё ко всем чертям, забыть сумасшедшего Гарика, подлого Рвачёва и жить, потихонечку отдавая долг Лишанским.

С другой стороны, было жаль потраченных на адвоката денег. Заплатить долг в одиночку означало года на четыре лишиться отпуска и перейти на режим строжайшей экономии — за что я должна быть так наказана?

Мне становилось себя ужасно жалко, и чувство мести вспыхивало во мне с новой силой.

О Гарике ничего не было слышно. Что он делает? Где живёт? Никто не знал. Он ни с кем не общался. По слухам, на все попытки каких-то знакомых войти с ним в контакт Гарик отвечал, что, пока суд не кончится, ни с кем не хочет разговаривать. Вся судебная корреспонденция была адресована на адрес Баси, матери Гарика, а где обитает он сам, оставалось тайной. Поскольку Гарик утверждал, что его хотели убить, окружающие, скептически усмехаясь и крутя пальцем у виска, считали, что он прячется в целях самообороны.

Но слухом земля полна, и косвенные «приветы» от Гарика, и от Рвачёва я всё-таки получала.

Мне позвонил из Вашингтона старый приятель Вовка. Мы вместе учились в институте, потом много лет были в одной компании, очень дружили с одними и теми же людьми, а друг другу только приветливо махали издали.

Случайно встретившись в Америке, успев всласть нахлебаться одиночеством, ощущением своей никомуненужности и вакуумной пустоты вокруг, мы бросились в объятья друг другу.

Для меня Вовка был кусочком моего Ленинграда, моей юности, института, общих друзей, по которым я невероятно скучала. Мы говорили на одном языке, понятном лишь нам двоим с полу взгляда и полуслова. И даже то обстоятельство, что Вовка жил в Вашингтоне, а я в Нью-Йорке, нам не мешало.

Однако при всей нашей взаимной симпатии общего прошлого оказалось недостаточно для общего будущего. Мы оказались абсолютно

несовместимы. Вовка любил прикинуться таким Печориным, мрачным и томным, не знавшим настоящей любви и не имеющим душевных сил полюбить кого-то от всего сердца, пылко и страстно. Я — напротив, вспыхнув, горела, то согревая, то обжигая, но до конца, без оглядки. Вовкины друзья в Америке, в которых он, несмотря на свою пресловутую холодность, не чаял души, бросался к ним по первому зову, опекая, меня раздражали. Скорее всего, это было из ревности. Я не хотела делить Вовку ни с кем! Мои благополучные друзья, приехавшие в Нью-Йорк много лет назад, вызывали у Вовки откровенный зевок и незаслуженные обвинения в мещанстве, ограниченности и бездуховности. На фоне нашей тогдашней бедности и неустроенности такие Вовкины выступления выглядели как обыкновенная зависть.

— Я не люблю никого, — любил повторять Вовка, — но тебя не люблю меньше всех!

Сохранять близость, сознавая, что нет самого главного, без чего я не мыслила себе жизни, было грустно, тоскливо и, как мне казалось, бессмысленно. Произошёл разрыв.

Когда первая боль прошла, наши отношения возобновились, оставаясь тёплыми и дружескими, но без прежнего надрыва. Мы часто перезванивались, иногда встречались как добрые знакомые, у каждого из которых была своя личная жизнь. Прежняя близость оставила между нами откровенность чуть больше, чем бывает у просто друзей, и я это очень берегла и ценила, и, как мне казалось, Вовка тоже.

Позвонив мне, Вовка каялся, что приезжал в выходные в Нью-Йорк на какой-то юбилей и так загулял, что очнулся, когда надо было срочно уезжать обратно, в Вашингтон. Поэтому о встрече со мной он не успел даже подумать, за что извинялся и о чём сожалел, не скупясь на самобичевание и громкие слова.

— Наконец-то познакомился с твоим бывшим, — имея в виду Гарика, продолжал Вовка. — Я ведь раньше его не видел никогда, на свадьбе вашей не был. А тут вдруг на юбилее подсел ко мне какой-то слизняк и ехидно сказал: «Мы ведь с вами почти что родственники!» Я удивился, говорю, мол, я вас не знаю! А он мне: «Я бывший муж вашей близкой знакомой!» Называет тебя и в глаза мне заглядывает, как будто сочувствия ищет. «Она меня, — говорит, — теперь по судам затаскала!» Я почувствовал, он от меня ждал, что я эту тему подхвачу и начну с ним сплетничать, поскольку, сама понимаешь, мы с тобой встречались, теперь как бы — врозь! Ну, я ему отрезал: «Простите, но мне это всё абсолютно не интересно и обсуждать, кто прав — кто виноват, я не намерен!» Он сразу отскочил от меня, как

будто испугался, и кузнечиком запрыгал танцевать с какой-то длинноносой тёткой. Я потом спросил у друзей, кто она такая. Сказали, Циля, подруга его. Она ему в мамы годится! А вообще, когда ты мне всю эту эпопею рассказывала, я, конечно, тебя жалел, но, честно говоря, делал скидку на твою субъективность. Всегда надо две стороны слушать при разводе, а не одну. Но теперь, когда я его увидел, он мне страшно не понравился! И то, как он ко мне подсел, с какими-то грязными намёками, и как он от меня сплетен ждал! Мерзкий тип, ты была права! Как ты за него замуж вышла, не пойму! У него же рожа подлая!

— Спасибо, Вовка, что сплетничать с ним не стал!

— Ты что? За что спасибо? Всё нормально, а как же иначе?

Это был печальный «привет» от Гарика. Зато «привет» от Рвачёва я получила при весьма комических обстоятельствах. Ко мне в гости приехал из Бостона мой двоюродный брат, по-американски — кузен. Он встретил меня вечером, после работы, и предложил пойти куда-нибудь посидеть. В американский ресторан не хотелось, на Брайтон — тоже. Тут я вспомнила про «Русский домовый», куда меня водил Рвачёв. Кузену идея понравилась. Мы пришли в ресторан и заняли столик, заказали всякие русские яства и только приготовились ужинать, как в зал, попыхивая трубочкой, вошёл хозяин, похожий на норвежского рыбака. Оглядев всех гостей, которых, как обычно, в будни было немного, он заметил меня и с широкой улыбкой направился к нашему столику.

— Здравствуйте, я вас узнал! — начал он издали. — Вы приходили к нам со своим адвокатом! Как он поживает?

— Не знаю, — ледяным тоном ответила я, — он больше не мой адвокат.

Я в изумлении уставилась на хозяина. Хорошо, что рядом сидел мой кузен, а если бы ухажёр, муж, жених, кто угодно? Я была уверена, что в ресторане принято, как в банке, сохранять «тайну вклада», и вдруг такая осечка! Хозяин, правильно истолковав мой красноречивый взгляд, чуть не выронил изо рта трубку и растерянно попятился. И тут выступил мой кузен, известный хохмач.

— Пагади, дарагой! — с ходу перейдя на грузинский акцент, остановил он хозяина. — Сделай мне адалжение!

Хозяин виновато шагнул вперёд, в услужливом полупоклоне.

— Паслушай, дарагой, — продолжал кузен, сделав свирепую рожу, — кагда этот адвокат снова придёт с кем-нибудь, скажи ему тоже, что ты его помнишь, и не забудь добавить, с кем он здесь был и кагда! Спасибо, дарагой, а теперь иди, я всё сказал!

Хозяин понял намёк, повернулся и почти бегом поспешил в заднюю

дверь. Больше его в тот вечер в зале не было видно. Как только, он исчез, кузен и я переглянулись и захохотали. Весь вечер мы вспоминали лицо хозяина до и после его замечательного выступления и смеялись до упаду.

Второй «привет» от Рвачёва я получила по телефону. Позвонили Лора с Мишей, те самые, которые мне когда-то его рекомендовали. Они разговаривали со мной одновременно по двум трубкам.

— Что там у тебя с адвокатом? — кричал Миша, будто я глухая. — Давай, выкладывай, мы уже и так всё знаем!

— Миш, погоди, — старалась перекрычать мужа Лора. — Дай я расскажу! Тут жена Рвачёва звонила. То ходила такая гордая, неприступная, а то звонит, как родная! «Кого, — говорит, — вы Лёше подсунули? Он, — говорит, — у меня такой доверчивый, а эта ваша знакомая, которой он доверился, воспользовалась его доверчивостью и теперь его шантажирует!»

— Слушай меня! — орал Миша. — У меня на этого блядуна давно руки чешутся! Засуди его на фиг! Лиши его права на работу к чёртовой матери! Он тебе и долги выплатит и на всю жизнь обеспечит! Такое дерьмо учить надо! Ты полицию вызывала? Всё! Теперь пиши в ассоциацию, и он пропал! Только действуй быстро, не теряй времени!

— Нет, ребята, — сказала я, — у меня нет сил этим заниматься! Хоть бы с Гариком закончить, и пропади они все пропадом!

— Дура! — рассердился Миша. — Ты же шанс упускаешь! Этот гад Рвачёв тебе всю жизнь платить будет!

— Ничего мне не надо, Миша, я устала! Не могу я жизнь свою на суды положить!

— Ну, как хочешь! — отрезал Миша. — Я тебе умный совет даю, а ты поступай, как знаешь!

— Спасибо, — ехидно поблагодарила я, — вы мне уже однажды посоветовали, сыта по горло!

Миша и Лора обиделись и больше не звонили.

Третий «привет» от Рвачёва пришёл по почте. На чистом, без обычных титулов и заголовках, листе бумаги было напечатано на машинке, без обращения:

Имейте в виду! Если вы посмеете навредить моему мужу, то я сделаю всё, чтобы вас уволили с работы!

Рынок сейчас очень плохой, поэтому советую, не откладывая, начать поиски новой работы!

Симона Рвачёва.

«Испугался! — подумала я. — Так перетрусил, что от имени жены теперь меня шантажирует! Ей ведь не грозит лишиться права на работу, а для Рвачёва — одной уликой меньше: писал, мол, жена, а я тут при чём? Плевать я на них обоих хотела!»

Заниматься дрызгами мне было некогда, надо было срочно искать нового адвоката. Я опять вспомнила про Таню, которая работала в американской юридической конторе. Когда-то Таня говорила, что её адвокат-американка очень хотела мне помочь, но из-за смерти матери не смогла взять моё дело.

Я позвонила Тане. Она назначила время, и я пришла на приём. Адвокат-американка была похожа на Барбару Страйзенд. Её даже звали так же, Барбара. Невысокая, стройная, с прямыми пепельными волосами по плечам и большими серыми внимательными глазами, она сразу показалась мне очень симпатичной.

— Проходите, — приветливо встретила меня Барбара. — Давно о вас слышала от Тани, знаю в общих чертах вашу историю и очень вам сочувствую! К сожалению, не могла вам помочь сразу, вы же знаете о моём горе, но теперь с радостью возьму ваше дело. Это ужасно, что с вами происходит! Таня мне рассказала о вашем адвокате. Вы знаете, что имеете право его судить?

— Знаю, — отмахнулась я, — ничего я этого не хочу! Мне бы только долги людям отдать!

— Тогда так: сейчас составим контракт. Я с вас возьму семьсот пятьдесят долларов за ознакомление с делом и один суд. Если потребуется больше, то остальное с того, что мы выиграем, тридцать процентов.

— У меня другого выхода нет, я согласна. А можно семьсот пятьдесят в три приёма, иначе мне не осилить?

— Конечно! Давайте телефон вашего адвоката, я затребую у него все бумаги.

Барбара курила «Малборо», одну сигарету за другой. Весь стол был посыпан пеплом и пол тоже.

Мы ещё поговорили о том, о сём. Барбара мне очень понравилась, даже уходить не хотелось. Я оставила ей телефон Рвачёва и поднялась, понимая, что у адвоката, как ни у кого другого, время — деньги.

На прощанье Барбара обняла меня за плечи.

— Ничего, что-нибудь придумаем и всех накажем!

Через неделю позвонила Таня.

— Приходил твой Рвачёв! — возбуждённо сообщила она. — Принёс документы. «Имейте в виду, — сказал, — эта клиентка уже двух адвокатов

сменила! Очень трудный человек! Очень!» До чего же у него морда противная, как у бульдога! Давай, приходи, тебя Барбара вызывает.

На следующий день я пришла в контору. Барбара меня встретила как старую знакомую, но не порадовала.

— Тяжёлый случай! — нахмурилась, выдохнула она, выпуская табачный дым. — Всё сделано неправильно, куча ошибок! Во-первых, зачем вы согласились на развод? Это было единственное обстоятельство, на котором можно было играть, а теперь его нет!

— Рвачёв посоветовал. — Я вопросительно посмотрела на Барбару.

— Конечно, ему ведь хотелось иметь с вами интимные отношения, и, если вы свободны, это легче, меньше риска! Вот он и форсировал развод. Ему он был нужен, а вам — нет!

— Господи, ну кто же знал?! Я сопротивлялась, но он так настаивал! Кого же слушать, как не адвоката? Он сказал, что если формулировка будет «жестокое обращение со мной», это значительно облегчит дальнейший выигрыш денег!

— Какая чушь! — Барбара нервно затянулась сигаретой. — Одно к другому не имеет ни малейшего отношения! Как к вам относился ваш муж, играет роль при разводе, вы его получили! Деньги — это отдельный вопрос. Здесь эмоции ни при чём. Здесь важны расчёты, доказательства, факты, а кто хороший — кто плохой, не имеет значения! Так что эта формулировка на сегодняшний день — пустой звук! Во-вторых, кольцо было куплено до свадьбы?

— Конечно, а как же иначе? Обручальное кольцо всегда покупается до свадьбы! В нашем случае оно было куплено за неделю до регистрации.

— Правильно. Но по закону к делу относятся только те расходы, которые были сделаны после заключения брака.

— Но это же абсурд! Как можно купить обручальное кольцо после регистрации? Так никто не делает!

— Согласна. Но закон есть закон. Эти деньги рассматриваться в суде не будут.

— И ничего нельзя сделать?

— Ничего, к сожалению.

— Ужас! — Я почувствовала, как у меня из-под ног уходит пол. — Что же будет?

— Я попытаюсь что-то предпринять, но большой суммы обещать не могу.

— Да мне и не надо большой! Мне долг бы отдать, и всё!

— Попробуем. Не отчаивайтесь! Пойдёмте, я вас подвезу, нам по

дороге.

Мы вышли из конторы и пошли забирать со стоянки машину. Когда я подошла к ней поближе, то остолбенела. Прежняя развалюха Гарика, на которой он ездил, когда мы познакомились, была просто красавицей по сравнению с тем, что я увидела. Казалось, на машину Барбары было совершено нападение и по ней били кувалдой. На кузове не было живого места. Всё, что можно разбить, было разбито и заклеено изоляционной лентой. Внутри — просто помойка.

Я с трудом нашла место для ног, брезгливо отодвинув кучу мусора и боясь испачкать туфли и порвать колготки. Барбара, ничуть не смущаясь, стряхнула на пол пепел сигареты и нажала на газ. К моему удивлению, колымага тронулась с места и поехала.

«Если у адвоката, тем более женщины, такая машина, — пронеслось у меня в голове, — то, кажется, я опять влипла. Порядочность происходит от слова «порядок», а в этой машине пахнет чем угодно, только не порядком!»

На следующий день, на работе, я рассказала Белке об осечке с кольцом.

— погоди, — нахмурилась Белка, — тут что-то не то! Если обручальное кольцо не рассматривается большим судом, надо идти в малый.

— Какой малый? Что такое малый суд? Ни один адвокат мне про него ничего не говорил.

— Потому что они либо сволочи, либо сами не знают, грамотеи! Только деньги гребут! Это они умеют, а посоветовать по-человечески — черта с два! Слушай внимательно. Существует малый суд. Там рассматриваются дела до двух тысяч долларов. Адвокат в малом суде не нужен. Ты заплатила за кольцо чуть больше. Получи обратно хоть две. Лучше, чем ничего! А доказательства у тебя есть!

Я опять пошла к Барбаре.

— Ваша подруга права, — подтвердила Барбара слова Белки, — вы действительно имеете право обратиться в малый суд.

— Так почему же вы об этом мне ничего не сказали? Я же вас спрашивала!

— Простите, дорогая, у меня как-то выскочило из головы, совсем забыла! Конечно, подавайте в малый суд, вы обязательно выиграете!

— Барбара, у меня к вам просьба: я несомненно пойду и подам в малый суд. Но если вам позвонит адвокат Гарика, пожалуйста, ничего ему об этом не говорите! Сделайте вид, что вы не знаете! Пусть это будет для них сюрпризом!

— Конечно, дорогая! Я ничего не скажу!

В малом суде всё оказалось очень просто. Я заплатила всего восемнадцать долларов и оформила вызов Гарика на заседание, которое должно было состояться через три недели.

Прошло несколько дней, и Барбара вызвала меня к себе.

— Мне звонил Шах, — сообщила она, — он спросил, зачем его клиента вызывают в малый суд. Я объяснила, что это по поводу кольца, и возникли осложнения.

— Барбара! — Я даже вскочила со стула и выбежала на середину комнаты. — Ведь я специально просила вас не говорить Шаху о кольце! Вы кого защищаете? Гарика? Вы ничего не перепутали?

— Ой! — захлопала глазами Барбара и схватилась за голову. — Я совсем забыла! Как же я оплошала! Простите меня! Я очень виновата! Я забыла! Пожалуйста, простите меня!

— Да что мне толку от ваших извинений! — бушевала я, наплевав на приличия. — Вы мне всё испортили! Понимаете? Ис-пор-ти-ли! Да что же это такое? Я вам заплатила столько, сколько вы просили, а вы мне всё испортили! Про малый суд я узнаю не от вас! Я прошу не говорить — вы говорите! Ну, как мы будем вместе работать?

Глаза Барбары наполнились слезами.

— Дорогая моя! Простите меня! Вы сами мать, а у меня очень больна дочь. Я сама не своя. Ей предстоит тяжёлая операция! Я забыла о вашей просьбе, но дело в том, что вы всё равно не можете идти в малый суд в настоящее время!

— Как не могу? Почему?

— Пока ваше дело не будет закончено в большом суде, вы не можете идти в малый. Это как пирог, который нельзя резать по кускам и есть в разных местах.

— Но вы же сами сказали, что кольцо к делу в большом суде отношения не имеет!

— Правильно! Но, если до большого суда вы пойдёте в малый, Шах сделает так, что весь ваш иск ограничится двумя тысячами. И всё! Больше вы ничего получить не сможете!

— Это вам Шах сказал?

— Шах.

— Ещё бы! Уж теперь, благодаря вам, он подготовится, и сделает как ему нужно! А почему, когда я пришла к вам с этой идеей, вы мне про пирог ничего не объяснили? Я потеряла время, заплатила пусть небольшие, но деньги, и теперь надо всё отменять!

— Я сама отменю, вы не беспокойтесь.

— Конечно, я беспокоюсь! Ведь мне всё равно рано или поздно надо будет в малый суд подавать.

— Разумеется, я не просто отменю, я отложу. Потом можно будет возобновить. Ещё раз, простите меня, пожалуйста! Кстати, наш большой суд через месяц.

— Слава Богу! Хоть что-то положительное!

Радоваться было рано. Через две недели Барбара позвонила мне домой.

— Я перенесла суд на месяц.

— Почему?!

— В день нашего заседания моей дочке назначили операцию. Я не могу присутствовать.

Ну что я могла сказать? Дочка есть дочка. Невероятные совпадения! И всё так, как выгодно Гарику! Пришлось ждать ещё месяц. Лето подходило к концу. Я не замечала смены времён года, жила от одной судебной новости до другой, прокручивая в голове всевозможные варианты предстоящего разбирательства с Гариком.

За пару дней до заседания неожиданно позвонил Рвачёв. Тихим, покорным, даже просительным голосом сообщил мне, что стоит у моего подъезда. Ему необходимо со мной поговорить.

Так и быть, я спустилась вниз и вышла на улицу.

Увидев меня, Рвачёв насупил и сквозь зубы пробурчал:

— Хорошо выглядишь!

— Ты же убить меня хотел! Я, можно сказать, встречаясь с тобой, жизнью рискую, доверчивый ты мой! Ну, как там твоя жена? С работы ещё меня не уволила?

— Ну что ты начинаешь? Я же не ругаться пришёл. Был здесь рядом по делам. Очень хотел тебя видеть. Пойдём, посидим где-нибудь. Надо поговорить.

Мы нашли небольшое кафе в итальянском районе. Сели.

— Вот что я хотел тебе сказать, — Рвачёв говорил тихо и торжественно, видимо, он хорошо отрепетировал своё выступление. — У тебя искажённый взгляд на жизнь. Ты считаешь, что любое зло должно быть наказано. Так?

— Так, — согласилась я, мысленно приготовившись к обычной адвокатской ловушке.

— Теперь подумай. А вдруг ты ошибаешься? Если то, что тебе кажется злом, вовсе не зло? А ты хочешь его наказать!

— Конкретно, пожалуйста! Что не есть зло? Ты вымогал деньги, подсовывал мне фальшивки, врал, шантажировал меня устно и письменно,

грозился убить... Это всё как? Добро?

— А ты пытаешься в красивую жизнь въехать на танке. Так добро не делают.

— Ты прав. Танк — это здорово! Мне это нравится! Я тебе даже стишок прочитаю, ты же любишь мои стишки, не правда ли?

Чтобы одержать победу,
Я давно на танке еду...
Безопасный, быстроходный
Танк — мой самый лучший друг!
Он сегодня очень модный,
Если посмотреть вокруг!
Кто-то с кем-то не согласен,
Кто-то власть не отдает,
Выход прост и очень ясен:
«По машинам!» и «Вперед!»
Эй вы, сплетники-завистники!
Вылезайте из щелей!
Позлословьте, позавидуйте
Прухе танковой моей!
Эта жизнь американская
Мне, как видно, по плечу!
Без претензий, без шаманства я
Попаду, куда хочу!
Я пытаюсь жить надеждою,
Потом, кровью, головой,
Если можно — буду нежною,
Если надо — деловой!
Пусть ворчат, что больно смелая,
Всё дается мне легко...
Никого не подсидела я,
Не толкнула никого!
За ошибки, неурядицы
Я всегда сама плачу...
Ну, садись, любимый, рядышком,
Я на танке прокачу!

— Я любил тебя и сейчас люблю! — заблестел глазами Рвачёв.

— Да брось ты! — зло улыбнулась я. — Не обольщайся: любимый — это не ты, и никакой любви между нами не было! Просто стишок к слову

пришёлся! А что касается любви, не пачкай это слово! Взял, что плохо лежало, ещё и играл на этом.

— Вот видишь, ты не понимаешь элементарных вещей. Ты никому не веришь!

— Ну, как же? Гарику верила, что он мой муж, тебе верила, что ты мой адвокат. Наелась досыта! Ты, например, зачем мне развод посоветовал? Он тебе был нужен, а мне только навредил.

— Я не хочу говорить о делах. Я уже не твой адвокат.

— О чём же ты хочешь говорить? О любви?

— О любви.

— А я не хочу говорить о любви. Её нет и не было! Ты боишься, что я тебя накажу? Не бойся, мне не до этого. А зло должно быть наказано!

— Ты же хочешь быть хорошей, откуда это чувство мести? Это низко!

— Кто бы судил о низостях! С такими, как ты, как Гарик, надо говорить на вашем родном языке.

— Ты позвонила моей жене. Это подло.

— Согласна. Но я тебя предупреждала, помнишь? Ты знал на что шёл, когда меня шантажировал.

— Как же ты, при твоих принципах, сама оказалась способна на подлость?

— Я теперь на всё способна, так что лучше не связывайся!

— Угрожаешь?

— Нет, опять предупреждаю. Я твоё адвокатство ещё долго буду расхлёбывать.

— Смотрю на тебя и думаю, всё-таки ты — необыкновенная женщина! В тебе удивительно сочетается огромное обаяние и дьявольский характер! Но, чёрт побери, это притягивает!

— Увы, притягивается всякая мразь.

— Спасибо! — с укором посмотрел на меня Рвачёв.

— Ешь на здоровье, и хватит лести, на меня она больше не действует. Ты всё сказал? Тогда пошли.

Рвачёв проводил меня домой. Уходя, он обернулся и тяжело вздохнул.

— Я скучаю по тебе. А всё-таки зря ты всё это порушила.

«Жаль только поздно, надо было раньше!» — подумала я и ушла, не простившись.

ДОЧКА

Наконец-то настал день, как всегда, проклятая среда, когда мама и я поехали в суд. Меня было решено взять, на всякий случай, свидетелем. Новый мамин адвокат, американка Барбара, симпатичная тётка, встретила нас на улице с огромным чемоданом в руках и сигаретой в зубах.

— А что в чемодане? — любопытствовала я.

— Ваши документы, три папки, — ответила Барбара.

«Ничего себе! — отметила я. — Толку никакого нет, а бумаженции целый чемодан!»

Мы поднялись на лифте и вошли в коридор. Я сразу увидела бледную спирохету, Гарика, и с ним его адвоката и телохранителя, похожего на эсэсовца, о котором я столько слышала от мамы. Телохранитель был точно такой, как описывала мама, с хвостом на затылке и в кованых ботинках, классный мужик, а адвокат, легендарный Шах, выглядел совершенно иначе по сравнению с тем, как о нём говорила мама. Не патлы, а короткая стрижка, никаких торчащих до подбородка зубов, аккуратные усики. Опереточный красавец-мужчина!

— Сразу видно, Гарик постарался, его адвокат стал просто красавец, — прочла мои мысли мама. — Как видно, они время зря не теряли. Шах успешно работал над защитой Гарика, а тот, в свою очередь, над его улыбкой, и, как видишь, удачно!

Всех пригласили в зал, где, кроме нас, никого не было. Судья, маленький седой старик, не говорил, а хрипло лаял.

Гарик, с видом наркомана под кайфом, сидел, абсолютно отрешённо глядя перед собой, застывший, как мумия.

Адвокаты и судья сразу ушли в заднюю комнату. Телохранитель почему-то в зал не пошёл, остался стоять в коридоре.

Мама сидела напряжённо-сосредоточенная, время от времени бросая злые взгляды на Гарика.

Через минут десять адвокаты и судья вернулись. Начался суд. Маму первую вызвали давать показания. Барбара разложила на столе бумаги. Шах важно сидел с одеревеневшим Гариком.

Судья гавкал вопросы. Мама отвечала. Львиная доля времени ушла на то, что мама доказывала, что она — это она, что она живёт там, где живёт, и прочую муть. В ход пошли чеки, которые мама заплатила Лишанским. Шах,

увидев в углу чека кляксу, стал вопить, что чек поддельный. Судья прохрипел, что чек настоящий. Тогда Шах заявил, что поскольку финансовые бумаги мамы он, несмотря на свой запрос Рвачёву, не получил, заседание должно быть отложено. Барбара тут же вручила Шаху копии нужных документов. Судья рывкнул, что протест отклонён.

Через полчаса Шах вскочил опять и на сей раз попросил разрешения срочно выйти. Объявили перерыв на полчаса. Фактически до сути дела ещё не добрались. Судья вышел. Барбара, мама и я тоже.

— Ну что там слышно? — спросила мама у Барбары. — О чём говорили перед заседанием?

— Судья предложил договориться. Шах заявил, что он считает Гарика виноватым и обязанным платить деньги. Но Гарик, по словам Шаха, категорически отказывается, мотивируя тем, что в результате покушения на его жизнь ему нанесён тяжёлый моральный ущерб. В этом месте Шах состроил гримасу и скептически скривился. Но поскольку Гарик его клиент, заявил Шах уже серьёзно, то он, как его адвокат, должен исполнить волю подзащитного, поэтому будет делать всё, чтобы Гарик не платил ни копейки.

— Мерзавец! — отчаянно произнесла мама и вернулась в зал. Я вошла следом за ней. В огромной комнате, кроме Гарика и нас с мамой, никого не было. И тут маму прорвало.

— Гарик, как тебе не стыдно? Что ты со мной делаешь, мерзавец? Что ты по судам таскаешься? Ведь ты знаешь, что деньги ты украл! Помнишь, подонок, как ты на коленях стоял, когда умолял, чтобы я замуж за тебя вышла? А сам подслушку мастерил, чтоб у тебя, педераста, руки отсохли и у твоего Паприкова тоже! Гарик, ты же в зеркало смотришься каждый день и видишь свои бесстыжие глаза! Подлец! Ты пятьдесят лет жил тише воды, а за шесть месяцев весь в грязи перевалился! Как ты врал! И про зарплату, и про бедность! А на телохранителя, на адвоката у тебя деньги есть! Или ты тратишь чужие? Ты бы лучше долг людям отдал! Чем перед тобой Лишанские виноваты? За что ты их обокрал? Зачем тебе нужен телохранитель? Кому понадобилась твоя собачья жизнь? Я хочу, чтобы ты жил долго и всю жизнь мучился! Ты думаешь, о твоих выходках, подлостях никто не узнает? Я всему миру расскажу, какой ты подонок! Ты зачем к Вовке полез? Какое ты имел право к моему другу соваться со своими сплетнями? Ну что? Пожалел тебя Вовка? Так тебе и надо, паразит ты бессовестный! Я знаю, как твой дружок-педераст Паприков пил на свадьбе, чтобы ты сухим из воды вышел! Что же ты теперь выглядишь как мокрая курица? Как ты смел, низкая твоя душа, написать, что я с тобой после

свадьбы секс не имела? Уж не ты ли, педераст, с головой под одеяло прятался? Ты все мои шутки наизнанку вывернул и не постыдился на бумаге их изложить! Ты же не человек, ты — дьявол сумасшедший, психопат! Я тебя ненавижу, так и знай! Ты меня, гадёныш, до конца своих дней запомнишь за то, что ты жизнь мою растоптал, только чтобы разведённым числиться! Но больше тебе никто на крючок не попадётся, уж я постараюсь! И подохнешь ты один, как собака под забором! Будь ты проклят!

Сначала Гарик сидел багровый, глядя в одну точку. Потом встал и на цыпочках осторожно выскользнул из комнаты.

— Мамочка, успокойся! На тебе лица нет! — испугалась я.

— Ой, не могу больше, — стонала мама, — куда этот Шах проклятый пропал? Ведь скоро перерыв на обед, а его всё нет! Почему судья это позволяет? Ничего не понимаю!

В это время появился Шах, которого вместо получаса не было час. Зашли судья и Барбара. В зал проскользнул Гарик. Заседание продолжалось. Опять вызвали маму.

Гарик что-то шепнул Шаху. Тот громко заявил, чтобы меня выгнали, иначе мы с мамой будем в сговоре.

Я вышла в коридор. Перед дверью стоял телохранитель.

— Привет! — кивнула я ему. — Ну что? Защитил своего клиента? Спас ему жизнь?

Неподвижный телохранитель вдруг ожил и улыбнулся как нормальный человек.

— Такого маразма у меня ещё не было, — пожал плечами он. — Ты знаешь, кто я? Я у самых знаменитых кинозвёзд работаю. Мне платят больше, чем им. Но я хотя бы знаю, кого защищаю и от чего. А тут... сумасшедший какой-то! Он вообще не разговаривает. Я понятия не имею, от кого его надо защищать и о чём речь. Я даже в зал не пошёл.

— Тут я тебе помогу! — медоточиво проговорила я. — Ты защищаешь его от меня. Он думает, что я могу его убить. Вообще-то я бы с удовольствием на его могиле поплясала, но не так, чтобы из-за такого дерьма в тюрьму садиться.

— Я защищаю его от тебя?! — Телохранитель выпучил на меня глаза. — Вот псих! Я сразу понял, что он псих. Слушай, у меня такая вилла за городом, закачаешься! Поехали ко мне обедать!

«Если бы Гарик сейчас нас слышал, он бы умер!» — подумала я.

— Нет, не могу, — ответила я телохранителю, — я сегодня с мамой обедаю. — И тут же мысленно прокрутила вариант: я с ним обедаю, а

потом он сам Гарика и прихлопнет! Вот был бы номер! Шикарное получилось бы кино!

В это время меня позвали в зал. Видимо, судья попросил какой-то документ, потому что растерянная Барбара судорожно рылась в бумагах на столе, жалко улыбаясь судье, а мама, не мигая, смотрела на неё гневным взглядом.

Судья в нетерпении стукнул молотком по столу и заорал, что ему ждать надоело, что мы не подготовились и он объявляет перерыв на обед. Шах тут же заявил, чтоб после обеда он занят. Заседание перенесли на среду через два месяца.

Мама выскочила из-за стойки, где она давала показания, как фурия метнулась к столу Барбары, обвела глазами гору бумаг и тут же нашла нужный документ. По маминому лицу я поняла, что ей бы хотелось натывать им Барбаре в нос.

— Я прошу прощения! — пролепетала Барбара.

Пока мы копались, все ушли. Мы вышли в пустой коридор. Вдруг мама выронила сумку, схватилась за голову, зарыдала во весь голос и стала биться о стену.

— Я не могу больше! Что это за суд? Что это за адвокаты? Здесь все враги! Нет никакого правосудия! Все купленные и проданные! Ненавижу вас всех! Уйдите! Уйдите!

Откуда-то прибежал дежурный со стаканом воды. Перепуганные насмерть Барбара и я пытались напоить маму водой, а она билась, швыряла и кричала, кричала... Потом вся обмякла, оттолкнула Барбару и, ни на кого не глядя, пошатываясь и цепляясь за стены, пошла к выходу. Я, на ходу подбирая вещи, побежала за ней.

Так кончился дурацкий суд.

МАМА

Через два месяца, накануне нового заседания суда заболела Белка, которую решено было взять главным свидетелем обвинения. Я попросила Барбару перенести суд ещё раз. Она обещала мне позвонить.

Прошло два месяца. Барбара молчала. Когда я пыталась поймать её по телефону, она была вечно занята. Таня от неё уволилась. Контора Барбары переехала на Брайтон-Бич, поближе к русскоговорящим эмигрантам, которые за плохое знание английского языка расплачивались необходимостью обращаться к адвокатам, а значит — наличными.

Новая секретарша Барбары в ответ на мои настойчивые звонки отвечала что-то невразумительное. Прошёл ещё месяц моих бесплодных попыток добиться ответа.

Когда я позвонила в очередной раз из автомата на Брайтоне, секретарша ответила, что Барбары нет, она в суде. Без предупреждения я через пять минут была в конторе. Барбара была на месте, у неё сидел посетитель. Секретарша, увидев меня, зарылась в бумаги. Я демонстративно села напротив неё с соответствующим выражением на лице и уставилась ей прямо в глаза. Игра в «гляделки» продолжалась минут сорок. Секретарша ёрзала, роняла на пол карандаши, ручки, бумажки, а я сидела и нагло пялилась, рассматривая у неё на лице каждую веснушку.

Наконец посетитель вышел из кабинета. Я встала, всё так же не отрывая глаз от лица секретарши, сказала ей со стервозной улыбкой:

— Пожалуйста, помни меня и никогда больше не обманывай, я этого не люблю. Поняла?

Секретарша виновато кивнула, но по её лицу было видно, что она ничего не поняла и будет врать по-прежнему.

Барбара встретила меня шумными объятиями и поцелуями, с такой радостной улыбкой, как будто это была не я, а её покойная мать вернулась с того света! Однако на меня эта американская манера умирать от счастья, здороваясь, чтобы, не замедляя шаг, пройти дальше, уже давно не действует.

— Я пришла узнать, когда будет новое заседание, — перешла я сразу к делу.

Барбара удивлённо подняла брови.

— Ваше дело закрыто, — ошарашила она меня.

— Как закрыто? Почему?

— Судья рассердился, что мы всё время откладываем заседание, и закрыл дело.

— Ну, как же так? Почему Шах сто раз откладывал, а нас сразу наказали? Где справедливость?

Барбара пожала плечами.

— Я не хочу вас разочаровывать, но если вы ищете правосудия, то его, увы, нет! Посмотрите вокруг, убедитесь сами. Я это наблюдаю в суде достаточно часто. Нет худа без добра. Дело закрыто, но, открывая его заново, я имею право требовать нового судью. Старый, по-моему, был подкуплен.

— Господи, уже и судья подкуплен! Какое-то вшивое дело о шести тысячах оборачивается детективом с наёмными убийцами, подкупленным судьёй, любовными интригами и неразрешимыми загадками! Ну, просто кино, где к Ширли Макклейн, Дастину Хоффиану и Джеймсу Вуду прибавилась ещё Барбара Страйзенд!

— Мне все говорят, что я на неё похожа! — кокетливо улыбнулась Барбара. — Не надо отчаиваться, я сейчас же напишу протест и попытаюсь возобновить дело.

— Почему «сейчас же»? Почему не месяц назад? Почему вы мне ничего не сообщили? Ведь вы же обещали позвонить! Прошло столько времени! Мне ведь ещё надо в малый суд подавать за обручальное кольцо!

Барбара закрыла рот рукой и в ужасе уставилась на меня.

— Я очень виновата, — прошептала она.

— Что такое? — уже не зная, что думать, упавшим голосом спросила я.

— Раз ваше дело закрыли, вы могли тут же подать в малый суд, а я не сообразила вас предупредить! Мы потеряли три месяца зря. Это только моя вина. Простите меня! Мне страшно неудобно! А теперь мы будем открывать дело вновь, и сейчас подавать в малый суд нельзя. Я так виновата перед вами!

— Барбара! — вскричала я. — Я просто не знаю, что мне с вами делать? У меня уже в который раз впечатление, что вы в сговоре с Шахом. Гарик должен вам платить, вы его прекрасно обслуживаете! Почему я за свои деньги должна вас всё время прощать? Почему ваша дочка то болеет именно тогда, когда я прошу вас не говорить Шаху о моих планах, то ей назначают операцию именно в день моего суда? Да и есть ли она вообще, ваша дочка? Кто вам платит, хочу я знать, я или Гарик?

Злые слёзы полились у меня по щекам.

— Дорогая моя, не плачьте! Вы же знаете, как я к вам отношусь, —

Барбара взяла мою руку и крепко её сжала. — Я вам очень сочувствую и очень хочу помочь. Я приготовлю все бумаги на пересмотр дела. Вот увидите, мы победим! Не расстраивайтесь! Заходите ко мне через два дня, чтобы подписать заявление о возобновлении дела.

Я зашла через два дня, бумага на подпись была не готова. Та же история повторилась трижды. Барбара валила всё на нерадивую секретаршу, которая, в свою очередь, тайком шептала мне, что сама Барбара ей ничего не поручала. Мне надоело всё до тошноты. Я явилась в контору в очередной раз и, узнав, что заявление так и не составлено, села и объявила, что не уйду, пока его при мне не напишут.

Барбара протянула мне чистый лист бумаги.

— Мы же друзья, вы мне доверяете? Подпишите внизу, я впечатаю текст и пришлю вам копию.

Подписывать чистый лист бумаги — полный идиотизм, но я уже дошла, буквально, до ручки, и подписала.

Прошёл месяц. Никакой копии я не получила. Наконец я позвонила в контору и передала секретарю, что больше в их «услугах» я не нуждаюсь и хочу забрать документы, попросив приготовить их мне через два дня. После тщетных попыток по телефону добиться ответа, когда я могу забрать свои бумаги, терпение моё в который раз лопнуло, и я явилась в контору.

Увидев меня, Барбара выскочила из-за стола и бросилась мне навстречу.

— Я приготовила документы. Вы не помните, у меня было две папки или три?

— Три, — твёрдо сказала я, холодея от недоброго предчувствия.

— Я почему-то нашла только две. Вы уверены, что было три папки?

— Уверена. Ищите. Я подожду.

Барбара вместе с секретаршей перерыли всю контору. Третья папка бесследно исчезла.

— Может быть, она осталась у меня дома, позвоните мне завтра, я сегодня поищу, — виновато бубнила Барбара.

Мне хотелось её убить, а контору поджечь.

Ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц папка с документами не нашлась...

Искать четвёртого адвоката у меня не было никаких сил...

ДОЧКА

Недавно я спросила:

— Мама, почему ты так живёшь? Где твоя личная жизнь?

Мама кивнула на письменный стол.

— Вот она.

Я подошла ближе и увидела знакомый конверт из России.

— Письмо? От Славы? Можно почитать?

— Почитай. Оно интересное. Заодно скажи мне спасибо, что ты здесь, а не там.

— Это я и без письма знаю.

Я взяла письмо и стала читать.

31.10.93

Санкт-Петербург

Дорогая моя, привет!

Пишет тебе единственный на всей земле мужчина, которого ты всё время прощаешь, хотя и сердишься неимоверно, и которому ты пишешь письма, полные впечатлений, размышлений, надежд и трудноосуществимых планов!

Я до сих пор не могу придти в себя от твоего звонка по телефону. Я так был рад услышать твой голос. «Я послал тебе чёрную розу в бокале...» Это в душе после твоего звонка.

Да, я соглашусь с тем, что я единственный потребитель твоих размышлений о моей жизни, которая есть и которая может продолжаться, благодаря тебе! Я имею в виду твои многочисленные планы вытащить меня отсюда. Любая практичная баба не пошевелила бы и мизинцем, а ты только и «выдаёшь» мне то один план, то другой. За что?

Дружбой с тобой я очень горжусь, и всем моим знакомым хвастаюсь. Некоторые мне завидуют, другие спрашивают, что я ещё здесь делаю, третьи за многолетнюю дружбу с тобой предлагают мне поменять национальность при очередном обмене паспорта. Пока планы на будущее остаются туманными. В вихре твоей фантазии я оторвался от грешной земли и чуть было не улетел. Но прошло некоторое время, жизнь стала ещё жестче, я упал на эту же грешную землю и сломал остатки перьев.

Не могу удержаться, чтоб как-то не прокомментировать события, которые произошли 3–4 октября в Москве. Я так понимаю, что твои письма были написаны до этих событий, и ты не успела отреагировать. Ну, во-первых, все, что было — ужасно. Это наша трагедия. Очень горько, жалко всех, и ещё более стыдно.

Начну с 3 октября. Я в этот день пришёл к твоим дяде и тётке взять от тебя письмо. Было воскресенье. Дяди дома не было. Тётя угощала меня на кухне чаем и яблочной шарлоткой по твоему рецепту. Я вспомнил, как ты быстро и ловко готовила этот пирог к чаю, когда я приходил к тебе. Работал телевизор. И вдруг сообщили, что сторонники осаждённого Белого дома начали штурм мэрии. У меня и твоей тётки на лицах, кроме недоумения, ничего не отразилось.

Что было дальше? Очевидно, ты сама всё видела по репортажам CNN-TV.

Я три дня не мог прийти в себя. Кто мог подумать, что доживём до такого времени, когда в центре Москвы увидим среди бела дня расстрел людей из 125-миллиметровых пушек. Сотни убитых (официально объявлено 137 чел.), сотни раненых и чёрный дым.

На самом деле, на мой взгляд, жуткое началось потом. Почти вся интеллигенция, большей частью, театральная, поддерживала такой метод решения политических конфликтов. Я видел по TV, каким разъярённым был Эльдар Рязанов, который прибежал в студию и кричал: «Всех надо расстрелять, а ещё лучше повесить!»

«Позвольте, — спрашиваю я, — а где же «Небеса обетованные»? Где гуманизм, маэстро?»

Прихожу к мысли, что русский народ без авторитарной власти жить не может. Прошлые поколения возносили своих правителей, нынешнее поколение требует своего правителя. Пусть он какой угодно, но сегодня другого нет и не надо. Пусть все кругом грабят страну, но без богатых не обойтись. Пусть мы ничего не производим, но Запад нам поможет и т. д. и т. п.

У нас сейчас поют популярную песню, где есть такие слова: «Что же будет с родиной и с нами?»

Прости меня, дорогая, старого дурака, что в письме к женщине я «напрягаюсь» на политике. Что поделаешь? Моя душа больна тем, что у нас происходит. Обидно за всех и за себя, а просвета не видать.

Теперь о планах на будущее. Заманчивое путешествие ты мне предлагаешь. Самое привлекательное в нём — увидеть тебя. Но, увы, это удовольствие придётся отложить на более благоприятный

период моей жизни. Заграничный паспорт я получить не могу. Пока что наши дурные законы и порядки непоколебимы. Я тебя огорчил? Я сам не меньше тебя огорчаюсь, но через бюрократическую процедуру не перепрыгнешь, а счастье людей так зависимо. Но я повторяю написанную тобой фразу: «Никогда не говори никогда!»

На последней странице своего письма ты пишешь о своей «терпелке, которая не из железа», и своём взгляде на женское счастье. Это монолог женщины, достойный театральных подмостков европейской сцены. Я в восторге! Bravo! Честно и искренно!

И последнее впечатление.

Уходит 93-й год. Лето было холодным, осень тоже холодная. Недавно видел фильм «Холодное лето 53-го». Ты уже была к тому времени смышлёной девочкой и, возможно, многое помнишь. Год начался со смерти Сталина, затем политический переворот и расстрел в декабре Берию. И вот через 40 лет опять холодное лето, опять...

Политика — это очень сложно, а любовь — это очень трудно. Не будем искушаться на трогательные аналогии с великими людьми прошлого (П. Виардо и И.С. Тургенев, к примеру). Даст Бог, увидимся. А может, ты приедешь в Питер? Подумай!

Письмо получилось сумбурным, но оно для тебя. Возьми из него лучшее.

Обнимаю тебя. Целую.

Твой Слава.

— Слава, конечно, настоящий человек, — вздохнула я, — жаль, что он далеко.

— Тебе лишь бы мать сплавить! — перевела всё в шутку мама. — А Славку я всё равно вытащу!

МАМА

Таблетки от головной боли кончались быстрее, чем паста в шариковой ручке. За очередным рецептом по дороге на работу я зашла к своему доктору Елене.

— Привет! — встретили меня девочки-секретарши. — Давно тебя не было! Как дела? Как дочка?

— Дочка большая, того и гляди замуж выскочит.

— А что твой суд, кончился?

— Нет. Документы потеряли.

— Как потеряли? А что твой адвокат?

— Адвокат? Об этом расскажу анекдот. Мужик нашёл бутылку. Открыл, и из бутылки вылез джин. «Благодарю тебя, — сказал джин. — За то, что ты меня освободил, я выполню три твоих желания, но учти, что бы ты ни попросил, твоему адвокату я сделаю в два раза больше. Согласен?» — «Согласен, — сказал мужик. — Я хочу виллу на пляже». — «Раз. Но твоему адвокату я дам две виллы». — «Я хочу миллион долларов». — «Два. Но твоему адвокату я дам два миллиона. Заказывай третье, последнее желание». — «Отлично, — сказал мужик. — Избей меня до полусмерти!»

— Понятно, — засмеялись секретарши, — осталось только найти такого джина!

В это время появилась доктор Елена.

— Кого я вижу! А мы тут о тебе всю неделю говорили. Представляешь, пришёл ко мне пациент. Очень интеллигентный, симпатичный, культурный, между прочим, пожаловался на одиночество. Мы сразу о тебе вспомнили. Думаем, надо вас познакомить. Сразу было видно, что вы друг другу подходите. Дали ему твой телефон. Он так обрадовался, благодарил, обещал сразу позвонить. Это было в пятницу. А в субботу утром мне сообщили, что ночью он умер.

— Как умер? — ужаснулась я.

— Вот так. Острый инфаркт и моментальная смерть. Кошмар какой-то!

Взяв рецепт, я вышла на улицу. Из головы не шёл рассказ Елены о несчастном пациенте, таком симпатичном, который собирался мне позвонить. «Вот не везёт, — думала я по дороге на метро. — Могла познакомиться с хорошим человеком, а он взял и умер!»

Потом махнула рукой: «А может, оно и к лучшему!»

Я вошла в вагон поезда. Вокруг были хорошо знакомые лица,

слышалась русская речь, и Саша-трубач весело выводил знакомую мелодию:

*...И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт!*

ЭПИЛОГ

MAMA

08.12.96

Санкт-Петербург

«Я так спешу и так стараюсь,
Я падаю во сне и просыпаюсь...»

Милая моя, здравствуй!

Как всегда, я виноват (не помню, в который раз!) за долгое молчание, но прошу у тебя снисхождения. Вот уже несколько месяцев пытаюсь сочинить письмо о своей жизни и состоянии души, но ничего, кроме банальностей и плохой погоды последних месяцев, не пишется. Но я надеюсь, что, несмотря на моё недостойное поведение, писать ты не перестанешь. У тебя лёгкая рука и сама ты легкая на подъём, поэтому я уверен, что у тебя будет успех, как результат твоей свободы и умения без лишних колебаний сорваться с места и полететь! Спасибо тебе, дорогая, что ты по-прежнему внимательна ко мне, держишь меня в курсе своей жизни. Твои послания — символ несостоявшегося общения. Приходится с грустью говорить о символах вместо реальности.

А теперь о себе. Живу. Старею. Мечтаю. Как-то стал чаще осознавать, что жизнь почти прожита. Не хочется думать о том, что будет завтра. Знаю только одно — будет работа. Несколько раз пытался написать тебе письмо. Садился. Думал. Проклинал свою жизнь. Откладывал лист бумаги и ручку. Ничего в голову не лезло, кроме «чернухи».

Встаю утром, смотрю в зеркало и вижу лицо малознакомого человека. Пытаюсь прочитать в его глазах что-нибудь о себе. Но глаза тусклы и молчаливы. Губы сжаты, потому что говорить не хочется. Морщины на лбу напоминают мне, что человек в зеркале не молод, и линии их не отражают благополучие. Не хочется ни о чём его спрашивать. Даже стереотипное американское «Ты в порядке?» здесь кажется неуместным.

Да, я сам автор сценария своей собственной жизни и сам его единственный исполнитель. Были ли рядом другие герои? Были. И как на сцене, они отыграли свои роли и разошлись по домам. Осталось лишь кино моей памяти, а сценарий не переписать!

Может быть, теперь тебе не так интересно читать мои письма. Я часто думаю: что нас сейчас связывает? Далёкое прошлое общение? И да, и нет. Ты для меня и воспоминание молодости, и, прости за сравнение, духовная трубочка-аорта, через которую в меня

вливается живительная струйка твоей энергии, единственного близкого мне человека, и это хоть как-то поддерживает мой иллюзорный мир. Ты настоящая женщина, которая сохранила в себе огромную, тёплую душу и облако чувств, что можно встретить не часто. Разве не это привлекает к тебе людей разного возраста, и я в их числе, хотя для меня уже поздно! Теперь уже можно признаться, что я «опасности» для тебя не представляю. Я всего лишь одно из твоих воспоминаний и, смею надеяться, что приятное. Моя жизнь, в сравнении с твоей, не просто другая, а очень сильно другая, похожая на неизлечимую болезнь в старости. Не будем спрашивать «кто виноват?» и «что делать?». Так сложилось. Прошла моя 52-я осень. Осень — это всегда грустно, тем более что свою «болдинскую осень» я давно пережил. В мистику я не верю, но есть своя извилинка в потоке жизни, по которой мой маленький бумажный кораблик, цепляясь за берега, всё-таки плывёт. Всё хорошее и сладкое позади. Ничего не стоит прожитая жизнь, если рядом не бьётся женское сердце, а твоё, здоровое, не страдает.

Всё как-то печально получается. Знал, что будет невесело, поэтому так долго не писал тебе. Уверен, не такого письма ты от меня ждала. Прости, дорогая, в эпистолярном жанре я также не совершенен. Я не доволен собой и знаю чего и сколько я не умею и не познаю. Самоедство во мне сидит как кочерыжка.

Несколько слов о прошедшем лете. Отпуск я провёл, как всегда, в Карелии. Август и часть сентября. Лето было удивительное, тёплое и очень сухое. Тепло стояло долго. Последний раз я купался в озере 5-го сентября, чего не бывало никогда раньше. Обычно сентябрь в Карелии прохладный и дождливый. К сожалению, тёплое и сухое лето обернулось другой стороной — в лесу не было брусники и грибов. Моя душа разрывалась от бессилия перед стихией природы. Лес был бесплодным как несчастная женщина. Мама говорит, что во всём виноват високосный год и Ельцин. В чём-то она права. Такого насилия над природой и людьми в один год вряд ли можно выдержать.

Занимался я заготовкой на зиму дров для мамы, ведь у неё в доме печное русское отопление. Мама у меня просто молодец, сама справляется по дому, занимается огородом. Вырастила для меня огурцы, которые я с удовольствием засалил по собственному рецепту. Молю Бога, чтобы мама, единственный близкий и дорогой для меня здесь человек, была здорова, прожила как можно дольше, а я мог бы приезжать в родной дом.

А у меня теперь ещё один день рождения. Случилось так, что, приехав из отпуска, после работы, это была пятница, около 8 часов вечера, я зашёл в подъезд своего дома. Вместе со мной вошли двое парней, потом подошёл ещё один. Зашли в лифт. Двое приказали мне выйти. Я вышел, потом удар в висок и наступила полная темнота. Больше ничего не помню. Как мне рассказали потом соседи, я лежал на лестничной площадке в луже крови. Сначала соседи меня даже не узнали, посчитали, что чужой мужик валяется. Потом долго ждали милицию, ещё дольше «Скорую помощь». Я очнулся после укола, который сделал мне врач «Скорой». Ничего не видел, только слышал какие-то далёкие незнакомые голоса.

Операцию по трепанации черепа сделали на другой день. Двое суток лежал в реанимации. Слава Богу, организм мой оказался способным бороться. Через несколько дней я уже самостоятельно поползал до туалета. Через месяц меня выписали, теперь больше четырёх недель в наших больницах за бесплатно не держат. Самочувствие было ужасное, и физическое, и нервное. Голова болела круглые сутки. Мои друзья и знакомые, как могли, помогли мне. Через неделю меня снова отвезли в ту же больницу, только вместо нейрохирургического отделения положили в неврологическое. Там я пробыл ещё месяц. Заметно стало лучше. Вернулся домой. Две недели ходил в свою поликлинику. За эти месяцы я понял, что может быть со мной через десяток лет, когда я стану старым и больным. Это жестокая правда, но ей надо смотреть в глаза.

В ноябре я пошёл на работу. Я устал от лечения, от себя самого, от жизни и от всего, что меня окружает. Потихоньку вхожу в курс дела на работе. Не всё получается. Голова по-прежнему отдаёт тупой болью, и память стала неважная. Пью разные таблетки и хожу в поликлинику на процедуры.

Вот, дорогая моя, что я представляю собой на сегодняшний день. Врачи обещают, что к середине будущего года, при условии, что я пройду ещё один курс реабилитации, я смогу вернуться в своё прежнее состояние.

Что ещё тебе рассказать о нашей жизни? Какова наша жизнь в дважды демократической и рыночной России конца 90-х годов, ты знаешь, наверное, из ваших средств массовой информации. Политики, криминал, падение курса рубля, взлёт цен, невыплата заработной платы. Мы устали спорить и надеяться. Надоело. Воротит с души и душно пахнет. Лицедеи на своих местах. Кровь по-прежнему льётся.

Можно с уверенностью сказать, что вся эта мерзость нам гарантирована конституцией до конца века. Кто бы мог подумать, что так бесславно будет заканчиваться двадцатый век в России. Похоже, мы действительно «скифы» на всю оставшуюся жизнь. Весь ужас текущей жизни нужно видеть своими глазами. Сытая Москва и места, прилизанный Питер могут создать неверное впечатление. Что происходит в «глубинке» российских окраин, мало кто знает и мало кто хочет знать, потому что это невыгодно, неудобно и стыдно. Ужасно противно об этом писать тебе в другую страну, с другим социумом, но что ещё можно сказать о трети населения России, многие из которых отдали свои знания, усилия, интеллект и здоровье в замен на «ничто». Теперь они, то есть мы, не нужны, кто по возрасту, кто по состоянию здоровья, кто по ещё каким-либо причинам.

Я на своей работе в этом году получил зарплату всего два раза, хотя на работу я и мои сотрудники ходим, выполняем что можем, но оплачивать наш труд никто не хочет. Государственный заказ безденежный, и мы соответственно.

Культурная жизнь существует, но стала недоступной для большинства. У меня её нет, она перестала пересекаться с моей жизнью. Очень сожалею. Мой жизненный мир превратился в узкую полоску между работой и домом. Нигде больше не бываю.

Я смотрю на твои фотографии и радуюсь твоим улыбкам. Тобой можно смело украсить обложку любого журнала и не только журнала!

Ещё раз спасибо за твои белые и жёлтые конверты, которые ко мне прилетают. Жду их по-прежнему. Впереди Рождество, Новый год. Пожелаем друг другу что-нибудь очень хорошее. Может, увидимся еще на этом свете?

Я обнимаю и целую тебя.

Твой Слава.

ДОЧКА

— Мамочка! — подсела я к маме. — Я хочу тебе что-то сказать. Не пугайся, всё хорошо! Я познакомилась с таким мальчиком, что можно просто обалдеть!

— По-моему, ты уже обалдела, — обняла меня мама, — кто он? Что он? Какой он?

— Мама, он замечательный! С ним очень интересно! Он закончил колледж и работает в модной промышленности, в смысле, специалист по модной одежде. Ему двадцать семь лет, у него в ухе серёжка, а сзади коса!

— Это как раз то, о чём я для тебя всю жизнь мечтала: серёжка в ухе и коса на затылке!

— Мама, ты не понимаешь, он лучше всех!

— Хорошо, лишь бы тебе нравился.

— Мне очень нравится!

— На здоровье, только не торопись!

— Я не тороплюсь, а Сашка, мама, очень хороший, я даже про это сочинила стишок:

Я бываю противная,
временами плохая,
А, вообще, я хорошая
и почти что не злая!
Я капельку вруша
и немножко неряша,
Иногда я — не я,
а блатной парень Яша,
Я бываю грязнулей
или растеряшей,
Но я скоро исправлюсь,
потому что я с Сашей!

— Доченька, хоть бы ты была счастлива за двоих, за себя и за меня!

— Мамочка, — жалобно сказала я, — а если я замуж выйду, ты же у меня одна останешься!

— Не волнуйся, — улыбнулась мама, — я не одна, я с котом, правда, киска?

Киса подошёл к маме и потёрся об её ногу.

МАМА

Ещё вчера я за ручку водила дочку в детский сад, а сегодня закрутилась в свадебной суматохе, выдавая её замуж. Двадцать лет пролетели, как один день, и вдруг, оглядываясь назад, с изумлением осознаёшь, что ты уже не в России, а в Америке, что, устраиваясь на работу, произносишь старушечье слово «пенсия», а твоя маленькая доченька — молодая женщина, а сама ты — непонятно кто, с пионерским прошлым, буржуйским будущим, комсомольским энтузиазмом и бабушкиными болячками...

Свадьба — дело серьёзное и не простое. Все обязанности распределили между родителями жениха и невесты. Мне достался религиозный обряд, хупа. Самое главное в хупе — рабай, поэтому моя первая задача была найти такого рабая, чтобы все были довольны.

По цыганской почте я опрашивала родных и знакомых, они, в свою очередь, своих знакомых и родных. Наконец, мне позвонил приятель и, захлёбываясь от восторга, сообщил, что на свадьбе друзей видел такого рабая, что лучше не бывает. Молодой, красивый, поёт как соловей, да ещё и на скрипке играет. На следующий день я позвонила рабау, и вечером с дочкой и её женихом мы поехали договариваться.

Рабай жил на Брайтоне. На наш звонок дверь открылась. На пороге стоял румяный, улыбающийся «Дин Рид».

— Заходите, — сказал он, — проходите в гостиную.

Мы прошли в комнату, обставленную в лучших традициях вновь прибывших эмигрантов разнобоём со свалок, и кое-как разместились на том, что когда-то было диваном. Дин Рид принёс из кухни обшарпанную табуретку и сел напротив.

— Кто из вас невеста? — жизнерадостно спросил он, весело переводя взгляд с меня на дочку.

— Спасибо за комплимент, — отшутилась я, — давайте знакомиться. Я — без пяти минут тёща, а это — моя дочь и будущий зять.

— Очень приятно. Меня зовут Олег. Я — ребе. А это моя жена.

В гостиную томно вползла полуголая девица в шёлковой распашонке, которая заманчиво сползала с плеч, гостеприимно обнажая тощие прелести хозяйки. Мой будущий зять бросил на меня вопросительный взгляд, потом закатил глаза с видом терпеливого страдальца.

— Извините, я с постели, — промурлыкала ребеца, небрежно поправляя

растрёпанные кудряшки. — Олег, где выключалка от телевизора? — капризным тоном обратилась она к мужу.

— Сейчас! — услужливо вскочил рабай, кинулся в спальню и через секунду вернулся с переключателем.

— Спасибо, спокойной ночи! — сонно протянула ребеца и выплыла из гостиной.

Рабай проводил её восхищённым взглядом и вновь повернулся к нам.

— Итак, обсудим хупу. Я пою, играю на скрипке и обещаю вам, что всё будет очень хорошо!

Мы растерянно жались друг к другу. Больше всего хотелось уйти, но сделать это было как-то неудобно. Олег открыл потрёпанную книгу-тетрадь, записал все имена участников, тут же бойко переводя их на древнееврейский, объяснил порядок обряда и даже нарисовал план, где кому стоять и кому за кем идти. Всё легко, непринуждённо, с очаровательной улыбкой.

— Спасибо, мамочка! — чмокнула меня дочка.

— Спасибо, — буркнул будущий зять, клюнул носом в мою щёку, как бы целуя, и незаметно шепнул: «Вы уверены, что это — рабай?»

— До свидания! — радостно попрощался рабай и неожиданно расцеловал меня в обе щёки.

— Да что это? — ошарашено попятилась я, зная, что к рабаю нельзя прикасаться.

— Вас все целуют, и я решил не отставать! — ничуть не смутился рабай. — Увидимся на свадьбе!

На улице будущий зять облегчённо вздохнул и дал волю своему возмущению:

— Что это такое? Это рабай? А ребеца? Где вы их взяли?

— Я его нашла по рекомендации. Люди были очень довольны, — слабо защищалась я.

— Да бросьте вы! — вмешалась дочка. — Нормальный мужик! По крайней мере, не зануда! А ты что хочешь, — повернулась она к жениху, — ортодоксальную волюнку? Ты её первый не выдержишь! Ты что, такой религиозный?

— Я что? Я ничего! Мне, действительно, всё равно, — пожал плечами жених, — делайте, как хотите!

Свадьбу справляли в ресторане. Посредине круглого зала стоял белый воздушный шатёр-хупа, в цветах и лентах. Олег, в чёрном балахоне с белым орнаментом на рукавах, выглядел очень представительно. Около хупы на маленьком столике серебрился поднос и на нём бокал с красным вином.

Гости расселись по местам. Олег подал знак оркестру, и церемония началась...

Наш рабай пел, действительно, замечательно, сочным баритоном с переливами и руладами. Молитвы звучали на иврите загадочно и торжественно. Напутствие молодым рабай произнёс на страшной смеси русского и якобы английского.

— Я желаю вам «инжоить» эту «лайф», — сказал он, имея в виду «радоваться жизни», и заиграл на скрипке весёлую еврейскую плясовую. Новобрачные и гости пошли танцевать, а я, услышав русско-английскую тарабарщину, вспомнила телевизионную передачу, которую видела накануне. Репортёр опрашивал прохожих на Брайтоне, как они отмечают праздник Благодарения.

— Мы очень хорошо справляем «Сангвиник», — вместо Thanksgiving сказала одна дама. — Мы «кукаем турку» и получаем «инжой»! — что по-русски означало «готовим индейку и радуемся жизни». Как показал опыт, подобный языковой винегрет не понимают ни русские, ни американцы.

Я хихикнула себе под нос, а гости шумною толпой тискали новобрачных, целовали, обнимали и желали.

— Рабай изумительный! Какой голос! Какой красавец! Прекрасная хупа! — слышалось со всех сторон.

Весь вечер я направо и налево раздавала телефон Олега восхищённым гостям, которые на всякий случай хотели знать, как найти такого потрясающего рабая.

Свадьбу снимали кинокамерой, несколько копий я послала родственникам в Россию и Израиль.

Однажды в воскресенье дочка и зять пришли ко мне на обед. Мы только сели за стол, как раздался телефонный звонок. Звонила моя двоюродная сестра из Израйля.

— Безобразие! — без предисловий закричала она. — Я специально приеду в Америку и найду вашего рабая! Я ему все рёбра собственноручно переломаю!

— Почему? В чём дело? Не кричи! — взмолилась я.

— Вы там у себя в Америке полные идиоты, — бушевала сестра. — Вы же ничего не знаете! Вас морочат, а вам хоть бы хны!

— Да объясни толком! Что случилось?

— Ваш рабай — аферист, а ты — дура! Ты знаешь, что он вам пел?

— Свадебные молитвы! — удивилась я. — Что ещё поют на свадьбе?

— Какие молитвы? Вы же не понимаете ни слова на иврите! Он пел вам то, что поют в день поминовения мёртвых! Мелодии красивые, но слова к

свадьбе не имеют никакого отношения! Судя по всему, ваш рабай сам этого не знает, а поёт по бумажке, не понимая, что к чему! Вы все идиоты!

Дочка и зять, почуяв недоброе, отложили ложки и уставились мне в рот.

Сделав сладкую мину, я нежно проворковала:

— Спасибо, Верочка, обязательно передам, и тебе всего хорошего! — и быстренько положила трубку.

— Мама, что-то не так? — встревожено спросила дочка.

— Всё так, всё так! — весело прощепетала я. — Тётя Вера вас поздравляет и желает вам счастья! Мазл тов^[5], дети мои! Совет вам да любовь!

Примечания

О, горе (евр)

[\(<< back\)](#)

Вздохи и горе (евр)

[\(<< back\)](#)

Немного счастья (евр)

[\(<< back\)](#)

Неудачник (евр)

[\(<< back\)](#)

Желаю счастья (евр)

[\(<< back\)](#)

FB2 document info

Document ID: 1d5818ae-e4b1-4b31-9269-e3d48dc0b7fa

Document version: 1

Document creation date: 10 November 2014

Created using: FictionBook Editor Release 2.6.7 software

Document authors :

- дядя_Андрей

Document history:

1.0 — создание FB2 (дядя_Андрей)

About

This file was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.7.0.

(This book might contain copyrighted material, author of the converter bears no responsibility for it's usage)

Этот файл создан при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.7.0 написанного Lord KiRon.

(Эта книга может содержать материал который защищен авторским правом, автор конвертера не несет ответственности за его использование)

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>